ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ

изданный подъ редакціей заслужен. орд. проф. А. А. Кочубинскаго.

ОДЕССА.
„Экономическая" типографія, Почтовая, № 43.
1903.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ

изданный подъ редакціей заслужен. орд. проф. А. А. Кочубинскаго.

ОДЕССА.
«Экономическая» типографія, Почтовая, № 43.
1903.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Ректоръ *А. Н. Деревицкій*.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть оффиціальная.

Въ физико-математическій факультетъ ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго университета.

Ординарнаго профессора В. М. Репяхова.

Одобренная въ прошломъ году факультетомъ зоологическая тема для сочиненія на золотую медаль была предложена мною совмѣстно съ проф. Бучинскимъ, при чемъ я лично руководствовался слѣдующими соображеніями.

Въ современной зоологіи изслѣдованія анатомическаго и эмбріологическаго характера играютъ первостепенную роль, которая, однако, принадлежитъ имъ только тогда, когда они касаются не слишкомъ мелкихъ и не исключительно фактическихъ вопросовъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ морфологическая тема представляетъ значительныя неудобства для недостаточно подготовленнаго изслѣдователя, какимъ является студентъ даже высшихъ курсовъ, а стремленіе удовлетворительно разработать ее можетъ неблагопріятно отразиться на другихъ занятіяхъ этого студента, въ частности—даже на изученіи избранной имъ спеціальности.

Успѣхъ чисто морфологическихъ работъ находится въ сравнительно сильной зависимости отъ различныхъ случайностей, напр. отъ погоды и другихъ обстоятельствъ, вліяющихъ на правильное полученіе необходимаго матеріала. Эти случайности не могутъ быть вполнѣ устранены даже такими богатыми учрежденіями, какъ неаполитанская зоологическая станція, и пріобрѣтаютъ особое значеніе, когда въ довольно короткій срокъ необходимо произвести изслѣдованіе на одну опредѣленную тему.

Работы фаунистическія сводятся въ настоящее время главнымъ образомъ къ собиранію матерьяла для будущихъ обобщеній.

Кромѣ того онѣ требуютъ менѣе тонкихъ техническихъ пріемовъ изслѣдованія. По этимъ причинамъ онѣ гораздо удобнѣе для начинающаго.

Не имѣя обыковенно въ виду непосредственно способствовать разрѣшенію крупныхъ теоретическихъ вопросовъ, фаунистическія изслѣдованія даютъ, однако, возможность коснуться попутно многихъ интересныхъ анатомическихъ, экологическихъ и хорологическихъ явленій и обнаружить при этомъ кромѣ усердія—наблюдательность, способность къ объективному толкованію сообщаемыхъ фактовъ и критическое отношеніе къ существующимъ литературнымъ даннымъ.

Имѣя *въ общемъ* значеніе сыраго матеріяла, они не теряютъ интереса даже при значительной неполнотѣ, тогда какъ работы чисто морфологическія могутъ недостигать своей цѣли вслѣдствіе сравнительно немногочисленныхъ пробѣловъ въ предпринятыхъ наблюденіяхъ.

Спеціально изслѣдованіе аннелидъ одесской бухты представлялось благодарной темой потому, что до сихъ поръ въ зоологической литературѣ относительно кольчатыхъ червей, водящихся въ окрестностяхъ Одессы, существуютъ только весьма отрывочныя и скудныя данныя.

Изъ предыдущаго вытекаютъ тѣ требованія, которыя я считаю возможнымъ предъявить къ сочиненію на упомянутую тему: авторъ долженъ былъ представить не монографію кольчатыхъ червей Одесской бухты (на что потребовалось бы во всякомъ случаѣ нѣсколько лѣтъ труда), а лишь очеркъ аннелидной фауны названной мѣстности; ему нужно было произвести рядъ экскурсій, дать точныя опредѣленія найденныхъ видовъ, указать детально мѣста нахожденія и условія существованія послѣднихъ и, въ случаѣ надобности, исправить и дополнить существующія описанія и діагнозы.

Авторъ сочиненія съ девизомъ «ищите, и обрящете» вѣрно понялъ свою задачу. Онъ собралъ аннелидъ изъ различныхъ мѣстъ бухты и съ различныхъ глубинъ и тщательно (съ точки зрѣнія систематики) изслѣдовалъ найденныхъ животныхъ; онъ ознакомился съ главнѣйшими сочиненіями, касающимися систематики аннелидъ вообще и черноморскихъ—въ частности, а также съ болѣе мелкими статьями, трактующими объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ, изслѣдованныхъ и нашимъ

авторомъ, или близкихъ къ нимъ. Само собою разумѣется, что онъ не могъ собрать всѣхъ когда либо и гдѣ либо публикованныхъ описаній кольчатыхъ червей и даже, благодаря сравнительной бѣдности нашей университетской библіотеки, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторыхъ важныхъ работъ общаго характера, какъ напр. сочиненія *Malmgren'a* «Annulata Polychaeta Spitsbergiae, Grönlandiae, Islandiae et Skandinaviae». Въ такихъ случаяхъ авторъ, какъ онъ заявляетъ въ предисловіи къ своей статьѣ, заимствовалъ нужныя свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, пользуясь для этой цѣли сочиненіемъ *J. V. Carus'a* —«Prodromus faunae mediterraneae». Результаты своихъ наблюденій онъ сравнилъ съ показаніями другихъ ученыхъ, что дало ему возможность установить нѣсколько новыхъ видовъ, а по отношенію къ большинству такихъ, которые уже были найдены въ другихъ мѣстностяхъ,— сообщить рядъ новыхъ данныхъ. На основаніи послѣднихъ нашъ авторъ предлагаетъ мотивированныя поправки въ нѣкоторыхъ діагнозахъ и опредѣленіяхъ своихъ предшественниковъ (См. напр. родъ *Anaitis*, видъ *A. maculata*, видъ *Carobia tuberculata*, родъ *Spio*, видъ *Spio*, *decoratus* и др.). Наконецъ, воспользовавшись «Картой Одесскаго залива описи черноморской гидрографической экспедиціи 1881 года», авторъ разбираемаго сочиненія точно обозначилъ мѣста нахожденія отдѣльныхъ видовъ и указалъ при какихъ условіяхъ живутъ ихъ представители.

Наиболѣе подробно описаны одинъ (новый) видъ пектинаріи *(Lagis)* и *Spirorbis pusilla.*

Упомянутая пектинарія тожественна, повидимому, съ тою, которая была найдена Бобрецкимъ въ Севастопольской бухтѣ и которую этотъ ученый опредѣлилъ также какъ бывшіе въ его распоряженіи Одесскіе экземпляры, какъ *Pectinaria neapolitana* Clrpd = *Lagis Koreni* Mgrn. Подробнаго описанія этой формы Бобрецкій не далъ, а авторъ занимающаго насъ сочиненія указываетъ на цѣлый рядъ отличій изслѣдованныхъ имъ индивидуумовъ отъ животнаго, описаннаго Клапаредомъ и — въ особенности подробно — *de St. Joseph'омъ*; при этомъ онъ придаетъ большое значеніе особенностямъ задняго отдѣла тѣла («челнока»), такъ какъ признаки послѣдняго почти исключительно фигурируютъ въ діагнозѣ *L. Koreni (= Pectinaria neapolitana)*, и приходитъ къ заключенію, что черноморскую

Lagis нужно отнести къ новому виду, который онъ предлагаетъ назвать *L. pontica*. Однако онъ допускаетъ, повидимому, возможность ошибки (по моему очень невѣроятной) со стороны Маренцеллера, доказывающаго тожество *L. Koreni Mgrn.* и *Pectinaria neapolitana* Cprd., и полагаетъ, что въ такомъ случаѣ *L. pontica* можетъ оказаться тожественною съ *L. Koreni*, но не съ *Pectiparia neapolitana* Clprd.

Нашъ авторъ считаетъ провизорными и другіе свои новые виды (*Capitella proboscidea, C. verrucosa. Nerine fragilis*), на что указываютъ поставленные въ скобкахъ вопросительные знаки. Въ этомъ, мнѣ кажется, выражается похвальная осторожность автора, очевидно имѣющаго въ виду неизбѣжную неполноту своихъ литературныхъ свѣдѣній и допускающаго возможность такого недосмотра съ своей стороны, какіе встрѣчаются и въ трудахъ болѣе опытныхъ ученыхъ.

Описанію *Spirorbis pusillae* предпослано слѣдующее замѣчаніе. «Видъ этотъ былъ установленъ *Rathke* исключительно на основаніи формы его трубки (раковины). Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось пользоваться цитированнымъ выше сочиненіемъ *Grube*[1]), а потому не знаю, даетъ-ли этотъ авторъ описаніе самаго червя. Считаю поэтому не лишнимъ привести это описаніе цѣликомъ, сообразно съ современными требованіями, на сколько это мнѣ доступно на основаніи собственныхъ наблюденій». Приводимое затѣмъ описаніе можетъ быть полезнымъ для будущихъ изслѣдователей черноморскихъ *Spirorbis* и для сравненія ихъ съ представителями того же рода изъ другихъ мѣстностей.

Въ предисловіи къ разбираемой работѣ говорится, что болѣзнь лишила автора возможности работать весною и лѣтомъ и что первую экскурсію онъ могъ предпринять только послѣ 15 августа. Такимъ образомъ въ его распоряженіи находилось только четыре съ половиною мѣсяца, изъ которыхъ послѣдній былъ употребленъ на изготовленіе рукописи и таблицъ. Понятно, что экскурсируя болѣе продолжительное время, можно было бы найти и изслѣдовать бо̀льшее количество видовъ. Но этому обстоятельству я не придаю особаго значенія. Во-первыхъ, какъ было уже замѣчено выше, фаунистическія работы не теряютъ значенія вслѣдствіе своей неполноты; во-вторыхъ,

[1]) Ein Ausflug nach Triest und Quarnero. 1861.

полную картину фауны данной мѣстности можно получить только послѣ такихъ продолжительныхъ изысканій, какія лишь въ исключительныхъ случаяхъ могутъ производиться непрерывно однимъ лицомъ, и, во всякомъ случаѣ, значеніе фаунистическаго изслѣдованія не можетъ измѣряться количествомъ описанныхъ видовъ, которое въ значительной степени зависитъ отъ большаго или меньшаго богатства фауны данной мѣстности.

Поэтому, мнѣ кажется, мы можемъ вполнѣ удовлетвориться изслѣдованіемъ тѣхъ 22 видовъ, которые авторъ разбираемаго сочиненія нашелъ въ Одесской бухтѣ. Недостатокъ времени отразился, однако, неблагопріятно на изложеніи полученныхъ результатовъ: не говоря уже объ очевидныхъ пропускахъ и опискахъ, отмѣченныхъ мною на самой рукописи, и нѣкоторыхъ странныхъ выраженіяхъ въ родѣ «бугорки выторчатъ изъ подъ хитиновой дупликатуры», описанія и разсужденія автора иногда несовсѣмъ понятны—отчасти вслѣдствіе излишней краткости, съ которою они формулированы, отчасти вслѣдствіе недостаточной опредѣленности или недостаточной полноты ссылокъ на работы предшественниковъ. Благодаря послѣднему обстоятельству читатель часто вынужденъ дѣлать такія литературныя справки, отъ которыхъ его не трудно было бы избавить.

Приведу нѣсколько примѣровъ.

Непонятны безъ соотвѣтствующихъ литературныхъ справокъ замѣчанія о разграниченіи родовъ *Anaitis* и *Carobia*, а послѣ такихъ справокъ я прихожу къ заключенію, что вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ подраздѣленіи стариннаго рода *Phyllodoce* покуда слѣдуетъ оставить открытымъ и нахожу несправедливымъ упрекъ, посылаемый авторомъ *Marenzeller*'у и *de St. Joseph*'у.

Нашъ авторъ говоритъ: «можно, конечно... создать таки для формъ вродѣ *An. lineata* Clprd. особый родъ; но относить эту форму къ роду *Carobia* Qfgs, какъ это дѣлаютъ *Marenzeller* и *de St. Joseph*, значитъ дѣлать не меньшее расширеніе рода *Carobia*, игнорируя въ его характеристикѣ присутствіе пучка щетинокъ на первомъ (или первыхъ двухъ) сегментѣ, плюсъ нарушить пріоритетъ *Claparède*. «—Во-первыхъ, если бы въ данномъ случаѣ могла быть рѣчь о «нарушеніи пріоритета», то пріоритетъ Клапареда оказался бы нарушеннымъ *Langerhans*'омъ, а не *Marenzeller*'омъ и *de St. Joseph*'омъ. Въ самомъ дѣлѣ у *Claparède*'а (Suppl. p. 94) въ числѣ признаковъ, характерныхъ

для рода *Anaitis*, ясно указано положеніе перваго пучка щетинокъ на II (иногда слитомъ съ I) сегментѣ, несущимъ *третью* пару щуп. усиковъ, а по *Landerhaus*'у, которому въ этомъ отношеніи слѣдуетъ авторъ разбираемаго сочиненія, этотъ пучекъ долженъ помѣщаться у *Anaitis* (въ противуположность *Carobia*) на третьемъ сегментѣ, несущемъ *четвертую* пару щуп. усиковъ. Во-вторыхъ, діагнозъ рода *Carobia* у Маренцеллера совершенно сходенъ съ характеристикой *Anaitis* у Клапареда, и разногласіе между обоими учеными заключается не въ томъ, что одинъ и тотъ же видъ первый относитъ къ роду *Carobia*, а второй—къ *Anaitis*, а въ томъ, что для одного и того же рода *Claparède* употребляетъ названіе *Anaitis* (заимствованное у *Malmgren*'а), а *Marenzeller*—*Carobia* (заимствованное у *Quatrefages*'а). *Langerhans* и *de St. Joseph* сохраняютъ оба названія для двухъ различныхъ родовъ, причемъ каждый изъ этихъ родовъ оба они характеризуютъ одинаково. Въ третьихъ, положеніе перваго пучка щетинокъ у *A. lineata* Клапаредомъ *не* указано, но такъ какъ послѣдній составилъ окончательную характеристику рода *Anaitis* на основаніи изслѣдованія трехъ видовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и *A. lineata* Cprd., то слѣдуетъ думать, что и у этого послѣдняго вида положеніе перваго пучка щетинокъ такое же, какъ и у двухъ другихъ (*A. peremptoria* и *A. pusilla*), т. е. на сегментѣ несущемъ третью пару щупальцевыхъ усиковъ (что по *Marenzeller*'у, Langerhans'у и *de St. Joseph*'у—характерно для *Carobia*).—Нашъ авторъ, повидимому, не замѣтилъ, что Бобрецкимъ не доказано не только торжества его *A. lineata*, найденной въ Севастопольской бухтѣ, съ *A. lineata* Cprd., но и принадлежности первой къ роду *Anaitis* Cprd.: *Anaitis lineata* Bobr. (=*A. maculata* Pereyasl.) относится къ роду *Anaitis* Lngrh, и у него положеніе перваго пучка щетинокъ дѣйствительно иное, чѣмъ требуетъ діагнозъ рода *Carobia*, но ни *Murenzeller* ни *de St. Joseph* не имѣли въ виду черноморскихъ представителей.

Авторъ разбираемаго сочиненія предлагаетъ исключать изъ характеристики рода *Spio*, данной *Oersted*'омъ, слова «верхняя вѣтвь (параподій) вооружена вилкообразными щетинками *или* прямолинейными»: онъ считаетъ этотъ признакъ не существеннымъ и отсутствующимъ у цѣлаго ряда видовъ, «получившихъ въ родѣ *Spio* полное право гражданства, напр. *Spio Mecznikowianus* Clprd и др.», гдѣ верхнія вѣтви параподій содержатъ исключи-

тельно прямолинейныя щетинки. Противорѣчіе между данной *Oersted*'омъ характеристикой рода *Spio* и признаками *S. Mecznikowianus* существовало бы, мнѣ кажется, лишь въ томъ случаѣ, если бы вмѣсто подчеркнутаго мною *или* у *Oersted*'а стояло *и*.

Въ описаніи *Lagis pontica* говорится между прочимъ о придаткахъ втораго сегмента, по словамъ автора не упомянутыхъ и не изображенныхъ у *de St. Joseph*'а. Это—находящіяся съ брюшной стороны, подъ основаніемъ щупальцевыхъ усиковъ лопасти, одна—болѣе крупная, оваловидная и другая—болѣе мелкая, продолговатая. У *Lagis Koreni de St. Joseph* описываетъ у основанія щуп. усиковъ «un petit mamelon rond d'un blanc mat, du côté ventrale» (Ann. Sc. nat. 8 S. Zool. 5, 1898, p. 408) и изображаетъ этотъ «*mamelon*» на рис. 210. У читателя естественно возникаетъ вопросъ: не соотвѣтствуетъ ли послѣднее образованіе одной изъ лопастей, описанныхъ нашимъ авторомъ? Отвѣта въ занимающей насъ статьѣ мы не находимъ, а сравненіе показаній ея автора съ описаніемъ *de St. Joseph*'а затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ обоихъ сочиненіяхъ не достаетъ подробнаго объясненія рисунковъ при помощи обозначенія отдѣльныхъ частей послѣднихъ буквами.

По отношенію къ приводимымъ имъ діагнозамъ видовъ (и другихъ систематическихъ группъ) нашъ авторъ обыкновенно ясно указываетъ, составлены-ли эти діагнозы имъ самимъ на основаніи собственныхъ и чужихъ наблюденій, или онѣ представляютъ нѣсколько видоизмѣненныя старыя характеристики, или, наконецъ, цѣликомъ заимствованы изъ того или другого сочиненія. Но иногда онъ просто говоритъ: характеристика по такому то автору—выраженіе, которое можно понимать различно и которое въ разбираемой статьѣ дѣйствительно имѣетъ не всегда одинъ и тотъ же смыслъ, какъ это явствуетъ изъ сравненія діагнозъ *Praxilla collaris* Clprd. и *Polycirrus jubatus* Bobr. съ соотвѣтствующими мѣстами цитированныхъ при этомъ сочиненій Клапареда и Бобрецкаго.

Въ упрекъ автору можно поставить между прочимъ и то обстоятельство, что онъ совершенно игнорируетъ ранѣе него сдѣланныя наблюденія надъ аннелидами Одесской бухты, даже не упоминая о замѣткѣ Маркузина о фаунѣ Чернаго моря, помѣщенной въ трудахъ перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-П. Б. въ 1867 г. и — на нѣмецкомъ языкѣ — въ

Archiv für Naturgeschichte за тотъ же годъ. Въ этой статьѣ приводится 8 видовъ полихетъ (изъ нихъ одинъ видъ *Eteone* не опредѣленъ), найденныхъ у береговъ Одессы и принадлежащихъ, за исключеніемъ *Syllis monilaris* (и неопредѣленнаго вида *Eteone??*), къ числу тѣхъ 22, которыхъ изслѣдовалъ и нашъ авторъ. Правда, замѣтка Маркузена носитъ характеръ предварительнаго сообщенія и не содержитъ ни рисунковъ, ни описаній перечисляемыхъ видовъ; но указанія предшественниковъ на нахожденіе того или другаго вида въ данной мѣстности сами по себѣ имѣютъ значеніе для фаунистической работы.

Резюмируя все вышеизложеное, я прихожу къ заключенію, что авторъ сочиненія съ девизомъ «ищите, и обрящете» въ достаточной степени удовлетворилъ тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ и должны быть къ нему предъявлены, причемъ, имѣвъ возможность употребить на свою работу всего $4^1/_2$ мѣсяца, онъ обнаружилъ также замѣчательное усердіе и неутомимость; недостатки изложенія, къ которымъ главнымъ образомъ сводятся слабыя стороны работы, вѣроятно являются результатомъ того обстоятельства, что послѣ экскурсій и лабораторныхъ работъ на изготовленіе статьи оставалось мало времени. Не придавая этимъ недостаткамъ существеннаго значенія, я считалъ бы справедливымъ присужденіе автору золотой медали[1]).

Одесса, 2 апрѣля 1902 г.

---

[1]) По вскрытіи конверта оказалось, что сочиненіе это представлено студ. VIII сем. *С. Кушакевичемъ*.

II. Часть ученая.

Вопросъ о преподаваніи на юридическихъ факультетахъ въ русской печати въ 1901 г.

Орд. проф. П. Е. Казанскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1901 годъ останется надолго памятнымъ въ исторіи русскихъ университетовъ, благодаря тому необычайно живому разностороннему и глубокому обсужденію, которому были подвергнуты въ это время въ русской печати, въ совѣтахъ университетовъ и т. д. всѣ явленія университетскаго строя и университетской дѣятельности. Приэтомъ между взглядами, которые самостоятельно высказывались разными лицами и въ разныхъ случаяхъ, постоянно замѣчалось удивительное, неожиданное для многихъ согласіе. Русское общество, видимо, настолько созрѣло, что не только сознаетъ великое значеніе университетовъ для народной и государственной жизни, но и имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленныя возрѣнія на то, что и какъ должны они представлять собою? Это даетъ намъ право съ увѣренностью и спокойствіемъ смотрѣть впередъ. Какъ-бы ни были трудны обстоятельства и какъ-бы запутаны ни оказались отношенія, которыя могутъ выпасть на долю нашихъ высшихъ школъ, мы съумѣемъ, очевидно, преодолѣть ихъ, какъ преодолѣвали всякія иныя испытанія въ другихъ областяхъ государственной и общественной жизни Имперіи.

Коснулось это движеніе и юридическихъ факультетовъ; оно затронуло ихъ даже болѣе, чѣмъ остальные факультеты. Оно выдвинуло именно на обсужденіе, помимо общихъ университетскихъ вопросовъ, также самый больной вопросъ юридическихъ факультетовъ, вопросъ о постановкѣ преподаваніи права. Неудовлетворительность существовавшаго до послѣднаго времени порядка постоянно вызывала съ разныхъ сторонъ нападки на эти факультеты. Дѣйствительно, всѣ остальные факультеты, — одни ранѣе, другіе позже, — преобразовали свое традиціонное, доставшееся отъ Среднихъ Вѣковъ преподаваніе, согласовавъ его съ современнымъ уровнемъ знанія и съ чрезвычайно большими требованіями, которыя нынѣ предъявляются къ университетамъ обществомъ и государствомъ. Юридическій факультетъ оставался до послѣдняго времени сравнительно мало затронутымъ общимъ подъемомъ образовательнаго призванія университетовъ. Но пришла пора и ему подумать о болѣе широкой и научной постановкѣ преподаванія. Уже спрашивали: «Быть или не быть юридическимъ факультетамъ?» Указывали на то, что экстерны, не учившіеся на юридическихъ факультетахъ, сдаютъ въ государственныхъ коммиссіяхъ экзамены не хуже студентовъ, на образованіе которыхъ государство тратитъ такія громадныя средства. Для того, чтобы быть — факультеты должны были расширить, углубить и одухотворить учебное дѣло, согласовать его съ выросшими, ставшими гораздо болѣе серьезными, разносторонними и глубокими требованіями жизни, возвысить свое учебно-научное значеніе. И за послѣдніе годы они рѣшительно приступили къ этому. Не надо никогда забывать, что юридическіе факультеты также являются частями великаго цѣлаго — universitas litterarum.

Понятно, поэтому, что стоило громко заговорить о необходимости реформы преподаванія на юридическихъ факуль-

тетахъ, чтобы вызвать цѣлое движеніе въ русской печати... Значеніе послѣдняго чрезвычайно увеличилось въ особенности тѣмъ, что вопросомъ заинтересовались и въ офиціальныхъ сферахъ и предприняли изученіе его въ порядкѣ должностныхъ опросовъ, совѣщаній и пр. Оставляя совершенно въ сторонѣ, — какъ это я дѣлалъ и раньше, — эту вторую, весьма важную половину дѣла, попробуемъ подвести итогъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя высказывались въ русской печати въ 1901 г. относительно постановки преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Приэтомъ будемъ имѣть въ виду не только статьи, непосредственно посвященныя этому вопросу, но и статьи объ университетскомъ преподаваніи вообще, потому именно, что весь вопросъ объ этомъ послѣднемъ обсуждался постоянно, главнымъ образомъ, въ виду состоянія дѣла на юридическихъ факультетахъ.

Мы остановимся только на томъ, что говорилось въ 1901 г. и относительно современнаго положенія дѣла въ русскихъ университетахъ. Данныя по исторіи можно найти въ трудахъ другихъ лицъ, занимавшихся тѣмъ-же вопросомъ, а отчасти и въ нашей первой брошюрѣ. Причемъ вопросы образованія, нерѣдко еще болѣе важные и сложные, чѣмъ вопросы собственно преподаванія, оставимъ пока также въ сторонѣ. Поэтому мы не будемъ излагать содержанія многихъ весьма примѣчательныхъ трудовъ, разобрать которые поставили-бы своей обязанностью при другихъ условіяхъ, напр., работы покойнаго К. П. Яновскаго, Мысли о воспитаніи и обученіи. Спб. 1900. Мы оставимъ также въ сторонѣ и то, какъ тотъ-же самый вопросъ обсуждался и обсуждается въ Германіи и вообще на Западѣ. Все это прекрасно освѣщено въ статьяхъ академика Ив. Ив. Янжула, проф. В. В. Есипова, г. Д. Бородина и особенно проф. С. И. Живаго. Прошлое и настоящее германскихъ юридическихъ

факультетовъ рисуется въ статьяхъ этихъ лицъ совершенно въ томъ-же духѣ, какъ и извѣстное намъ состояніе русскихъ юридическихъ факультетовъ, а предлагаемыя улучшенія дѣйствующаго у насъ порядка въ значительной мѣрѣ вдохновляются, какъ извѣстно, тѣми преобразованіями, которыя уже отчасти произошли, хотя и очень недавно, въ Германіи. Не мѣшаетъ, однако, оговориться, что и наше настоящее быстро становится прошедшимъ, благодаря тѣмъ рѣшительнымъ мѣрамъ, которыя были приняты всѣми русскими юридическими факультетами къ расширенію пріемовъ преподаванія, къ введенію рядомъ съ чтеніемъ лекцій — практическихъ занятій и къ замѣнѣ такимъ образомъ лекціонной системы — системой сложной.

Мнѣ казалось полезнымъ собрать во едино высказывавшіяся разными лицами мнѣнія и сохранить ихъ для будущаго въ одномъ сборникѣ. Безъ этого большинство изъ нихъ затерялось-бы, несомнѣнно, въ безчисленныхъ номерахъ разныхъ повременныхъ изданій. Даже для меня было крайне трудно найти нѣкоторыя статьи. Между тѣмъ въ нихъ высказано было нерѣдко много важнаго и интереснаго, подано много цѣнныхъ совѣтовъ и указаній. Во всякомъ случаѣ, нельзя не отнестись съ величайшимъ уваженіемъ къ труду, который совершенно добровольно приняли на себя приэтомъ разныя лица, и къ горячей любви къ дѣлу русскаго народнаго просвѣщенія, которую многіе обнаружили. Кромѣ того, мнѣ казалось вообще интереснымъ оставить на память будущимъ поколѣніямъ возможно полную картину того, какъ въ русской печати велась борьба за и противъ расширенія факультетскаго преподаванія. Она представляетъ собой интересный эпизодъ не только изъ исторіи нашихъ университетовъ, но и изъ исторіи современной русской образованности вообще. Подобные своды разныхъ отзывовъ и мнѣній были-бы полезны, думается, и относительно

многихъ другихъ вопросовъ, подвергавшихся общему обсужденію въ нашей повременной печати. Наша печать заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ то, которое къ ней, обыкновенно, проявляютъ.

Знакомство со статьями и книжками 1901 г. оставляетъ бодрое и свѣтлое впечатлѣніе. Просматривая снова все, что было мною постепенно отложено для этой брошюры, я съ удовольствіемъ вижу, что и по этому вопросу между мнѣніями разныхъ лицъ гораздо болѣе общаго, чѣмъ можно было ожидать. Причемъ это касается не только общихъ основаній всего дѣла, но и отдѣльныхъ его подробностей. Согласіе это тѣмъ болѣе удивительно, что, какъ извѣстно, изъ всѣхъ вопросовъ университетской реформы самую оживленную полемику вызвалъ именно вопросъ о реформѣ юридическаго преподаванія. Онъ вызвалъ и всего больше статей, спеціально посвященныхъ ему. Полемика эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ приняла весьма непривлекательный видъ... Наша юридическая критика — еще очень молодое растеньице, но у нея имѣются уже извѣстныя традиціи объективнаго, научнаго отношенія къ разбираемымъ произведеніямъ, достойнаго, «академическаго» тона и пр. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя лица, участвовавшія въ полемикѣ 1901 г., не уяснили себѣ, что какъ-бы ни былъ важенъ извѣстный вопросъ, его не только можно, но и должно обсуждать по существу, не прибѣгая къ искаженію мнѣній своихъ литературныхъ противниковъ, къ рѣзкостямъ, инсинуаціямъ и зубоскальству, къ писанію анонимныхъ пасквилей... Никакая новая мысль не можетъ, конечно, пройти въ жизнь, не встрѣтивъ сопротивленія со стороны представителей существующихъ отношеній, но возможно-ли защищать послѣднія — всѣми средствами? Въ особенности прискорбно, что противники реформы не постѣснились прибѣгнуть къ распространенію, говоря словами одного изъ нихъ, «ложныхъ

фактовъ». Въ то время, какъ предлагалось сдѣлать преподаваніе болѣе широкимъ и научнымъ, нѣкоторыя, къ счастью очень немногія, лица стали утверждать, что предлагаютъ перестроить аудиторіи въ канцеляріи и учить студентовъ писать исходящія и входящія бумаги и т. п. вздоръ. Послѣднюю сторону дѣла мы, по возможности, оставимъ въ сторонѣ. Полемика придала-бы, несомнѣнно, болѣе живости настоящей книгѣ, но послѣдняя предназначается не для того, чтобы увеселять или возбуждать кого-либо. Я составилъ ее для тѣхъ лицъ, которыя, будучи дѣйствительно преданы русскимъ университетамъ, пожелали-бы спокойно, внимательно и доброжелательно разсмотрѣть и взвѣсить все то, что писалось по вопросу столькими и нерѣдко столь авторитетными лицами.

Не будемъ, поэтому, преувеличивать согласія мнѣній. Явились хвалители рутинныхъ порядковъ. Другіе выступили за преобразованіе ихъ. Предложенія, дѣлавшіяся разными лицами для улучшенія старинныхъ пріемовъ преподаванія, оказались далеко не всегда тождественными. Поэтому никакъ нельзя приписывать одному автору мнѣній, которыя были высказываемы другимъ. Тѣмъ болѣе, конечно, нельзя никому ставить въ вину чужаго образа дѣйствія. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о реформѣ юридическаго преподаванія одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ и должны быть обсуждаемы независимо отъ смѣны отдѣльныхъ лицъ, независимо отъ смѣны даже политическихъ направленій. Это — въ высокой степени — народный и государственный вопросъ постояннаго значенія. Интересоваться имъ возможно не только съ точки зрѣнія официальной, но и совершенно частной, особенно профессорамъ этихъ самыхъ юридическихъ факультетовъ.

Мы приведемъ здѣсь все, что имѣетъ какое-либо значеніе. Вопросъ о возрожденіи юридическихъ факульте-

тетовъ представляетъ общее дѣло и всѣхъ слѣдуетъ выслушать съ извѣстной долей вниманія [1]). Разрѣшенъ онъ можетъ быть, какъ мы уже не разъ замѣчали, лишь постепенно, путемъ коллективнаго труда, путемъ обмѣна мнѣній между свѣдущими лицами, работой цѣлаго ряда ученыхъ и учителей права. Предлагаемая книжка есть, поэтому, скорѣе сборникъ мнѣній разныхъ лицъ, чѣмъ цѣльное изслѣдованіе. Конечно, въ виду такого содержанія

[1]) Единственное спеціальное произведеніе 1901 г., котораго я не коснусь въ дальнѣйшемъ, — анонимная брошюра подъ заглавіемъ «Замѣтки читателя по поводу брошюры П. Казанскаго». Брошюра эта не содержитъ въ себѣ ровно ничего о постановкѣ преподаванія юридическихъ наукъ. Ея единственное содержаніе — улавливаніе противорѣчій между разными фразами моей книги. Сочинитель этого произведенія никакъ не можетъ разобраться въ томъ, что говорится въ ней, и чистосердечно сознается въ этомъ. «Вотъ тутъ вы и разберитесь среди противорѣчій автора!», восклицаетъ анонимъ. «Довольно. Мы положительно устали въ погонѣ за тѣмъ Протеемъ, какимъ является для насъ мысль автора». Для того, чтобы показать, что это за произведеніе, перепечатываемъ начало его (всего съ заглавными листами брошюра содержитъ 19 страницъ, напечатанныхъ такимъ крупнымъ шрифтомъ, что ихъ смѣло можно было-бы умѣстить на 4—5).

«Давно занимаясь труднымъ и сложнымъ вопросомъ, выписаннымъ въ заглавіи брошюры г. Казанскаго, мы не могли не отнестись къ ней съ живѣйшимъ интересомъ, усугублявшимся еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что мысли о реформѣ преподаванія являются обыкновенно плодомъ долговременнаго опыта и наблюденія, почему работы на эту тему принадлежатъ почти всегда — въ особенности заграницей — перу старыхъ преподавателей. Между тѣмъ намъ извѣстно, что г. Казанскій, не смотря на достиженіе имъ высшихъ степеней въ профессорской карьерѣ, принадлежитъ къ числу наиболѣе молодыхъ преподавателей русскихъ университетовъ. Посмотримъ, думали мы, чему научитъ молодежь насъ, стариковъ, и какъ рѣшаетъ она тѣ вопросы, которые намъ кажутся столь сложными. Извѣстно, вѣдь, что молодежь смѣлѣе старости и что молодой энтузіазмъ и молодое довѣріе къ своимъ силамъ плодотворнѣе, чѣмъ старческая осторожность и скептицизмъ. Съ другой стороны, имя автора, внесшаго, какъ извѣстно, много печатнаго матеріала въ сокровищницу русской научной литературы и стоящаго на пути къ тому, чтобы заслужить названіе русскаго Кальво, ручалось намъ за то, что

ея, имѣются нѣкоторая отрывочность изложенія и несоотвѣтствіе въ размѣрахъ отдѣльныхъ ея частей. Это не можетъ особенно повредить ея интересу и значенію. Разныя мнѣнія мы располагаемъ приблизительно въ томъ порядкѣ вопросовъ, который былъ принятъ въ брошюрѣ: «Къ вопросу о постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ» Отдѣльныя мысли приводятся подлинными словами авторовъ. Курсивъ всюду нашъ. Мы внимательно слѣдили за

мы не потеряемъ напрасно времени, употребленнаго на прочтеніе брошюры г. Казанскаго.

«Однако, съ первыхъ-же страницъ мы пришли къ непріятному сознанію, что почтенный авторъ не уяснилъ себѣ нѣкоторыхъ основныхъ понятій, необходимыхъ для дальнѣйшихъ его логическихъ построеній. Ужъ, конечно, прежде всего авторъ долженъ былъ выяснить себѣ свой взглядъ на юридическій факультетъ, какъ школу, и на характеръ науки права. На стр. 7 мы узнаемъ, что «юридическій факультетъ есть школа прикладныхъ знаній, притомъ знаній высшаго порядка и чрезвычайной важности». Не далѣе, однако, какъ на стр. 9, авторъ уже, очевидно, успѣвъ измѣнить свой взглядъ, поучаетъ насъ, что «задача высшаго юридическаго образованія — общая, преимущественно, хотя и не исключительно, теоретическая подготовка молодаго юриста въ области его будущей особливой (?) работы». Но на стр. 12 опять говорится, что при помощи практическихъ занятій «учащійся выяснитъ себѣ дѣйствительное значеніе науки права, какъ науки прикладной». Казалось-бы, что наука прикладная и должна быть преподаваема преимущественно и главнымъ образомъ практически. Но авторъ держится противоположнаго взгляда: на стр. 55 и 56 авторъ, соглашаясь съ лозунгомъ, выставленнымъ г. Загоровскимъ («практика для теоріи, а не теорія для практики»), снова весьма настойчиво проводитъ мысль о томъ, что задачею преподаванія права должна быть прежде всего солидная теоретическая подготовка молодыхъ юристовъ. Этого противорѣчія авторъ положительно не сознаетъ. И далѣе на стр. 57 мы узнаемъ опять, что наука права — прикладная наука; между тѣмъ на предъидущей 56 стр. авторъ сочувственно приводитъ слова Листа, согласно которому систематическія (т. е. теоретическія) чтенія требуются особымъ характеромъ науки права, значеніемъ логическаго элемента при юридическомъ образованіи понятій, вслѣдствіе чего обойтись безъ такихъ чтеній, ограничившись одними практическими свѣдѣніями, совершенно невозможно.

всѣмъ, что появлялось по интересующему насъ уже болѣе 10 лѣтъ вопросу, и старались собрать все болѣе, или менѣе важное. Конечно, мы не могли сгруппировать безусловно всего, но тотъ матеріалъ, который представляется читателю въ этой книжкѣ, долженъ дать, какъ мнѣ кажется, достаточно полное понятіе о мнѣніяхъ, высказывавшихся съ разныхъ сторонъ. Въ обсужденіи вопроса приняли участіе многія весьма видныя лица изъ научныхъ и журнальныхъ силъ. Отозвались не только крупные органы печати, но и разныя провинціальныя изданія. Рядомъ со статьями появились и отдѣльныя книжки[2]). Я стараюсь приводить мнѣнія

«Приходится признать, что авторъ не выяснилъ себѣ вполнѣ характера науки права и задачъ ея преподаванія. Полагаемъ, однако, что это основные вопросы для того, кто берется судить о реформѣ преподаванія. Каково-же будетъ то зданіе, которое авторъ возведетъ на столь непрочномъ фундаментѣ?»

Ограничиваемся этой перепечаткой, такъ какъ совершенно не стоитъ болѣе утруждать читателей. Все остальное въ томъже духѣ и въ такой-же формѣ. Это анонимное произведеніе представляетъ собой образецъ тупаго и скучнаго пасквиля. Объяснять, что не только чистыя, но и прикладныя науки могутъ быть изучаемы теоретически, надобности, конечно, не представляется, какъ нѣтъ надобности объяснять и то, гдѣ собственно слѣдуетъ искать источникъ недоразумѣній анонима.

[2]) Мы сокращенно сводимъ въ дальнѣйшемъ содержаніе преимущественно слѣдующихъ статей и книжекъ (располагаемъ ихъ въ азбучномъ порядкѣ):

Вл. А—въ, О задачахъ и постановкѣ высшаго юридическаго образованія въ Россіи.—Юрид Газета. 1901. № 15 (Подробное изложеніе содержанія нашей брошюры).

Д. Бородинъ, Быть или не быть юридическимъ факультетамъ?—Новости. 1901. №№ 209, 216, 225.

А. Брагинъ, Еще о высшей школѣ.—Спб. Вѣд. 1901. № 291.

Варшавское Юридическое Общество.—Докладъ профессора В. Есипова. См. ниже.

П Виноградовъ, Учебное дѣло въ нашихъ университетахъ.—Вѣстникъ Европы. 1901. Октябрь.

А. Вольскій, Высшая школа.—Спб. Вѣд. 1901. № 270.

Вѣстникъ Воспитанія. 1901. Сентябрь.— Мнѣнія періо-

отдѣльныхъ лицъ возможно полнѣе. Особенно обширны ссылки на работы профессоровъ Виноградова, Живаго, Симоненко, Янжула. Но, все-таки, нерѣдко нельзя было привести ихъ мысли такъ полно, какъ-бы слѣдовало, и поэтому я не могу достаточно рекомендовать непосредственное знакомство съ ихъ трудами.

Своихъ собственныхъ воззрѣній я, по возможности, уже не буду подробно развивать, тѣмъ болѣе, что многіе изъ

дической печати о предстоящей реформѣ университетовъ. С. 112—153.

В. Гессенъ, Отзывъ о нашей брошюрѣ, невѣрно передающій ея содержаніе. — Журналъ Министерства Юстиціи. 1901. Мартъ.

В. Гессенъ, О преподаваніи на юридическихъ факультетахъ.— Право. 1901. №№ 18, 19. Статья «по поводу» нашей брошюры, невѣрно толкующая ее.

В. Грибовскій, Старовѣрство и доктринерство въ университетскомъ строѣ. — Нов. Вр. 1901. №№ 9096 и 9094.

Ермиловъ. Нужны ли лекціи? — Курьеръ. 1900 г. 28 Декабря.

В. Есиповъ, Практическія занятія по юридич. наукамъ. — Варш. Дневникъ. 29 Апрѣля. 1901.

В. Есиповъ, О преподаваніи права. Варшава. 1901.

С. П. Живаго, Академическая свобода и новый прусскій законопроектъ о реформѣ преподаванія права на юридическихъ факультетахъ. — Право. 1902. №№ 19, 20 и 21.

С. И. Живаго, Задачи университетскаго преподаванія права въ Германіи. — Ж. М. Ю. 1902. № 2, С. 127—161. № 3, С. 117—179. № 4, С. 142—202 № 5, С. 115—149.

С. И. Живаго, Академическая свобода въ германскихъ университетахъ. — Вѣстникъ Европы. 1901. Декабрь. С. 469—532.

Z. Практическія занятія на юридическихъ факультетахъ.— Спб. Вѣд. 1901. № 310.

А. Загоровскій, Къ вопросу о постановкѣ практическихъ занятій на юрид. факультетахъ. — Спб. Вѣд. 1902. № 16.

А. Загоровскій, По поводу нѣкоторыхъ студенческихъ кружковъ съ научными цѣлями. — Одес. Лист. 1901. №№ 297, 299.

В. Заленскій, Замѣтка по поводу университетскихъ преобразованій. — Спб. Вѣд. 1901. № 286.

Е. Клименко, Къ вопросу объ университетской реформѣ.— Спб. Вѣд 1901. № 285.

А Коротневъ, Университетскія пособія. — Спб. Вѣд. 1901. 13 Іюня.

писавшихъ, съ ссылками или безъ ссылокъ, перефразируютъ, а то и прямо буквально повторяютъ мои положенія. Я оставлю также, насколько возможно, въ сторонѣ, какъ было уже замѣчено, полемику, которая велась собственно противъ разныхъ подробностей предлагаемой реформы, даже тѣ случаи, когда онѣ были совершенно ложно истолкованы и искажены. Лица, которыя съ такимъ необычайнымъ стараніемъ пытались, во что бы то ни стало, представить въ

В. И. Курдюмовъ (Встрѣчи). — Новости. 1901. № 124.

М. Левитскій, Къ вопросу о лекціонной системѣ и практическихъ занятіяхъ въ нашихъ университетахъ. — Русскія Вѣдомости. 1901. № 209.

А. Люблинскій, О юридическихъ клиникахъ. — Ж. М. Ю. 1901. № 1. С. 175 — 181.

Н. К., Лекціонная система и практическія занятія въ университетахъ. — Спб. Вѣд. 1900. 17 Декабря.

Л. Нислаевичъ, Къ вопросу объ университетской реформѣ.— Россія. 1901. 1 и 2 Іюня.

Новое Время. 1901 г. 7 Февраля — Отзывъ о нашей брошюрѣ.

Петербургское Юридическое Общество. — Право. 1901. № 19. Вышеуказанный докладъ г. Гессена «по поводу» нашей книги.

Проф. Петражицкій, Къ университетской реформѣ.—Россія. 1901. №№ 746, 748, 750, 754, 755. Первыя статьи подписаны: Профессоръ. Въ послѣднихъ псевдонимъ былъ раскрытъ.

Л. Петражицкій, Квинтэссенція университетскаго вопроса.— Петербургскія Вѣдомости. 1901. №№ 125, 123 и др. Подписано: servus scientiae.

Л. Петражицкій, Къ вопросу о реформѣ университетскаго преподаванія. — Право. 1961. №№ 24, 25, 26, 27, 28.

Л. Петражицкій, Смѣшанныя системы университетскаго преподаванія.—Право. 1901. №№ 29, 31, 32.

Профессоръ. Къ университетской реформѣ. — Право. 1901. № 21.

Ал. Пиленко, Книга и живое слово въ университетскомъ преподаваніи.—Нов. Вр. 1901. 31 Мая.

В. Розановъ, Изъ бесѣдъ съ профессоромъ. — Нов. Время. 1901. №№ 9168, 9172, 9173, 9176, 9178 (окончаніе не появилось).

Р. С—кій, Практическія занятія. — Россія. 1901. №№ 941 и 945.

А. Романовичъ-Славатинскій, Лекціи, или практическія занятія? — Россія. 1901. № 780.

невѣрномъ свѣтѣ содержаніе моей книги, повидимому, вполнѣ удовлеторились нравоученіемъ, которое пришлось дать имъ годъ тому назадъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Намъ близко одно желаніе — поддержать при помощи этого сборника движеніе въ пользу возрожденія преподаванія на юридическихъ факультетахъ [3]).

А. Романовичъ-Славатинскій, Суровый критикъ. — Россія. 1901. № 934.

А. Романовичъ-Славатинскій, Предметные или курсовые экзамены?—Россія. 1901. № 953.

П. Рудченко, Письмо въ редакцію.—Россія. 12 Декабря. 1901.

Гр. Ѳ. Симоненко, Возможно-ли возрожденіе нашихъ университетовъ? — Нов. Вр. 1901. №№ 9118, 9119, 9121.

Гр. Ѳ. Симоненко, Возможно-ли возрожденіе нашихъ университетовъ при сохраненіи въ нихъ нынѣшней системы преподаванія? Варшава. 1901.

С—кій, Отзывъ о нашей книгѣ въ Вѣстникѣ Воспитанія. 1901. № 2. С. 15—21.

Е. Славковъ, Предметные экзамены. — Россія. 1901. № 961.

И. Смирновъ, Университетскія практическія занятія. — Россія. 1901. № 775.

И. Смирновъ, Печать о реформѣ университета. — Казанскій Телеграфъ. 1901. № 2642.

Г. Сліозбергъ, Къ вопросу о реформѣ юридическаго образованія.—Вѣстникъ Права. 1901. Апрѣль—Май. С. 268—285.

М. М. Филипповъ, Реформа университетовъ и гимназій. Спб. 1901.

Харьковское Юридическое Общество. Докладъ проф. Н. О. Куплеваскаго относительно моей книги. — Юридическая Газета. 1901. № 31.

Ал. Черк—овъ, Еще о практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ.—Спб. Вѣд. 1901. № 53.

А. Черк—овъ, Практическія занятія на юридическихъ факультетахъ. — Спб. Вѣд. 1901. № 16.

Юридическая Газета. 1901. 19 Августа.— Преподаваніе краснорѣчія (передовая).

Я. Яковлевъ, Лекціонная система и практическія занятія.— Южное Обозрѣніе. 1901. 18 Іюня.

И. И. Янжулъ (Встрѣчи).—Новости. 1901. № 121.

Ив Янжулъ, Роль и значеніе практическихъ занятій въ современномъ юридическомъ образованіи Западной Европы. — Ж. М. Н. П. 1901. № 11. Отд. 4, С. 1—32.

[3]) Желающихъ познакомиться съ моими воззрѣніями отсылаю къ статьямъ и брошюрамъ:

Подробное изученіе всего написаннаго подтвердило, въ общемъ, тѣ предположенія, которыя были въ свое время сдѣланы въ брошюрѣ: Къ вопросу о постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Нашими союзниками выдвинуты были новыя соображенія въ пользу примѣненія рядомъ съ лекціоннымъ методомъ и другихъ пріемовъ преподаванія. Союзниковъ этихъ оказалось неожиданно много и среди самыхъ разнообразныхъ круговъ. Новое доказательство вѣрности этихъ предположеній дали и нѣкоторые наши противники[4]), въ особенности тогда, когда они, вмѣсто обсужденія вопроса по существу, стали прибѣгать къ вышеуказаннымъ критическимъ пріемамъ...

Наши противники не могли отрицать неудовлетворительнаго хода учебнаго дѣла на юридическихъ факультетахъ. Это слишкомъ очевидно и общеизвѣстно, но вмѣсто того, чтобы обратиться противъ обязательной лекціонной системы, какъ одной изъ причинъ этого, они нашли болѣе подходящимъ для своихъ цѣлей выступить одновременно и противъ профессоровъ, и противъ студентовъ съ разнаго рода обвиненіями. Обвиненія эти не стоютъ того, чтобы на

Къ вопросу о постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Одесса. 1901.

Отвѣтъ профессору Л. Петражицкому о преподаваніи на юридическихъ факультетахъ. Спб. 1901.

Лекціи и практическія занятія. — Россія. 1901. 30 Іюня.

Къ реформѣ юридическаго образованія. — Недѣля. 1901. № 27.

Du choc des opinions. — Новости. 1901. 30 Августа.

Къ вопросу о постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ.—Ж. М. Ю. 1901. Сентябрь.

Еще о преподаваніи на юридическихъ факультетахъ. — Ж. М. Н. П. 1901. Августъ (отвѣтъ проф. Петражицкому).

[4]) Проф. Симоненко очень вѣрно оцѣниваетъ эту критику. «**Серіозной критической оцѣнки** предлагаемой проф. Казанскимъ постановки въ университетскомъ преподаваніи на первый планъ такъ называемыхъ практическихъ занятій на мѣсто теперешней лекціонной системы **не даютъ**, къ сожалѣнію, ни «Замѣ-

нихъ особо останавливаться. Скажу только, что не духовныя силы изсякли на нашихъ юридическихъ факультетахъ, а устарѣли нѣкоторыя рамки, въ которыхъ течетъ жизнь ихъ. Чтобы намъ ни говорили «строгіе цензоры нашаго студенчества» (выраженіе проф. Виноградова), мы не перестанемъ утверждать, что такой даровитой, трудолюбивой и идеально настроенной аудиторіи, какъ аудиторія нашихъ университетовъ, нѣтъ болѣе нигдѣ. Въ то-же самое время фактически невѣрно утвержденіе о яко-бы паденіи уровня профессоровъ юристовъ по сравненію съ прошлымъ. Именно въ настоящее время замѣчается рѣшительный подъемъ нашихъ юридическихъ факультетовъ. Мы, положительно, были-бы поставлены въ затрудненіе, если-бы намъ предложили перечислить всѣхъ тѣхъ почтенныхъ старшихъ и младшихъ товарищей, которые съ честью заняли-бы мѣсто въ лучшихъ западныхъ университетахъ: такъ велико нынѣ число ихъ! Именно за послѣднее время русская юридическая литература вполнѣ стала на свои ноги, переставъ довольствоваться переложеніемъ на русскіе нравы изслѣдованій нѣмецкихъ ученыхъ. Никогда русскіе юристы не принимали такого широкаго участія въ западной

чанія Читателя», ни статьи проф. Петражицкаго. Нельзя-же считать за серіозную оцѣнку такихъ слишкомъ общихъ и бездоказательныхъ замѣчаній послѣдняго, какъ напр., что «полной и хотя-бы частичной замѣны практическими занятіями лекціонной системы резоннымъ образомъ достигнуть невозможно». Но почему невозможно — читателю остается вѣрить на слово профессору, такъ какъ ни въ одной изъ своихъ пяти статей онъ почти ничѣмъ ни мотивируетъ такого своего слишкомъ аподиктическаго завѣренія! «Читатель»-же въ своихъ замѣчаніяхъ предпочитаетъ даже совсѣмъ уклониться отъ разсмотрѣнія этого вопроса». «Значительную часть напечатанныхъ въ газетѣ «Россія» статей профессора Петражицкаго» составляетъ, замѣчаетъ въ другомъ случаѣ професоръ Гр. Ѳ. Симоненко, «выемѣиваніе» отдѣльныхъ выраженій моей книжки и приклѣиваніе къ нимъ «злостныхъ эпитетовъ». Къ этой характеристикѣ слѣдовало-бы еще добавить: «и не вѣрная передача основныхъ положеній ея».

ученой литературѣ, какъ именно теперь. Никогда также юридическіе факультеты не были такъ богаты преподавательскими силами, какъ теперь. Все это еще совершенно новыя явленія, къ которымъ многіе не присмотрѣлись достаточно. Конечно, среди молодыхъ нашихъ ученыхъ нѣтъ такихъ громкихъ именъ, какія мы находимъ среди старшаго поколѣнія, но, вѣдь, это иначе и быть не можетъ! Настоящій талантъ, несущій что-либо дѣйствительно свое, съ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу. Ничто новое не проходитъ въ жизнь безъ борьбы. Быстро успѣваетъ, особенно въ нашъ вѣкъ, только посредственность, которая находитъ легкій откликъ во всѣхъ сердцахъ, но за то дѣйствительное значеніе разныхъ скороспѣлыхъ знаменитостей легко обнаруживается, какъ только имъ приходится самостоятельно высказаться по какому-либо вопросу. Лица, которыя выступаютъ съ разными рѣзкими нападками противъ и студентовъ, и профессоровъ, положительно не вѣдаютъ, что творятъ. Необходимо не раздробленіе нашихъ немногихъ культурныхъ силъ, а возможное объединеніе ихъ въ стремленіи къ общимъ высокимъ цѣлямъ.

Моя первая брошюра, въ которой я хотѣлъ поставить на обсужденіе вопросъ о преобразованіи преподаванія на юридическихъ факультетахъ, посвящена тѣмъ лицамъ, которыя отчасти уже знали мои воззрѣнія и среди которыхъ нѣкоторыя, въ той или другой степени, раздѣляли ихъ, — членамъ и посѣтителямъ бывшаго юридическаго магистрантскаго общенія при Московскомъ Университетѣ: Моимъ учителямъ и товарищамъ по Московскому Университету. Воззрѣнія эти нашли свое выраженіе впервые въ моей статьѣ: Объ университетскомъ преподаваніи, написанной еще въ бытность студентомъ и напечатанной въ 1892 г. Нынѣ, представляя русскому читающему обществу обозрѣніе того,

что было высказано разными лицами по данному вопросу, я посвящаю эту работу памяти общаго учителя русскихъ юристовъ Д. И. Мейера, перваго въ русской наукѣ спеціально писавшаго о практическихъ занятіяхъ. Ему принадлежитъ, какъ извѣстно, превосходная книжка, и донынѣ не утратившая своего значенія: О значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго образованія. К. 1855.

1. Задачи, преслѣдуемыя юридическими факультетами.

Какъ постоянно бываетъ, и не только у насъ въ Россіи, обсуждая частный вопросъ о преобразованіи факультетскаго преподаванія права, подняли болѣе широкій вопросъ о томъ, что такое **университетъ вообще**, каковы его основныя задачи и пр.? Стали обсуждать вопросъ, который съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ современные университеты, и всюду, гдѣ они существуютъ, получалъ и получаетъ на дѣлѣ болѣе, или менѣе одинаковое рѣшеніе и, казалось-бы, никакого сомнѣнія болѣе вызывать не долженъ. Приэтомъ одни напирали на то, что университетъ есть **ученое учрежденіе**, другіе — **учебное**. Выслушаемъ нѣкоторыхъ авторовъ. Дѣйствительно, если университетъ есть исключительно, или хотя-бы только преимущественно ученое учрежденіе, то вопросъ о постановкѣ въ немъ преподаванія долженъ или вовсе не существовать, или представлять совершенно второстепенное значеніе. Странно было-бы говорить о постановкѣ преподаванія во Французскомъ Институтѣ, или въ Императорской Академіи Наукъ. Если-же университетъ есть столько-же ученое, сколько и учебное заведеніе, то вопросъ о постановкѣ въ немъ преподаванія совершенно умѣстенъ. Слѣдуетъ только, чтобы это преподаваніе носило дѣйствительно высшій, т. е, научный характеръ. Задача — важная и трудная. Надъ разрѣшеніемъ ея именно и работали и работаютъ всѣ университеты. На этой точкѣ зрѣнія стоимъ и мы лично.

Задачу доказывать, что университетъ есть ученое учрежденіе принялъ на себя проф. **Петражицкій**. По этому вопросу онъ помѣстилъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» рядъ очень пространныхъ статей подъ громкимъ заглавіемъ «Квинтэссенція университетскаго вопроса». Въ началѣ этихъ статей было высказано слѣдующее заявленіе:

«И вотъ, первый вопросъ гласитъ: что такое университетъ и для чего онъ существуетъ? Такой вопросъ приходится ставить потому, что **теперешняя литература** по университетскому вопросу не исходитъ изъ правильныхъ и ясныхъ пред-

ставленій о существѣ и задачѣ университета. Уже само ходячее опредѣленіе и названіе университетовъ: «высшія учебныя заведенія» и профессоровъ: «преподаватели», а еще больше разныя спеціальныя предложенія и мѣры, — напримѣръ, по поводу «переполненія» университетовъ учащимися и необходимости увеличить количество университетовъ и т. п., по поводу отсутствія близкаго и постояннаго общенія между «учащими» и «учащимися», по поводу недостатковъ самой лекціонной системы преподаванія и существующей яко-бы необходимости замѣнить ее иною системою и т. д.—все это покоится **на недоразумѣніи** относительно самаго смысла и значенія университетовъ.

«Университетъ отнюдь не есть заведеніе, существующее исключительно для обученія тѣхъ юношей, которые въ данное время числятся его студентами, а такое учрежденіе, которое должно создавать и распространять **свѣтъ мысли** и знанія на большія пространства, обширный край, всю страну,—даже весь міръ человѣческій... Наука, прогрессъ мысли человѣческой, вотъ —путеводная звѣзда коллегіи мыслителей и ученыхъ, и идеалъ университета ученаго учрежденія, а не учебнаго заведенія только.... Студенты — цвѣтъ молодежи страны и достойны всякаго попеченія, но они не должны закрывать собою всего широкаго горизонта истинно-университетской жизни и реформы.

«Учебная, отнюдь не игнорируемая нами сторона дѣла только тогда можетъ быть разумно и идеально устроена, если мы будемъ сознавать и помнить, что университетъ служитъ наукѣ, а не обученію и воспитанію только, и что профессора— не преподаватели только высшихъ учебныхъ заведеній, а ученые; тѣ-же изъ нихъ, которые только «преподаватели», — лишь по недоразумѣнію попали въ университетъ». И т. д. въ томъ же духѣ. «Ходячему взгляду на университеты, какъ на «учебныя заведенія», говоритъ г. Петражицкій нѣсколько далѣе, «мы противопоставили въ предъидущей статьѣ положеніе: университетъ есть **коллегія мыслителей и ученыхъ**, ученое учрежденіе, очагъ научнаго творчества и свѣта» и пр., и пр. Полная безсодержательность относящихся сюда разсужденій г. Петражицкаго лишаетъ насъ возможности болѣе пространно приводить ихъ. Скажу только, что послѣдняя напечатанная статья его совершенно неожиданно окончилась слѣдующимъ заявленімъ:

«Намъ скажутъ, что то, что мы говоримъ, тривіально, хотя и относится къ высокому предмету. **Труизмы какіе-то пошлые**»!.. И далѣе: «На это мы отвѣтимъ **пока** только просьбою впредь не упускать изъ виду этой само собою разумѣющейся истины. Постоянное памятованіе о ней необходимо для уразумѣнія нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій и положеній о «квинтэссенціи университетскаго вопроса» а можетъ быть и для уразумѣнія квинтэссенціи университетскаго вопроса просто (таково наше убѣжденіе). Но нѣкоторые читатели, имѣвшіе терпѣніе читать наши разсужденія до сего мѣста, пожалуй, дальнѣйшихъ нашихъ статей вообще читать не станутъ, такъ какъ они уже разочарованы въ надеждѣ узнать изъ нихъ **что-либо путное** по университетскому вопросу».

На этой оцѣнкѣ самимъ авторомъ своего произведенія длинный рядъ статей проф. Петражицкаго въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и оборвался. Думается, что неудача, постигшая ихъ, объясняется тѣмъ, что онъ сталъ слишкомъ пространно доказывать то, что всѣмъ и безъ того хорошо извѣстно и никѣмъ не подвергалось сомнѣнію. Заявленія совершенно въ томъ-же духѣ дѣлались также г. **Гессеномъ**, напр.:

«Университетъ не есть техническая, ремесленная школа высшаго порядка; университетъ—школа знанія, призванная воспитывать молодыя поколѣнія въ духѣ любви и уваженія къ наукѣ. Назначеніе университета не исчерпывается служеніемъ тѣмъ, или инымъ случайнымъ и преходящимъ интересамъ даннаго историческаго момента; прежде всего онъ является **свѣточемъ**, озаряющимъ и согрѣвающимъ духовную атмосферу, въ которой и которой живетъ народъ» и пр., и пр. На эту тему можно, конечно, наговорить очень много столь-же красивыхъ фразъ и такихъ-же общихъ мѣстъ, но въ результатѣ должно получиться только одно, именно—испугъ читателя за участь университетовъ. Читатель, несомнѣнно, долженъ подумать, что университетамъ угрожаетъ какая-либо бѣда, если нашлись лица, которыя считаютъ должнымъ такъ пространно напоминать, что университеты суть университеты, а не что-либо другое.

Другіе авторы приняли на себя иную задачу. Значеніе университета, какъ учебнаго заведенія, особо подчеркнулъ проф.

Клименко. Свои мысли онъ развиваетъ до конца гораздо успѣшнѣе г. Петражицкаго. У него мы читаемъ:

«Очевидно что реформа университетовъ необходима. Это всѣми сознано. Но говоря о реформѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду слѣдующее: хотя университетъ преслѣдуетъ двѣ цѣли: одну —научныя изслѣдованія, а другую—распространеніе просвѣщенія, т. е. **учебную часть**, но эта послѣдняя есть **главная** и поэтому при разсмотрѣніи вопроса о реформѣ университетовъ на нее и должно быть обращено главное вниманіе. Затѣмъ, какъ необходимое слѣдствіе изъ предъидущаго, является вопросъ: какъ должно быть поставлено учебное дѣло въ университетѣ, чтобы государство,—при той большой затратѣ средствъ, какую оно дѣлаетъ, — могло-бы имѣть нужное число людей, дѣйствительно хорошо образованныхъ и дѣльныхъ по различнымъ родамъ спеціальностей? Само собою разумѣется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ составятъ тѣ основанія, которыя будутъ выработаны для правильной постановки въ университетѣ, съ одной стороны, подготовки научныхъ знаній, а съ другой — провѣрки этихъ знаній. Очевидно, что чѣмъ лучше будетъ научная подготовка студентовъ и чѣмъ серьезнѣе будетъ провѣрка ихъ знаній, — прежде чѣмъ они войдутъ въ жизнь,—тѣмъ лучше.

«Для лучшаго поясненія нашей мысли разсмотримъ, какъ поставлено дѣло научной подготовки и провѣрки пріобрѣтенныхъ знаній въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Извѣстно, что существуетъ два главныхъ типа высшихъ учебныхъ заведеній. Въ одномъ — **соединена** научная **подготовка** студентовъ **съ** переводными и окончательными **экзаменами**, дающими извѣстныя права и производящимися профессорскою коллегіей. Другой типъ — когда научная подготовка **отдѣлена** отъ экзаменовъ, дающихъ права, которыя производятся въ государственной коммиссіи». «Мнѣ кажется, что, при нашихъ правахъ и строѣ нашей жизни, помочь дѣлу можетъ организація университетовъ **согласно первому вышеуказанному** мною **типу**, гдѣ научная подготовка студентовъ и экзамены соединены въ одномъ учебномъ заведеніи (сходно въ нѣкоторой степени съ организаціей французскихъ высшихъ учебныхъ заведеній). Тогда университеты будутъ, такъ сказать, общими высшими учебными заведеніями, гдѣ будутъ получать образованіе врачи, юристы, учителя и проч. въ отличіе отъ, такъ называемыхъ, спеціальныхъ

высшихъ учебныхъ заведеній. Въ нихъ профессора будутъ читать лекціи, руководить занятіями студентовъ, провѣрять ихъ знанія въ теченіе курса и, наконецъ, подвергать ихъ окончательному испытанію, дающему извѣстныя права. Студенты, находясь постоянно подъ вліяніемъ своихъ профессоровъ, получаютъ отъ нихъ знанія (а затѣмъ права) и будутъ, безъ сомнѣнія, относиться къ нимъ иначе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь. Вѣдь извѣстно, что нравственное воздѣйствіе на молодежь находится въ связи съ тѣми способами, которые приводятъ къ извѣстнымъ результатамъ, вліяющимъ на судьбу молодыхъ людей. Способы эти — научная подготовка и экзамены. Оба они будутъ въ рукахъ профессоровъ и окажутъ свое полезное дѣйствіе. Тогда значеніе профессоровъ въ глазахъ студентовъ сильно подымется, что не останется безъ должнаго нравственнаго на нихъ вліянія».

«Но говорятъ, что тогда университеты **обратились-бы въ школы** и цѣль университетскаго преподаванія,—сообщеніе научныхъ знаній и доставленіе чрезъ ихъ посредство общаго развитія,—не будетъ достигнута; и поэтому, если въ университетѣ будетъ преслѣдоваться не эта цѣль преподаванія, а только подготовка къ профессіи врача, юриста, учителя, то придется сократить значительно число преподаваемыхъ предметовъ на каждомъ факультетѣ. Мнѣ кажется, что такое возраженіе есть плодъ недоразумѣнія. Если говорится объ университетѣ, какъ общемъ высшемъ учебномъ заведеніи, — гдѣ будутъ получать образованіе врачи, юристы, учителя, — то здѣсь дѣло касается формы, а не содержанія, другими словами, дѣло идетъ о томъ: какъ поставить преподаваніе, а не что̀ преподавать. Что касается послѣдняго, то преподаваніе должно остаться такимъ-же **университетскимъ**, какъ оно есть, и ни одного предмета не можетъ быть исключено»... «Всѣ эти лица, готовящіяся къ какой-либо профессіи въ университетѣ, равно какъ и не готовящіяся, должны пріобрѣтать свои спеціальныя знанія на почвѣ общенаучныхъ успѣховъ и общенаучнаго развитія, по тѣмъ дисциплинамъ, которыя входятъ въ составъ избраннаго ими факультета. И не въ этомъ состоитъ **различіе университетовъ отъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній**, какъ объ этомъ говорятъ, такъ какъ и въ этихъ послѣднихъ спеціальныя знанія пріобрѣтаются также на почвѣ общенаучныхъ успѣховъ; но отличіе состоитъ въ томъ, что сфера этихъ знаній съуживается и ограничивается неболь-

шимъ числомъ наукъ, составляющихъ извѣстную спеціальность, напримѣръ, въ политехникумѣ. Впрочемъ, для другихъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и такой разницы нѣтъ: напримѣръ, медицинская высшая школа (академія) ничѣмъ не отличается отъ медицинскаго факультета.

«Независимо отъ сказаннаго, мнѣ могутъ замѣтить, что если университетъ обратится въ школу, то въ немъ не будетъ происходить научная разработка, т. е., ученые перестанутъ **заниматься научными изслѣдованіями.** Въ отвѣтъ на это можно указать на спеціальныя высшія школы, напримѣръ, политехникумы, которые въ этомъ отношеніи до сихъ поръ не уступали университетамъ. Впрочемъ, при указанной организаціи университетовъ, тамъ, во всякомъ случаѣ, получитъ бо́льшее развитіе учебная часть. Чтобы дать нужное развитіе также и научной сторонѣ, чтобы ученые могли свободно заниматься научными изслѣдованіями и, такимъ образомъ, способствовать движенію науки въ государствѣ, слѣдовало-бы дать большее развитіе академіямъ наукъ».

Еще болѣе опредѣленно въ томъ-же духѣ, что и проф. Клименко, высказался г. **Вольскій.** Суть размышленій послѣдняго состоитъ въ слѣдующемъ:

«Юноша, окончившій среднюю школу и получившій «аттестатъ зрѣлости» или «свидѣтельство»,—разъ средняя школа удовлетворяетъ своему основному назначенію,—долженъ доподлинно знать при вступленіи въ высшую школу, какія именно высшія знанія нужны для его дальнѣйшей судьбы? Этотъ юноша долженъ умѣть выбрать себѣ **комбинацію знаній,** самую подходящую къ его влеченіямъ и дарованіямъ и къ его жизненнымъ намѣреніямъ. Онъ долженъ умѣть предъявить свой спросъ къ высшей школѣ. Иначе онъ, по моему разумѣнію, не достоинъ вступленія въ высшую школу. Иначе онъ рискуетъ сбиться съ настоящаго пути и заградить необходимую дорогу другимъ, какъ это у насъ теперь встрѣчается сплошь и рядомъ: горный инженеръ, напр., идетъ въ акцизные чиновники или коммиссары по крестьянскимъ дѣламъ, врачъ — въ нотаріусы или желѣзнодорожные чиновники, окончившіе математическій факультетъ—въ податные инспектора и т. д. При такихъ обстоятельствахъ происходитъ только непростительная растрата об-

щественныхъ силъ: юношу готовятъ къ одному роду занятій, расходуются на него (государство и родственники), а въ концѣ концовъ оказывается, что этотъ расходъ произведенъ совсѣмъ непроизводительно. Теперь это явленіе у насъ заняло господствующее положеніе, а между тѣмъ его не было-бы вовсе, или, скорѣе, оно существовало-бы въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, если-бы студенту предоставленъ былъ сознательный выборъ тѣхъ или иныхъ знаній.

«Отсюда проистекаетъ выводъ, что высшая школа не должна, по своему существу, ограничиваться предоставленіемъ своимъ питомцамъ небольшаго и строго опредѣленнаго выбора знаній по факультетамъ или отдѣленіямъ. Высшая школа должна предоставлять самый широкій и самый **разнообразный выборъ комбинацій** высшаго знанія. Естественныя, юридическія, экономическія, математическія, филологическія и техническія (въ томъ числѣ и медицинскія) науки должны, по желанію студента, комбинироваться въ самыя разнообразныя группы, лишь-бы эти группы представляли послѣдовательный подборъ знаній. Высшая школа должна умѣть отвѣтить самому разнообразному спросу ищущихъ высшаго образованія.

«Нынѣшнія факультетскія программы должны быть вовсе уничтожены. Неужели, чувствуя, напр., влеченіе къ химіи, я стану лучшимъ химикомъ, если меня, противъ всякаго моего желанія и наклонностей, заставятъ держать экзаменъ (но, конечно, не изучать) по геологіи или палеонтологіи въ то время, когда мнѣ не даютъ возможности ознакомиться, при помощи высшей школы, съ математическимъ анализомъ, безъ котораго нѣтъ теперь настоящей химіи? Пусть останутся факультеты по цикламъ родственныхъ наукъ,—это необходимо въ **административныхъ видахъ**, какъ необходимо въ хорошо поставленномъ магазинѣ раздѣленія на отдѣлы по сходнымъ товарамъ, но зачѣмъ навязывать студенту **ненужныя ему науки** потому только, что ими завѣдуетъ одинъ деканъ».

Статья г. Вольскаго, столь ясная и опредѣленная, не могла остаться безъ отвѣта. На нее отвѣчалъ докторъ **Врагинъ**. Самое интересное въ его отвѣтѣ состоитъ въ слѣдующемъ:

«Высшая школа, въ истинномъ значеніи этого слова не есть фабрика для изготовленія дипломовъ, она также не имѣетъ

своей цѣлью давать такъ называемыя «хлѣбныя знанія», какъ то полагаетъ г. Вольскій: ея задачи несравненно шире. **Всепожирающимъ огнемъ** горитъ въ душѣ чистаго юноши жажда знанія и, быть можетъ, лишь въ нашъ практическій вѣкъ слишкомъ велико стало между студентами число тѣхъ, которые ждутъ — не дождутся диплома для полученія теплаго мѣстечка, или иныхъ выгодъ. Лучшая часть нашей молодежи вступала и вступаетъ въ университетъ не какъ въ мастерскую, въ которой можно добиться, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, званія мастера такого-то цеха: нѣтъ, они идутъ туда, какъ **вѣрующіе въ храмъ**, искать тѣхъ **боговъ**, которые разрѣшили-бы ихъ сомнѣнія и дали-бы отвѣты на ихъ запросы».

«Что касается того, что у насъ горный инженеръ идетъ въ акцизные чиновники, или врачъ въ нотаріусы, то это вовсе не зависитъ отъ того, что неправильно выбранъ факультетъ. Я-бы хотѣлъ знать, на какой факультетъ слѣдуетъ поступить, чтобы потомъ стать **помощникомъ акцизнаго надзирателя?** Все это къ «выборамъ комбинаціи знаній» никакого отношенія не имѣетъ. Горный инженеръ идетъ въ акцизные большею частью не потому, что онъ ошибся въ «выборѣ комбинаціи», а потому, что при современныхъ условіяхъ онъ и горнымъ инженеромъ сталъ поневолѣ, или потому, что послѣднее выгоднѣе; и врачъ становится нотаріусомъ потому, что практикой онъ еле зарабатывалъ тысченку, а нотаріусъ можетъ пять заработать! Да и мало-ли по какимъ побужденіямъ у насъ въ высшія школы поступаютъ: и чины легче достигаются, и «Анну» скорѣе получишь и т. д. Не все-ли равно такимъ господамъ какая «комбинація»?» Такимъ образомъ, если г. Вольскій, примыкая по своимъ воззрѣніямъ къ проф. Клименко, указываетъ на тѣ цѣли университета, которыя можно назвать практическими, то у г. Брагина мы находимъ напоминаніе и о другой сторонѣ дѣла — болѣе идеальной.

Всѣ эти мнѣнія являются выразителями разнообразныхъ и, надо сознаться, законныхъ требованій, предъявляемыхъ къ университетамъ жизнью, и, въ общемъ, они вовсе ужъ не такъ не примиримы, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Университетъ, идейное отраженіе universum'а, вселенной, можетъ и долженъ быть достаточно широкъ для того, чтобы всякій, ищущій научнаго знанія, могъ постучаться въ его двери. Пусть

входитъ подъ его своды и мученикъ мысли, и дѣятель жизни. Односторонніе взгляды на университеты не соотвѣтствуютъ тому, чѣмъ послѣдніе всегда были и что собой теперь всюду представляютъ, и совершенно нежелательнымъ образомъ стѣсняютъ ихъ великое призваніе. Въ подтвержденіе этого приведемъ мнѣнія двухъ лицъ, весьма много сдѣлавшихъ для выясненія постановки учебнаго дѣла въ университетахъ. Они помогутъ намъ разсѣять туманъ «красивыхъ общихъ формулъ» (выраженіе проф. Живаго), который напустили нѣкоторые вокругъ столь жизненнаго, столь важнаго вопроса о призваніи университетовъ. Проф. **Виноградовъ** пишетъ слѣдующее:

«Въ связи съ агитаціей въ пользу отнятія правъ университетскихъ воспитанниковъ стоитъ характерное предположеніе отбирать въ университетъ только тѣхъ, кто интересуется **наукой**, а остальныхъ, ищущихъ **практической дѣятельности** и правъ, направлять экзаменоваться въ государственныхъ коммиссіяхъ, допуская ихъ слушать лекціи, сколько они хотятъ и какъ хотятъ, въ качествѣ вольныхъ слушателей. За эти проекты надо быть глубоко благодарными ихъ составителямъ, потому что они проводятъ всю заманчивую проповѣдь свободы слушанія и государственныхъ экзаменовъ къ ея конечнымъ послѣдствіямъ—и къ чему-то **нелѣпому**..

«Вмѣсто университетовъ получаются какія-то ученыя семинаріи для приготовленія «людей **чистой науки**», вполнѣ равнодушныхъ къ практической жизни и дѣятельности. Вмѣсто студентовъ—не только «отдѣльные», но и «временные» посѣтители университетскихъ аудиторій, могущіе быть удалены изъ нихъ безъ всякихъ осложненій при первомъ недоразумѣніи, или неудовольствіи. Вмѣсто совмѣстной работы профессоровъ со слушателями—испытательныя коммиссіи, которыя будутъ фабриковать дипломы и отказывать въ нихъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно того, какъ проводитъ время испытуемый до появленія передъ экзаменнымъ столомъ и какими путями пріобрѣлъ умѣнье отвѣчать на вопросы программы.

«Я думаю, что многіе даже изъ тѣхъ, кто несовсѣмъ доволенъ традиціонными порядками русскихъ университетовъ, присмотрѣвшись къ этой картинѣ, предпочтутъ продолжать занятія съ молодыми людьми, ищущими, между прочимъ, и **правъ въ практической жизни**. Ихъ, быть можетъ, утѣшитъ со-

ображеніе, что и практическая жизнь нуждается не въ однихъ людяхъ, упразднившимъ въ себѣ всякіе помыслы о высшемъ образованіи, и что большинство тѣхъ, кто не гнушается дипломомъ и нуждается въ немъ, совсѣмъ не такъ цинически равнодушно къ идеямъ высшаго образованія, какъ изображаютъ строгіе цензоры нашего студенчества. Будемъ надѣяться, что послѣднимъ не удастся провести программу, истиннымъ девизомъ которой можетъ быть Тацитовское: «pacem vocant, solitudinem faciunt». — Какія блестящія и трезвыя слова! Къ нимъ, положительно, нечего прибавить.

Профессоръ Виноградовъ говоритъ спеціально о русскихъ университетахъ. У проф. Живаго мы находимъ тѣ-же самыя мысли относительно германскихъ. Статьи профессора Живаго интересны для насъ въ особенности потому, что онъ имѣетъ въ виду не только университеты вообще, но и юридическіе факультеты въ особенности. Важность того, что говоритъ г. Живаго вынуждаетъ насъ сдѣлать особо большую выдержку изъ разныхъ его статей.

«Учебныя цѣли спеціальной подготовки не къ ученой карьерѣ, а къ практической дѣятельности, вообще, считаются въ Германіи въ извѣстной мѣрѣ совмѣстимыми съ научнымъ университетскимъ преподаваніемъ и... эти практическія задачи дѣйствительно получаютъ осуществленіе въ нѣмецкихъ университетахъ на ряду съ ихъ исконнымъ служеніемъ наукѣ ради самой науки и истинѣ ради самой истины.

«Учебные... планы юридическихъ факультетовъ въ Германіи преслѣдуютъ дѣйствительно прежде всего учебныя цѣли, которыя только достигаются въ университетѣ научнымъ путемъ и научными средствами. Разсмотрѣнный выше одинъ изъ такихъ учебныхъ плановъ со всѣми поясненіями и приложеніями (законы, распоряженія, циркуляры, правила и т. п. относительно государственныхъ экзаменовъ... относительно условій поступленія на государственную службу и т. п.) служитъ доказательствомъ не воображаемой банальности, буржуазности, практичности современной нѣмецкой академической юриспруденціи, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какое важное значеніе въ настоящее время германскіе юридическіе факультеты придаютъ той сто-

ронѣ своей дѣятельности, которая должна быть направлена на систематическую и цѣлесообразную подготовку образованныхъ и знающихъ юристовъ къ предстоящей имъ спеціальной дѣятельности.

«Нѣмецкій профессоръ-юристъ, говоря вообще, — **ученый** изслѣдователь въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, въ библіотекѣ, въ научныхъ «семинаріяхъ» и въ тѣсномъ кругу своихъ ближайшихъ учениковъ,—но на каѳедрѣ, передъ своей обычной многолюдной аудиторіей, нѣмецкій профессоръ-юристъ въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ прежде всего и **преимущественно учитель права**». «Лекція имѣетъ, главнымъ образомъ, характеръ и назначеніе руководительства къ пріобрѣтенію знаній непосредственно, или-же преслѣдуетъ цѣль пріучить къ примѣненію свѣдѣній, раньше усвоенныхъ, развить способность къ самостоятельному обращенію съ юридическими фактами и отношеніями, какъ они встрѣчаются въ дѣйствительной жизни и практикѣ, и т. под.

«Правда и нѣмецкимъ университетамъ знакома весьма **красивая общая формула**, что университетъ есть прежде всего, если не исключительно,—«храмъ науки». Не менѣе близки и тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ этой основной посылки, а именно, что задача университетскаго преподавателя (academischer Lehrer) заключается лишь въ томъ, чтобы познакомить своихъ слушателей съ современнымъ состояніемъ данной спеціальной науки, хотя-бы въ какой-либо одной и притомъ узко ограниченной области, а затѣмъ сообщить имъ свѣдѣнія о методахъ и пріемахъ изслѣдованія въ области данной спеціальной науки—хотя-бы, напримѣръ, въ любой области научнаго правовѣдѣнія».

«Для огромнаго большинства преподавателей и по отношенію къ значительно большей части объясняемыхъ и читаемыхъ профессорами-юристами курсовъ эта формула не имѣетъ примѣненія ни въ прямомъ смыслѣ (идеалистическая точка зрѣнія), ни въ смыслѣ косвенномъ, или извращенномъ, если можно такъ характеризовать то состояніе **самодовольнаго квіетизма**, когда подъ эгидой все той-же красивой и идеальной формулы можетъ скрываться уже гораздо менѣе идеальное желаніе найти благовидное оправданіе своему неумѣнію, или нежеланію давать аудиторіи то, что требуется не ея случайнымъ настроеніямъ, не капризомъ

или «вѣяніемъ времени», не исключительно «практической тенденціей» юридическаго образованія и т. д., а самымъ существомъ дѣла и призваніемъ профессора быть учителемъ права!

«Строго говоря,—«строго» научный или «чисто»-научный въ указанномъ, односторонне-идеалистическомъ смыслѣ слова, характеръ на юридическихъ факультетахъ имѣютъ въ настоящее время только нѣкоторыя «семинаріи»,—гдѣ, при весьма небольшомъ числѣ участвующихъ въ занятіяхъ (10—11), обсуждаются рефераты, избираемые по соглашенію съ профессоромъ-руководителемъ темы, а затѣмъ еще и тѣ узко-спеціальные курсы, которые иногда читаются профессорами-юристами по какому-либо частному, излюбленному вопросу, по большей части «privatissime, aber gratis», т. е. безплатно и для избраннаго кружка слушателей, интересующихся тѣмъ, или инымъ спеціальнымъ, научнымъ вопросомъ. Что-же касается общихъ курсовъ, читаемыхъ въ соотвѣтствіи съ факультетскими учебными планами, то они обыкновенно вообще не выходятъ за предѣлы того, что съ условной «научной» точки зрѣнія можно скорѣе назвать **элементарностью.** Истинный-же научный характеръ такихъ курсовъ проявляется не въ какой-либо неудобопостигаемой глубинѣ или въ неудобоусвояемой детальности сообщаемыхъ свѣдѣній, а прежде всего въ ихъ образцовой систематизаціи, въ тщательномъ выборѣ всего матеріала, въ его предварительной всесторонней разработкѣ и подготовкѣ для аудиторіи примѣнительно къ среднему общему уровню воспріимчивости слушателей».

Такъ обстоятъ нынѣ дѣла въ нѣмецкихъ университетахъ и спеціально на юридическихъ факультетахъ. «Результаты, какіе достигаются въ настоящее время... нельзя не признать въ высшей степени **удовлетворительными**, какъ съ точки зрѣнія серьезнаго научно-юридическаго образованія, такъ и въ интересахъ самихъ кандидатовъ-юристовъ, т. е., претендентовъ **на судебныя и административныя должности**, или на званіе судебнаго защитника, другими словами, съ болѣе спеціальной, «практической», какъ принято выражаться, точки зрѣнія. Все это въ свою очередь заставляетъ признать и самую постановку преподаванія права, какъ оно ведется въ послѣднее время въ германскихъ университетахъ, въ общемъ, вполнѣ цѣлесообразной».

Совершенно въ томъ-же духѣ изображаетъ положенiе дѣла въ Германiи и г. **Бородинъ**. Не имѣя возможности привести здѣсь статьи г. Бородина полностью, ограничимся слѣдующей ссылкой.

«Съ давнихъ временъ укоренилось въ Германiи убѣжденiе, что назначенiе юридическихъ факультетовъ состоитъ въ томъ, чтобы приготовлять **научно-образованныхъ юристовъ** для практической дѣятельности. Человѣкъ, посвятившiй себя изученiю юридическихъ наукъ, издавна привыкъ къ тому, что тѣ-же начала правовѣдѣнiя, которыя онъ слышитъ въ университетской аудиторiи, примѣняются въ разныхъ сферахъ практической дѣятельности юриста. Вслѣдствiе этого, нѣмецкое юношество ищетъ въ факультетахъ спецiальныхъ, такъ сказать, техническихъ знанiй по избранной части, и практическiя занятiя нѣмецкихъ университетовъ вполнѣ удовлетворяютъ этому спросу.

«Знанiя эти прiобрѣтаются только усидчивымъ и долговременнымъ трудомъ, и они чаще всего встрѣчаются у долго преподававшихъ профессоровъ; при смѣнѣ поколѣнiй имя извѣстнаго профессора передается отъ одного къ другому, и, такимъ образомъ, создается какъ-бы фирма, къ которой привыкли издавна обращаться за умственнымъ матерiаломъ. Составленное мнѣнiе о томъ или другомъ профессорѣ служитъ привлекающею силою, тѣмъ болѣе, что мнѣнiе это, какъ общераспространенное, усваивается и тѣми членами экзаменацiонной коммиссiи, которымъ экзаменующiйся представляетъ документы, свидѣтельствующiе о томъ, что онъ слушалъ курсы и занимался у такихъ-то профессоровъ, пользующихся громкою репутацiею. Вотъ, почему въ германскихъ юридическихъ факультетахъ главное значенiе въ преподаванiи принадлежитъ ординарнымъ и экстраординарнымъ профессорамъ. Но приватъ-доцентура имѣетъ другое и притомъ очень важное значенiе. Она служитъ школою и разсадникомъ для профессуры.

«Смѣло можемъ утверждать, что юридическiе факультеты германскихъ университетовъ, кромѣ **знанiя**, даютъ своимъ слушателямъ умѣнье **работать** въ области ихъ будущей дѣятельности и путемъ соотвѣтствующихъ упражненiй развиваютъ въ нихъ необходимые для этого навыки и способности. Такая постановка юридическаго образованiя является вполнѣ цѣлесообразной. Каждому истинно просвѣщенному юристу предстоитъ дѣятельность двоякаго рода: научная и прикладная, техническая, въ

качествѣ судьи, адвоката, администратора. Германскіе юридическіе факультеты обращаютъ особенное вниманіе на развитіе въ своихъ воспитанникахъ, прежде всего, простѣйшихъ условій и данныхъ научнаго работника, а затѣмъ заботятся о предоставленіи ему возможности практически усвоить будущую техническую работу юриста и уяснить здѣсь-же, въ университетѣ, связь между теоретическимъ знаніемъ и практическимъ призваніемъ правовѣда».

Приведя выдержки изъ работъ г. Живаго и г. Бородина, мы тѣмъ самымъ перешли отъ общихъ соображеній относительно основныхъ задачъ университетовъ къ нашей спеціальной темѣ, къ юридическимъ факультетамъ. Наши юридическіе факультеты, будучи образованы **по образцу нѣмецкому** и относительно своихъ основныхъ задачъ вполнѣ походятъ на нихъ. Цѣлый рядъ лицъ совершенно опредѣленно высказывается въ этомъ смыслѣ. Въ ихъ заявленіяхъ мы находимъ глубокопродуманныя мысли, основывающіяся на всестороннемъ знаніи современной науки и современной общественной и государственной жизни съ ихъ великими задачами и великими, предъявляемыми ими къ университетамъ, требованіями. Проф. Гр. Ѳ. **Симоненко**, настаивая на расширеніи существующей постановки занятій студентовъ и со студентами, пишетъ, имѣя въ виду, несомнѣнно, преимущественно юридическіе факультеты:

«Четыре года, предоставляемые для пріобрѣтенія запаса знаній, необходимыхъ **для общественной и государственной дѣятельности**, къ которой подготавливаютъ университеты своихъ слушателей,— сравнительно небольшой періодъ времени и потому учащейся молодёжи надо распорядиться имъ наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ. Общество или государство въ правѣ требовать отъ тѣхъ, которые явятся къ нему по окончаніи университета съ предложеніемъ своихъ услугъ на поприщѣ общественной и государственной дѣятельности, чтобы они дѣйствительно были **способны къ оказанію этихъ услугъ**, чтобы они были достаточно подготовлены служить интересамъ общаго блага не на основаніи выхваченныхъ на скорую руку кое-какихъ обрывковъ знаній, почерпнутыхъ предъ экзаменами въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей изъ литографированныхъ курсовъ лекцій, но на осно-

ваніи серіознаго, самостоятельнаго изученія наукъ. Университеты обязаны воскресить университетскую науку, ибо отъ этого зависитъ воскресеніе всего общества въ служеніи его высшимъ задачамъ правды, добра и благосостоянія всего населенія, зависитъ будущность страны и культурное развитіе народа, для котораго не нужны показныя знанія и показные университеты, а необходимы истинные свѣточи наукъ, которые освѣщали-бы ему пути ко всякому умственному, нравственному и матеріальному прогрессу». Какое полезное напоминаніе, въ особенности со стороны заслуженнаго профессора и ученаго!

Въ томъ-же смыслѣ, что и предшествующіе писатели, высказывается, въ общемъ, и другой профессоръ-юристъ г. **Грибовскій**.

«Наши русскіе университеты по самому своему происхожденію не что иное, какъ **государственныя высшія школы**. Правда, таланты цѣлаго ряда выдающихся ученыхъ и перенесенныя съ Запада его русскими учениками традиціи дали нашимъ университетамъ особую закваску, наряду съ значеніемъ высшей школы сообщивъ имъ значеніе очаговъ чистаго высшаго знанія, но характера школы все-таки не отняли. Этой двойственностью до настоящаго времени опредѣлялся и двоякій составъ студенчества: съ одной стороны въ немъ имѣются **будущіе ученые**, которыхъ въ университетѣ интересуетъ только чистое знаніе и больше ничего. Но рядомъ съ безкорыстными тружениками науки наши гимназіи наполняютъ университеты молодыми людьми, продравшимися сквозь восьмилѣтній тернистый гимназическій курсъ безъ исключительныхъ дарованій, съ одной способностью усвоенія и желаніемъ въ будущемъ **«дороги», или просто разумнаго приложенія своихъ силъ**.

«Намъ кажется въ этомъ отношеніи нужно смотрѣть на вещи трезво. Университетъ въ Россіи не только творитъ ученыхъ (которыхъ, кстати сказать, изъ девяти университетовъ выходитъ крайне незначительное число), но кромѣ того ставитъ штемпель на рядовомъ труженикѣ, который однако въ силу такого штемпеля получаетъ значительныя преимущества надъ самымъ талантливымъ, но не дипломированнымъ конкурен-

томъ. Итакъ, университетъ не только самъ добываетъ чистое золото, но кромѣ того ставитъ пробирный знакъ на сплавѣ, въ которомъ иногда очень много лигатуры. Честь университетовъ требуетъ, чтобы университетскій крестъ оправдывалъ самъ себя и внушалъ-бы къ себѣ полное довѣріе, не вызывая насмѣшекъ и издѣвательства».

Всѣ эти мнѣнія ставятъ вопросъ относительно основныхъ задачъ юридическаго факультета, какъ одного изъ отдѣленій нашихъ университетовъ, на совершенно опредѣленную почву. Не надо только дѣлать отсюда тотъ выводъ, что юридическіе факультеты призваны выпускать **готовыхъ чиновниковъ** на разныя мѣста въ администраціи, въ судѣ и проч. По этому поводу я считаю полезнымъ, въ виду нѣкоторой отрывочности приведенныхъ ссылокъ на труды разныхъ лицъ, сдѣлать, во избѣжаніе недоразумѣній,—слѣдующую выписку изъ моей первой книжки по вопросу:

«Современные университеты, какъ иностранные, такъ и русскіе, имѣютъ цѣлью не только служеніе наукѣ, но и подготовку различныхъ спеціалистовъ, необходимыхъ для общества и государства. Нашъ университетъ—не только **академія**, но и высшее **учебное заведеніе**, даже преимущественно это послѣднее. Онъ распадается на отдѣленія—факультеты, въ которые поступаетъ молодежь, ищущая знанія вообще и спеціальной подготовки для различныхъ видовъ дѣятельности и службы въ особенности.

«Юридическіе факультеты привлекаютъ молодыхъ людей, которые готовятъ себя къ службѣ и дѣятельности государственной, общественной, судебной, административной, дипломатической и т. п., но юридическій факультетъ не ставитъ себѣ задачей изготовленіе судей, администраторовъ, присяжныхъ повѣренныхъ и т. п., вполнѣ овладѣвшихъ всѣми сторонами ихъ будущаго призванія, вполнѣ годныхъ къ немедленному выполненію обязанностей каждаго служащаго на любой ступени общественной, или государственной лѣстницы. Онъ не имѣетъ цѣлью «приловченіе къ производству дѣлъ» (Д. Мейеръ). *Техническія знанія, пріемы и навыки, въ полномъ ихъ развитіи и разнообразіи, можетъ дать только дѣйствительная жизнь и спеціальная работа*

на избранномъ поприщѣ, и она даетъ ихъ легко и скоро каждому. Задача высшаго юридическаго образованія— общая, преимущественно, хотя и не исключительно, теоретическая подготовка молодаго юриста въ области его будущей особливой работы.

«Задача теоретическаго изученія—общее систематическое, или догматическое ознакомленіе съ правомъ въ свѣтѣ исторіи, философіи и политики путемъ изученія отечественнаго права сравнительно съ иностраннымъ. Безъ знанія общей системы права не можетъ быть юриста. Право можетъ быть понято и усвоено только, какъ логическое цѣлое. Это—главная, основная часть юридическаго образованія, но остановиться на ней нельзя. Школа должна также дать учащемуся, хотя-бы только самое общее понятіе о технической сторонѣ той дѣятельности, которая ожидаетъ его за ея стѣнами, и извѣстнымъ образомъ воспитать его для нея.

«Юристъ нуждается не только въ **знаніяхъ**, но и въ особыхъ, такъ сказать, **юридическихъ навыкахъ и пріемахъ** работы. Юридическіе факультеты должны и въ этомъ отношеніи сдѣлать все, что возможно. Они должны дать учащемуся возможность бросить общій взглядъ на техническую сторону его будущей дѣятельности и развить въ немъ, по крайней мѣрѣ, первые начатки необходимыхъ для юриста способностей, а между ними, главнѣе всего, юридическаго мышленія, или, по выраженію Іеринга, способности обращаться съ правовыми понятіями, какъ съ жизненными величинами. Такимъ образомъ, рядомъ съ теоретическимъ изученіемъ права, должно занять мѣсто практическое». Какъ мы увидимъ дальше, главное, на что должны обратить въ послѣднемъ отношеніи вниманіе юридическіе факультеты, это—обученіе учащагося научной работѣ въ области права; главный видъ, такъ называемыхъ, практическихъ занятій — упражненія научнаго характера. Юридическій факультетъ есть спеціальное отдѣленіе университета; образованіе, которое онъ даетъ, является высшимъ, иначе, носитъ научный характеръ.

Тѣ-же самыя мысли встрѣчаемъ мы и у другихъ лицъ. Профессоръ Загоровскій пишетъ: «**Юридическіе факультеты готовятъ** не судей, прокуроровъ, адвокатовъ, нотаріусовъ, а **научно-образованныхъ юристовъ**, изъ которыхъ могутъ выйти судьи, прокуроры, адвокаты и т. д.». Вопросъ этотъ уже настолько выясненъ, что представляетъ собой нынѣ общее мѣсто.

Трудно понять, откуда родилось движеніе противъ того, чтобы видѣть въ университетѣ не только ученое, но и учебное учрежденіе? Развѣ священное призваніе учителя высшей школы менѣе высоко и важно, чѣмъ призваніе ученаго, открывающаго новые пути человѣческой мысли? Быть духовнымъ вождемъ молодыхъ поколѣній въ ихъ лучшихъ стремленіяхъ къ духовному совершенству и просвѣщенію, къ внесенію въ общественную жизнь новыхъ данныхъ справедливости, порядка, силы и благоденствія, развѣ это не завидный жребій? Почему непремѣнно, вопреки всякой очевидности, отвергать, что университетъ несетъ на себѣ также **обязанность обучать** своихъ воспитанниковъ? Почему непремѣнно ставить на задній планъ учительское призваніе профессора, какъ нѣчто недостойное, что-ли. У проф. Симоненко находимъ мы на сей счетъ слѣдующія весьма основательныя соображенія:

«Г. Гессенъ считаетъ учащихся за вполнѣ зрѣлыхъ юношей и, исходя изъ этой фикціи, утверждаетъ, что «назначеніе лекцій заключается не столько въ обученіи студентовъ, сколько въ систематизаціи и надлежащемъ освѣщеніи уже пріобрѣтенныхъ ими знаній». Достаточно остановиться сколько нибудь внимательно на послѣднихъ словахъ, чтобы признать ихъ положительно невѣрными. Въ какомъ университетѣ г. Гессенъ знаетъ такихъ студентовъ, которые поступали-бы въ университетъ уже съ **пріобрѣтенными знаніями** и нуждались-бы только въ систематизаціи ихъ? Полагаю, что такихъ студентовъ не знаетъ никто изъ профессоровъ.

«Хочетъ-ли приведенными словами г. Гессенъ сказать, что студенты въ теченіе года сами усваиваютъ необходимыя для нихъ знанія и являются на лекціи только для надлежащаго освѣщенія и провѣрки своихъ уже пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ свѣдѣній? Но и это не болѣе, какъ фикція. Если-бы это была дѣйствительность, а не одно предположеніе, рѣзко расходящееся съ нею, то у насъ въ Россіи не возникало-бы и теперешняго университетскаго вопроса, не пришлось-бы ни правительству, ни намъ, профессорамъ ломать голову надъ пріисканіемъ средствъ къ возрожденію нашихъ университетовъ изъ теперешняго ихъ упадка».

«Съ одинаковой точки зрѣнія съ доцентомъ Гессеномъ», заключаетъ г. Симоненко, «смотритъ на нынѣшній университетскій

вопросъ и профессоръ Петражицкій въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Россія» подъ заглавіемъ «Къ университетской реформѣ».

2. Лекціонная, или сложная система преподаванія?

Въ предыдущемъ параграфѣ мы разсмотрѣли задачи, которыя лежатъ на юридическихъ факультетахъ. Къ сожалѣнію, онѣ достигаются неудовлетворительно. Если есть вопросъ, относительно котораго сходятся мнѣнія всѣхъ писавшихъ, то это—вопросъ о **неудовлетворительности** знаній и умѣній, которыя выносятся студентами-юристами изъ университета. Какъ ни грустно, какъ ни тяжело, но возражать противъ этого общаго мнѣнія совершенно нельзя. И мнѣ кажется, что лицамъ, которыя дѣйствительно принимаютъ близко къ сердцу интересы нашихъ юридическихъ факультетовъ, остается только мужественно и открыто сознаться въ этомъ и изыскивать мѣры къ улучшенію положенія вещей, не набрасываясь на тѣхъ, которые поднимаютъ вопросъ о возможныхъ средствахъ для сего, а стараясь выяснить основныя мысли, которыя могутъ найти себѣ общее признаніе. Выслушаемъ мнѣнія нѣкоторыхъ авторитетныхъ лицъ. Проф. П. **Виноградовъ**, говоря о работахъ по выработкѣ устава 1884 г., пишетъ:

«При выработкѣ устава указывалось, съ удареніемъ, на неудовлетворительность студенческихъ занятій, на то, что большинство студентовъ на лекціи не ходитъ, наукою не интересуется, а приготовляется кое-какъ по жалкимъ литографированнымъ запискамъ къ экзаменамъ, разсчитывая на снисходительность профессоровъ и удачу въ лотереѣ избранія билетовъ. И. Д. Деляновъ съ обычною прозорливостью отмѣтилъ, во время домашняго обсужденія этого дѣла въ коммиссіи 1875 года, значительныя преувеличенія такой характеристики, указавъ, что она мало примѣнима къ медицинскому и математическому факультетамъ, на которыхъ студенты работаютъ систематически и усердно, и особенно примѣнима лишь къ юридическому. Замѣчанія эти слѣдовало-бы особенно держать въ памяти въ настоящее время, когда сплошь и рядомъ **порицанія, относящіяся къ студентамъ юридическаго факультета**, примѣняются ко всему университету. Какъ-бы то ни

было, въ официальныхъ представленіяхъ и заявленіяхъ по дѣлу преобразованія министерство всецѣло поддерживало вышеупомянутую отрицательную характеристику. Бѣда въ томъ, что преобразованіе 1884 года, основанное на измѣненіи экзаменовъ и экзаменаціонныхъ программъ, ни сколько не устранило отмѣченныхъ недостатковъ. Праздныхъ студентовъ, пробирающихся черезъ университетъ при помощи разныхъ военныхъ хитростей,—теперь не меньше, а скорѣе больше, чѣмъ при порядкѣ 1863 года». Нѣсколько дальше, говоря объ измѣненіяхъ, которымъ подверглось на практикѣ устройство учебнаго дѣла, введенное уставомъ 1884 г., проф. Виноградовъ добавляетъ еще слѣдующее:

«Менѣе счастливымъ оказался **юридическій факультетъ**: на немъ до сихъ поръ держится распорядокъ каѳедръ и распредѣленіе занятій, намѣченное съ начала введенія устава и рекомендованное педагогическому міру знаменитымъ введеніемъ къ программамъ для юридическихъ испытательныхъ коммиссій, достопримѣчательнымъ по своему циническому отношенію къ наукѣ. Зато, именно по поводу этого факультета и раздаются наиболѣе **громкія жалобы**, и притомъ не только въ обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ». Надъ этими словами выдающагося университетскаго дѣятеля не мѣшаетъ задуматься каждому. Они указываютъ, въ чемъ именно юридическій факультетъ невыгодно отклонился отъ другихъ факультетовъ,—въ неудовлетворительной постановкѣ учебнаго дѣла.

Очень грустныя, но вполнѣ вѣрныя заявленія относительно того-же вопроса находимъ мы также у проф. **Симоненко**. Онъ говоритъ: «Никто въ настоящее время не станетъ оспаривать того прискорбнаго явленія, что отсутствіе всякаго стремленія къ умственной самодѣятельности у нашей университетской молодежи составляетъ главную характеристическую особенность громаднаго большинства ея. Это показываетъ **отсутствіе любви къ наукѣ**, къ знаніямъ самимъ по себѣ. Не эти знанія привлекаютъ въ университетъ большинство учащихся, но тѣ служебныя права, которыя даются университетскими дипломами. А такъ какъ права эти предоставляются только послѣ успѣшныхъ экзаменовъ, то за изученіе наукъ, преподаваемыхъ

въ университетахъ, и берутся, обыкновенно, студенты только передъ самыми экзаменами, мало интересуясь въ теченіе всего предшествующаго имъ времени тѣмъ, что читается съ каѳедръ». «Въ теченіе всего года лекціи, обыкновенно, посѣщаются крайне слабо, больше для формы, и не записываются самими слушающими ихъ. Отъ этого труда учащіеся освобождаются издателями литографированныхъ профессорскихъ курсовъ» и пр.

Почтенный ученый, профессоръ и деканъ юридическаго факультета, говоритъ о студентахъ вообще, но его замѣчанія относятся, несомнѣнно, сугубо къ студентамъ-юристамъ. Какъ мы увидимъ далѣе, причиной всего этого онъ считаетъ отнюдь не особыя прирожденныя, такъ сказать, дурныя качества «студенческаго стада» (выраженіе г. Петражицкаго), а именно неудовлетворительную постановку преподаванія. Въ томъ-же духѣ академикъ И. И. **Янжулъ**, бывшій профессоръ-юристъ заявляетъ:

«Въ настоящее время многіе идутъ въ высшія учебныя заведенія не ради пріобрѣтенія знаній, а ради пріобрѣтенія тѣхъ правъ и привилегій, которыя даютъ дипломы. Это неминуемо должно вести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Высшія учебныя заведенія переполнены молодыми людьми, которые не посѣщаютъ лекцій, не интересуются практическими занятіями, а думаютъ только объ одномъ — объ успѣшномъ выдержаніи экзаменовъ, для чего они и готовятся по разнымъ конспектамъ. Естественно, что такіе люди, въ сущности, выносятъ изъ посѣщенія университетовъ очень мало, являются **полузнайками**, часто непригодными ни для государственной службы, ни для свободныхъ профессій.

«Я нахожу, вообще, что слишкомъ много говорятъ объ автономіи и организаціи. Безусловно эти требованія имѣютъ весьма важное значеніе, и не мнѣ, старому профессору, служившему при уставѣ 1863 г., выступать ихъ противникомъ. Но я утверждаю, что вся бѣда въ томъ, что наши студенты слишкомъ **мало учатся**, а профессора слишкомъ **мало учатъ**. Необходимо создать, поэтому, такой типъ университета, который-бы дѣйствительно служилъ разсадникомъ знающихъ, интеллигентныхъ и самостоятельныхъ работниковъ для всѣхъ областей государственной и общественной жизни».

Другой нашъ извѣстный ученый и академикъ В. В. **Заленскій** говоритъ: «Уставъ 1884 года, проникнутый насквозь

недовѣріемъ къ университетской автономіи и значительною долею формализма, упустилъ изъ виду главныя цѣли, которыя долженъ преслѣдовать университетъ, **какъ высшее учебное заведеніе**. А цѣли эти—ясны и очевидны. Въ университетъ поступаютъ молодые люди, чтобы учиться, слѣдовательно, университетъ долженъ стремиться къ тому, чтобы 1) обставить себя лучшими научными силами и 2) дать возможность студентамъ воспользоваться наилучшимъ образомъ всѣми тѣми средствами, которыя служатъ къ достиженію этой цѣли. Уничтоживъ автономію университетовъ и, главное, отнявъ у нихъ право выбора профессоровъ и преподавателей, съузивъ рамки педагогической дѣятельности формализмомъ, въ которомъ всегда проглядывало недовѣріе къ университетской коллегіи, министерство графа Делянова, само того не замѣчая, мало-по-малу, **отклонилось** отъ указанной главной цѣли университетовъ».

Снова, такимъ образомъ, мы находимъ указаніе на неудовлетворительный ходъ педагогической дѣятельности университетовъ. Приведенные отзывы достаточны собственно для того, чтобы пояснить выставленную выше общую мысль. Но ихъ полезно пополнить еще слѣдующими, отмѣчающими также другія стороны вопроса и имѣющими въ виду уже исключительно юридическіе факультеты. Начнемъ со словъ г. **Бородина**, который помѣстилъ рядъ столь интересныхъ статей въ газетѣ «Новости». У него мы читаемъ:

«Въ послѣднее время въ спеціальной и общей литературѣ идетъ оживленный обмѣнъ мнѣній о реформѣ юридическаго образованія. Юридическіе факультеты и школы даютъ тѣхъ, кто, начиная съ низшихъ и кончая высшими ступенями общественной лѣстницы, призванъ вносить элементы порядка, справедливости, благоденствія и силы во всѣ проявленія русской народной жизни, на плечахъ кого лежитъ сложная государственная и общественная машина Россіи. Непрестанный ростъ и усложненіе государственныхъ и общественныхъ задачъ требуютъ особыхъ знаній и особаго умѣнья отъ тѣхъ, въ чьи руки имѣетъ быть передано великое дѣло служенія родинѣ. Между тѣмъ, это ни для кого не тайна,—говоритъ проф. П. Казанскій,—учебное дѣло идетъ на юридическихъ факультетахъ **неудовлетворительно**».

Нѣкій **судебный дѣятель** (г. Z.), писавшій въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», идетъ еще дальше, быть можетъ, слишкомъ далеко. Онъ говоритъ:

«Какіе экземпляры выпускаютъ у насъ университеты, подъ пломбой бывшихъ кандидатовъ правъ, а нынѣ окончившихъ курсъ по 1 разряду, —это знаютъ всѣ судебные дѣятели. Я, напримѣръ, знаю кандидатовъ правъ—одного вѣрующаго въ то, что **чучело тигра** ежегодно линяетъ весной; другаго, пришедшаго въ отчаяніе, что въ оптическихъ магазинахъ Петербурга онъ не могъ найдти очковъ съ фокусами, которые ему прописалъ глазной врачъ. Всѣ предлагаемые ему очки, по его мнѣнію, никакого фокуса въ себѣ не заключали, а были простые, самые обыкновенные очки. Такихъ примѣровъ можно привести сотни. Я уже не говорю о грамотности: это—дѣло гимназіи, а не университетовъ; но кандидата, пишущаго «колиндоръ» вмѣсто «корридоръ», я имѣлъ случай видѣть».

Преподавая около 10 лѣтъ въ двухъ университетахъ, я не могу не заявить, что случаевъ подобнаго невѣжества мнѣ вовсе неизвѣстно. Тѣ профессора, которые говорятъ о неудовлетворительности знаній студентовъ-юристовъ, вовсе не хотятъ обвинять ихъ въ полномъ невѣжествѣ даже въ области права. Они находятъ только знанія студентовъ не соотвѣтствующими тому высокому представленію объ университетѣ, которое раздѣляемъ мы всѣ. Не думаю, чтобы кто-нибудь присоединился безъ оговорокъ къ словамъ г. Z. Г. Ал. Черк—овъ пишетъ въ тѣхъ-же «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» нѣчто болѣе основательное.

«Въ нашъ вѣкъ труда и экономіи времени гг. «юридическіе младенцы» производятъ впечатлѣніе диссонанса, неприспособленности къ жизненнымъ условіямъ; значительная молодая сила общества, усвоивъ внѣшній юридическій лоскъ, вступаетъ въ жизненную борьбу **безъ прочныхъ и основательныхъ знаній, безъ опытности, безъ любви къ дѣлу**; тѣ высокіе идеалы правовой науки, которые должны были-бы быть «свято оберегаемы», должны-бы согрѣвать и озарять путь дѣятельности универсантовъ, быстро блекнутъ и скоро въ жизненной сутолокѣ забываются по той причинѣ, что идеалы эти не были прочувствованы и выстраданы, а только внѣшнимъ образомъ скомканы, нанизаны на одну тонкую ниточку, оборвавшуюся при первомъ-

же соприкосновеніи съ реальной жизнью, и усвоены единственно для полученія диплома. **Массовое юридическое невѣжество** оканчивающихъ университетъ — фактъ общепризнанный... Понятно, что такой порядокъ вещей, размножающій богомольцевъ безъ святыхъ мѣстъ, долженъ былъ вызвать реакцію, и вотъ мы видимъ, что какъ общество, такъ и офиціальныя учебныя сферы направляютъ свою дѣятельность **на обновленіе и одухотвореніе заплѣснѣвшаго**—было за послѣднее время университетскаго юридическаго образованія».

«Въ юридическихъ аудиторіяхъ нашихъ университетовъ, дѣйствительно происходитъ», говоритъ «Вѣстникъ Воспитанія», реферируя нашу книгу, «какое-то крупное педагогическое **недоразумѣніе**, которое ведетъ, между прочимъ, къ тому, что студенты-юристы мало интересуются профессорскими лекціями и даже вообще наукою права».

Наконецъ, г. **Грибовскій** упоминаетъ о «постоянныхъ жалобахъ, что университеты выпускаютъ очень часто совершенно неподготовленныхъ и даже **невѣжественныхъ** людей», а г. **Слiозбергъ** совершенно кстати напоминаетъ свои прежнія замѣчанія относительно разобщенности преподаванія права отъ **практическихъ потребностей** и относительно неподготовленности лицъ, оканчивающихъ юридическіе факультеты. На словахъ его намъ приходилось останавливаться въ другомъ мѣстѣ и, поэтому, мы здѣсь ихъ уже не коснемся. Никто не скажетъ, что картина, рисующаяся въ приведенныхъ отзывахъ, утѣшительна.

Чѣмъ-же объясняется описанное печальное явленіе? **Причинъ**, какъ постоянно бываетъ въ общественныхъ явленіяхъ, **не одна**. Съ бóльшимъ, или меньшимъ удареніемъ всѣ онѣ указываются въ нашей печати. Указываютъ на разные недостатки университетскаго устройства и управленія. Указываютъ, далѣе, на то, что учащіеся не выносятъ изъ средней школы ни знаній, ни умѣнья работать, что университетъ не обращаетъ вниманія на общее образованіе студентовъ, что послѣдніе интересуются не наукой, а дипломомъ. Далѣе, идутъ жалобы на профессоровъ. Говорятъ о пониженіи уровня профессоровъ по сравненію съ прошлымъ, о томъ, что профессора мало работаютъ для науки, плохо читаютъ лекціи,

стремятся имѣть рядомъ съ профессурой и другія занятія и пр. Нѣкоторые доходятъ, приэтомъ, до того, что главной задачей считаютъ очищеніе университетовъ отъ тѣхъ лицъ, которыя «не по праву» попали на каѳедры. Болѣе убѣдительными, однако, кажутся нареканія на неправильную постановку юридическаго образованія: слишкомъ много предметовъ преподается на юридическихъ факультетахъ, между тѣмъ спеціализація не допускается, предметы проходятся чрезвычайно обстоятельно, программы ихъ не согласованы между собою; въ то-же самое время порядокъ изученія отдѣльныхъ предметовъ невсегда удаченъ, а особое значеніе придается римскому праву, для чего нѣтъ у насъ никакихъ основаній, и пр., и пр. Раздѣляя многія изъ предложеній, которыя дѣлаются съ цѣлью улучшить положенія дѣла, мы не можемъ, къ сожалѣнію, коснуться ихъ въ этомъ мѣстѣ. Въ настоящей книгѣ мы остановимся только на постановкѣ факультетскаго преподаванія. Дѣйствительно, одной изъ причинъ неудовлетворительнаго хода занятій студентовъ и со студентами является, по указанію многихъ лицъ, также **неудовлетворительность** примѣнявшагося до послѣдняго времени пріема факультетскаго **преподаванія**. Существуетъ воззрѣніе, что толковать о правильной постановкѣ преподаванія юридическихъ наукъ совершенно напрасно. **Г. Сліозбергъ** говоритъ:

«Всѣ разсужденія о лекціонной системѣ, о системѣ самодѣятельности слушателей безплодны, не смотря на все глубокомысліе ихъ; нельзя никого научить быть ораторомъ, даже самая наука риторики упразднена и, къ сожалѣнію, совершенно забыта. Точно также нельзя напередъ прописанными правилами создать хорошаго преподавателя, или хорошую пропедевтику. Какъ читать, какъ держать слушателя въ неослабномъ вниманіи, возбуждать его мысль, не утомлять его монотонностью, слишкомъ большою абстрактностью изложенія, слишкомъ мелкою дробностью, это—**дѣло таланта**, преподавательскаго дара, не всегда сопровождающаго ученыя качества профессора.

«Одно, конечно, несомнѣнно, что **считываніе съ тетрадки** положеннаго числа страницъ, произнесеніе лекціи, заученной наизусть вслѣдствіе многаго повторенія, монотонно, безъ работы мысли, а механически—есть совершенно выброшенный трудъ, напрасная трата времени, безполезное утомленіе слушателя, котораго онъ избѣгаетъ непосѣщеніемъ лекцій; оно способно вы-

звать только неохоту къ предмету, иногда даже отвращеніе къ нему. О такомъ чтеніи лекцій, къ сожалѣнію весьма обычномъ у насъ, едва-ли стоитъ и говорить». Таково мнѣніе г. Сліозберга. Врядъ-ли можно вполнѣ согласиться съ нимъ.

Несомнѣнно, что успѣшность преподаванія зависитъ, въ значительной степени, отъ таланта преподавателя, но въ то-же самое время несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи большую роль играютъ и **знаніе**, и **умѣнье**, которыя пріобрѣтаются постепенно и тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе преподаватель имѣетъ возможность пользоваться наблюденіями и заключеніями другихъ лицъ. Если-бы слѣдовать г. Сліозбергу, то надо было-бы отвергнуть не только риторику, но и педагогику. Самъ г. Сліозбергъ, не смотря на свое общее заявленіе, что этого вопроса нѣтъ основанія обсуждать, высказывается, однако, противъ того пріема преподаванія, который, по его мнѣнію, является господствующимъ на русскихъ юридическихъ факультетахъ. Во всякомъ случаѣ, множество лицъ, писавшихъ и толковавшихъ о правильной постановкѣ преподаванія права, не согласны съ выставленной имъ точкой зрѣнія.

Спѣшимъ, только, сдѣлать одну оговорку. Обсуждать значеніе той, или другой постановки факультетскаго преподаванія вовсе не значитъ требовать, чтобы всѣмъ профессорамъ были навязаны совершенно одни и тѣ-же педагогическіе пріемы. Нѣтъ, каждому изъ нихъ должно быть, въ извѣстной мѣрѣ, представлено на его **свободное усмотрѣніе** воспользоваться, или не воспользоваться различными пріемами, общее значеніе которыхъ выясняется въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ. Всѣмъ преподавателямъ могутъ быть указаны только нѣкоторыя, немногія общія требованія, соблюденіе которыхъ совершенно необходимо для того, чтобы факультеты выполняли тѣ задачи, которыя возлагаются на нихъ государствомъ. Не надо упускать изъ виду, что, кромѣ общихъ условій правильнаго хода учебнаго дѣла, имѣются еще спеціальныя, зависящія отъ разныхъ причинъ и прежде всего отъ особенностей каждой отдѣльной науки и отъ личныхъ данныхъ преподавателя. Эти спеціальныя данныя играютъ громадную роль въ такомъ въ высшей степени сложномъ дѣлѣ, какъ преподаваніе научныхъ истинъ студентамъ, т. е., уже болѣе или менѣе взрослымъ людямъ.

Было-бы, однако, ошибкой придавать вопросу о постановкѣ преподаванія,—не образованія, а именно преподаванія,—слишкомъ большое значеніе. Мы уже видѣли выше, что на правильный ходъ учебнаго дѣла въ университетѣ вліяютъ много причинъ. Мы остановились лишь на одной и вовсе не главной. Она имѣетъ большое значеніе, но правильной постановкой преподаванія отнюдь не исчерпывается вопросъ о правильной постановкѣ юридическаго образованія. Никакъ нельзя согласиться со слѣдующими словами г. Гессена.

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, именно, постановкой преподаванія университетъ отличается отъ высшей технической школы». Техническая школа, говоритъ г. Гессенъ, «готовитъ «практиковъ», и потому пріемы преподаванія въ ней необходимо имѣютъ или должны имѣть практическій характеръ». «Въ университетѣ практическій элементъ преподаванія отступаетъ на второй планъ предъ теоретическимъ». Отсюда, надо думать, и пріемы преподаванія должны носить теоретическій характеръ. «Вопросъ о реформѣ университетскаго преподаванія въ той формѣ, въ какой онъ ставится теперь,—т. е., добавимъ отъ себя, при веденіи практическихъ занятій,—въ сущности есть, говоритъ г. Гессенъ, «вопросъ о томъ, **быть или не быть университету**».

Ничего такого, конечно, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Между университетами и высшими техническими школами вовсе нѣтъ той грани, какую указываетъ г. Гессенъ. Какъ тѣ, такъ и другія преслѣдуютъ двѣ основныя цѣли: дать учащимся **знаніе** и дать имъ **умѣнье**. Разница между ними лишь въ широтѣ научныхъ и преподавательскихъ задачъ. Школа замыкается въ узкую спеціальность, а университетъ, въ идеѣ, обнимаетъ все знаніе, какъ общее, такъ и спеціальное. Никакихъ способовъ преподаванія особыхъ для теоріи и особыхъ для практики опять-таки вовсе нѣтъ. При помощи каждаго извѣстнаго нынѣ пріема можно преподавать и теорію, и практику. Въ частности, и такъ называемыя практическія занятія въ университетахъ могутъ такъ-же хорошо служить цѣлямъ теоріи, какъ и лекціи, и наоборотъ. Практика житейская и практика университеская имѣютъ очень мало общаго между собою. И этого не знаютъ только тѣ лица, которыя совершенно никакого понятія о задачахъ юридическихъ факультетовъ не имѣютъ, хотя, быть можетъ, и берутъ на себя

смѣлость писать о нихъ. О дѣйствительномъ значенiи университетской практики будетъ еще рѣчь въ дальнѣйшемъ. Такимъ образомъ, если въ словахъ г. Слiозберга нельзя не видѣть извѣстнаго преувеличенiя, то противуположныя имъ заявленiя г. Гессена уже совершенно невѣрны.

Въ какомъ-же смыслѣ можно говорить о постановкѣ преподаванiя на юридическихъ факультетахъ? До самаго послѣдняго времени на нихъ господствовала, такъ называемая, лекцiонная система. Эта знаменитая система состояла въ томъ, что всѣ профессора факультета, каждый на свой образецъ, произносили одинъ за другимъ **монологи** передъ безмолвствующей аудиторiей. Эти рѣчи профессоровъ студентъ слушалъ каждый день и всѣ четыре года своего пребыванiя на факультетѣ. Система налагала на профессоровъ обязанность говорить по стольку-то часовъ въ день, а на студентовъ — слушать это говоренiе. Было время, когда она господствовала и вообще въ университетѣ. Но за послѣднiе годы мѣстомъ ея убѣжища былъ исключительно юридическiй факультетъ, такъ какъ всѣ остальные факультеты рядомъ съ чтенiемъ лекцiй ввели и многiе другiе прiемы преподаванiя.

Дѣйствительно, опытъ показалъ, что лекцiонная система не достигаетъ всѣхъ тѣхъ цѣлей, преслѣдованiя которыхъ возлагается на университеты, и что *рядомъ съ чтенiемъ лекцiй, т. е., рядомъ съ примѣненiемъ ораторскаго слова, или монолога въ преподаванiи возможны и еще иные прiемы, а именно: записыванiе учащимися нужныхъ имъ свѣдѣнiй, самостоятельное чтенiе учащимися учебныхъ пособiй и ученыхъ сочиненiй, бесѣды профессора съ его слушателями (дiалогическая форма), письменныя и устныя упражненiя учащихся, работы ихъ внѣ стѣнъ школы въ области тѣхъ явленiй, надъ изученiемъ которыхъ они трудятся въ университетѣ, работы ихъ въ разныхъ учебно-научныхъ установленiяхъ при университетѣ: архивахъ, музеяхъ, кабинетахъ, библiотекахъ, клиникахъ, лабораторiяхъ и т. д.* И всѣ факультеты поспѣшили воспользоваться всѣми этими средствами для расширенiя и болѣе научной постановки своего преподаванiя, соединяя ихъ, такъ или иначе, въ одну систему. Нынѣ очередь пришла и для юридическаго факультета.

Каждый изъ перечисленныхъ, извѣстныхъ нынѣ, пріемовъ высшаго преподаванія, какъ это опять-таки показалъ опытъ, имѣетъ **свое незамѣнимое значеніе**, что касается достиженія тѣхъ или другихъ задачъ факультетскаго преподаванія. Слѣдуетъ, значитъ, пользоваться каждымъ изъ нихъ въ извѣстной разумной мѣрѣ. Приэтомъ задача состоитъ, конечно, не въ томъ, чтобы защищать извѣстный пріемъ преподаванія и отвергать другіе, а въ томъ, чтобы правильно оцѣнить значеніе каждаго изъ нихъ и каждому указать его мѣсто въ общей системѣ факультетскихъ занятій. Многіе изъ нихъ находили себѣ примѣненіе и при господствѣ лекціонной системы, но примѣненіе это носило случайный характеръ. Ихъ то примѣняли, то оставляли отдѣльные преподаватели нѣкоторыхъ предметовъ. За ними не было признано права гражданства въ факультетскомъ учебномъ дѣлѣ. Для нихъ даже не было и мѣста, такъ какъ все учебное время было занято обязательнымъ чтеніемъ лекцій. Для того, чтобы они получили должное развитіе слѣдуетъ, чтобы примѣненіе лекціоннаго метода было сведено въ тѣ границы, въ которыхъ онъ является, несомнѣнно, полезнымъ, чтобы было очищено время и для другихъ занятій студентовъ и съ студентами, словомъ, чтобы лекціонная система была замѣнена—сложной, состоящей изъ нѣсколькихъ пріемовъ и обезпечивающей достиженіе всѣхъ цѣлей факультетскихъ занятій. Позволимъ себѣ еще нѣкоторые подробности.

Должна быть выработана именно **система**, т. е., планъ занятій учащихся, самостоятельныхъ и подъ руководствомъ профессоровъ, планъ который обезпечилъ-бы достиженіе всѣхъ основныхъ цѣлей преподаванія проходимыхъ на факультетѣ предметовъ. Цѣли эти, какъ мы уже знаемъ, разныя, разными-же являются и преподаваемые предметы и способности отдѣльныхъ учащихся и учащихъ, а поэтому и система занятій можетъ быть не только лекціонной или семинарской и т. п., а сложной; только такая система будетъ научной системой, т. е. удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ психологіи и педагогіи. Примѣненіе-же исключительно лекціоннаго метода не только не представляетъ собой научной системы преподаванія, но и вообще никакой системы не составляетъ, такъ какъ разные пріемы чтенія

лекцій (по тетрадкѣ и безъ тетрадки, съ актерскими пріемами и безъ оныхъ и т. п.) не могутъ представлять достаточно данныхъ для этого. Подъ системой мы понимаемъ согласное цѣлое, отдѣльныя части котораго взаимно пополняли-бы другъ друга для того, чтобы дать истинно широкое и научное образованіе молодымъ юристамъ. Что-же сказать о подобной системѣ?

Прежде всего, пріемы преподаванія должны быть таковы, чтобы дать учащимся какъ **знанія**, такъ и **умѣнья**, необходимыя для научно-образованнаго юриста. Если знанія можно еще, пожалуй, пріобрѣсти болѣе или менѣе пассивнымъ путемъ, то умѣнья могутъ быть выработаны только при извѣстныхъ упражненіяхъ со стороны учащихся. Такимъ образомъ, уже это одно обстоятельство исключаетъ возможность основать факультетскія преподаванія на одномъ какомъ-либо пріемѣ. Но мы не должны упускать изъ виду и другой стороны дѣла: разнообразія юридическихъ наукъ, преподаваемыхъ на юридическихъ факультетахъ, и разнообразія въ способностяхъ и дарованіяхъ тѣхъ лицъ, которыя эти науки изучаютъ или преподаютъ.

Система занятій, примѣняемая на юридическихъ факультетахъ, не должна, поэтому, замыкаться въ кругъ разъ навсегда опредѣленныхъ пріемовъ преподаванія, какъ это было при господствѣ лекціоннаго метода. Она должна давать каждому учащему и каждому учащемуся **достаточный просторъ** въ выборѣ болѣе подходящихъ для ихъ личности и для изучаемой ими науки пріемовъ работы такъ, чтобы каждый могъ идти, хотя и въ извѣстныхъ рамкахъ, но все-же своей широкой и свободной дорогой. Въ особенности, конечно, преподавателю должна быть предоставлена возможно большая свобода дѣйствія. Это понятно само собой и особо распространяться по этому вопросу не приходится. Доказывать, что не можетъ подробно разработанной обязательной для всѣхъ преподавателей всѣхъ предметовъ системы преподаванія, совершенно не стоитъ, тѣмъ болѣе, что подобная мысль, сколько намъ извѣстно, никѣмъ и не высказывалась, а опытъ лекціонной системы достаточно убѣдительно показалъ всѣ нежелательныя послѣдствія обязательнаго примѣненія всѣми и всегда одного и того-же пріема. Возможно только выставить нѣкоторыя общія требованія, которымъ желательно, чтобы удовлетворяли всѣ преподаватели. Эти требованія можетъ устанавливать хотя-бы каждый отдѣльный факультетъ для своихъ чле-

новъ. Болѣе опредѣленныя условія могутъ быть выработаны лишь относительно преподаванія отдѣльныхъ наукъ. Эти условія могутъ быть установлены, напр., соотвѣтствующими спеціалистами преподавателями этихъ наукъ. Но только каждый преподаватель можетъ выработать, конечно, подъ контролемъ университета, подробный планъ занятій учащихся по его предмету. Переходимъ къ учащимся.

Учащійся не можетъ, конечно, быть оставленъ безъ всякаго руководства, но это послѣднее не должно: 1) превращаться въ докучную опеку, т. е., появляться въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ и самъ въ состояніи справиться съ разными трудностями, и 2) выражаться во внѣшнихъ понудительныхъ къ работѣ дѣйствіяхъ. Отъ учащагося можно требовать исполненія извѣстныхъ обязательныхъ работъ, извѣстныхъ обязательныхъ условій, но принуждать его къ этому путемъ внѣшняго давленія было-бы ошибкой.

Напомнимъ снова два основныхъ положенія, изъ которыхъ мы исходили въ нашей предшествующей книжкѣ. «*Помощь, которая можетъ быть оказываема учащимся со стороны преподавателей, должна ограничиваться только тѣми случаями, когда она оказывается безусловно необходимой, но въ этихъ случаяхъ она должна быть дѣйствительной, а не только воображаемой. Она не только безполезна, но даже и вредна, если она приходитъ непрошенная, или оказывается чисто внѣшней, формальной*». «*Принужденіе не должно играть никакой роли тамъ, гдѣ существуетъ достаточно данныхъ, чтобы все само собою шло хорошо. Оно можетъ быть, при этихъ условіяхъ, только вреднымъ. Оно внушитъ отвращеніе и ужасъ* къ наукѣ, заслонитъ отъ учащихся полезныя и привлекательныя стороны ея и никогда не достигнетъ цѣли, такъ какъ, какія-бы мѣры ни принимались, всегда найдутся способы къ обходу ихъ, и, чѣмъ строже будетъ принужденіе, тѣмъ меньшимъ нравственнымъ достоинствомъ будутъ отличаться пріемы обхода».

Во всякомъ случаѣ, какъ-бы искусно и искусственно ни придумали мы систему опеки и принужденія, она не достигнетъ цѣли, если не будетъ главнаго, не будетъ свободнаго побужденія къ занятіямъ. Главное и здѣсь — **не угашать духа**, поддерживать умственную самостоятельность учащихся, укрѣплять

въ нихъ свободный интересъ къ наукѣ. И здѣсь мы переходимъ къ третьему основному началу, которое было выставлено въ указанной брошюрѣ. «Началомъ университетскихъ занятій должно быть усвоеніе учащимися научныхъ истинъ и практическихъ знаній послѣ, по возможности, самостоятельнаго исканія ихъ и сужденія о нихъ. Безъ этого нѣтъ и не можетъ быть настоящаго, т. е., пригоднаго къ примѣненію на дѣлѣ знанія. *Только то знаніе, которое мы дѣятельно ищемъ и самостоятельно усваиваемъ, можетъ, дѣйствительно, обогатить нашу память, расширить умъ и дать способность къ дѣйствію. И чѣмъ самостоятельнѣе пріобрѣтается знаніе, тѣмъ болѣе глубокіе корни пускаетъ оно въ памяти и умѣ учащагося, тѣмъ болѣе становится живымъ двигателемъ его мысли и его дѣла.* Самодѣятельность — главный залогъ воспитанія учащагося къ его будущему жизненному пути».

Всѣ эти столь естественныя требованія правильной постановки учебнаго дѣла рѣшительно нарушались при господствѣ лекціонной системы. Всѣ преподаватели всѣхъ предметовъ должны были пользоваться однимъ обязательнымъ для всѣхъ пріемомъ преподаванія. Всѣхъ учащихся принудительно заставляли прибѣгать также къ нему. Преподаватели вели учащихся на помочахъ, объясняя имъ все, и главное, и подробности предметовъ, занимая все рабочее время ихъ, не оставляя имъ возможности самостоятельно работать въ году. Каждый преподаватель долженъ былъ прочесть полностью свой предметъ. Самостоятельно работать учащіеся начинали только передъ экзаменами. Были пущены въ ходъ всѣ возможныя принудительныя мѣры для того, чтобы заставить студентовъ слушать монологи профессоровъ. Понятно, что должно было получаться при такой постановкѣ дѣла...

Мысли, подобныя только что изложеннымъ, а иногда и тождественныя съ ними, можно найти у очень многихъ лицъ. Такъ проф. **Есиповъ** пишетъ:

«Теперь у насъ, сознаться надо, лекціи составляютъ предпочтительный способъ преподаванія права; практическія занятія по юридическимъ наукамъ имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Не такъ, конечно, должно быть. Истина, какъ всегда, по серединѣ. **Практическимъ занятіямъ** въ области юриспру-

денціи слѣдуетъ отвести **мѣсто, равносильное лекціямъ**, не умаляя значенія ни тѣхъ, ни другихъ».

Въ томъ-же духѣ высказывается и г. **Ермиловъ**. Онъ говоритъ:

«Слѣдуетъ предоставить профессору **полную свободу преподавать**, какъ угодно. Чувствуетъ онъ въ себѣ силу, главнымъ образомъ къ живому, искусному изложенію предмета — пусть и устремляетъ на это дѣло все свое вниманіе, а для семинарій у него могутъ быть свои помощники; не признаетъ онъ въ себѣ оратора и лектора — пусть направитъ все свое вниманіе на то, въ чемъ его главная сила, что онъ любитъ всего болѣе — на руководительство практическими занятіями молодежи. Но отрицать или упразднять одно во имя другого или оставить одно, уничтожая, либо ослабляя другое, — это было-бы очень нецѣлесообразной мѣрой, которая оказалась-бы слишкомъ односторонней, и едва-ли можно было-бы оправдать ее съ мало-мальски удовлетворяющей основательностью».

Къ этому **«Новое Время»** прибавляетъ отъ себя: «Такая постановка дѣла, безспорно, имѣетъ много за себя. Съ одной стороны, студенты были-бы избавлены отъ необходимости выслушивать въ неважномъ устномъ изложеніи то, что они могли-бы съ гораздо большимъ удобствомъ прочесть у себя дома по печатной книжкѣ того-же лектора. А съ другой стороны, сохранилось-бы и то несомнѣнно хорошее, что даетъ талантливый лекторъ. Говорить-же о полной замѣнѣ лекцій книгой—едва-ли можно. Живая рѣчь имѣетъ свои незамѣнимыя достоинства. **Пьеса въ чтеніи** производитъ совершенно иное и несравненно меньшее впечатлѣніе, нежели на сценѣ. То-же самое можно сказать и относительно лектора, особенно талантливаго».

Въ **«Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»** мы читаемъ въ статьѣ, подписаной буквами Н. К., слѣдующія важныя соображенія:

«Университетскіе уставы 1863 и 1884 годовъ положили въ основу университетскаго преподаванія **обязательную систему лекцій**; практическія работы студентовъ получили довольно широкое развитіе только на медицинскомъ и естественномъ факультетахъ; на остальныхъ онѣ были рѣдкими и случайными

явленіями. Съ 1899 г., послѣ циркуляра 21 іюня и ассигновки 32 тысячъ рублей въ годъ на усиленіе практическихъ занятій, онѣ появились на всѣхъ факультетахъ, какъ обязательныя для студентовъ. Но, все-таки, онѣ не заняли того мѣста, которое должно-бы имъ принадлежать — онѣ не вошли въ систему университетскаго преподаванія, какъ **его важная**, необходимая часть.

«Теперь практическія работы совершенно стушевываются предъ обязательными лекціями и являются лишь незначительной добавкой къ нимъ. А, между тѣмъ, для успѣха дѣла, нужно не механическое присоединеніе практическихъ занятій къ лекціямъ, а **органическое сліяніе обоихъ методовъ преподаванія въ одну систему**, въ которой они восполняли-бы другъ друга. Расширеніе практическихъ занятій требовало-бы, конечно, при правильномъ взглядѣ на дѣло, измѣненій въ системѣ лекцій, а, между тѣмъ, она осталась безъ всякихъ перемѣнъ и самое число лекцій не уменьшилось. Это обстоятельство заранѣе обрекаетъ практическія занятія на очень малое значеніе въ системѣ университетскаго нашего преподаванія (кромѣ понятно, естественнаго и медицинскаго факультетовъ).

«Теперь студенту приходится слушать отъ 3 до 5 обязательныхъ лекцій въ день, столько-же времени должно уйти, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, на домашнія занятія, необходимыя для того, чтобы слѣдить за курсомъ, знакомиться съ литературой и т. п. Для практическихъ занятій въ университетѣ **времени почти не хватитъ**, или придется жертвовать лекціями, либо домашней работой. Поэтому вполнѣ резонно факультеты назначаютъ очень небольшое число обязательныхъ часовъ практическихъ занятій: при господствѣ лекцій больше назначить нельзя. Такимъ образомъ, большинство занимающихся студентовъ сосредоточивается на чемъ-нибудь одномъ: либо усердно слушаетъ лекціи, но мало имѣетъ времени работать практически, или наоборотъ.

«На медицинскомъ и естественномъ факультетахъ, гдѣ для зачета полугодій нужно выполнить сложныя и требующія времени работы, вниманіе студентовъ сосредоточивается на практическихъ занятіяхъ, для лекцій остается очень мало времени. На остальныхъ факультетахъ студентъ въ лучшемъ случаѣ усердно работаетъ практически по одному предмету, такъ какъ, занимаясь по нѣсколькимъ (что возможно, но не обязательно),

ему пришлось-бы забросить слушаніе лекцій. А въ большинствѣ, **на практическія занятія** смотрятъ, **какъ на нѣчто второстепенное**, и если для зачета нужно участіе въ нихъ, то огромная масса студентовъ сводитъ его къ возможному minimum'у. Оба случая ненормальны: студентъ долженъ и слушать лекціи, и работать практически; при нынѣшнемъ распредѣленіи занятій это невозможно, а потому было-бы весьма желательно, чтобы установился правильный порядокъ, когда оба метода преподаванія, и лекціонный, и практическій, каждый по своему, содѣйствовали-бы научному развитію студентовъ».

Намъ очень жаль, что прекрасная статья, на которую мы сдѣлали столь обширную ссылку, не подписана, и мы лишены такимъ образомъ возможности знать, кто ея авторъ. Очень характерно для нашего времени, что рядомъ съ подобными неподписанными появляются другія, подписанныя, не смотря на то, что онѣ явно написаны по одной какой-либо книгѣ, или какъ принято нынѣ вѣжливо выражаться, «по поводу» какой-либо книги. Причемъ г. списыватель, обыкновенно, скромно умалчиваетъ о томъ, что именно онъ заимствовалъ изъ этой книги, и съ большимъ, или меньшимъ остервенѣніемъ набрасывается на тѣ мѣста ея, — хотя-бы совершенно незначительныя подробности, — противъ которыхъ онъ въ состояніи, правдой или неправдой, что-либо возразить. Однако, мы не можемъ не сдѣлать изъ статьи г. Н. К. еще слѣдующей выдержки, содержащей въ себѣ столь-же цѣнныя данныя.

«Намъ кажется, что всего лучше и вѣрнѣе можно придти къ указанной цѣли, предоставивъ профессорамъ и приватъ-доцентамъ университета **бо́льшую свободу преподаванія**, чѣмъ та, которой они пользуются по дѣйствующему уставу 1884 года. По § 67 этого устава, «профессоръ обязанъ посвящать преподаванію по занимаемой имъ каѳедрѣ достаточное число часовъ въ недѣлю, примѣнительно къ 6-ти-часовой нормѣ». Значитъ, профессоръ, занимающій каѳедру, долженъ въ отведенные ему часы обязательно читать лекціи; онъ можетъ вести и практическія упражненія, но сверхъ лекцій, а не вмѣсто нихъ. Будь у профессоровъ бо́льшая свобода преподаванія и выбора методовъ, то многіе изъ нихъ съ успѣхомъ могли-бы прекратить чтеніе курсовъ въ нынѣшнихъ ихъ объемахъ, а освободившіеся такимъ

образомъ часы посвятить **руководству работами** студентовъ. Особенно широкое примѣненіе могла-бы найти эта система на каѳедрахъ гуманитарныхъ наукъ, такъ какъ здѣсь **учебникъ** гораздо чаще можетъ замѣнить лектора, чѣмъ въ наукахъ естественныхъ.

«Конечно, лекціи не могутъ исчезнуть совсѣмъ, да это и нежелательно, но, при полной свободѣ преподаванія, онѣ перестанутъ занимать то преобладающее положеніе, которое есть **очевидный пережитокъ**, а станутъ въ системѣ преподаванія на то мѣсто, которое должно имъ принадлежать по условіямъ времени и развитія научной и учебной литературы. Практика укажетъ наилучшія группировки и взаимныя отношенія лекцій и практическихъ занятій. Никакія заранѣе установленныя нормы не нужны и даже вредны, такъ какъ все должно опредѣляться условіями отдѣльныхъ случаевъ. При развитіи приватъ-доцентуры и облегченіи доцентамъ доступа къ преподаванію путемъ разнообразной комбинаціи и примѣненія разныхъ системъ преподаванія, обнаружатся и займутъ господствующее мѣсто наиболѣе удобныя формы преподаванія.

«Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ этомъ процессѣ лекціямъ пришлось-бы отступать все болѣе на **задній планъ**, но улучшалась-бы учебная литература, замѣняющая лекціи. Пироговъ правильно замѣчалъ, что при рекомендуемомъ имъ **«сократовскомъ»** способѣ преподаванія, «профессору не было-бы никакой необходимости читать свои лекціи всякій день и терять время на систематическое изложеніе такихъ истинъ, которыя каждый слушатель, знающій грамоту и хоть сколько-нибудь подготовленный, можетъ самъ прочитать, не спѣша и хорошенько обдумавъ, въ любомъ учебникѣ. А каждый наставникъ могъ-бы съ бóльшею пользою употребить свое время на составленіе хорошихъ руководствъ, монографій и на разговорное объясненіе того, что дѣйствительно должно быть уяснено». А практика непосредственнаго руководства студенческими занятіями создала-бы такія его формы, которыя всего успѣшнѣе достигали-бы цѣли». Таковы соображенія г. Н. К. Мы были-бы весьма удивлены, если-бы оказалось, что они принадлежатъ не одному изъ профессоровъ-юристовъ. Пойдемъ, однако, дальше.

У проф. **Симоненко** мы читаемъ: «Умственное и нравственное разъединеніе между учащими и учащимися, какъ общее, заурядное явленіе, не можетъ не имѣть самыхъ прискорбныхъ послѣдствій не только для усвоенія молодежью знаній, сообщаемыхъ съ университетскихъ кафедръ, но и для хода всей университетской жизни, особенно при томъ слишкомъ рѣзкомъ переходѣ **отъ веденія** юношества **во всемъ на помочахъ** въ гимназіяхъ—къ полной свободѣ отъ всякаго контроля въ университетѣ. Этотъ ненормальный скачекъ въ жизни кружитъ голову большинства молодыхъ людей на первыхъ двухъ курсахъ. Прежде чѣмъ они освоятся со своимъ новымъ положеніемъ, у нихъ пропадаетъ много драгоцѣннаго времени безплодно для занятій наукою. Полная свобода отъ контроля въ научныхъ занятіяхъ въ теченіе всего года до наступленія экзаменовъ предполагаетъ полную умственную и нравственную зрѣлость учащихся, умѣніе съ ихъ стороны разобраться въ совершенно новыхъ для нихъ жизненныхъ условіяхъ, чтобы поставить себя въ правильныя отношенія къ нимъ. Но получаемое въ гимназіяхъ образованіе дѣлаетъ-ли поступающихъ въ университетъ способными къ этому?» Такова основная точка зрѣнія почтеннаго ученаго. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ уже спеціально о практическихъ занятіяхъ слѣдующее:

«Для пріобрѣтенія знаній наиболѣе желательнаго качества, (т. е. осмысленныхъ), участіе университетской молодежи въ практическихъ занятіяхъ **безусловно необходимо**. Противъ **обязательности этого участія** горячо возстаютъ противники практическихъ занятій; но чтобы быть послѣдовательными, они должны-бы въ такомъ случаѣ возставать и противъ обязательности экзаменовъ. Разъ, въ ихъ планы не входитъ освобожденіе учащихся отъ экзаменовъ, то не должно входить и освобожденіе молодежи отъ того, что служитъ лучшей гарантіей правильности провѣрки знаній ея.

«Признавая обязательность экзаменовъ и отрицая обязательность практическихъ занятій, нѣкоторые находятъ почему-то только послѣднюю несовмѣстимой съ понятіемъ о студентахъ, какъ о взрослыхъ людяхъ. «Одно изъ двухъ», говоритъ г. Гессенъ: «либо высшее образованіе получается подростками, нуждающимися въ **принудительной опекѣ** — и въ такомъ случаѣ режимъ высшей школы долженъ совпадать во всѣхъ отношеніяхъ съ режимомъ средней; либо оно получается зрѣлыми

юношами, и въ такомъ случаѣ принудительная опека не нужна». На это можно отвѣтить, что въ отношеніи большинства университетской молодежи, ни то, ни другое изъ этихъ двухъ предположеній, не вѣрно. Поступающихъ въ университетъ нельзя считать ни за подростковъ, ни за вполнѣ зрѣлыхъ юношей. Это молодые люди, находящіеся въ переходной стадіи развитія, и потому къ нимъ нельзя примѣнить ни одной изъ двухъ крайностей, а надо держаться золотой средины». Другими словами, г. Симоненко утверждаетъ то самое, что было и нами высказано. Руководство занятіями студентовъ необходимо, но оно не должно выражаться въ докучной опекѣ и внѣшнемъ принужденіи.

Проф. **Виноградовъ** высказывается столь-же опредѣленно, какъ и проф. Симоненко, противъ свободы ученья, или, какъ онъ говоритъ, слушанія, и именно по слѣдующимъ соображеніямъ.

«Для того, чтобы дѣйствительно провести свободный **выборъ между преподавателями**, необходимо имѣть возможность, по крайней мѣрѣ, дублировать преподаваніе всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ. Располагаемъ-ли мы такимъ запасомъ ученыхъ, хотя-бы между приватъ-доцентами, не говоря уже о профессорахъ, чтобы устроить между ними дѣйствительную конкурренцію?

«Свобода слушанія, при нравахъ нашей учащейся молодежи, способна повести лишь къ **полной дезорганизаціи** и безъ того слабыхъ силъ и средствъ большинства нашихъ университетовъ». «Общество само еще такъ не устроено, что нуждается скорѣе въ благодѣтельномъ воздѣйствіи со стороны университета, чѣмъ способно оказать на него такое воздѣйствіе; идейныя противоположности рѣзче, смута въ умахъ и отношеніяхъ слишкомъ велика, темпераменты нервнѣе (чѣмъ въ Германіи)». «Было-бы плохой услугой нашей молодежи оставить ее совершенно безъ указаній во время прохожденія университетскаго курса.

«Къ этому присоединяется и другой рядъ соображеній, выяснившійся съ особенной силой за послѣднее время: свобода слушанія въ университетѣ обратитъ нашихъ студентовъ **въ вольныхъ слушателей**. Между теперешнимъ предоставленіемъ оканчивающимъ курсъ въ университетѣ служебныхъ профессіональныхъ правъ и опредѣленнымъ руководствомъ и контролемъ надъ

ихъ занятіями—существуетъ неразрывная связь. Нельзя требовать отъ государства, чтобы оно предоставляло права и преимущества лицамъ, которыя занимались, чѣмъ хотѣли и какъ хотѣли. Оттого полная свобода слушанія можетъ совмѣщаться, съ государственной точки зрѣнія, лишь съ совершенно независимыми отъ прохожденія курса государственными экзаменами». Порядокъ отдѣльныхъ государственныхъ испытаній проф. Виноградовъ считаетъ, какъ мы увидимъ ниже, вреднымъ. Столь-же нежелательнымъ является, по его мнѣнію, и лишеніе воспитанниковъ университетовъ служебныхъ правъ и преимуществъ.

«Эти права и преимущества университетскаго курса сформировались потому, что Россія нуждается для пополненія своего **государственнаго персонала** не только въ людяхъ, обладающихъ опредѣленными знаніями или выдержавшихъ тотъ или другой экзаменъ, но прежде всего въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ, съ культурнымъ достояніемъ, которое было-бы не ниже того, какое получаютъ руководящіе люди на Западѣ. Пріобрѣтеніемъ этихъ правъ университеты не принижаютъ своихъ стремленій до ступеней табели о рангахъ, но возвышаютъ культурное значеніе государственной службы и либеральныхъ профессій. Отнятіе этихъ правъ было-бы равносильно покровительству стремленіямъ, которыя ничего общаго ни съ высшимъ образованіемъ, ни съ свободой знанія не имѣютъ».

Приведенныя заявленія московскаго профессора имѣютъ полную убѣдительность. Если и возможно подражать иностраннымъ образцамъ, то, во всякомъ случаѣ, строить надо **по нашей мѣркѣ**. Совершенно необходимо, чтобы громадные интересы общественной, государственной и народной жизни, связанные съ дѣятельностью высшихъ школъ, получали себѣ достодолжное удовлетвореніе. Было-бы громадной ошибкой предоставить въ этомъ отношеніи все на волю разныхъ настроеній и рѣшеній самихъ учащихся. Врядъ-ли можно согласиться съ г. **Брагинымъ**, что все спасеніе въ предоставленіи учащимся полной свободы:

«Самый широкій просторъ въ выборѣ предметовъ, да и во всемъ остальномъ **побольше свободы**: необходимо дать возможность профессорскимъ коллегіямъ выбирать себѣ товарищей, необходимо широко раскрыть двери университета для всѣхъ подготовленныхъ къ слушанію лекцій, необходимо упростить про-

цедуру пріема въ студенты и дать имъ свободу переходить изъ одного университета въ другой. Намъ скажутъ: а тогда, пожалуй, всѣ переберутся изъ Томска, Казани и др. въ Москву? Глубокое заблужденіе! Нѣтъ, тогда будетъ совсѣмъ другое: тогда и Томскъ, и Казань постараются привлечь такія ученыя силы, что, пожалуй, изъ Петербурга туда ѣздить будутъ... Ѣдутъ-же изъ Берлина въ Марбургъ, чтобы послушать Кона, и въ Гейдельбергъ—К. Фишера! Попробуйте привлечь Менделѣева въ Томскъ и тогда посмотрите, какъ туда потянутся алчущіе и жаждущіе. А теперь, конечно, при настоящихъ условіяхъ поѣдешь туда, куда и не захочешь.

«Двери храма науки должны быть, какъ дверь всякаго храма, всегда **широко раскрыты** для всѣхъ: пусть входитъ всякъ, кого гонитъ туда жажда знанія, — пусть каждый пьетъ изъ чистаго источника науки до полнаго утоленія жажды, пусть каждый беретъ то, что ему нравится: хватитъ для всѣхъ! И эллинъ и іудей, татаринъ и грузинъ, полякъ и армянинъ и многіе и многіе народы, населяющіе нашу великую отчизну, пусть всѣ пройдутъ черезъ русское горнило знаній и по необъятному пространству матушки Россіи разнесутъ свѣтъ истины и добра **на пользу Престола и Отечества**».

Мы нашли у г. Брагина прочувствованныя, искреннія слова. Несомнѣнно, въ нихъ много правды, тѣмъ не менѣе и здѣсь остается въ силѣ старое правило — sub lege libertas. И для учащихся долженъ быть писанъ — законъ, въ которомъ выражаются требованія, предъявляемыя къ нимъ ихъ отечествомъ. Только на почвѣ закона можетъ царствовать дѣйствительная свобода, а не всякаго рода вредное самоволіе. Энергично защищаетъ свободу занятій учащихся и проф. **Живаго**. Указавъ на то, какъ хорошо идетъ жизнь германскихъ университетовъ при свободѣ «слушанія», онъ продолжаетъ:

«Могутъ быть сдѣланы **возраженія** совершенно противоположнаго рода. Навѣрное придется услышать мнѣніе: устраните только всякій контроль и принужденіе, тогда студенты ровно ничего не станутъ дѣлать. Съ другой стороны, вѣроятно, будутъ сдѣланы указанія, что нельзя предоставить студентамъ свободу выбора курсовъ и лекцій, такъ какъ въ такомъ случаѣ они сразу набросятся на все и не будутъ въ состояніи изучить

хоть что-нибудь основательно. Такія возраженія, очевидно, совершенно несостоятельны.

«Тѣ студенты, которые не хотятъ работать, ничѣмъ не интересуются и предпочитаютъ университетскимъ занятіямъ, напримѣръ, показную **молодеческую жизнь** бурша-корпоранта, такіе студенты совершенно не идутъ въ счетъ. Напрасно думать, что необходимость сдать экзаменъ въ концѣ каждаго года заставитъ такого рода элементы интересоваться науками и прилежно посѣщать лекціи». «Второе возраженіе совершенно произвольно. **Особаго избытка усердія** и рвенія къ научнымъ занятіямъ у студентовъ перваго семестра, въ видѣ общаго правила, ожидать нельзя» и т. д.

Всѣ эти соображенія г. Живаго далеко не убѣдительны. Кромѣ двухъ предположеній, дѣлаемыхъ имъ, возможно еще и третье. Предоставленные сами себѣ, студенты будутъ, несомнѣнно, работать, но въ виду полной неизвѣстности для нихъ изучаемыхъ наукъ, будутъ работать зря, безъ всякаго плана, напрасно теряя и время, и силы. Это самый вѣроятный изъ трехъ возможныхъ случаевъ. Ничего утѣшительнаго онъ, конечно, представлять не можетъ. Поэтому вѣрнымъ остается то, что было высказано раньше противъ свободы слушанія проф. Виноградовымъ. Всякій контроль и всякое руководство по отношенію къ учащимся можно было-бы, пожалуй, отмѣнить въ такомъ случаѣ, если-бы университеты перестали представлять собой **государственныя школы.** Но пока государство содержитъ ихъ на свой счетъ, оно имѣетъ право предъявлять къ нимъ извѣстныя требованія. Учащимся нельзя особо негодовать на подобное отношеніе къ нимъ со стороны государства, потому что надзоръ и руководительство примѣняются даже къ взрослымъ людямъ, разъ только гдѣ-либо оказывается замѣшаннымъ крупный общественный интересъ. Вѣдь, таково именно происхожденіе и всякаго закона, и права вообще. Не слѣдуетъ, конечно, чтобы по отношенію къ учащимся высшаго учебнаго заведенія примѣнялись мѣры, созданныя порядками среднихъ школъ, но слѣдуетъ, чтобы студенты знали, что за жертвы, которыя дѣлаетъ русскій народъ для того, чтобы нѣкоторые избранники получили высшее образованіе, эти избранники должны отплатить добросовѣстнымъ исполненіемъ лежащаго на нихъ высокаго долга: образовать и воспитать себя для служенія родинѣ. Кромѣ свободы занятій

студентовъ, г. Живаго защищаетъ также академическую свободу профессоровъ. Послѣднее составляетъ даже основную тему его статей. Широкій вопросъ этотъ выходитъ за рамки нашей книги и, поэтому, въ этомъ отношеніи мы не пользуемся статьями почтеннаго собрата.

Если нельзя согласиться съ предоставленіемъ полной свободы учащимся, то нельзя, конечно, ударяться и въ противоположную крайность. Противъ системы дѣйствительнаго школьнаго принужденія проф. **Виноградовъ** приводитъ слѣдующіе доводы:

«Во-первыхъ, ее едва-ли будетъ **подъ силу** осуществить съ нашимъ довольно скуднымъ преподавательскимъ составомъ; чтобы провести ее сколько-нибудь достойнымъ образомъ, нуженъ весьма многочисленный штатъ руководителей, способныхъ разрѣшать чрезвычайно трудныя педагогическія задачи занятій съ взрослыми людьми. Конечно, номинально во главѣ будутъ стоять профессора, но при множествѣ студентовъ они должны будутъ передовѣрять большую часть занятій ассистентамъ и туторамъ, а помощь послѣднихъ, какъ-бы она ни была полезна при постоянномъ руководствѣ профессора, не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть замѣной этого руководства. Попытка перестроить университетское преподаваніе такимъ способомъ повліяетъ, такимъ образомъ, неизбѣжно на пониженіе его качества.

«Во-вторыхъ, нельзя не принять во вниманіе и то, что студенты, въ общемъ, **едва-ли** отнесутся **сочувственно** къ подобной реформѣ. Помимо дурныхъ побужденій, въ данномъ случаѣ скажется совершенно естественное стремленіе молодыхъ людей къ извѣстной самостоятельности и свободѣ располагать своимъ временемъ и способностями. Проводить школьную систему въ университетѣ можно было-бы только путемъ постояннаго и педантическаго гнета, ежедневной борьбы съ уклоненіями, съ оппозиціей. На это можно было-бы рѣшиться только при неимѣніи никакихъ другихъ средствъ и при увѣренности въ громадной пользѣ подобнаго порядка, а, надо сказать въ заключеніе, подобнаго убѣжденія быть не можетъ. Наоборотъ, подобная попытка совершенно убьетъ свободный интересъ къ наукѣ, которымъ живутъ не только ученыя изслѣдованія, но и воспитаніе юношества.

«Чтобы ни говорили объ университетской молодежи, въ большинствѣ ея представителей, въ той или другой формѣ, проявляются **идеальныя стремленія**. Всѣ эти лучшіе будутъ подавлены школьной муштровкой, а **чернь**, которая есть вездѣ, немного выиграетъ отъ того, что ее прогонятъ сквозь строй репетицій. Подчинять организацію университетовъ желанію подготовить худшую часть ихъ состава едва-ли умѣстно и полезно».

Наконецъ, относительно непригодности мѣръ **внѣшняго принужденія** мнѣнія, повидимому, у всѣхъ одинаковы. Проф. **Живаго** пишетъ:

«Юридическіе факультеты, сами по себѣ, имѣютъ лишь одно средство повысить общій уровень прилежанія студентовъ и привлечь ихъ въ аудиторіи, а именно: поставить самое преподаваніе права **возможно лучше**, руководствуясь приэтомъ не одной только рутиной, или соображеніями чисто кабинетнаго свойства, но принимая во вниманіе и измѣняющіяся условія времени и ту или иную конечную цѣль занятій правомъ большинства студентовъ-юристовъ. И это средство, намъ кажется, самое достойное, прямое и дѣйствительное».

Въ этихъ словахъ г. Живаго имѣетъ въ виду, какъ мы уже знаемъ, усиленіе практическаго элемента въ преподаваніи права. Въ томъ-же духѣ высказывается и проф. **Есиповъ** спеціально относительно практическихъ занятій.

«И въ настоящее время студенты-юристы посѣщаютъ практическія занятія весьма охотно, не требуя въ этомъ отношеніи никакихъ мѣръ **искусственнаго понужденія** или контроля. Единственнымъ раціональнымъ способомъ такого контроля посѣщенія занятій является знакомство профессора со своею аудиторіей или по крайней мѣрѣ, **знаніе фамилій** своихъ студентовъ. Послѣднее, на первый взглядъ, несущественное обстоятельство способствуетъ даже болѣе дѣятельному участію всей аудиторіи въ практическихъ занятіяхъ, такъ какъ преподаватель, знающій своихъ студентовъ, можетъ въ самое непродолжительное время спросить по какому-нибудь вопросу цѣлый рядъ слушателей».

Попытку указать, какъ устроить контроль надъ практическими занятіями студентовъ, прибѣгая отчасти даже къ внѣшнему понужденію, дѣлаетъ проф. **Грибовскій.** Думается только, что онъ напрасно употребляетъ выраженіе внѣшнее принужденіе тамъ, гдѣ, въ сущности, имъ защищается только идея обязательности извѣстныхъ занятій студентовъ. Дѣйствительно, онъ пишетъ слѣдующее:

«Вопросъ этотъ первостепенной важности. Съ одной стороны противники практическихъ занятій правы, возставая противъ обязательности студенческой практики, которая отравляетъ удовольствіе свободнаго насыщенія знаніемъ; но съ другой стороны, свободнаго **чистаго знанія** въ университетѣ ищутъ сравнительно очень немногіе». «Надъ студентомъ среднимъ, т. е. надъ большинствомъ, нуженъ контроль, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторая внѣшняя принудительность. Вопросъ только въ формахъ этой принудительности.

«Несомнѣнно, что обязательное хожденіе на каждый часъ практическихъ занятій подъ угрозой недопущенія до экзамена является мѣрой вовсе нежелательной. Студентъ уже не мальчикъ, и взваливать на него **механическую обязанность** съ механическими послѣдствіями прямо неблагоразумно. Все слишкомъ осязательно принудительное подрываетъ и любовь, и довѣріе къ предмету принудительности, но безъ принужденія современный человѣкъ также существовать не въ состояніи. Этого не будутъ отрицать самые заядлые старовѣры общей свободы и университетскихъ вольностей въ частности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое экзамены? Развѣ это не средство контроля, не понужденіе, связанное съ очень серьезными послѣдствіями? Конечно, да. Но послѣдствія и принудительность въ экзаменахъ осязательны лишь посредственно, а не прямо сами по себѣ. Не хочешь, не держи экзамена, но тогда ты самъ за себя отвѣчаешь. Повидимому, такой-же характеръ въ своей принудительности должны носить и практическія занятія. Вотъ ихъ примѣрный планъ.

«Студентамъ предлагается посѣщать часы практическихъ работъ, но это не отнимаетъ у студента права на другое средство контроля, на экзаменъ, хотя оставляя за собой одно это средство, онъ подвергаетъ себя всѣмъ невыгодамъ его. Если студента, лично ему **извѣстнаго**, работавшаго въ году, профессоръ можетъ продержать передъ собой двѣ-три минуты, а при ува-

жительныхъ причинахъ вовсе освободить отъ экзаменовъ, или сдѣлать тѣ или другія льготы, то къ тому, кто не участвовалъ въ практикѣ, должны быть предъявлены самыя строгія требованія. Время, необходимое для тщательной провѣрки знаній студента, у профессора получится отъ сбереженій по провѣркѣ практикантовъ. Это разъ.

«Далѣе. Всѣ льготы въ году: стипендіи, освобожденіе отъ платы, пособія отъ университета могутъ быть разрѣшаемы только практикантамъ. Мало того, можно еще обязать каждаго студента при окончаніи курса представить, хотя-бы отъ одного профессора или ассистента, удостовѣреніе въ томъ, что студентъ цѣлый годъ работалъ по данному предмету. Подобное удостовѣреніе могло-бы быть заносимо въ дипломъ и такимъ образомъ могло-бы служить окончившему лишней рекомендаціей при избраніи себѣ того или другаго дѣла. Несомнѣнно, что при такомъ требованіи студентъ для внесенія въ дипломъ будетъ выбирать тотъ предметъ, который ему болѣе по сердцу, а этимъ самымъ будетъ также опредѣляться въ зачаткѣ его будущая дѣятельность.

«Противъ предлагаемой системы могутъ возразить, что у студентовъ слишкомъ мало времени помимо лекцій для того, чтобы еще представлять удостовѣренія въ цѣльной годовой спеціальной работѣ; но подобное возраженіе парируется тѣмъ, что и при господствующихъ порядкахъ студентъ обязанъ представить при окончаніи курса сочиненіе, которое, если пишетъ его самъ податель, отнимаетъ много времени, а если, какъ это часто бываетъ, оно пріобрѣтается за деньги, то ничего не стоитъ въ суммѣ оцѣнки знаній. Представленіе письменныхъ работъ по соглашенію профессора и студентовъ можетъ быть сохранено, но не должно быть обязательно, какъ теперь, когда разрѣшается писать только по главнымъ предметамъ и преподаватели физически не въ состояніи справиться съ массой подаваемыхъ имъ работъ, и потому представленіе сочиненій очень часто сводится къ простой формальности».

Такъ обстоитъ дѣло съ воззрѣніями на обязательность и на принудительность студенческихъ занятій вообще и практическихъ занятій въ частности. Поэтому неясно, что собственно имѣлъ въ виду проф. **Петражицкій**, когда писалъ:

«Не менѣе ненормальна фикція особой «обязательности» этихъ «практическихъ» занятій», **большей обязательности**, нежели обязательность посѣщенія лекцій настоящихъ и зрѣлыхъ ученыхъ и профессоровъ, неправильно предположеніе принудительнаго привлеченія всѣхъ студентовъ къ участію въ этихъ занятіяхъ **особыми мѣрами контроля и понужденія** (какія не существуютъ для лекцій).

«Уже въ началѣ, при введеніи новой системы, трудно было вѣрить въ осуществленіе этого предположенія, а теперь, послѣ годичнаго опыта, построеніе всей системы этихъ «обязательныхъ практическихъ занятій» съ дѣленіемъ всѣхъ студентовъ на группы и т. д.—на этомъ, естественно не оправдавшемся предположеніи—пріобрѣло характеръ отсутствія серьезнаго убѣжденія и даже простой правдивости въ основѣ всей этой системы. Все это вмѣстѣ можетъ способствовать только униженію авторитета и достоинства университетскаго преподаванія и нуждается въ немедленномъ и коренномъ пересмотрѣ и упорядоченіи». Нѣсколько болѣе вѣрныя замѣчанія находимъ мы у единомышленника г. Петражицкаго г. Гессена, хотя онъ и впалъ въ крупную ошибку, а именно смѣшалъ двѣ вещи—обязательность извѣстныхъ занятій и внѣшнее принужденіе къ нимъ. Дѣйствительно, вотъ, что находимъ мы у него:

«Что касается **обязательности** практическихъ занятій, то мы рѣшительно отказываемся видѣть въ ней дѣйствительное средство къ поднятію ихъ значенія въ экономіи университетскаго преподаванія. Мы полагаемъ, что составители устава 1884 г. ввели въ университетскій строй начало обязательныхъ занятій только потому, что они недостаточно ясно сознавали существенное различіе между техническими пріемами и конечною цѣлью средняго и высшаго образованія.

«Принудительная регламентація университетскихъ занятій всегда имѣетъ поверхностный и, такъ сказать, **мнимый характеръ**. Если даже возможно заставить студентовъ присутствовать въ аудиторіи, то, во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакой возможности заставить ихъ слушать лекціи. Безъ другихъ необходимыхъ реквизитовъ средне-учебной школьной системы—въ родѣ постоянныхъ собесѣдованій съ учениками, репетицій и т. п. до балловъ включительно—обязательность посѣщенія лекцій пред-

ставляется совершенно безцѣльной. Одно изъ двухъ: либо высшее образованіе получается подростками, нуждающимися въ принудительной опекѣ,—и въ такомъ случаѣ, режимъ высшей школы долженъ совпадать во всѣхъ отношеніяхъ съ режимомъ средней; либо оно получается зрѣлыми юношами; и въ такомъ случаѣ, принудительная опека не нужна.

«Какъ-бы то ни было, заимствованіе одного какого-либо института изъ средне-школьнаго строя и механическое его перенесеніе въ основанный на совершенно иныхъ началахъ университетскій строй ни съ какой точки зрѣнія недопустимо. Насколько лекціонная система, сама по себѣ, раціональна, настолько не раціонально требованіе обязательнаго посѣщенія лекцій. Еще болѣе нераціональна **принудительная регламентація** въ примѣненіи къ такъ называемымъ практическимъ занятіямъ. Въ чемъ-бы они ни заключались, участіе въ нихъ студентовъ, въ отличіе отъ пассивнаго слушанія лекцій, необходимо должно быть активнымъ. Но, если невозможно заставить студента слушать профессора, то тѣмъ болѣе невозможно заставить его активно участвовать въ практическихъ занятіяхъ». Въ другомъ мѣстѣ г. **Гессенъ** снова повторяетъ: «Во всякомъ случаѣ, обязательность практическихъ занятій **отнюдь** не является средствомъ правильной и раціональной ихъ постановки». По этому поводу повторимъ еще разъ высказанныя уже мысли.

Внѣшнее принужденіе, конечно, не у мѣста въ дѣлѣ занятія наукой. Но государство, которое создало университеты для общей пользы, въ правѣ требовать, чтобы тѣ лица, которыя получаютъ въ нихъ образованіе на средства народныя, работали достаточнымъ образомъ и надъ извѣстными задачами. Оно въ правѣ выставлять извѣстныя обязательныя условія для нихъ. Одно изъ самыхъ естественныхъ—принятіе студентами участія въ установленныхъ факультетомъ занятіяхъ. Вѣдь, только для этого опи и поступаютъ въ университетъ. Рѣшительно нѣтъ никакого основанія удерживать въ университетѣ лицъ, которыя не желаютъ трудиться надъ достиженіемъ цѣлей, ради которыхъ онъ только и существуетъ, или вынуждать ихъ внѣшними мѣрами къ пріобрѣтенію знаній, къ самоусовершенствованію и пр. Менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, возможно работать изъ подъ палки въ области науки. Послѣ всѣхъ этихъ общихъ разсужденій можно перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ пріемовъ факультетскаго преподаванія.

3. Чтеніе лекцій.

Какъ было уже сказано, чтеніе лекцій являлось до самаго послѣдняго времени основнымъ, болѣе того, обыкновенно единственнымъ пріемомъ факультетскаго преподаванія. Другіе пріемы примѣнялись совершенно случайно, далеко не всегда и не всѣми профессорами. Обыкновенно говорятъ, что юридическіе факультеты пользуются лекціонной системой преподаванія. Въ чемъ состоитъ или вѣрнѣе состояла она, было уже указано. Давно уже многими лицами и у насъ, и заграницей высказывались сомнѣнія въ томъ, чтобы при помощи однихъ монологовъ, произносимыхъ передъ постоянно молчащей аудиторіей, возможно было достигать всѣхъ разнообразныхъ и важныхъ задачъ, которыя возлагаются нынѣ на юридическіе факультеты. Не отвергая извѣстнаго значенія лекціоннаго пріема преподаванія, сомнѣваются въ значеніе лекціонной системы. По этому вопросу существуетъ цѣлая литература статей и книгъ на разныхъ языкахъ. Мы остановимся только на томъ, что было высказано въ 1901 г. Многія лица объясняютъ исключительное, или господствующее примѣненіе лекціоннаго пріема въ наши дни просто переживаніемъ прошлаго.

И. И. **Янжулъ** пишетъ: «Вслѣдствіе **недостатка** и дороговизны въ прежнія времена научныхъ **книгъ** и руководствъ (столь обильныхъ нынѣ въ западной литературѣ) учащейся молодежи XVIII вѣка и начала XIX вѣка неоткуда было усвоить знаніе иначе, какъ путемъ слушанія и записыванія лекцій со словъ профессоровъ, а потому живое слово профессора было вполнѣ незамѣнимо не по формѣ только, но и по содержанію».

У г. **Пиленко** читаемъ то-же самое: «**До изобрѣтенія книгопечатанія книга не являлась конкуррентомъ профессору**, такъ какъ ее слишкомъ трудно было достать. Самъ профессоръ до нѣкоторой степени являлся таковымъ именно потому, что онъ владѣлъ книгой и слѣдовательно могъ съ каѳедры излагать ея содержаніе тѣмъ, кто не въ состояніи былъ купить себѣ учебникъ. Къ изложенію содержанія книги естественно присоединялись и болѣе или менѣе подробные коментаріи».

У проф. **Грибовскаго** также: «Исключительно **лекціонный методъ** выработался **въ то старое время**, когда книга еще была дорога и когда университеты ничего другаго не давали, кромѣ знанія».

Г. **Бородинъ**, съ своей стороны, указываетъ слѣдующія послѣдствія господства лекціоннаго пріема въ наши дни.

«Изложеніе съ каѳедры предметовъ посредствомъ непрерывной рѣчи составляетъ основную академическую форму обученія, причемъ этотъ пріемъ преподаванія очень рѣдко соединяется съ упражненіями путемъ бесѣдъ и диспутовъ. Студенты русскихъ юридическихъ факультетовъ сближаются съ профессорами только въ тѣхъ случаяхъ, когда это настоятельно необходимо, по большей части они лишь молча слушаютъ изложеніе предметовъ ежедневно по нѣсколько часовъ подрядъ. Во всемъ этомъ, надо думать, первая причина отрицательнаго отношенія къ нашимъ юридическимъ факультетамъ. При существующемъ у насъ способѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ лишь наиболѣе талантливые молодые люди трудятся **самостоятельно**; большинство-же ихъ, среди простаго слушанія и записыванія лекцій, впадаютъ въ апатію, вредную для научнаго ихъ образованія и служащую источникомъ нравственныхъ заблужденій. Все это указываетъ на необходимость тѣснѣйшаго сближенія съ профессорами, на необходимость той формы обученія, которою весьма успѣшно пользуются лучшіе профессора германскихъ университетовъ и нѣкоторые профессора нашихъ университетовъ. Необходимо радикально измѣнить систему преподаванія въ нашихъ университетахъ и установить, чтобы съ теоретическимъ преподаваніемъ соединялись, по примѣру германскихъ университетовъ, практическія упражненія, состоящія въ бесѣдахъ и репетиціяхъ.

«Въ результатѣ ежедневнаго слушанія какого-нибудь предмета втеченіи цѣлаго года у студентовъ получается не знаніе, а лишь обрывки его. Полученные результаты не соотвѣтствуютъ затраченнымъ силамъ и времени. Лекціонная система ведетъ **на помочахъ** взрослаго человѣка, который нуждается только въ томъ, чтобы ему показали, какъ работать. Ораторское слово заслоняетъ отъ учащагося ту дѣйствительную жизнь, которую онъ долженъ собственно познать».

Въ этомъ-же направленіи дѣлались заявленія многими другими лицами. Въ статьѣ **«Петербургскихъ Вѣдомостей»** подъ заглавіемъ: «Лекціонная система и практическія занятія въ университетахъ» мы читаемъ.

«Методы университетскаго преподаванія переживаютъ за послѣднее время какъ-бы переходный періодъ. Съ развитіемъ научной и особенно учебной литературы, **чтеніе лекцій**, какъ преобладающій способъ преподаванія, все болѣе становится **анахронизмомъ**. Лекціи перестаютъ быть главной основой учебной дѣятельности университета; центръ ея **перемѣщается на практическія занятія** со студентами, «семинаріи», работы въ лабораторіяхъ, кабинетахъ и т. п. Съ тѣмъ вмѣстѣ студентъ выходитъ изъ положенія, главнымъ образомъ, пассивнаго слушателя профессорскихъ чтеній, а пріучается работать болѣе или менѣе самостоятельно и, параллельно съ изученіемъ различныхъ научныхъ дисциплинъ, усвоиваетъ практически методы и пріемы изслѣдованія.

«**Книга часто съ успѣхомъ замѣняетъ профессорскія чтенія**, а самъ профессоръ становится близкимъ **руководителемъ студентовъ въ ихъ занятіяхъ**. Нѣтъ сомнѣнія, что это измѣненіе системы преподаванія, пока еще мало опредѣлившееся, имѣетъ за собой будущность. Въ нашей литературѣ Пироговъ еще при обсужденіи проекта устава 1863 г., высказывался, именно, въ такомъ смыслѣ о желательной организаціи университетскаго преподаванія. Въ статьѣ «Чего мы желаемъ?» онъ писалъ: «Если не встрѣчается неодолимаго препятствія въ громадномъ числѣ слушателей, если преподаватель излагаетъ уже извѣстныя данныя по учебникамъ и запискамъ и если онъ не отличается особеннымъ даромъ слова, я предложилъ-бы ввести для многихъ предметовъ, вмѣсто обыкновенныхъ лекцій, сократовскій способъ обученія, въ видѣ бесѣдъ, главною цѣлью которыхъ было-бы обсужденіе основныхъ и самостоятельныхъ вопросовъ науки. Учащіеся должны-бы были приготовляться у себя дома чтеніемъ указанныхъ имъ источниковъ, руководствъ или записокъ, а на бесѣдахъ для уясненія предмета они не только-бы отвѣчали какъ на репетиціяхъ, но и сами-бы спрашивали, судили и возражали».

На одинъ изъ крупныхъ недостатковъ лекціоннаго метода указываетъ проф. **Симоненко**. «Преподаватель, приступая къ чтенію лекцій, предполагаетъ у своихъ слушателей запасъ извѣстныхъ знаній, вынесенныхъ ими изъ гимназій, извѣстный умственный и нравственный уровень развитія, соотвѣтственно чему излагаетъ курсъ своихъ лекцій. Но существуетъ-ли въ

дѣйствительности все это у его слушателей и потому достаточно-ли понятнымъ и интереснымъ оказывается его курсъ для большинства аудиторіи—ему объ этомъ впервые приходится узнавать только на экзаменахъ, по болѣе или менѣе осмысленнымъ отвѣтамъ экзаменующихся. Одни изъ профессоровъ, имѣя болѣе высокое представленіе объ уровнѣ развитія слушателей, чѣмъ какимъ они обладаютъ въ дѣйствительности, нерѣдко излагаютъ свои курсы для лицъ, не получившихъ въ гимназіяхъ никакого философскаго образованія, настолько абстрактнымъ языкомъ, что большинство аудиторіи не безъ основанія жалуется на неудобовразумительность лекцій даже тогда, когда сами профессора исправляютъ свои, литографируемые студентами, курсы. Другіе преподаватели, предполагая у кончившихъ курсъ гимназій, напротивъ, слишкомъ большую неподготовленность къ слушанію университетскихъ лекцій, иногда впадаютъ въ противоположную крайность — дѣлаютъ свои курсы слишкомъ элементарными, что тоже не можетъ не отзываться вреднымъ образомъ на уровнѣ знаній, выносимыхъ изъ университетовъ. При нынѣшней системѣ преподаванія предметовъ, заключающейся въ чтеніи лекцій, безъ живаго обмѣна мыслей между учащими и учащимися, преподаваніе наукъ въ университетахъ, вполнѣ соотвѣтствующее уровню развитія большинства состава аудиторіи, почти невозможно». Что касается другихъ недостатковъ лекціонной системы, то проф. Симоненко отсылаетъ читателя къ нашей книгѣ.

Рѣшительно выступаетъ противъ лекціонной системы г. **Вольскій**. Его слова являются эхомъ того, что очень часто приходится слышать съ разныхъ сторонъ въ современномъ обществѣ. Поэтому позволю себѣ сдѣлать особенно большую ссылку на его статьи.

«У насъ, да и почти вездѣ, нераздѣльно царитъ въ высшей школѣ престарая система лекціонной передачи знаній. Въ опредѣленный часъ и въ опредѣленномъ мѣстѣ собираются жаждущіе знаній, является къ нимъ носитель этихъ знаній, профессоръ, и начинаетъ болѣе или менѣе хорошо излагать своимъ слушателямъ дотолѣ невѣдомыя имъ научныя тайны. Точь-въ-точь, какъ во времена, скажемъ, Платона. Хорошо, если имѣются еще по

данному предмету печатные курсы. Многіе профессора, боясь совсѣмъ пустой аудиторіи или гласной критики своихъ курсовъ, таковыхъ вовсе не печатаютъ. Студентамъ нерѣдко приходится на лекціяхъ этихъ ученыхъ ловить каждое ихъ слово и заносить тѣмъ или инымъ путемъ въ собственноручныя записки, не заботясь объ ихъ смыслѣ. Это называется «чтеніемъ лекцій!» Подобное выраженіе въ моихъ ушахъ звучитъ какою-то насмѣшкой. Человѣкъ является въ высшую школу за пріобрѣтеніемъ высшихъ знаній, а тутъ ему начинаютъ читать лекціи, точно онъ самъ не умѣетъ читать, или заставляютъ упражняться въ письмѣ, точно онъ не навострился въ этомъ раньше и будто у насъ еще нѣтъ скоропечатней, литографій, цинкографій, хромографій и т. д., — для чего, при теперешней системѣ раздѣленія труда, существуетъ особый обширный классъ тружениковъ...

«Очевидно, что тутъ кроется какое-то крупное недоразумѣніе, что тутъ не прикладывается мѣрка критики къ старинному способу. Впрочемъ, её прилагать тутъ весьма опасно для большинства нашихъ «ученыхъ». Этимъ только себѣ и объясняю, почему такая критика не прилагалась и не прилагается къ этому деликатному вопросу. Когда въ былое время, особенно въ схоластическомъ періодѣ, **вся мудрость заключалась въ діалектикѣ и софистикѣ** — то, ради усвоенія такой мудрости, необходимо было «живое слово», составлявшее органическую часть тогдашнихъ знаній. Посмотримъ, какъ выглядитъ «живое слово» защитниковъ лекціонной системы на живомъ-же дѣлѣ?

«Теперешній профессоръ-лекторъ, желая быть сколько-нибудь выносимымъ носителемъ «живаго слова», не только долженъ быть глубокимъ знатокомъ своего предмета, но обязанъ быть и педагогомъ, и ораторомъ. **Ораторскій талантъ** зиждется не только на умѣньи говорить, но и на природныхъ свойствахъ голоса. Можно умѣть хорошо говорить, но въ то-же время, при непріятномъ тембрѣ голоса, производить на нервную систему своихъ слушателей самое удручающее впечатлѣніе. Такимъ образомъ, въ идеалѣ, при теперешней лекціонной системѣ, труднѣе подъискать хорошаго профессора для высшей школы, чѣмъ хорошаго тенора для оперы. Допустимъ, что весь профессорскій составъ навербованъ изъ такихъ идеальныхъ лекторовъ. Много-ли отъ этого прока для ихъ слушателей!? Думаю, что

отъ этого пользы лишь столько, насколько напрасно не раздражается нервная система слушателей. Скажу даже больше: отъ лекціонной системы тѣмъ меньше пользы, чѣмъ лучше данный лекторъ.

«Надо помнить, что аудиторія состоитъ изъ людей, неподготовленныхъ къ критической оцѣнкѣ профессорской рѣчи. Нельзя забывать, что одинъ изъ слушателей мыслитъ быстрѣе, а другой медленнѣе. Надо согласиться, что у настоящаго слушателя во время профессорской рѣчи должны возникать сомнѣнія, требующія немедленнаго разрѣшенія. Профессору, читающему положенную по штату лекцію, нѣтъ, конечно, до этого дѣла,—да къ тому-же профессоръ невсегда спускается до уровня студенческаго міросозерцанія, а потому въ умѣ подавляющаго большинства слушателей даже хорошая по теперешнимъ понятіямъ лекція не оставляетъ и не можетъ оставить сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ осмысленнаго усвоенія сказаннаго профессоромъ.

«Такъ обстоитъ дѣло съ хорошими лекторами. Каково-же съ лекторами посредственными или плохими, какихъ у насъ — легіонъ? А, вѣдь, на это ежедневно уходитъ драгоцѣнныхъ 4—5 часовъ и уходитъ, очевидно, не только безполезно, но прямо во вредъ прямой задачѣ высшей школы! Можно быть знатокомъ и любителемъ своего дѣла, можно понимать и чувствовать душу студента, ищущаго въ высшей школѣ знаній, но не быть ораторомъ. При лекціонной системѣ, такой профессоръ остается, конечно, тоже безполезнымъ для дѣла. Спрашивается, къ чему-же лекціонная система существуетъ и почему она не упразднена и не замѣнена болѣе современнымъ способомъ передачи знаній? Почему намъ не отказаться отъ этого архаизма, хотя-бы освященнаго авторитетомъ заграничныхъ свѣтилъ?

«Лекціонная система вредна для интересовъ студентовъ. Это ясно доказываютъ пустующія на лекціяхъ аудиторіи. Въ то-же время лекціонная система полезна для тѣхъ профессоровъ, которые свою неподготовленность къ профессорской дѣятельности и весьма часто свою непроходимую бездарность стараются прикрыть громкими, но безсодержательными увѣреніями о «живомъ словѣ» и служеніи «чистой наукѣ». «Вѣдь, такъ не трудно отзвонить положенную лекцію! Даже не всегда здѣсь нужно знаніе иностранныхъ языковъ. Достаточно бываетъ переиздать слово въ слово со всѣми ошибками и

архаизмами литографированныя записки своего предшественника, да не забыть на обложкѣ проставить свою фамилію и званіе и въ положенные часы ихъ прочитывать студентамъ. Это — фактъ изъ жизни. При такихъ условіяхъ получается для нашихъ профессоровъ возможность читать лекціи по какому угодно предмету, если только присвоенный этому предмету «штатъ» болѣе привлекателенъ.

«Лекціонная система преподаванія ведетъ къ полной деморализаціи профессорскаго сословія. При этихъ условіяхъ профессорскіе ряды заполняются часто людьми, ничего общаго съ наукой не имѣющими. Сюда лѣзутъ карьеристы, пользующіеся для своихъ цѣлей профессурой въ качествѣ ярлыка, обладающаго еще до сихъ поръ нѣкоторымъ обаяніемъ среди нашей широкой публики и, что еще хуже, здѣсь пристраиваются люди, вообще неспособные къ какой-либо полезной должности. Лекціонная система должна быть безусловно упразднена и замѣнена системой **собесѣдованій** при обязательствѣ снабжать студентовъ **печатными курсами**, подлежащими общественной критикѣ.

«При этихъ условіяхъ студенты не будутъ тратить непроизводительно по 4—5 часовъ времени ежедневно, а профессора должны будутъ стоять на высотѣ своего призванія, особенно если будутъ устроены еще параллельные курсы. Тутъ бездарности и неучи не найдутъ себѣ пріюта. Не думаю, чтобы при существованіи собесѣдованій такіе господа могли долго переносить нравственную пытку безпрестаннаго обнаруживанія ихъ ничтожества. Самые закоренѣлые приверженцы «тетенькина хвостика» не въ состояніи будутъ удержаться. Профессорское сословіе заполнится **людьми знающими**, любящими свое дѣло и умѣющими привлечь къ нему своихъ учениковъ». Въ словахъ г. Вольскаго есть, несомнѣнно, нѣкоторое преувеличеніе, но, къ сожалѣнію, въ нихъ много также и правды. Во всякомъ случаѣ, онъ ошибается, когда говоритъ, что къ старинному пріему преподаванія «не прикладывается мѣрка критики». Нынѣ имѣется уже на разныхъ языкахъ цѣлая библіотека книгъ и статей, направленныхъ противъ лекціонной системы.

Многіе ссылаются на ту критику лекціоннаго пріема, которая дана **въ моей брошюрѣ**. Поэтому приведу краткое форму-

лированіе моихъ воззрѣній изъ отвѣта проф. Петражицкому. Это необходимо въ особенности въ виду тѣхъ искаженій, которымъ подверглись мои воззрѣнія со стороны нѣкоторыхъ лицъ. Недостатки лекціоннаго преподаванія состоятъ, вкратцѣ, въ слѣдующемъ:

«Лекція, или рѣчь произносится ораторомъ безпрерывно въ теченіе извѣстнаго времени и обыкновенно такъ скоро, какъ скоро идутъ мысли говорящаго. *Всѣмъ учащимся предлагается поэтому одно и то-же изложеніе предмета, между тѣмъ каждый изъ присутствующихъ представляетъ свою степень внимательности, подготовленности, способности и пр., а для усвоенія научныхъ истинъ требуются непремѣнно остановки въ воспріятіи новыхъ свѣдѣній*, именно для того, чтобы можно было согласовать ихъ съ ранѣе усвоенными, размѣстить въ должномъ порядкѣ, словомъ, продумать и запомнить. При лекціонномъ преподаваніи, когда слушателямъ постоянно преподносятся все новыя и новыя свѣдѣнія, нѣтъ времени для этой работы, которая у разныхъ лицъ требуетъ разной продолжительности. Такимъ образомъ, уже это одно исключаетъ возможность осмысленнаго усвоенія слушателями того, что подносится имъ на лекціяхъ. Но лекція, ораторская рѣчь не даетъ, при ея ежедневномъ и ежечасномъ употребленіи, возможности для всѣхъ слушателей съ равнымъ успѣхомъ даже просто пассивно воспринимать воображеніемъ сообщаемыя имъ научныя данныя, если подобное воспріятіе и возможно въ области данной науки. Въ силу самого существа чтенія лекцій профессоръ не знаетъ и не можетъ принимать во вниманіе, если-бы и зналъ, насколько отдѣльные слушатели быстро схватываютъ его мысли, насколько быстро они утомляются, кто изъ нихъ чего-нибудь не дослышалъ, или не понялъ и проч. Таковы главные недостатки лекціоннаго преподаванія, но имѣются и другіе, въ своей совокупности не менѣе важные.

«Не слѣдуетъ забывать того, необходимыя условія успѣшности ораторскихъ рѣчей постоянно отсутствуютъ въ факультетскомъ преподаваніи, что *блестящихъ ораторовъ среди университетскихъ преподавателей, вообще говоря, немного, далеко не всѣ науки и особенно не всѣ отдѣльные вопросы ихъ допускаютъ краснорѣчивое изложеніе, а пассивное слушаніе научныхъ истинъ, предлагаемое въ неумѣренномъ количествѣ, есть тяжелый трудъ. Понятно, почему результаты, получаемые послѣ ежеднев-*

наго слушанія какого-нибудь предмета въ теченіе цѣлаго года, не соотвѣтствуютъ затраченнымъ на нихъ слушателями силамъ и времени. Слушаніе лекцій даетъ, конечно, знаніе, но, къ сожалѣнію, недостаточное». Таковы тѣ недостатки лекціоннаго пріема, которые болѣе подробно разсматриваются въ моей книжкѣ.

Все это не надо, однако, понимать въ смыслѣ полной непригодности лекціоннаго пріема для факультетскаго преподаванія. Не годится только лекціонная система, т. е., употребленіе рѣчей, или монологовъ въ качествѣ единственнаго, или основнаго пріема преподаванія. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда есть опредѣленное основаніе для произнесенія рѣчи передъ слушателями, этого отнюдь не слѣдуетъ избѣгать. Случаи эти далеко не такъ рѣдки, какъ можно было-бы предположить. На разсмотрѣніи ихъ мы остановимся нѣсколько дальше. Мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ораторское слово имѣетъ свое особое, совершенно незамѣнимое значеніе.

Теперь послушаемъ защитниковъ лекціонной системы. Начнемъ съ проф. **Петражицкаго**, который представилъ самыя обширныя соображенія въ пользу нея. Онъ приводитъ въ защиту ея прежде всего разныя обстоятельства изъ своей жизни. Въ виду растянутости его воспоминаній и ихъ малаго общаго интереса мы вынуждены изложить ихъ съ большими сокращеніями. Свои разсужденія петербургскій профессоръ начинаетъ такимъ образомъ:

«Если-бы я теперь былъ студентомъ (имѣя въ распоряженіи тотъ взглядъ на лекціи, котораго я держусь теперь послѣ отбытія студенчества въ разныхъ университетахъ: въ Кіевскомъ, Гейдельбергскомъ, Парижскомъ и Берлинскомъ, и дальнѣйшаго занятія наукою въ качествѣ писателя и преподавателя), то я-бы отнюдь не послѣдовалъ совѣту, вытекающему изъ взглядовъ противниковъ лекціонной системы (не ходить на лекціи: я-бы и не поступилъ въ университетъ, если-бы держался такихъ взглядовъ). Но не послѣдовалъ-бы я и противоположному совѣту: посѣщать аккуратно всѣ лекціи по плану. Я-бы лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ (напр., такихъ, какъ упоминаемые проф. Казанскимъ въ качествѣ сторонниковъ лекціонной системы: Карасевичъ (талантливый, безвременно погибшій ученый!), Лексисъ,

Савиньи, Листъ — для этихъ и поясненій въ скобкахъ ненужно)— аккуратнѣйшимъ образомъ посѣщалъ, боясь пропустить хоть одну лекцію. На лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ я-бы даже пошелъ въ случаѣ болѣзни съ нѣкоторымъ рискомъ для здоровья: всталъ-бы съ постели и поплелся-бы въ университетъ. Или даже, прослушавъ такъ аккуратно ихъ курсъ, я-бы въ слѣдующемъ году опять записался на ихъ лекціи и опять боялся-бы, какъ-бы не пропустить даже и одной лекціи. Мало того, я представляю себѣ такихъ профессоровъ, курсы коихъ (даже подъ однимъ и тѣмъ-же заглавіемъ) я-бы четыре года подъ рядъ аккуратно посѣщалъ, не пропуская ни одного слова профессора. Положимъ, изъ теперешнихъ профессоровъ я не могу назвать такого, курсъ котораго я-бы счелъ для себя полезнымъ прослушать 4 раза сряду. Но если-бы теперь, напр., въ Кенигсбергѣ состоялъ преподавателемъ Кенигсбергскій философъ— профессоръ Иммануилъ Кантъ, то я не только счелъ-бы полезнымъ студенту оставаться четыре года сряду въ Кенигсбергѣ, чтобы четыре года сряду слушать курсъ этого профессора, хотя-бы, кромѣ него тамъ некого было слушать, но и самъ будучи уже профессоромъ, за великое благо и за честь для себя счелъ-бы, прервавъ на время свои профессорскія занятія, записаться хоть на годъ въ студенты къ этому профессору» и т. д., и т. д.

Слѣдить дальше за тѣмъ, что сдѣлалъ-бы проф. Петражицкій, совершенно излишне. Замѣтимъ только, что ссылка на лекціи Канта очень неудачна. Кантъ читалъ вполнѣ элементарныя лекціи, разсчитанныя на средняго студента, отнюдь не обнаруживая въ нихъ всей своей глубокой мудрости, и слушать его четыре года подъ рядъ для г. Петражицкаго, я надѣюсь, было-бы излишне. Г. Петражицкій, разсчитывая на впечатлѣніе, которое должно произвести громкое имя, позабылъ, очевидно, справиться у какого-нибудь спеціалиста по исторіи философіи, каковъ былъ Кантъ на своихъ лекціяхъ, и весьма неудачно выбралъ свой примѣръ.

Перевернемъ двѣ страницы разсужденій г. Петражицкаго. Здѣсь мы находимъ нѣсколько иныя, но столь-же мало убѣдительныя соображенія. Именно онъ дѣлаетъ, въ подтвержденіе значенія лекцій, ссылку на тѣхъ, которые «для того, чтобы слушать лекціи, «перебираются» съ одной стороны земнаго

шара на другую сторону, а во всякомъ случаѣ совершаютъ дорого стоющія путешествія въ нѣсколько тысячъ верстъ, разставаясь иногда на нѣсколько лѣтъ съ родными и всѣмъ тѣмъ, что они любятъ и къ чему привыкли, и перенося разныя иныя лишенія, иногда весьма серіознаго свойства. Какъ это они не догадываются, что не только эти жертвы и лишенія, въ частности имущественныя жертвы и дальнія путешествія для слушанія лекцій въ извѣстномъ университетѣ никакого смысла не имѣютъ, но даже и хожденіе на лекціи для пребывающихъ уже въ данномъ университетскомъ городѣ — только лишняя трата времени? Вѣдь существуютъ учебники и ихъ число быстро растетъ и дѣлаетъ лекціи излишними.

«Замѣтимъ, между прочимъ, что многіе изъ иностранцевъ, съѣзжающихся слушать лекціи въ знаменитыхъ университетахъ, **избѣгаютъ** вообще тѣхъ существующихъ тамъ для студентовъ **«практическихъ занятій»**, которыя требовали-бы ихъ активнаго участія въ бесѣдахъ, чтеніи рефератовъ, рѣшеніи казусовъ, переводѣ и комментированіи текстовъ и т. п.—вслѣдствіе того, что они могутъ только понимать нѣмецкія лекціи, но не говорятъ сами по-нѣмецки, а во всякомъ случаѣ слишкомъ деликатны для того, чтобы мучить своимъ произношеніемъ и затруднять своимъ ломанымъ языкомъ и неумѣніемъ легко и свободно изъясняться—профессора и студентовъ. Впрочемъ, многіе изъ нихъ, особенно тѣ, которые на родинѣ уже кончили университетъ или даже пріобрѣли и ученую степень, и при отсутствіи затрудненій съ точки зрѣнія языка, не стали-бы участвовать въ такого рода практическихъ занятіяхъ, ибо они пріѣхали слушать лекціи такихъ-то знаменитыхъ и великихъ ученыхъ, а не студенческіе рефераты и указанія ихъ погрѣшностей, не переводы и комментированіе текстовъ или рѣшеніе казусовъ со стороны начинающихъ подъ руководствомъ преподавателей, и т. п.». «Но особенно характерное явленіе, — это, напр., **японцы** и т. п., слушающіе лекціи юридическаго факультета въ берлинскомъ и другихъ знаменитыхъ университетахъ».

Наконецъ, третій и послѣдній доводъ проф. Петражицкаго въ пользу лекціоннаго метода состоитъ въ ссылкѣ на то значеніе, которое имѣютъ великіе ученые. Приведемъ снова наиболѣе существенныя мѣста. «Свидѣтельство опыта въ томъ-же направленіи содержитъ тотъ—особенно часто наблюдаемый при

смѣнѣ общихъ точекъ зрѣнія, методовъ и направленія въ философіи и въ спеціальныхъ наукахъ—фактъ, что **изъ аудиторіи великихъ профессоровъ выходятъ крупные люди**, въ томъ числѣ выдающіеся ученые, хотя и относящіеся къ «школѣ» своего учителя, но дающіе человѣчеству новыя идеальныя блага, открывающіе новыя научныя истины, образующіе «плеяду», какъ-бы систему планетъ вокругъ солнца; а иногда затмевающіе даже своихъ учителей и первыхъ отцовъ школы, подобно тому какъ Платонъ превзошелъ своего учителя Сократа, а Аристотель сдѣлалъ для науки, въ тѣсномъ смыслѣ, больше, нежели его учитель Платонъ. Почему въ біографіяхъ ученыхъ традиціонно упоминается, чьи лекціи, какихъ выдающихся ученыхъ они слушали». И т. д.

«Характерное явленіе представляетъ также матеріальная общественная оцѣнка и **оплата профессорскаго труда** (при теперешней, т. е. лекціонной системѣ преподаванія) въ классической университетской странѣ, въ Германіи, гдѣ университетская наука процвѣтаетъ, какъ нигдѣ въ другой странѣ, а система вознагражденія за чтеніе лекцій выработана историческимъ массовымъ опытомъ, а не путемъ единовременнаго и единообразнаго назначенія свыше. Вознагражденіе труда выдающихся ученыхъ и во всякомъ случаѣ первоклассныхъ свѣтилъ науки значительно превышаетъ вознагражденіе высшихъ сановниковъ государства, не исключая министровъ». И т. д., и т. д.

«Слѣдуетъ прибавить, что изъ-за первоклассныхъ ученыхъ происходитъ **борьба между университетами** и правительствами государствъ средней Европы (германскихъ государствъ, имѣющихъ свои университеты, Швейцаріи и Австріи). Для выдающагося университета и его главнаго союзника — подлежащаго министра народнаго просвѣщенія — считается тамъ побѣдою и торжествомъ добыть на вакантную каѳедру первоклассное свѣтило науки, а неудача такого, признаваемаго весьма важнымъ, предпріятія или неумѣніе удержать у себя знаменитаго профессора разсматривается, какъ фіаско и пораженіе, и компрометируетъ университетъ или министра, если это случилось по ихъ винѣ. Откуда-бы могли появиться такія воззрѣнія, если-бы то дѣло, для котораго профессора приглашаются въ данный университетъ, т. е. чтеніе лекцій, представляло-бы вредное или во всякомъ случаѣ безполезное по существу своему, не имѣющее никакой цѣнности, занятіе?»

Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ г. Петражицкій думаетъ вывести, «что слушаніе лекцій выдающихся профессоровъ имѣетъ **какое-то особое цѣнное значеніе**, представляетъ особенно цѣнное идеальное благо». Думается, что на выясненіи этого «какого-то» значенія лекцій г. Петражицкому и слѣдовало-бы остановиться, а всѣ его личныя воспоминанія и другія приводимыя имъ обстоятельства ровно ничего не доказываютъ, хотя сами по себѣ они нерѣдко и резонны. Это тѣмъ болѣе слѣдовало-бы сдѣлать, что проф. Петражицкій указываетъ и **методъ изслѣдованія** (не знаю только въ серьезъ, или по принятому имъ обыкновенію—смѣха ради), которому надо слѣдовать, изучая значеніе лекціонной системы:

«Методъ долженъ, очевидно, состоять не въ общихъ дедуктивныхъ разсужденіяхъ на основаніи посылокъ, извлекаемыхъ изъ общихъ свойствъ процесса чтенія-слушанія лекціи въ отличіе отъ процесса чтенія учебника и т. п.». «Правильный путь, очевидно, состоитъ въ различеніи лекцій и лекцій и въ индуктивномъ сопоставленіи и изученіи имѣющихся въ распоряженіи фактовъ для отысканія факторовъ, отъ которыхъ зависитъ великая успѣшность однѣхъ лекцій (напр. Фихте, Гегель, Савиньи и т. п.), средняя успѣшность другихъ, малая успѣшность третьихъ, абсолютная безуспѣшность четвертыхъ и т. д. Подробности и правила подлежащаго метода (или методовъ: **метода различій, метода сопутствующихъ измѣненій, метода сходства, метода остатковъ**) описываются въ индуктивной логикѣ». Очень, очень жаль, что онъ не примѣнилъ къ дѣлу всѣхъ этихъ методовъ. Получилось-бы нѣчто, дѣйствительно, интересное. А теперь, посмотримъ, имѣетъ-ли хоть какую-нибудь убѣдительность все, сказанное г. Петражицкимъ? Положительно неловко принимать въ серьезъ его соображенія въ пользу лекціонной системы. Дѣйствительно:

Значеніе великихъ ученыхъ искусствомъ читать лекціи вовсе не исчерпывается. Многіе истинно великіе ученые были плохіе ораторы. Другіе не умѣли угодить своимъ слушателямъ. Многіе изъ нихъ сами ратовали противъ лекціонной системы. Мы совершенно отказываемся понять, какъ г. Петражицкій рѣшился сводить значеніе профессоровъ къ чтенію лекцій? Главное въ дѣятельности ученаго — его изслѣдованія, его писательская работа, а не «чтеніе лекцій». Столь-же невѣрна ссылка на ино-

странцевъ, которые пріѣзжаютъ слушать лекціи, а не участвовать въ практическихъ занятіяхъ. Что касается тѣхъ **иностранцевъ**, которые знаютъ нѣмецкій языкъ и отправляются въ Германію дѣйствительно учиться, то они считаютъ за честь участвовать въ семинарныхъ занятіяхъ какого-нибудь великаго ученаго, попасть на которыя бываетъ нерѣдко очень трудно. Здѣсь интересно привести слѣдующія слова проф. **Живаго**:

«Общій характеръ семинаріума былъ указанъ выше... число участвующихъ обыкновенно очень небольшое (10, 15, 20 человѣкъ), и изъ этого числа у профессоровъ, пользующихся извѣстностью, нерѣдко **бóльшая часть — иностранцы**, дѣйствительно желающіе учиться и работать; на долю иностранцевъ нерѣдко приходится поэтому и бóльшая интенсивность труда, и болѣе серьезные научные результаты работы подъ руководствомъ выдающагося ученаго».

Г. Петражицкому должно быть хорошо извѣстно хотя бы то, что русское правительство много лѣтъ содержало при берлинскомъ университетѣ **особую семинарію** для насажденія у насъ римскаго права, за изученіе и преподаваніе котораго невсегда охотно брались молодые люди, оставлявшіеся обычнымъ порядкомъ при университетѣ. Если многіе иностранцы дѣйствительно ѣдутъ заграницу не для серьезныхъ занятій, а для того, чтобы побывать въ разныхъ университетахъ, послушать знаменитостей, завязать знакомства: «людей посмотрѣть и себя показать», то заключать отсюда къ пользѣ лекціонной системы совершенно невозможно.

Г. Петражицкій утверждаетъ, что «со стороны **выдающихся** и дѣйствительно авторитетныхъ ученыхъ во всякомъ случаѣ такихъ отзывовъ не слышится», т. е. отрицательныхъ, что касается лекціонной системы. Онъ упустилъ изъ виду Мейера, Пирогова, Яновскаго и др. русскихъ и нѣмецкихъ изслѣдователей, которые въ большомъ числѣ упоминаются И. И. Янжуломъ, С. И. Живаго, Гр. О. Симоненко и др. Онъ не хочетъ знать громадной нынѣ русской и иностранной литературы этого вопроса. Кого, спрашивается, онъ хочетъ убѣдить своими бездоказательными утвержденіями?

Наконецъ, если ужъ говорить о массовомъ опытѣ, то слѣдуетъ сказать, что массовый **опытъ всѣхъ юридическихъ факультетовъ** свѣта осудилъ господство однѣхъ лекцій въ пре-

подаваніи права. Факультеты всѣхъ передовыхъ странъ,—исключенія мнѣ неизвѣстны,—ввели за самое послѣднее время рядомъ съ чтеніемъ лекцій въ большемъ или меньшемъ объемѣ и такъ называемыя практическія занятія. Споръ уже рѣшенъ и рѣшенъ не въ пользу монологовъ профессоровъ, наполняющихъ все рабочее время студентовъ, не въ пользу лекціонной системы, а въ пользу системы сложной, обнимающей разные виды занятій студентовъ и со студентами.

Считая, что вышеприведенными данными доказана необходимость лекціонной системы, г. Петражицкій дѣлаетъ слѣдующій **репримандъ** лицамъ, которыя осмѣливаются сомнѣваться въ томъ что лекціонная система обезпечиваетъ достиженіе всѣхъ цѣлей факультетскаго преподаванія.

«Правильнѣе и осторожнѣе было-бы: **не обобщать индивидуальныхъ лекціонныхъ неудачъ** и т. п. данныхъ и аномалій и не выводить изъ нихъ заключенія о неуспѣшности и негодности лекцій вообще, а вмѣсто этого заняться: съ теоретической точки зрѣнія — причиннымъ выясненіемъ эмпирически несомнѣнной, на всевозможные лады массовымъ опытомъ подтверждаемой и признаваемой, высокой цѣнности лекцій выдающихся профессоровъ (его слѣдуетъ, конечно, искать на психологической почвѣ); съ практической точки зрѣнія — изысканіемъ мѣръ, ведущихъ къ подъему уровня профессуры и тѣмъ самымъ качества лекцій и ихъ массовой и индивидуальной оцѣнки со стороны учащейся молодежи. Къ этимъ вопросамъ мы возвратимся впослѣдствіи, а пока мы готовы признать только то положеніе, что нѣтъ основанія и не слѣдуетъ обязывать всѣхъ профессоровъ читать лекціи. Кто замѣчаетъ, что его лекціи безполезны или слишкомъ мало успѣшны, чтобы стоило и слѣдовало ихъ читать, пусть замѣнитъ ихъ какими-либо иными болѣе полезными занятіями». Засимъ упомянувъ, что имѣются также лекціи «выдающихся» профессоровъ, г. Петражицкій кончаетъ такъ: «Вотъ и надо постараться, чтобы такихъ лекцій было побольше, а такихъ лекцій, какія предполагаются, какъ нѣчто нормальное и естественное, врагами лекціонной системы, не всегда соблюдающими мудрое правило: **«не пеняй на зеркало»**...—поменьше».

Такимъ образомъ, критиками лекціонной системы являются, по его мнѣнію, просто плохіе ораторы, которые терпятъ неудачи на лекціяхъ и поэтому возстаютъ противъ нихъ... Все это утверждается съ полнѣйшей самоувѣренностью и безъ всякихъ доказательствъ. Слушайте и вѣрьте проф. Петражицкому на слово. На это заслуженный профессоръ Г. Θ. **Симоненко** отвѣтилъ слѣдующимъ достойнымъ образомъ:

«Если слѣдовать примѣру проф. Петражицкаго и начать приклеивать **ярлыки съ злостными эпитетами** ко всякому мнѣнію, котораго мы не раздѣляемъ, **заподозрѣвая** въ авторахъ его самыя дурныя побужденія и привычки, то и къ страстной защитѣ устарѣлой системы преподаванія можно легко привѣсить такой-же ярлыкъ съ выраженіемъ подозрѣнія, не хотятъ-ли сохраненіемъ ея гг. преподаватели освободить себя отъ всякаго побужденія подновлять свои знанія, которыя никѣмъ не провѣряются послѣ сдачи магистерскаго экзамена и защиты послѣдней диссертаціи на ученую степень? При новой системѣ преподаванія придется усердно слѣдить за всей новѣйшей литературой по своему предмету, чтобы не быть сконфуженными ссылкою своихъ слушателей на какое-либо новое, неизвѣстное преподавателю изслѣдованіе. Само собой понятно, я не допускаю, чтобы кто-либо въ дѣйствительности могъ руководиться подобными побужденіями въ своихъ ожесточенныхъ нападкахъ на новую систему преподаванія».

Кромѣ оцѣнки лекціонной системы со стороны профессоровъ есть и еще оцѣнка ея, со стороны слушателей, которая также подрываетъ утвержденіе проф. Петражицкаго о томъ, что массовый опытъ всего человѣчества признаетъ «какое-то» значеніе за лекціями. Студенты на лекціи не ходятъ. Это извѣстно и г. Петражицкому,

Ему извѣстны даже «**многія тысячи случаевъ упраздненія лекціонной системы по иниціативѣ самихъ учащихся**». Но, выставивъ это заявленіе, г. Петражицкій спѣшитъ оговориться.

«Впрочемъ, во избѣжаніе недоразумѣній, спѣшу оговориться, что я отнюдь не приписываю такихъ взглядовъ всѣмъ студентамъ. Напротивъ, я отлично знаю, что многіе студенты держатся совершенно противоположнаго взгляда, что они лекціи, а

по крайней мѣрѣ—лекціи **извѣстныхъ и выдающихся ученыхъ**, считаютъ весьма цѣннымъ благомъ и весьма усердно ими пользуются; я даже думаю, что такихъ студентовъ, въ глазахъ коихъ посѣщеніе лекцій вообще — «не болѣе, какъ лишняя трата времени» не такъ ужъ много, какъ нѣкоторые полагаютъ; а если еще взглянуть на степень развитія ума и дѣльности характера, съ одной стороны тѣхъ, которые считаютъ посѣщеніе лекцій цѣннымъ благомъ, съ другой стороны тѣхъ, которые считаютъ это занятіе совершенно лишнимъ для себя дѣломъ, то пожалуй и наиболѣе ярые противники лекціонной системы перестали-бы пользоваться постоянно повторяемою ссылкою на то, что и сами студенты согласны съ ихъ взглядами».

Опять, значитъ, то-же самое утвержденіе, но въ другой формѣ. На лекціи «выдающихся» ученыхъ студенты ходятъ, на лекціи не выдающихся не ходятъ. Хорошіе студенты на лекціи ходятъ, а плохіе не ходятъ. И снова никакихъ доказательствъ въ пользу этихъ положеній. Г. Петражицкій не объясняетъ даже, кого по его мнѣнію надо считать выдающимися учеными? Можно-ли, напр., по его мнѣнію считать выдащимся ученымъ, лекціи котораго имѣютъ «какое-то» значеніе, человѣка, всего себя отдавшаго наукѣ, сдѣлавшаго много для ея успѣховъ, но отвратительнаго оратора, съ недостатками рѣчи, дѣлающими невозможнымъ продолжительное слушаніе его, и т. п.? Не явится-ли скорѣе, съ его точки зрѣнія, выдающимся ученымъ, какой нибудь самоувѣренный фразеръ, хватающійся за каждую новую популярную идею и собирающій къ себѣ въ аудиторію толпу, подъ интересы и вкусы который этотъ «ученый» съ успѣхомъ подлаживается? Впрочемъ и здѣсь, снова положительно странно опровергать г. Петражицкаго, такія вещи утверждаетъ онъ.

Гораздо проще и много яснѣе высказываетъ свои мысли относительно нехожденія студентовъ на лекціи г. **Гессенъ**.

«Да, дѣйствительно, студенты посѣщаютъ лекціи неохотно! Но что-же изъ этого? Значитъ-ли это, что лекціи ненужны? Въ самое послѣднее время студенты перестали посѣщать не только лекціи, — но и лабораторіи, и анатомическіе театры, и библіотеку,—вообще **перестали посѣщать университетъ.** Значитъ-ли это, что не нуженъ университетъ? Намъ кажется болѣе, чѣмъ наивнымъ, искать и находить причину студенческаго абсентеизма въ недостаткахъ лекціонной системы.

«Спокойное теченіе общественной мысли, задержанное плотиной 80-тыхъ и 90-хъ годовъ, высоко поднялось надъ обычнымъ уровнемъ и отдѣльныя волны начинаютъ перекатываться черезъ плотину... Лучшая, т. е. наиболѣе идейная и живая — часть нашей молодежи, захваченная всепоглощающимъ интересомъ къ практическимъ вопросамъ общественной жизни, отвернулась — конечно, на время — отъ теоретической науки, отъ уединеннаго труда въ тишинѣ научныхъ лабораторій.

«Другая, худшая часть отражаетъ въ себѣ безъидейную и безсодержательную, самодовольную тупость современнаго общества или, вѣрнѣе, его большинства. Въ стѣны университета она вноситъ анти-научное настроеніе окружающей среды, — то высокомѣрное презрѣніе къ отвлеченной теоріи, которое ярче всего характеризуетъ умственный и нравственный упадокъ нашего времени».

На это мы можемъ замѣтить только одно. Студенты не ходятъ на лекціи не только у насъ, но и за-границей, гдѣ нѣтъ тѣхъ политическихъ обстоятельствъ, на которыя намекаетъ г. Гессенъ. И не ходятъ на лекціи они уже сравнительно давно. Только за послѣднее время стали писать объ этомъ. Перестали относить нехожденіе на счетъ качествъ отдѣльныхъ лекторовъ. Перестали стѣсняться говорить объ этомъ открыто. Студенты плохо посѣщали и посѣщаютъ многихъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ украшаютъ исторію науки права и нерѣдко всуе упоминаются защитниками лекціонной системы. Впрочемъ, все это факты столь извѣстные, что и напоминать ихъ какъ-то странно. Во всякомъ случаѣ, мы находимъ неудобнымъ обсуждать здѣсь, правда-ли что университетъ посѣщаютъ только самодовольные и пр. тупицы, лучшая-же часть молодежи занимается чѣмъ-то инымъ? Замѣтимъ только, что это заявленіе какъ разъ противоположно заявленію г. Петражицкаго, который считаетъ, что хорошіе студенты ходятъ на лекціи, а плохіе нѣтъ. Переходимъ къ другимъ защитникамъ лекціонной системы.

Доводы другаго рода находимъ мы у г. Левитскаго. «Въ учебномъ дѣлѣ мы часто обращаемся къ заграницѣ и смотримъ», говоритъ онъ, «какъ тамъ въ этомъ случаѣ поставлено

6

то или другое. Посмотримъ-же, какъ стоитъ тамъ лекціонная система, продолжаетъ-ли она тамъ дѣйствовать, или уже сдана въ архивъ. И что-же? Оказывается, что **заграницей система эта процвѣтаетъ**, что ее совсѣмъ не думаютъ тамъ мѣнять на практическія занятія, конечно, тамъ, гдѣ это самымъ дѣломъ совсѣмъ не требуется.

«Наши университеты **въ прошломъ** своей лекціонной системой, конечно, при надлежащихъ профессорахъ и другихъ благопріятныхъ условіяхъ, создали себѣ славу и честь, завоевали и составили свой высшій авторитетъ. Этой системой наши университеты дали многихъ великихъ людей земли русской. Этой системой они подготовили «эпоху великихъ реформъ». Этой системой наши университеты всегда привлекали къ себѣ молодежь, жаждущую свѣта и просвѣщенія, которая въ былыя времена даже хаживала пѣшкомъ, чтобы слушать и поучиться всему, что говорятъ и читаютъ въ стѣнахъ университетовъ. Этой системой наши университеты всегда стояли на высотѣ своего призванія. Наконецъ, этой системой наши профессоры завоевали себѣ право быть призванными читать на заграничныхъ университетскихъ каѳедрахъ...

«А изъ недалекой отъ насъ дѣйствительности вотъ нѣсколько примѣровъ мощнаго вліянія лекціонной системы». Слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ однажды О. Ф. Миллеръ, отправляясь на панихиду по Самаринѣ, подѣлился со студентами своими воспоминаніями о немъ. «И что это были за воспоминанія! Какая рѣчь! Я какъ-будто и теперь слышу ее. Горячо прочувствованная, она дышала глубокимъ уваженіемъ къ честному общественному дѣятелю, **горячему поборнику народнаго блага**. Восторженный голосъ, страстность изложенія, всецѣло субъективное отношеніе оратора къ дѣятельности Самарина уже сами по себѣ производили сильное впечатлѣніе на слушателей.

«Не лекцію читалъ, а говорилъ только по случаю утраты о смерти великаго человѣка нынѣ тоже покойникъ профессоръ О. Ф. Миллеръ, обращаясь къ студенчеству. Лекціи уже въ этотъ разъ заканчивались, и студенчество внимало голосу профессора. Да какъ внимало. **Черезъ 25 лѣтъ** слова, сказанныя О. Ф. Миллеромъ, представились слушателю этихъ словъ, какъ сейчасъ сказанныя». «Значитъ, сказанное 25 лѣтъ тому назадъ было дѣйствительно сильно сказано, что такъ отозвалось

чрезъ долгій промежутокъ времени въ душѣ слушателя. Говорить-ли, какой полезный плодъ дало сказанное экспромтомъ, какъ отозвалось на слушателяхъ и ихъ нравственномъ горизонтѣ, какъ должно было сдѣлаться руководящимъ принципомъ въ ихъ дальнѣйшей жизни и дѣйствіяхъ. И какія орудія были у профессора, чтобы сдѣлать такъ много? Орудіями этими были: онъ самъ, смерть великаго дѣятеля и лекціонная система». Засимъ слѣдуетъ разсказъ о томъ, какое вліяніе В. С. Соловьевъ произвелъ на слушателей первой своей лекціей о христіанскихъ идеалахъ.

Кончилась лекція такъ: «Я хочу сообщить вамъ, господа,— сказалъ Соловьевъ,—или лучше, я прошу васъ, чтобы каждый, несогласный съ основными положеніями моей настоящей и будущихъ лекцій, возражалъ мнѣ по окончаніи лекціи». «Снова взрывъ рукоплесканій. Возраженія профессору по поводу прочитанной имъ лекціи,—это являлось совершеннымъ новшествомъ въ университетской жизни,—и новшествомъ, какъ оказалось потомъ, весьма благотворнымъ по послѣдствіямъ. На второй лекціи аудиторія оказалась еще многолюднѣе, пришлось открыть актовую залу». Наконецъ, г. Левитскій напоминаетъ тотъ, столь извѣстный, едва-ли не единственный моментъ жизни Соловьева, когда «онъ выступилъ трибуномъ и силой вдохновенія, горячей вѣрой въ правоту своего убѣжденія покорилъ мысль не одной сотни людей». Разсказавъ, какъ было дѣло, г. Левитскій продолжаетъ:

«Послѣ этого, кажется, не приходится-ли сказать одно, что доказывать силу лекціонной системы, это — доказывать, что дважды два—четыре. Лекціонная система для университетовъ, это—членораздѣльное слово для каждаго человѣка, это — даръ Божій, которымъ онъ отмѣченъ между прочимъ отъ всего прочаго въ природѣ и что подпимаетъ человѣка до небесъ». «Въ виду сказаннаго, будемъ-же вѣрить и надѣяться, что не лекціонная система будетъ упразднена въ будущемъ въ нашихъ университетахъ, а университеты освободятся отъ тѣхъ непризнанныхъ практическихъ людей нашего времени, не по достоинству возсѣвшихъ на университетскихъ каѳедрахъ, которые ратуютъ за уничтоженіе лекціонной системы и превращеніе университетовъ изъ дѣйствительныхъ свѣточей науки въ лабораторіи съ разными практическими цѣлями».

Нельзя не отдать должнаго пылкому воодушевленію, которымъ проникнуто все это мѣсто въ статьѣ г. Левитскаго. Онъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда вообще монологъ совершенно необходимъ въ аудиторіи: когда преподаватель желаетъ оказать вліяніе на **чувства слушающихъ** (пробудить патріотизмъ слушателей, какъ въ первомъ примѣрѣ, или христіанскія чувства ихъ, какъ во второмъ, и пр.). Но мы идемъ, какъ указано въ другомъ мѣстѣ, гораздо дальше г. Левитскаго, и вовсе не ограничиваемъ этимъ случаемъ примѣненіе ораторскаго слова. Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что вся задача профессора — дѣйствовать на чувства слушателей, хотя-бы даже приэтомъ преслѣдовались и не тѣ цѣли, которыя указаны въ приведенныхъ г. Левитскимъ примѣрахъ, а болѣе умѣстныя въ университетѣ: развитіе въ учащихся любви къ наукѣ, увлеченія истиной и пр. Есть и другія задачи факультетскаго преподаванія, которыя могутъ быть достигаемы частью чтеніемъ лекцій, частью другими занятіями студентовъ и со студентами. Здѣсь надо привести слѣдующія глубоко вѣрныя слова проф. Симоненко, который доказываетъ, даже съ точки зрѣнія г. Левитскаго, преимущества бесѣды со слушателями передъ ораторскою рѣчью профессора.

«Говоря о великомъ значеніи лекціонной системы въ ея теперешнемъ видѣ, проф. Левитскій и нѣкоторые другіе, въ доказательство возможности при ней оказывать даровитымъ преподавателямъ не только умственное, но и **нравственное вліяніе** на молодежь, указываютъ на то сильное впечатлѣніе, какое они производятъ иногда на слушателей своимъ «восторженнымъ голосомъ и страстнымъ изложеніемъ». Впечатлѣніе это бываетъ такъ велико, что нѣкоторыя изъ одушевленныхъ словъ профессора оставляютъ навсегда неизгладимый слѣдъ въ душѣ его учениковъ и по прошествіи многихъ лѣтъ представляются, какъ-бы сейчасъ сказанными. Но возможность такого впечатлѣнія на умы учащихся профессорской рѣчью нисколько не исключается и при замѣнѣ чтенія лекцій научными собесѣдованіями; пожалуй, она даже увеличивается вслѣдствіе воздѣйствія на профессора живаго обмѣна мыслей съ аудиторіей. Кромѣ того, не въ силѣ впечатлѣній должна заключаться сущность университетскаго преподаванія.

«**Университеты не театры**, въ которыхъ все разсчитано на силу впечатлѣнія, производимаго представленіемъ на зрителей. Сильныя впечатлѣнія, вызываемыя страстной рѣчью профессоровъ могутъ скорѣе препятствовать, чѣмъ содѣйствовать объективному разсмотрѣнію большинства вопросовъ, излагаемыхъ съ каѳедры. Страстность профессора, несомнѣнно, легко распространяется и на слушателей; но тамъ, гдѣ говорятъ страсти, хотя-бы и самыя возвышенныя, холодная мыслительная способность, строгій анализъ ума отодвигаются на задній планъ, парализуются до нѣкоторой степени и правильное, всестороннее изслѣдованіе предмета становится если не невозможнымъ, то очень труднымъ. Послѣднее дѣло, если профессорскія каѳедры обратятся **въ театральныя подмостки**, и профессоръ будетъ привлекать въ свою аудиторію слушателей не солидностью сообщаемыхъ имъ научныхъ знаній, а только страстностью рѣчи, бьющей по нервамъ слушателей. Возможная вещь, что аудиторіи такихъ профессоровъ будутъ полны слушателями, тѣмъ не менѣе лекціи ихъ останутся безсодержательными и потому безполезными». Эти спокойныя замѣчанія проф. Гр. Симоненко должны показать г. Левитскому, что вопросъ о лекціонной системѣ далеко не такъ простъ, какъ ему кажется.

Все остальное у г. Левитскаго вовсе не убѣдительно. Наши университеты создали себѣ славу вовсе не одной лекціонной системой, а многимъ другимъ и, прежде всего, **учеными трудами** своихъ профессоровъ. За-границей лекціонная «система» **потерпѣла крушеніе** также, какъ и у насъ. За послѣдніе годы система эта въ ея чистомъ видѣ перестала дѣйствовать и въ Германіи. Всюду рядомъ съ чтеніемъ лекцій появились и другіе пріемы занятій студентовъ и со студентами. Рядомъ съ лекціями въ университетахъ **частью и раньше существовали**, хотя и болѣе или менѣе случайно, и практическія занятія, и лабораторіи и пр., и кромѣ хорошаго ничего отъ этого не было. Наконецъ, возможно-ли, приведя 3 примѣра вліянія оратора, при особыхъ обстоятельствахъ, на слушателей утверждать, что такимъ путемъ доказана полезность лекціонной системы и пр., и пр.? Что касается «практическихъ» людей, не по праву возсѣвшихъ на университет-

скихъ каѳедрахъ, и предлагаемой яко-бы ими замѣны лекціонной системы практическими занятіями, то этого вопроса я коснусь дальше. Равно дальше-же приведу внушительный отвѣтъ г. Левитскому со стороны г. Янжула. Въ томъ-же самомъ, успокоительномъ тонѣ проф. Гр. Симоненко чрезвычайно удачно отвѣчаетъ г. Левитскому еще слѣдующимъ образомъ:

«Развѣ кто либо отрицалъ пользу нашихъ университетовъ и принятой въ нихъ лекціонной системы преподаванія въ прошломъ или даже къ настоящемъ?! Несомнѣнно они принесли всю указываемую профессоромъ пользу. Но не менѣе безспорно и то, что лекціи, въ соединеніи съ такъ называемыми практическими занятіями, дающими возможность университетской молодежи вполнѣ сознательно, активно, а не одной только памятью усвоивать профессорскіе курсы — могутъ принести еще болѣе пользы, а потому эта система преподаванія и должна быть предпочтена прежней.

«Кромѣ того, **едва-ли** всѣ согласятся съ проф. Левитскимъ что **лекціонная система** всегда въ достаточной степени **привлекала къ себѣ молодежь**, жаждущую свѣта, и подготовляла великихъ людей земли русской. По мѣрѣ того, какъ съ одной стороны, въ гимназіяхъ крѣпла классическая система образованія, лишавшая учащихся возможности знанія реальныхъ условій дѣйствительной жизни, а съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ въ университетахъ молодежь все пассивнѣе относилась къ усвоенію знаній, сообщаемыхъ съ каѳедръ, освобождая себя не только отъ обязанности записывать профессорскія лекціи, но даже и отъ чтенія какихъ-бы то ни было научныхъ пособій къ нимъ, — она становилась все менѣе способной оказывать содѣйствіе общественному прогрессу. Вступая по окончаніи университетовъ въ жизнь въ качествѣ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, позднѣйшія поколѣнія, по наблюденію нѣкоторыхъ, представляютъ собою, въ общей массѣ, людей все болѣе **лишенныхъ творчества, иниціативы, живаго интереса къ общественнымъ дѣламъ**, оставаясь мало пригодными къ какой-бы то ни было отвѣтственной роли въ усложняющейся изъ году въ годъ жизни.

«Несомнѣнно, что глубина убѣжденій, высказываемыхъ профессоромъ съ каѳедры свободно, есть могучая сила, которая не можетъ не вліять не только на умъ, но и на нравственное

чувство слушателей. Она дѣлаетъ преподавателя вдохновеннымъ ораторомъ, слово котораго, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ по сердцамъ его слушателей и всецѣло овладѣваетъ ими. Но все это возможно только тогда, когда ему извѣстно хотя приблизительно настроеніе этихъ слушателей, ихъ умственное и нравственное развитіе и вытекающіе изъ него взгляды на данный вопросъ. Въ такомъ случаѣ преподаватель можетъ предугадать, какъ его слово отразится на аудиторіи, какія сомнѣнія или недоразумѣнія оно можетъ вызвать въ ней, чтобы направить противъ нихъ свои доводы. Удастся ему **предугадать господствующее настроеніе аудиторіи** — онъ будетъ въ состояніи всецѣло овладѣть ею. Не удастся—и самая вдохновенная рѣчь его окажется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Словомъ, однѣми ораторскими рѣчами профессоровъ ограничивать преподаванія никакъ нельзя.

Совершенно въ томъ-же родѣ, что у г. Левитскаго, доводы заслуженнаго проф. **Романовича-Славатинскаго** въ статьѣ, озаглавленной: Лекціи или практическія занятія?

«Съ тѣхъ поръ», говоритъ онъ, **«какъ существуетъ европейскій университетъ**, главной задачей онъ считаетъ устное изложеніе науки въ видѣ общихъ или спеціальныхъ курсовъ предъ болѣе или менѣе обширной аудиторіей, которая разноситъ по всей странѣ мысли и истины, услышанныя въ стѣнахъ университета. Эта лекціонная, по истинѣ традиціонная система вытекаетъ изъ самаго существа университетской школы, которая не можетъ измѣнить основной задачи, не измѣнивъ своей природѣ. Такъ повелось чуть не съ Абеляра, такъ ведется и въ наше время». «Этой лекціонной системой европейскій университетъ имѣлъ громадное вліяніе на развитіе западно-европейской мысли, западно-европейскаго міросозерцанія, проникнутаго высокими началами христіанства и идеализма. Если сравнить и сличить силу всѣхъ тѣхъ факторовъ, которые вліяли на развитіе европейской интеллигенціи, то лекціонной системѣ университета выпадаетъ весьма значительная доля. На почвѣ ея выростала западно-европейская наука и литература, питомцами ея были Шиллеръ и Гейне, Шарко и Тэнъ— красота и гордость человѣчества.

«Университеты мы заимствовали съ запада, а вмѣстѣ съ ними перешла къ намъ и европейская лекціонная система, получившая у насъ великое культурное значеніе. Кто помнитъ русское темное царство въ дореформенное время, тотъ знаетъ, какое облагораживающее вліяніе принадлежало лекціямъ лучшихъ профессоровъ русскихъ университетовъ. Сколько свѣтлыхъ мыслей, сколько благородныхъ побужденій выносилось изъ аудиторій Рѣдкина и Грановскаго, Лунина и Каченовскаго, Бунге и Павлова, и такъ дальше. Эти свѣтлыя мысли, эти благородныя стремленія разносились по захолустьямъ страны, стоявшей на почвѣ крѣпостнаго права, со всѣми неправдами его. Изъ русскихъ аудиторій выходили не одни Рудины, но дѣятели и исполнители великихъ реформъ Александра II-го. На лекціяхъ московскаго университета воспитывались Герценъ и Самаринъ, Хомяковъ и Аксаковы».

И здѣсь мы должны повторить то самое, что говорили раньше. Рядомъ съ лекціями на всѣхъ факультетахъ, кромѣ юридическихъ, давно уже систематически пользуются, кромѣ чтенія лекцій, и другими пріемами занятій студентовъ и со студентами, а значеніе университетовъ далеко не объясняется однимъ тѣмъ, что профессора «читаютъ лекціи». Объясняется оно всей научной и просвѣтительной дѣятельностью ихъ. Отождествлять университеты съ лекціонной системой совершенная ошибка. Такая-же ошибка зачислять въ сторонники лекціонной системы всѣхъ тѣхъ, кто въ прошломъ сдѣлалъ что-либо для науки, или для Россіи. Наконецъ, древность извѣстнаго установленія врядъ-ли можетъ всегда служить безусловнымъ доказательствомъ его разумности, если ему не на что больше опереться, кромѣ рутины. Если-же говорить о древности, то древнѣе, несомнѣнно, діалогическая форма преподаванія, современная еще Сократу, а не монологическая, или лекціонная. Заслуженный профессоръ Романовичъ-Славатинскій сдѣлалъ-бы, несомнѣнно, гораздо больше для поддержанія падающаго значенія лекціонной системы, если-бы, вмѣсто всего сказаннаго, привелъ хотя одно соображеніе, относящееся къ существу дѣла, дѣйствительно выясняющее роль ораторскаго слова въ преподаваніи.

На заслуги лекціонной системы вполнѣ справедливо указываетъ и проф. **Есиповъ** «Практическія занятія по историческимъ, политическимъ и юридическимъ наукамъ никогда не могутъ устранить лекцій, подобно тому, какъ эксперименты по естественнымъ наукамъ не устранили и понынѣ живаго слова въ этой области. Да и не безплодно-же было въ Россіи чтеніе юридическихъ лекцій въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ. Если наши профессора-юристы пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, почти всѣ отдававшіе предпочтеніе лекціонной системѣ, могли гордиться тѣмъ, что они воспитали главныхъ дѣятелей начала судебной реформы, то и профессора-юристы послѣдующихъ годовъ могутъ гордиться тѣмъ, что ихъ ученики твердо и неустанно проводили и проводятъ въ жизнь основныя положенія новаго судоустройства и судопроизводства и всегда стояли на высотѣ своего положенія».

Прекрасныя слова! Я очень охотно присоединяюсь къ нимъ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, оговорками. Первая состоитъ въ томъ, что про нынѣшнихъ учениковъ юридическихъ факультетовъ приходится слышать далеко не однѣ одобрительныя рѣчи. А вторая — въ томъ, что студенты временъ введенія судебныхъ уставовъ кромѣ слушанія лекцій еще и занимались наукой самостоятельно. И въ этой ихъ работѣ надо искать объясненія не только того значенія, которое они имѣли въ жизни, но и ихъ тѣсныхъ нравственныхъ и научныхъ связей съ родными университетами. Во всякомъ случаѣ г. Есиповъ, какъ показано въ своемъ мѣстѣ, требуетъ, чтобы равное мѣсто рядомъ съ чтеніемъ лекцій занимали практическія занятія и это придаетъ только большее значеніе его защитѣ лекціоннаго пріема.

Яркое выраженіе добраго отношенія къ своей alma mater, а отсюда и къ лекціямъ мы находимъ также въ слѣдующихъ воодушевленныхъ словахъ г. **Брагина**. Возражая противнику лекціонной системы, онъ говоритъ:

«Лекціи суть могучій двигатель въ духовной жизни студента. Надо лишь помнить, что «не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ»: надо знать, какъ велико вліяніе любимаго профессора на студентовъ! И чтобы нагляднѣе доказать это, сошлюсь на примѣръ Западной-Европы, гдѣ студенты представляютъ собою

«кочевниковъ». Прослушавши Целлера въ Берлинѣ, студентъ-нѣмецъ отправляется въ Гейдельбергъ прослушать Куно Фишера, въ Лейпцигъ — Вундта и т. д. А вѣдь «эти» профессора уже не боятся обнародовать свои лекціи, какъ того боятся «нашинскіе», по увѣренію г. Вольскаго. Весьма удобно можно прочитать въ своей комнаткѣ всѣ сочиненія этихъ свѣтилъ въ области философіи и психологіи и, однако, ихъ аудиторіи переполнены постоянно не только «спеціалистами», но и студентами всѣхъ факультетовъ и разныхъ учебныхъ заведеній. Аудиторіи такого рода суть храмы, гдѣ крѣпнетъ мысль студента и созрѣваетъ твердое намѣреніе служить добру, правдѣ и красотѣ.

«Не спорю, ораторское искусство играетъ немаловажную роль въ дѣлѣ созданія имени профессору, однако, какъ доказалъ опытъ, на блестящихъ фразахъ далеко уѣхать нельзя: студенты—слишкомъ чуткій народъ, чтобы ихъ восторженность можно было на долгое время поддерживать фразами. Лучшія воспоминанія объ университетской жизни удерживаются у насъ въ памяти, благодаря «аудиторіямъ». Съ какимъ невольнымъ трепетомъ, съ какою радостью ожидаешь, бывало, лекціи любимаго профессора! Эхъ-ма!—не только не думаешь о будущихъ благахъ, но забываешь, что сегодня еще не ѣлъ, а мысль о «тепленькомъ мѣстечкѣ» въ такія минуты не смѣетъ явиться даже въ головѣ вѣчно голодающаго студента: она замѣняется серьезной заботой о томъ, какъ-бы завоевать себѣ мѣстечко поближе къ каѳедрѣ любимаго профессора. И г. Вольскій, по моему, проглядѣлъ истину, если онъ полагаетъ, что ораторское искусство профессора играетъ тутъ важнѣйшую роль: репутація профессора, какъ ученаго, истинное служеніе наукѣ, **преданность тѣмъ высокимъ идеаламъ**, которые дѣлаютъ человѣка человѣкомъ — вотъ что требуютъ студенты отъ профессора. И все это можетъ быть выражено въ отношеніи студента къ аудиторіи...

«Если мы скажемъ, что высшая школа есть храмъ, послѣ посѣщенія котораго человѣкъ выходитъ съ яснымъ сознаніемъ того, что онъ въ той или другой степени получилъ отвѣты на запросы его духа, что честныя убѣжденія его еще болѣе укрѣпились и онъ смѣло и бодро вступаетъ въ жизнь съ твердымъ намѣреніемъ остаться вѣрнымъ святымъ идеаламъ юности, если все это такъ, тогда аудиторія—«святая святыхъ» этого храма.

Слишкомъ мы стали утилитаристами, слишкомъ привыкли мы искать вездѣ матеріальныя выгоды! **Оставьте юношѣ то святое мѣсто,** въ которомъ зарождаются его лучшіе идеалы, оставьте свободнымъ уголокъ, въ которомъ онъ чувствуетъ близкое присутствіе тѣхъ, которые являются выразителями благороднѣйшихъ думъ. Вы скажете, быть можетъ: все это — фразы! Нѣтъ горе тѣмъ, которые этого не переживали, горе имъ!..»

Весьма охотно присоединимся и мы къ пожеланію, чтобы юношѣ было оставлено это святое святыхъ съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы рядомъ съ аудиторіей были построены и библіотеки, и лабораторіи, и кабинеты для занятій и пр., и чтобы юноши выносили изъ университета не только нравственные идеалы, но и **образованіе,** и въ особенности тѣ свѣдѣнія и умѣнья, ради которыхъ они и поступаютъ въ университетъ. Г. Брагинъ подчеркнулъ одну лишь сторону дѣла, отмѣтивъ нравственное вліяніе профессоровъ на студентовъ. Оно, конечно, велико, или, скорѣе, должно быть велико. Но, вѣдь, было-бы вопіющей ошибкой утверждать, что все дѣло университетскаго преподаванія ограничивается насажденіемъ «честныхъ убѣжденій» и «святыхъ идеаловъ юности». Неужели-же надо еще доказывать, что главная задача университетовъ — не воспитаніе, а образованіе?

Въ заключеніе приведемъ еще слѣдующія слова **П. Виноградова.** Защищая, какъ увидимъ въ другомъ мѣстѣ, развитіе практическихъ занятій, онъ находитъ должнымъ сказать слѣдующее и въ пользу лекціоннаго «метода», именно метода, а не лекціонной системы:

«Не можетъ быть и рѣчи объ отмѣнѣ **лекціоннаго способа преподаванія.** Лекціи всегда сохранятъ свое громадное значеніе **для общаго ознакомленія съ науками** и совершенно напрасно въ послѣднее время ведется походъ противъ нихъ. Ни книги, ни учебники никогда ихъ не замѣнятъ. Помимо личной **талантливости изложенія,** которая играла и играетъ слишкомъ видную роль въ университетской жизни, чтобы ее можно было игнорировать, — **профессорскіе курсы,** даже средніе, представляютъ незамѣнимое руководство, потому что каждый изъ нихъ является въ результатѣ не только научнаго знанія, но и при-

способленія къ условіямъ даннаго времени и мѣста, чѣмъ не можетъ быть книга даже отличная.

«Пусть нѣкоторые курсы застываютъ, пусть другіе страдаютъ нѣкоторой неряшливостью и нескладностью, пусть цитаты подведены менѣе точно, обороты рѣчи употреблены менѣе обдуманно, чѣмъ это дѣлается въ издаваемыхъ для большой публики книгахъ. Въ общемъ — русскимъ профессорамъ не приходится стыдиться своихъ курсовъ ни передъ кѣмъ: они вкладывали въ нихъ лучшее достояніе своего знанія и труда, дѣлали для нихъ даже больше, чѣмъ для спеціальныхъ изслѣдованій или печатныхъ изданій. Сколько можно у насъ назвать талантливыхъ профессоровъ, которые именно въ этой-то формѣ проявляли всю свою ученость и умѣнье!»

Вполнѣ присоединяемся къ этимъ словамъ. Жаль только, что профессоръ Виноградовъ не развилъ болѣе подробно и не обосновалъ своей главной мысли о значеніи лекцій для общаго ознакомленія съ науками. Въ этомъ, несомнѣнно, одна изъ задачъ лекціоннаго пріема. Вмѣсто этого, онъ, начавъ съ чтенія лекцій, незамѣтно перешелъ къ профессорскимъ курсамъ, которые, какъ извѣстно, появляются, обыкновенно, въ литографированномъ видѣ. При полномъ нашемъ уваженіи къ нимъ, все-же, думается, было-бы лучше, если-бы эти курсы выходили въ свѣтъ **въ печатныхъ изданіяхъ**, т. е., въ видѣ учебниковъ. Съ общей оцѣнкой ихъ мы, конечно, также вполнѣ согласны.

Таковы главные доводы, которые приводились въ 1901 г. въ пользу лекціонной системы. **Врядъ-ли они убѣдительны.** Самое большее, если они доказываютъ, что лекціонный методъ можетъ играть извѣстную роль въ преподаваніи права. Но этого никто и не опровергалъ. Если-бы защитники лекціонной системы дѣйствительно доказали, что монологъ преподавателя есть лучшее и даже единственное средство факультетскаго преподаванія, то имъ были-бы благодарны всѣ университетскіе преподаватели, а въ томъ числѣ и «враги лекціонной системы».

Мы всѣ воспитались на лекціяхъ и каждый изъ насъ не можетъ не питать особаго почтенія, даже **извѣстной нѣжности** къ этому исконному пріему преподаванія. Какое-бы это было

успокоеніе и утѣшеніе, если-бы можно было доказать, что чтеніе лекцій дѣйствительно—все для университета, что ничего больше не надо, что вся университетская работа дѣйствительно происходитъ на лекціяхъ въ восторженномъ духовномъ общеніи учителя и учениковъ. Это сняло-бы съ души преподавателей тяжкое сомнѣніе въ томъ, приносятъ ли они своимъ слушателямъ всю ту пользу, которую они ждутъ отъ нихъ? Увы, этого доказать нельзя и никто этого не доказалъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтеніе лекцій — самый легкій способъ преподаванія. Его можетъ примѣнять каждый, кто не лишенъ вовсе дара слова. Какое пріятное, несложное занятіе было-бы призваніе профессора, если-бы его обязанности ограничились чтеніемъ лекцій! Дѣйствительно, нѣтъ ничего легче и ничего проще, какъ подготовиться, какъ это водится, дома по какимъ-либо книжкамъ, а засимъ и изложить ихъ своими словами передъ аудиторіей. Увы, не этимъ-ли ограничиваютъ все свое преподавательское призваніе нѣкоторые, не скажемъ — профессора, но приватъ-доценты, съ легкимъ сердцемъ берущіеся за преподаваніе любаго предмета въ любомъ высшемъ учебномъ заведеніи? Дѣло только въ томъ, что подобные ученые никогда не получатъ признанія со стороны людей настоящей науки; настоящіе университетскіе дѣятели никогда не будутъ думать, что суть ихъ призванія — чтеніе лекцій, ихъ цѣль — потрясать сердца, ихъ роль — роль проповѣдника, агитатора, или актера.

Справедливые, благожелательные и благородные умы не могутъ не пожалѣть, что нѣкоторые защитники лекціонной системы, вмѣсто обсужденія ея качествъ по существу, выступили съ разными намеками и обвиненіями противъ лицъ, которыя предлагали разсмотрѣть sine ira et studio вопросъ громадной народной и государственной важности. Въ глазахъ компетентныхъ лицъ,—конечно, не въ глазахъ толпы,—они только повредили тому дѣлу, защитить которое собирались. Толпа, несомнѣнно, была въ восторгѣ отъ тѣхъ неслыханныхъ пріемовъ полемики, къ которымъ они прибѣгли. Неужели это показалось имъ соблазнительнымъ?

Но мы представили-бы неполно картину того спора, который велся въ нашей печати въ 1901 г. за и противъ лекціонной системы, если-бы умолчали о двухъ попыткахъ доказать преимущества лекціоннаго метода на основаніи разсмотрѣнія его

дѣйствительнаго значенія. Онѣ принадлежатъ проф. Загоровскому и прив.-доценту Гессену.

Проф. **Загоровскій** высказываетъ слѣдующія мысли: «Едва-ли учебникъ (даже хорошій) можетъ замѣнить лекцію: «письмо,— говоритъ Гёте, — это — злоупотребленіе рѣчью; тихое чтеніе про себя — печальный суррогатъ рѣчи; человѣкъ оказываетъ вліяніе на другаго своею личностью»; по этому поводу мы повторимъ сказанное нами относительно значенія теоретическихъ курсовъ. Хорошая устная рѣчь не можетъ быть возмѣщена чтеніемъ хотя-бы и хорошей книги. Живая рѣчь сильнѣе дѣйствуетъ на нашъ мозгъ, **лучше имъ воспринимается и менѣе его изнуряетъ**, нежели чтеніе.

«Наконецъ, это—одинъ изъ источниковъ духовнаго общенія профессора со своими слушателями и даже **воспитательнаго на нихъ вліянія**. Правда, говорятъ, наука — безстрастна. Однакоже, и здѣсь не можетъ не сказаться разница между науками физическими и нравственными или гуманитарными. Можно сохранить эпическое спокойствіе, излагая морфологію или гистологію растеній или говоря о химическомъ анализѣ, — но развѣ мыслимо, такъ сказать, полное безучастіе своего «я», когда рѣчь идетъ объ устроеніи быта себѣ подобныхъ, или о полномъ разногласіи между жизнью и писанной нормой? Кто не былъ профессоромъ, или не сидѣлъ въ университетской аудиторіи, тотъ только не знаетъ, какъ сильно, хотя и незамѣтно, отражается это «я» въ лекціяхъ всякаго сколько-нибудь самостоятельнаго университетскаго преподавателя... Все это говоритъ за сохраненіе полной силы за теоретическими курсами».

Во всемъ этомъ, несомнѣнно, есть много правды. Учебникъ не можетъ замѣнить собой лекціи, какъ и лекція — учебникъ, конечно. Каждое изъ этихъ средствъ имѣетъ свое незамѣнимое значеніе. Воспитательное значеніе лекцій также несомнѣнно, хотя скорѣе имъ отличается бесѣда, чѣмъ чтеніе лекцій въ его обычномъ видѣ, т. е., въ видѣ безконечнаго монолога учащаго, изо дня въ день и изъ году въ годъ, передъ безмолвствующей аудиторіей. Преимущества живой рѣчи, о которыхъ упоминаетъ проф. Загоровскій, относятся также скорѣе къ бесѣдѣ (діалогу), чѣмъ

къ лекціи (монологу). Во всякомъ случаѣ, слишкомъ продолжительное пассивное слушаніе чужихъ рѣчей представляетъ крайне тяжелое, изнурительное занятіе.

Съ своей стороны г. **Гессенъ** въ статьѣ, написанной «по поводу» моей брошюры, насколько ему удалось сказать нѣчто резонное, довольно удачно перефразировалъ тѣ соображенія, которыя подробно развиваются въ этой брошюрѣ. Вотъ что онъ пишетъ:

«Изъ всѣхъ педагогическихъ пріемовъ чтеніе лекцій наиболѣе соотвѣтствуетъ истинному характеру и цѣли высшаго, университетскаго образованія. «Гимназическое вдалбливаніе» фактовъ (Einpaukerei) въ университетѣ уступаетъ мѣсто свободному усвоенію знаній. Лекціонная система оставляетъ **широкій просторъ** самостоятельной научной работѣ студентовъ. Безъ такой работы слушаніе лекцій безполезно.

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что лекціи являются удобнѣйшимъ **средствомъ руководства** самостоятельными занятіями студентовъ. Систематическое указаніе литературныхъ пособій, ихъ достоинствъ и недостатковъ, способовъ и пріемовъ пользованія ими всего легче и послѣдовательнѣе можетъ быть сдѣлано при систематическомъ чтеніи курса.

«Слушаніе лекцій — и только оно — даетъ слушателямъ **общее знаніе предмета**, проникнутое единствомъ настроенія и мысли. На лекціяхъ нагляднѣе всего обнаруживается логическій элементъ науки—связь между общими началами и частными выводами изъ нихъ. Научная перспектива — различіе между основнымъ и второстепеннымъ — на лекціяхъ выступаетъ съ большей выпуклостью, чѣмъ въ систематическомъ учебникѣ. Сравните, хотя-бы, **богатство интонацій** съ курсивнымъ шрифтомъ печати!.

«Устное изложеніе одухотворяетъ самый сухой научный матеріалъ. Въ устномъ изложеніи всякая мысль легче схватывается и запоминается,—рѣзче выступаетъ въ своихъ основныхъ характерныхъ чертахъ: не даромъ въ процессуальномъ правѣ устное судопроизводство ставится неизмѣримо выше бумажнаго. Увлеченіе лектора дѣйствуетъ заразительно на слушателей; его **интересъ къ наукѣ** сообщается аудиторіи. Талан-

тливый лекторъ порабощаетъ вниманіе слушателей; — онъ заставляетъ ихъ силой психическаго принужденія слѣдить, не теряя нити, за развитіемъ излагаемыхъ мыслей.

«Только живая рѣчь способна внушить начинающимъ любовь **къ наукѣ**, уваженіе къ ея работникамъ, — тотъ «этическій пафосъ», безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть истинно-научнаго, плодотворнаго труда. Это воспитательное значеніе лекцій создается отнюдь не краснорѣчіемъ лектора, а исключительно — или, главнымъ образомъ — искренностью и продуманностью его научныхъ убѣжденій».

Изъ всѣхъ этихъ доводовъ сколько-нибудь серьезное значаніе имѣетъ послѣдній, именно что лекція легче, чѣмъ что-либо другое, сообщаетъ учащемуся интересъ, или любовь къ наукѣ. Что касается руководства самостоятельными занятіями учащихся, то діалогъ съ каждымъ изъ нихъ, конечно, стоитъ неизмѣримо выше монолога, обращеннаго къ цѣлой аудиторіи. Относительно-же «богатства интонацій» и «широкаго простора» для занятій студентовъ, положительно, не знаю что сказать... Если-бы лекцій вовсе не было, то простору для учащихся было-бы, несомнѣнно, еще больше, чѣмъ при лекціяхъ. Богатство-же интонацій, передающее извѣстное **настроеніе** говорящаго, надо сравнивать не только съ курсивнымъ шрифтомъ, но со всей системой дѣленій, на которыя распадается извѣстное научное произведеніе: книги, отдѣлы, главы, параграфы, абзацы съ ихъ оглавленіями, нумераціей и пр., и пр., и которыя отмѣчаютъ **логическое построеніе** извѣстнаго ученія. Именно этимъ путемъ передается, всего лучше, общее знаніе предмета. Кромѣ того, богатство интонацій всегда больше въ діалогѣ, въ собесѣдованіи, чѣмъ въ монологѣ, въ лекціи. Наконецъ, все сказанное г. Гессеномъ въ доказательство необходимости лекціонной системы можетъ доказать только значеніе лекціоннаго метода, но никакъ не лекціонной системы.

Во всякомъ случаѣ гораздо удачнѣе, чѣмъ у современныхъ защитниковъ лекціонной системы, значеніе ея было указано разными **изслѣдователями прежняго времени**. На доводы ихъ въ моей брошюрѣ обращено самое серьезное вниманіе. Никто изъ писавшихъ до меня не разсматривалъ ихъ такъ

обстоятельно. Въ общемъ я съ ними согласенъ. Ошибка защитниковъ лекцій состоитъ лишь въ томъ, что они заключаютъ къ господству лекціоннаго метода въ преподаваніи, между тѣмъ это вовсе не вытекаетъ изъ принятыхъ ими самими посылокъ. Посылки эти, въ существенномъ, можно свести къ тремъ положеніямъ: *1) Ничто не можетъ такъ заинтересовать учащагося, расшевелить его, заставить заниматься новой наукой, какъ слово того лица, которое жизнь свою положило на служеніе наукѣ. 2) На лекціи, если она является дѣйствительно живымъ словомъ, отвѣчая на запросъ даннаго времени у учащихся, можно въ нѣсколько минутъ сообщить больше, чѣмъ сами учащіеся нашли-бы въ книгахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Наконецъ, 3) только на лекціяхъ можно знакомить учащихся съ новыми данными науки, не занесенными еще въ книги. Но, такъ какъ этими случаями не исчерпываются задачи факультетскаго преподаванія, то и чтеніе лекцій не можетъ играть въ немъ исключительной роли.* Чтеніе лекцій можетъ быть только однимъ изъ пріемовъ факультетскаго преподаванія, не болѣе сего.

«Монологъ, лекція, рѣчь, ораторское слово могутъ и должны имѣть мѣсто въ преподаваніи въ тѣхъ-же случаяхъ, въ какихъ они встрѣчаются и въ другихъ областяхъ нашей жизни и дѣятельности. Прежде всего, ораторская рѣчь есть незамѣнимое средство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду нравственное воздѣйствіе на учащихся. Главное, что можетъ при этомъ имѣть въ виду преподаватель, это—*пробудить въ слушателяхъ любовь къ истинѣ, стремленіе къ знанію, увлеченіе наукой. Далѣе, чтеніе лекцій вполнѣ допустимо тогда, когда задачей профессора является начальное ознакомленіе слушателей съ какимъ-либо вопросомъ, или предметомъ. Причемъ чтеніе лекцій особенно пригодно въ наукахъ описательныхъ и историческихъ, усвоеніе которыхъ дѣло болѣе воображенія, чѣмъ размышленія. Наконецъ, нельзя отрицать пользу чтеній, сопровождаемыхъ опытами, показываніями, упражненіями* учащихся и собесѣдованіями съ ними и т. п. Такимъ образомъ, чтеніе лекцій вполнѣ можетъ играть роль одного изъ пріемовъ факультетскаго преподованія. *Обыкновенно, при прохожденіи предметовъ, требующихъ сильнаго напряженія мысли для ихъ усвоенія, оно должно соединяться съ другими пріемами преподаванія. Но возможны, при только-что указанныхъ условіяхъ, и чисто лекціонные курсы.*

Въ этихъ границахъ одинъ преподаватель и по извѣстному предмету можетъ допустить болѣе частое примѣненіе лекцій, другой и по другому — менѣе частое. Указанные выше случаи примѣненія чтенія лекцій установлены на основаніи разсмотрѣнія того психологическаго процесса, который происходитъ во время произнесенія рѣчи передъ слушателями и врядъ-ли могутъ быть увеличены. Такимъ образомъ, отвергнувъ лекціонную систему, при которой профессора только произносятъ монологи, а студенты только ихъ слушаютъ, мы отнюдь не отрицаемъ возможности, пользы и даже необходимости профессорскихъ рѣчей вообще, даже чтенія иногда цѣлыхъ лекціонныхъ курсовъ. Переходимъ къ другимъ видамъ факультетскихъ занятій.

4. Самостоятельное чтеніе и собесѣдованія учащихся.

Первое, естественное, такъ сказать, средство изученіе наукъ есть самостоятельное чтеніе учащихся. Говоря о немъ, рѣчь надо начать, конечно, съ учебниковъ, которыми пользуются студенты. Университетскія пособія суть главное орудіе, которое получаютъ студенты для пріобрѣтенія нужныхъ имъ знаній. Насчетъ этихъ учебниковъ въ печати 1901 г. были высказаны нѣкоторыя очень вѣрныя мысли, которыя стоитъ отмѣтить. Проф. **Пиленко** пишетъ: «Не нужно забывать, что учебникъ, какъ таковой, имѣетъ много **преимуществъ** передъ лекціей. Изученіе науки по книгѣ, во-первыхъ, является всегда болѣе приспособленнымъ къ индивидуальности изучающаго. При нѣкоторомъ навыкѣ читать книгу, можно почти безошибочно угадывать, какіе абзацы (иногда строки) можно пропускать послѣ того, какъ предшествующее изложеніе уже понятно и чтеніе дальнѣйшаго развитія мысли было-бы излишнимъ. На лекціи студентъ принужденъ или слушать объясненія того, что онъ уже давно понялъ, или отвлекаться отъ лекціи, дѣлаться искусственно невнимательнымъ до тѣхъ поръ, пока тянутся эти объясненія, можетъ быть, необходимыя для его сосѣда. И ничто такъ не утомляетъ вниманія, какъ слушаніе пережевываній уже понятой субъектомъ мысли— или подобное искусственное прыганіе вниманія отъ лекціи къ постороннимъ предметамъ и обратно, соединенное съ опасностью возвратиться къ слушанію или слишкомъ рано, или слишкомъ

поздно. Замѣчу притомъ, что наиболѣе страдаютъ отъ муки «ненужныхъ объясненій» — лучшіе ученики, сливки аудиторіи, которые схватываютъ мысли съ намека. Изучая по книгѣ, студентъ свободенъ отъ всѣхъ этихъ неудобствъ; онъ можетъ перечитать сызнова то, чего онъ не понялъ, и пропустить лишнія объясненія, немедленно переходя къ изученію дальнѣйшаго. **Книга болѣе индивидуально приспособлена, чѣмъ лекція.**

«Къ этому можно прибавить, во-вторыхъ, что изученіе по книгѣ требуетъ приблизительно въ пять разъ **меньше времени**, чѣмъ аудиторное слушаніе. При четырехъ часахъ въ недѣлю, т. е. при 100 часахъ въ годъ, профессоръ едва успѣетъ прочитать содержимое тома въ 500 страницъ убористой печати. А у себя дома студентъ прочитаетъ тотъ-же томъ, при нѣкоторомъ искусствѣ, въ 16 — 20 часовъ. Притомъ эти 20 часовъ онъ воленъ будетъ выбрать, когда ему угодно, а не когда того требуетъ университетское росписаніе — и поставитъ онъ ихъ вмѣстѣ, дабы получить цѣлостное впечатлѣніе, котораго не могутъ дать сто лекцій, растянутыхъ отъ 1 сентября до 1-го апрѣля. Все это—удобства, и удобства важныя.

«Наконецъ, не нужно забывать и того, что всякое вообще слушаніе лекцій является **тяжелымъ трудомъ**. Въ средне-учебномъ заведеніи, въ гимназіи, ученикъ высиживаетъ 5 часовъ подъ-рядъ, но ему искусственно поддерживаютъ интенсивность вниманія курсорнымъ спрашиваніемъ, письменными работами и строгой дисциплиной. Въ университетѣ для людей взрослыхъ и, слѣдовательно, уже не обладающихъ прежней остротой вниманія читаютъ четыре часа въ день, заставляя ихъ оставаться совершенно пассивными. У насъ вообще какъ-то не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, какую колоссальную затрату воли нужно произвести для того, чтобы выдержать эту пассивную роль. А между тѣмъ, если-бы людямъ, окончившимъ свое офиціальное образованіе, предложили слушать по четыре реферата изо-дня въ день, то многіе-ли-бы это выдержали четыре года? А, вѣдь, слушатель реферата осужденъ на менѣе пассивную роль: онъ можетъ наверстать свое — въ преніяхъ, и во время самого доклада отмѣчать слабые пункты, подготовляя свое возраженіе. Я думаю слѣдовательно, что и съ этой точки зрѣнія лекціи уступаютъ книгамъ въ педагогической цѣнности; нѣтъ ничего вреднѣе, какъ пріучать молодежь къ пассивности.

«Въ виду всего этого, я позволю себѣ утверждать, что молодежь не такъ ужъ неправа, не посѣщая лекцій. Мнѣ кажется, что въ настоящее время нерѣдко усердными **сидѣльцами въ аудиторіяхъ** являются не способные ученики и даже не старательные. Ходятъ на лекціи **студенты робкіе**, если такъ можно выразиться: тѣ, которые боятся, какъ-бы профессоръ не отомстилъ имъ за непосѣщеніе, — и чаютъ награды на экзаменѣ за усидчивость, въ прямомъ смыслѣ этого слова». Все это совершенно вѣрныя мысли, съ которыми мы уже не разъ встрѣчались выше.

Проф. **Есиповъ** также сочувствуетъ идеѣ печатныхъ учебниковъ и систематическому примѣненію ихъ въ преподаваніи. Онъ говоритъ:

«Чтеніе лекцій, по самому существу науки права, какъ науки живой и постоянно развивающейся, не можетъ быть монотоннымъ повтореніемъ изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ-же данныхъ. Если профессоръ имѣетъ свой печатный учебникъ или руководство, то тѣ отдѣлы науки, которыя представляются общепринятыми ея началами, онъ можетъ излагать **кратче**, чѣмъ въ учебникѣ, только лишь въ интересахъ системы. Наоборотъ, **новѣйшія** данныя науки, такъ сказать, вопросы дня, конечно, должны быть излагаемы значительно **подробнѣе** учебника, соотвѣтственно послѣднимъ выводамъ научныхъ изслѣдованій».

Проф. Симоненко свидѣтельствуетъ слѣдующее относисительно современныхъ порядковъ. Крайняя настоятельность перехода къ изданію печатныхъ руководствъ сама собой вытекаетъ изъ его словъ.

«Весь трудъ записыванія и конспектированія лекцій возлагается на одного, много двухъ студентовъ, которые затѣмъ издаютъ ихъ въ литографированномъ видѣ для приготовленія по нимъ къ экзамену всѣхъ товарищей по курсу. Если издатели случайно окажутся способными и развитыми людьми, то профессорскіе курсы бываютъ составлены толково, почему и отвѣты, даваемые на экзаменахъ, оказываются болѣе или менѣе удовлетворительными. Но, если столь-же случайно изданіе лекцій попадаетъ въ руки мало развитыхъ юношей, то литографированныя записки преизобилуютъ такими **грубыми ошибками** и

безсмыслицами, что профессору, заглянувшему въ эти курсы, становится совѣстно отъ тѣхъ курьезовъ, какіе преподносятся отъ его имени большинству слушателей издателями записокъ. На экзаменахъ студентами повторяется выученное на память содержаніе литографированныхъ курсовъ, и если при составленіи ихъ сдѣланы были какіе-нибудь серьезные пропуски, ошибки или искаженія мыслей преподавателя, то все это отражается со стереоскопической точностью на отвѣтахъ всѣхъ и каждаго изъ экзаменующихся. Чего не знаетъ одинъ изъ нихъ, по винѣ составителя записокъ, того не знаетъ и весь курсъ студентовъ. Лекціи усваиваются на живую руку въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей только для отбытія экзаменаціонной повинности, и какъ легко усваиваются, такъ, конечно, легко потомъ и испаряются изъ памяти».

Вопросъ объ университетскихъ лекціяхъ и пособіяхъ, является, по мнѣнію г. **Коротнева**, «однимъ изъ серьезныхъ и важныхъ вопросовъ текущей университетской жизни и рѣшеніе его въ настоящее время, когда говорятъ о коренныхъ реформахъ русскихъ университетовъ, является вполнѣ своевременнымъ. Труды университетскихъ профессоровъ оставались до сихъ поръ почти безъ всякой надлежащей оцѣнки: между прочимъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ «вмѣсто рукописей» встрѣчаются не только неупотребляемые въ русскомъ языкѣ обороты рѣчи и слова, но прямо цѣлыя **безсмысленныя фразы и отрывки**, совершенно непонятные для лица, читающаго и пользующагося таковыми пособіями». Слѣдуютъ примѣры изъ курса уголовнаго права профессора одного изъ южныхъ университетовъ. Примѣръ этотъ, какъ и всѣ ему подобные, имѣющіе скорѣе личный, чѣмъ общій характеръ, я опускаю.

А. Чер—ковъ съ своей стороны высказываетъ подобныяже мысли. «Два слова **о литографированныхъ** лекціяхъ. Какъ извѣстно, большинство лекцій издаются студентами, почти буквально передающими на бумагѣ устную рѣчь лектора. Одни профессора подписываютъ эти лекціи и берутъ этимъ какъ-бы на себя отвѣтственность за содержаніе лекцій; другіе-же упорно отказываются отъ подписи и этимъ оставляютъ за собою возможность въ любой моментъ отказаться отъ того, что читали.

Въ практикѣ московскаго университета былъ такой случай. Читалъ профессоръ 10 лѣтъ свою науку и ни въ комъ не вызывалъ сомнѣнія; но вотъ на 11 годъ, когда студентъ цитировалъ одно мѣсто изъ лекцій профессора (а этотъ профессоръ не подписывалъ ихъ), послѣдній сказалъ ему: «это — глупо». Смущенный студентъ показалъ подлинное мѣсто изъ лекцій, но профессоръ отвѣтилъ, что «это еще ничего не доказываетъ». Тогда справились въ лекціяхъ за всѣ годы, и вездѣ оказалось это мѣсто. Не помогла слушателю и десятилѣтняя давность... По этому поводу вспоминается еще такой случай: профессоръ, читавшій въ теченіе почти 15 лѣтъ одинъ и тотъ-же курсъ, изданный студентами въ первый годъ его профессуры, но не подписанный имъ, ежегодно начиналъ такъ: «Милостивые государи, прошлогодній курсъ я нахожу ниже всякой критики, а потому рекомендую обратить тщательное вниманіе на курсъ этого года». И это продолжалось 15 лѣтъ. Въ виду подобныхъ курьезовъ, представляется крайне необходимымъ **упорядочить дѣло** изданія лекцій профессоровъ и отвѣтственности послѣднихъ за свои лекціи». Мы приводимъ мнѣнія гг. Коротнева и Ч—ова, потому что они отражаютъ общіе упреки литографированнымъ лекціямъ. Не можемъ только не отмѣтить нѣкотораго преувеличенія, которое звучитъ въ нихъ, и нѣкоторой рѣзкости приговоровъ, рѣзкости, которой положительно слѣдуетъ избѣгать при обсужденіи столь труднаго, важнаго и больнаго вопроса, какъ вопросъ о постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ.

Такія-же мысли высказываются и другими лицами. Со всѣхъ сторонъ указываютъ на недостатки литографированныхъ лекцій и требуютъ печатнаго изданія ихъ. Попытки возразить противъ этихъ требованій врядъ-ли можно считать удачными. Такъ, отвѣчая одному изъ критиковъ существующаго порядка, г. **Врагинъ** говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Совсѣмъ страннымъ является требованіе г. Вольскаго, чтобы профессора печатали свои лекціи: это-де будетъ нѣкоторымъ контролемъ! Дѣло, значитъ, совсѣмъ **табакъ**, если ужъ дошло до этого. Германскіе ученые работаютъ, не покладая рукъ, двигаютъ науку, большинство ихъ читаетъ много лѣтъ и имена ихъ извѣстны далеко за предѣлами ихъ отечества, а между тѣмъ, до сихъ поръ они не издали своихъ лекцій. Разу-

мѣется, изданіе лекцій вреда никому принести не можетъ, но это ничуть не умалитъ и, равнымъ образомъ, не возвеличитъ профессора. Слава профессора не зиждется на изданіи учебниковъ, — они зачастую предоставляютъ это дѣлать своимъ ассистентамъ и, вообще, ученикамъ». Дѣло, однако, въ томъ, что печатное изданіе лекцій предлагается въ виду того, что оно всегда будетъ лучше литографированнаго, а вовсе не для созданія славы профессору. Высказывался и я въ своей брошюрѣ за изданіе печатныхъ учебниковъ для студентовъ вмѣсто существующихъ литографированныхъ. Между прочимъ по этому пункту мною были развиты слѣдующія мысли.

«Подъ руководствами мы подразумѣваемъ тѣ самые «**лекціи, курсы, записки**» и проч., которые и теперь издаются самими профессорами, или при помощи студентовъ. Нововведеніе, предлагаемое съ нашей стороны, предлагавшееся, впрочемъ, и раньше насъ, состоитъ въ томъ, чтобы домашній способъ изданія этихъ лекцій и пр. для однихъ своихъ слушателей измѣнить на открытый, для всѣхъ желающихъ, литографированный — на печатный. Требованіе понятное.

«На основаніи свѣдѣній, полученныхъ въ университетѣ, складывается все міросозерцаніе студента; свѣдѣнія эти рѣдко измѣняются впослѣдствіи. На основаніи ихъ развивается и дѣятельность молодаго юриста. Между тѣмъ, *источникъ знанія, открытый студенту въ современныхъ литографированныхъ лекціяхъ, бываетъ нерѣдко засоренъ и мутенъ.* Литографированныя лекціи, нерѣдко даже извѣстныхъ профессоровъ, представляютъ собою иной разъ невѣроятно безобразный видъ: отсутствіе важныхъ отдѣловъ системы науки, грубыя заимствованія изъ чужихъ печатныхъ трудовъ, несогласованность отдѣльныхъ ученій и разныхъ частей курса, разныя невѣрныя и даже нелѣпыя утвержденія и ученія, ошибки въ фактическихъ данныхъ, вотъ — что находимъ мы, увы, слишкомъ часто въ литографированныхъ лекціяхъ. Объясняется это въ значительной степени тѣмъ, что изданіе ихъ находится, обыкновенно, въ рукахъ студентовъ. Только при существованіи печатныхъ руководствъ явится возможнымъ удовлетворить *необходимымъ требованіямъ отъ всякаго учебнаго изданія. Главныя изъ нихъ состоятъ въ слѣдующемъ: отсутствіе излишнихъ потребностей и въ то-же время достаточная полнота изложенія, требуемая* **отъ научнаго произведенія,**

отсутствіе излишнихъ толкованій и повтореній и необходимость извѣстнаго количества самостоятельной работы учащагося для усвоенія сообщаемыхъ ему свѣдѣній, простота, ясность и спокойствіе изложенія, послѣдовательность частей и началъ, введеніе въ книгу задачъ, повторительныхъ вопросовъ и т. п., а также, если и поскольку возможно, замѣстителей личнаго опыта: чертежей, таблицъ, рисунковъ, плановъ и т. п.».

Таковы основныя воззрѣнія на учебникъ, которыхъ я держался въ своей брошюрѣ. Понятно, поэтому, насколько я былъ удивленъ, прочитавъ у проф. Петражицкаго слѣдующее неожиданное толкованіе къ нимъ. «Мѣсто упраздняемыхъ въ качествѣ систематическаго пріема университетскаго преподаванія лекцій занимаетъ по системѣ проф. Казанскаго задаваніе **уроковъ по учебнику** и «собесѣдованія» по «считающейся прочитанной студентами части учебника». Приэтомъ университетскія руководства, по мнѣнію автора, не должны имѣть характера ученыхъ трудовъ». Выставивъ это, ни на чемъ не основанное, обвиненіе, г. Петражицкій засимъ всячески казнитъ меня за не существующую вину. Между прочимъ онъ говоритъ и такъ:

«То, что авторъ совѣтуетъ, «не надлежащая» школа для юриста, а порча и развращеніе юридической психологіи. Раціональныя юридическія руководства не только должны воплощать въ себѣ идею правомѣрности и свидѣтельствовать о ней постоянно путемъ ссылокъ на источники, но по возможности они должны заставлять изучающаго имѣть подъ рукою самые эти источники и при чтеніи заглядывать въ нихъ для провѣрки по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ положеній, напр., имѣющихъ особо важное значеніе, зависящихъ отъ такого, а не иного, защищаемаго другими толкованія источниковъ и т. п.». «По существу профессоръ долженъ, конечно, не только самъ не возбуждать идеи, что университетская наука **сводится къ ученію** «размѣченнаго» учебника къ экзамену, но всѣми силами препятствовать возникновенію такой ассоціаци идей». И т. д., и т. д.

Оказывается, все это г. Петражицкій вывелъ изъ одной моей оговорки, именно, что нѣтъ основанія «обременять», т. е., излишне отягощать руководство ссылками на литературу и первоисточники. Эту оговорку г. Петражицкій передѣлалъ такимъ образомъ: «Они, т. е. учебники, должны быть чужды ученаго аппарата, ссылокъ на первоисточники, указаній литературы». Засимъ, оста-

вивъ безъ вниманія все остальное, что говорится мною относительно университетскихъ руководствъ, обрушился на меня съ разными обвиненіями на трехъ страницахъ (столбцахъ). Думается, что подобный пріемъ можно назвать дѣйствительно неслыханнымъ въ ученой критикѣ. Объяснять здѣсь, почему я нахожу неудобнымъ «обремененіе» учебника научнымъ аппаратомъ, думаю, нѣтъ надобности.

Никакого **задаванія уроковъ** я, конечно, также не предлагаю. Даже слово это въ моей брошюрѣ вовсе не встрѣчается. Мысль о задаваніи уроковъ дало г. Петражицкому, повидимому, мое предложеніе, чтобы, «прежде чѣмъ учащіеся приступятъ къ изученію учебника, онъ былъ раздѣленъ на извѣстное число частей, сообразно съ временемъ, въ которое онъ можетъ быть прочитанъ». Такимъ образомъ студенты получаютъ въ руки планъ занятій на все время, которое посвящается извѣстному предмету. Врядъ-ли кто-нибудь другой можетъ усмотрѣть въ этомъ задаваніе уроковъ. Опровергать утвержденіе г. Петражицкаго о томъ, что будто-бы по моему мнѣнію всѣ университетскія занятія должны ограничиваться изученіемъ учебника, тѣмъ болѣе, нѣтъ никакого основанія. Ничего подобнаго у меня нѣтъ. Читатель видѣлъ уже, что мои предложенія имѣли и имѣютъ въ виду одну цѣль: болѣе широкую и научную постановку преподаванія права.

Разъ имѣются учебныя и ученыя книги слѣдуетъ, конечно, чтобы учащіеся читали и изучали ихъ. Это можетъ освободить преподавателя отъ обязанности читать съ каѳедры тѣ отдѣлы, которые слушатели и сами могутъ съ успѣхомъ усвоить. На сей счетъ вѣрныя соображенія, чрезвычайно согласныя съ тѣмъ, что говорится въ моей брошюрѣ, находимъ мы у г. **Пиленка**. «Университетское преподаваніе юридическихъ наукъ можетъ проявляться въ двухъ формахъ: или въ видѣ живой рѣчи (лекціи, произнесенной съ каѳедры), или въ видѣ книги (учебника, рекомендованнаго студентамъ). Двойственность формъ преподаванія предполагаетъ заранѣе выясненное и точно установленное **разграниченіе сферъ дѣйствія каждой изъ формъ**. Каковы функціи—соотвѣтственно—живаго слова и книги въ университетскомъ преподаваніи? Таковъ вопросъ, отвѣтъ на кото-

рый я предлагаю намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ въ настоящей статьѣ.

«Во всякой наукѣ нужно строго различать два элемента. Съ одной стороны, встанутъ **общіе вопросы о сущности**, цѣли и методахъ науки, о ея роли въ общей схемѣ человѣческаго знанія и объ основныхъ ея посылкахъ. Эта часть является наиболѣе интересною и въ то-же время наиболѣе трудною для пониманія и для изложенія: ее можно назвать частью методологическою, ибо въ ней играетъ наиболѣе важную роль вопросъ, какъ изложить данную проблему. Съ другой стороны, встанутъ тѣ данныя, которыя составляютъ фактическій фундаментъ и остовъ всѣхъ выводовъ данной науки: цифры и даты, имена и мелкія контроверзы—часть энциклопедическая.

«Первую изъ этихъ двухъ частей необходимо **излагать устно**. Общія проблемы всякой науки настолько сложны и трудны для неподготовленнаго пониманія, что ихъ нужно излагать съ каѳедры, широко пользуясь всѣми тѣми средствами для наиболѣе яркаго изображенія, которыми располагаетъ ораторъ, ничѣмъ не стѣсненный въ своей рѣчи. Всѣ эти трудныя проблемы надо изобразить въ выпуклой формѣ, дѣйствующей на воображеніе—и слѣдовательно въ этой области книга не можетъ конкурировать съ живымъ словомъ, не будучи въ состояніи давать столь-же яркіе образы.

«Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ частью энциклопедическою. **Оратору тутъ дѣлать нечего.** Я позволю себѣ привести нѣсколько примѣровъ. Необходимо, предположимъ, изложить аудиторіи вопросъ о литературныхъ конвенціяхъ. Совершенно необходимо тогда намѣтить эволюцію вопроса и даже въ связи съ общей эволюціей авторскаго права; столь-же необходимо затронуть вопросъ о пользѣ и вредѣ заключенія литературныхъ конвенцій. Но было-бы излишнимъ трактовать о мелочахъ, касающихся ихъ содержанія, какъ и сколько лѣтъ защищаются иностранцы,—что такое право перевода, драматизаціи,—какова организація бюро и т. д. Приэтомъ замѣчу, что къ мелочамъ нужно щедрою рукою относить весь баластъ, не служащій для илюстраціи какихъ-нибудь общихъ положеній. Lex-ли fori, или domicilii регулируетъ договоръ,—какими способами прекращается подданство,—какіе пункты исковаго прошенія,—какими средствами бороться противъ заразныхъ болѣзней,—ка-

ковы смягченія наказаній для малолѣтнихъ и что такое Actio praescriptis verbis,—всѣ эти вопросы могутъ быть безъ всякаго вреда для дѣла самостоятельно прочитаны студентомъ въ учебникѣ.

«Слѣдовательно, преподаваніе должно диференцироваться. Только **малая часть вопросовъ должна быть излагаема съ каѳедры**, а объ остальномъ преподаватель, не колеблясь, долженъ говорить своимъ слушателямъ «этого я не читаю, это ясно изложено въ учебникѣ». Конечно, я не имѣю въ виду спеціальныхъ курсовъ, читаемыхъ privatissime для 2—3 любителей. Но «большая» лекція, разсчитанная для большой толпы, должна быть освобождена отъ всякаго баласта. Учебникъ и лекція не должны быть паралельными дорогами, ведущими къ одной и той-же цѣли. Наоборотъ, они должны быть взаимно дополняющими частями одного непрерывнаго пути, который надо пройти цѣликомъ. Я считаю гибельною для дѣла точку зрѣнія тѣхъ преподавателей, которые видятъ идеалъ аудиторнаго курса въ совершенно равномѣрномъ и уравновѣшенномъ изложеніи всѣхъ вопросовъ. По моему мнѣнію о $^4/_5$ всѣхъ вопросовъ преподаватель имѣетъ право вовсе не читать. Преподаваніе съ университетской каѳедры должно быть экскурсивнымъ. Для того, чтобы не было недоразумѣній, отмѣчу тотчасъ-же, что лекціи не должны быть ставимы ни въ какую связь съ экзаменами. Можно даже выставить, какъ правило, что читаемое на лекціяхъ не должно быть спрашиваемо на экзаменахъ, а спрашиваемое—не должно быть читаемо. Всѣ экзаменаторы, вѣроятно, засвидѣтельствуютъ, что тонкія, элегантныя методологическія проблемы въ отвѣтахъ даже лучшихъ студентовъ подвергаются порядочному опошливанію.

«Резюмируя все сказанное и сводя дѣло на практическую почву, я считаю возможнымъ выставить слѣдующія положенія. При существованіи хорошихъ учебниковъ (причемъ на такіе **учебники** надо смотрѣть не какъ на роскошь, а какъ на первѣйшую необходимость)—аудиторная лекція, въ ея элементарной формѣ (т. е. когда одинъ все только говорить, а другіе все только слушаютъ) должна мало-по-малу лишаться той доминирующей роли, которую она нынѣ играетъ. Идеальною была-бы такая постановка дѣла, чтобы на всякой лекціи слушатели принимали активное участіе. Но такъ какъ это невозможно, то желательно,

чтобы пассивныя лекціи были посвящены тѣмъ только вопросамъ, которые по самому своему существу способны въ высокой степени заинтересовывать слушателей. Такихъ вопросовъ въ каждой наукѣ — не много, и потому **лекціи пассивныя** должны быть сильно сокращены числомъ: максимальное ихъ количество не должно превышать 2—3 час. въ недѣлю на предметъ (а не шесть, какъ по дѣйствующему уставу). Рядомъ съ этими лекціями по теоріи и практикѣ методологіи каждой науки—должны встать строго-факультативные курсы по спеціальнымъ вопросамъ, причемъ на такихъ курсахъ, читаемыхъ для 2—3 любителей, преподаватель воленъ доходить до «точки» въ изложеніи даже мельчайшихъ контроверзъ. Аудиторная лекція есть громоздкое, тяжелое орудіе, которое слѣдуетъ употреблять въ рѣдкихъ случаяхъ, для преодолѣнія исключительныхъ трудностей. Для стрѣльбы-же **по мелкой птицѣ** это орудіе негодно: и птицы не застрѣлишь, да и самое орудіе рискуешь дискредитировать».

Приведенная выдержка изъ статьи г. Пиленка принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу лучшихъ страницъ изъ всего, что вообще писалось по вопросу. Постоянное повтореніе у разныхъ писателей совершенно тождественныхъ заявленій показываетъ полную возможность прійти къ взаимному пониманію и соглашенію, и что касается правильной постановки факультетскаго преподаванія. Но при самостоятельномъ чтеніи книгъ учащимися необходимо **руководство** со стороны учащихъ. Такимъ образомъ, естественно переходимъ къ такъ называемымъ собесѣдованіямъ. По этому вопросу снова слѣдуетъ отмѣтить рядъ интересныхъ мнѣній.

Проф. Курдюмовъ говоритъ: «Я, съ разрѣшенія своего начальства, отступилъ, по преподаваемымъ мною предметамъ, отъ господствующей лекціонной системы, замѣнивъ ее **системой бесѣдъ** съ освободительными репетиціями, и пришелъ къ весьма благопріятнымъ результатамъ.

«Я поступаю такъ. Разъ въ недѣлю устраиваю бесѣды со своими слушателями. Задаю имъ на недѣлю урокъ по книгѣ. На бесѣдѣ втеченіе нѣсколькихъ часовъ опрашиваю участниковъ, выясняю имъ темныя мѣста и прибавляю то, чего въ учебникѣ

нѣтъ. Такимъ образомъ, всякій разъ имѣю возможность убѣдиться, усвоили-ли себѣ мои слушатели пройденное, или нѣтъ. По окончаніи отдѣла я произвожу освободительныя репетиціи и ставлю отмѣтки. Получившіе балъ четыре освобождаются отъ экзамена по соотвѣтственному отдѣлу. Быть можетъ, такая система не примѣнима ко всѣмъ предметамъ, но по многимъ изъ нихъ она могла-бы съ большою пользою для дѣла замѣнить лекціонную систему».

Г. **Брагинъ**, горячій защитникъ лекціонной системы, замѣчаетъ: «Противъ собесѣдованій мы, конечно, ничего имѣть не можемъ, но **Америка** эта **открыта** уже давно: въ Зап.-Европѣ введены практическія занятія по самымъ отвлеченнымъ предметамъ». Но самыя выдающіяся мысли высказаны и здѣсь проф. **Симоненко**. Мы не можемъ достаточно полно привести ихъ. Онъ думаетъ положить въ основу факультетскаго преподаванія научныя бесѣды учащихся.

«Какъ побудить учащихся относиться болѣе активно и сознательно къ усвоенію наукъ, преподаваемыхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ? По моему мнѣнію, слѣдуетъ замѣнить теперешнюю систему чтенія лекцій **живой бесѣдой** со студентами по тѣмъ-же самымъ вопросамъ, которые излагаются въ профессорскихъ лекціяхъ. **За нѣсколько дней** передъ каждой лекціей профессоръ долженъ сообщить своимъ слушателямъ, какимъ именно вопросамъ онъ намѣренъ посвятить ее и указать научныя **пособія**, изъ которыхъ его аудиторія можетъ почерпнуть отвѣты на вопросы, подлежащіе обсужденію на этой лекціи.

«Чѣмъ болѣе не сходны между собою точки зрѣнія авторовъ рекомендуемыхъ профессоромъ пособій, тѣмъ, конечно, болѣе оживленнымъ можетъ быть обмѣнъ мыслей на предстоящей бесѣдѣ между слушателями, усвоившими эти различныя точки зрѣнія. **Руководя** преніями, профессоръ долженъ слѣдить, чтобы они не выходили изъ рамокъ сообщенной имъ предварительно своимъ слушателямъ программы. Онъ-же въ заключеніе собесѣдованія излагаетъ **résumé** тѣхъ главныхъ выводовъ, къ которымъ пришла его аудиторія, и дѣлаетъ окончательную оцѣнку степени научности этихъ выводовъ. Знаніе студентами этого, сжато изложеннаго профессоромъ содержанія всѣхъ научныхъ бесѣдъ, дополняемое тѣмъ, что каждый изъ слушателей успѣлъ вынести изъ прочитанныхъ имъ книгъ въ теченіе года, можетъ

составить **предметъ экзаменовъ**. Для развитія умственной самодѣятельности учащихся безусловно необходимо требовать, чтобы каждый изъ слушателей являлся въ аудиторію, просмотрѣвъ предварительно хотя по одному изъ рекомендованныхъ профессоромъ пособій то, что относится къ содержанію предстоящей лекціи-бесѣды. Такого рода требованіе, предъявляемое въ теченіе года по каждой изъ преподаваемыхъ на курсѣ наукъ, не можетъ обременять непосильнымъ трудомъ учащуюся молодежь, но напротивъ будетъ облегчать ей сознательное усвоеніе знаній, сообщаемыхъ въ университетѣ.

«Особенно большую пользу въ дѣлѣ правильной постановки научныхъ собесѣдованій и развитія научной самодѣятельности учащихся можетъ приносить обязательное требованіе отъ слушателей представленія по истеченіи перваго семестра **письменныхъ курсовыхъ работъ**, заключающихся въ самостоятельной обработкѣ отдѣльныхъ научныхъ вопросовъ, для чего потребуется, конечно, отъ нихъ ознакомленіе съ нѣсколькими выдающимися сочиненіями по каждому вопросу.

«Такой способъ усвоенія наукъ, преподаваемыхъ въ университетахъ, мнѣ кажется единственно **достойнымъ молодыхъ людей**, искренно ищущихъ знаній, и наиболѣе соотвѣтствующимъ тому высокому назначенію, которое должны имѣть университеты, какъ храмы наукъ. Если въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, при изученіи чисто описательныхъ отраслей знаній, а также новыхъ и древнихъ языковъ, главную роль играетъ память, то при изученіи большей части наукъ, преподаваемыхъ въ университетахъ, эта роль должна принадлежать **личному опыту, наблюденію и размышленію** учащагося, его собственному критическому анализу изучаемыхъ науками явленій». «Усвоеніе знаній, преподаваемыхъ въ университетахъ, одной памятью, безъ собственной критической провѣрки ихъ со стороны учащихся, менѣе всего можетъ быть признано цѣлесообразнымъ, особенно при изученіи такихъ общественныхъ наукъ, какъ политическая экономія и статистика.

«Въ предѣлахъ, доступныхъ человѣческому знанію, вѣрѣ не должно быть мѣста. Все развитіе наукъ опирается главнымъ образомъ на сомнѣніи, на критическомъ анализѣ взглядовъ, часто самыхъ противоположныхъ. Дѣло преподавателя помочь учащимся разобраться въ этомъ хаосѣ противорѣчащихъ одно дру-

гому мнѣній, высказываемыхъ въ общественныхъ наукахъ, указать въ каждомъ изъ нихъ ту частицу истины, какую оно можетъ заключать въ себѣ, но никакъ не навязывать учащимся собственныхъ мнѣній, какъ вполнѣ непогрѣшимыхъ. Задача университетскаго преподавателя должна заключаться главнымъ образомъ въ подготовленіи слушателей къ **научной самодѣятельности.** Онъ долженъ стремиться научить ихъ не только логически мыслить, но и обосновывать каждое изъ своихъ мнѣній фактами, почерпнутыми изъ знанія дѣйствительной жизни, отучить учащихся отъ того вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ верхоглядства, которое чаще всего является результатомъ слишкомъ поверхностнаго знанія фактовъ реальной жизни. Jurare in verba magistri можно въ гимназіяхъ, гдѣ учащійся, особенно при нынѣшней классической системѣ образованія, совсѣмъ не знаетъ дѣйствительной жизни и ея основныхъ условій, чтобы имѣть возможность критически относиться къ сообщаемымъ ему знаніямъ. Но въ университетахъ только повторять слышанное съ каѳедры, не привнося въ отвѣты на экзаменѣ ничего собственнаго, не восполняя профессорскихъ лекцій свѣдѣніями, почерпнутыми изъ рекомендуемыхъ преподавателемъ ученыхъ сочиненій, не значитъ-ли для университетской молодежи унижать себя до степени какихъ-то грамофоновъ, пассивно воспроизводящихъ чужіе звуки и мысли, въ которыхъ почти не участвуетъ собственный трудъ и разумъ учащихся.

«**Задача преподавателя** сведется, во первыхъ, къ руководству студенческими преніями, чтобы они не уклонялись слишкомъ въ сторону отъ программы вопросовъ, составленной профессоромъ и предварительно сообщенной слушателямъ; во вторыхъ, къ провѣркѣ того, насколько студенты успѣли ознакомиться съ содержаніемъ рекомендованныхъ имъ профессоромъ научныхъ пособій; въ третьихъ, къ указанію собесѣдующимъ тѣхъ промаховъ и серьезныхъ отступленій отъ научныхъ пріемовъ, которые неизбѣжны со стороны молодежи, пробующей впервые свои силы въ обсужденіи научныхъ вопросовъ, а равно ошибокъ и недостатковъ тѣхъ научныхъ сочиненій, которыми пользовались слушатели для подготовки къ собесѣдованіямъ. Этимъ путемъ, въ концѣ концовъ, будетъ обезпечиваться аудиторіи возможность приходить къ правильнымъ заключеніямъ по предметамъ программы университетскаго преподаванія.»

Въ моей брошюрѣ я оставилъ нѣсколько болѣе **узкую цѣль** этимъ собесѣдованіямъ. Выставляя задачей ихъ—усвоеніе одного, принятаго преподавателемъ руководства, но въ то-же самое время предполагая, что профессоръ привлекаетъ учащихся къ пополненію общаго руководства другими книгами. Мнѣ казалось, что отъ массы студентовъ можно требовать одного, какъ необходимаго minimum'а, именно знанія хорошаго общаго руководства по каждому данному предмету. Что касается лицъ, которыя проявляютъ къ предмету болѣе живой интересъ, то для нихъ я требовалъ болѣе подробнаго теоретическаго изученія его и участія въ практическихъ занятіяхъ. Такъ-что разница между моими предложеніями и предложеніями проф. Симоненко очень невелика. То, что защищаетъ проф. Симоненко, несомнѣнно, съ научной точки зрѣнія болѣе желательно. То, что указывается мною, болѣе осуществимо на дѣлѣ. Для всѣхъ и каждаго—хорошій учебникъ; для болѣе способныхъ и желающихъ работать—рядомъ съ нимъ и другія ученыя произведенія и учебныя занятія.

Проф. **Симоненко** еще слѣдующимъ образомъ описываетъ значеніе разсматриваемаго пріема прохожденія юридическихъ наукъ. Слова его можно приложить, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, не только къ собесѣдованіямъ, къ которымъ они относятся, но и вообще ко всей новой системѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ.

«Чтобы пріучить университетскую молодежь къ научной самодѣятельности, для нея необходимо не чтеніе лекцій, пассивно выслушиваемыхъ и къ концу года заучиваемыхъ по запискамъ, а затѣмъ чуть не **автоматически повторяемыхъ** на экзаменахъ, но научныя бесѣды, живой обмѣнъ мыслей между учащими и учащимися по предметамъ, входящимъ въ программы университетскаго преподаванія». «Благодаря такимъ новымъ пріемамъ преподаванія, профессорскіе курсы, несомнѣнно, пріобрѣтутъ болѣе **живой интересъ**, будутъ посѣщаться съ большей охотой и пользой, чѣмъ въ настоящее время, перестанутъ быть въ своемъ родѣ повинностью, не легко отбываемой небольшимъ числомъ студентовъ за весь курсъ.

«Лекціонная система, пріучая къ пассивному, некритическому воспринятію чужихъ мыслей, дѣйствуетъ на умственныя способ-

ности слушателей **притупляющимъ** образомъ, убиваетъ въ нихъ стремленіе къ самостоятельному труду и мышленію; чтобы не упустить изъ виду послѣдовательно вытекающихъ одно изъ другаго научныхъ положеній, сообщаемыхъ съ каѳедры, слушатель лишенъ возможности вдумываться въ степень правильности ихъ, критически относиться къ нимъ. Въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ потерять ходъ мыслей преподавателя и совсѣмъ перестать понимать излагаемое имъ. Для сознательнаго усвоенія содержанія лекціи необходимы нѣкоторыя остановки, чтобы дать возможность слушателю логически связать новыя, сообщаемыя ему съ каѳедры, свѣдѣнія съ имѣющимися уже у него знаніями. Большая возможность этого предоставляется ему во время лекцій-бесѣдъ, ибо отъ него зависитъ спросить у преподавателя неслышанное, требовать разъясненія недостаточно понятаго, возразить на кажущееся невѣрнымъ. Во время-же чтенія обыкновенныхъ лекцій слушателю приходится чисто пассивно слѣдить за ходомъ чужаго мышленія и разучиваться мыслить самостоятельно.

«При замѣнѣ обыкновенныхъ лекцій лекціями-бесѣдами, преподаваніе сдѣлается дѣйствительно **живымъ словомъ**, живымъ обмѣномъ мыслей, которымъ, конечно, является разговоръ, а не непрерывная рѣчь съ каѳедры. Апатическое состояніе во время лекцій окажется почти невозможнымъ ни для слушателя, ни для преподавателя. Первый во всякое время можетъ перейти изъ пассивнаго состоянія въ активное и если онъ владѣетъ словомъ и достаточной научной подготовкой, то своей репликой профессору въ состояніи будетъ приковать къ своей рѣчи вниманіе всей аудиторіи даже въ большей степени, чѣмъ это удалось сдѣлать преподавателю.

«Для выдающихся по своимъ способностямъ и трудолюбію молодыхъ людей въ лекціяхъ-бесѣдахъ откроется обширное поле для проявленія этихъ способностей, знаній, діалектической изворотливости ума и находчивости. Въ виду этого и для преподавателя будетъ еще менѣе возможно погружаться во время лекціи въ апатическое состояніе, такъ какъ на недостаточно продуманное имъ самимъ научное положеніе ему придется ожидать возраженій со стороны слушателей. Такія научныя собесѣдованія могутъ служить для студентовъ своего рода **школой краснорѣчія**, на полное пренебреженіе которымъ у насъ не безъ осно-

ванія жалуется «Юридическая Газета». Между тѣмъ общественная жизнь требуетъ отъ будущихъ дѣятелей умѣнія говоритъ публично въ судѣ, въ земскихъ собраніяхъ, въ городскихъ думахъ и пр.

«При многочисленной аудиторіи, конечно, далеко не каждый слушатель будетъ имѣть возможность принимать участіе въ научныхъ бесѣдахъ. Тѣмъ не менѣе каждый, выслушавъ обмѣнъ мнѣній, нерѣдко самыхъ противоположныхъ, живо заинтересуется рѣшеніемъ обсуждаемыхъ вопросовъ и гораздо легче и сознательнѣе усвоитъ въ теченіе года предметъ, чѣмъ при пассивномъ слушаніи читаемыхъ лекцій, а затѣмъ заучиваніи ихъ въ короткое время, предназначенное для экзаменовъ. Самые **экзамены** сдѣлаются дѣломъ **легкимъ** и малообременительнымъ для студентовъ. Ко времени ихъ могутъ забыться детальные факты, собственныя имена, цифры, но не забудутся главныя научныя положенія, усвоенныя сознательно, а потому и прочно. Какъ-бы ни были незрѣлы во время лекціи-бесѣды отвѣты слушателей на вопросы программы, по которой такимъ образомъ будутъ сообщаемы научныя свѣдѣнія, какой-бы утопичностью ни отличались иногда взгляды молодежи, но слабыя стороны такихъ отвѣтовъ чаще всего отмѣчаются самими-же товарищами, взаимно исправляются; а чего не въ силахъ исправить и дополнить сами учащіеся, то исправитъ и выяснитъ окончательно преподаватель. Послѣднему представляется возможность останавливаться съ особеннымъ вниманіемъ именно на тѣхъ сторонахъ предмета, которыя для его слушателей кажутся наиболѣе трудными, по которымъ высказывается наиболѣе недоразумѣній и неосновательныхъ мнѣній.

«Преподаваніе въ видѣ лекцій съ собесѣдованіями не можетъ не оказывать въ высшей степени благотворнаго вліянія на юношество не только въ умственномъ, но и **въ нравственномъ отношеніи**. Впервые пробуя свои силы въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ, университетская молодежь скоро начинаетъ приходить къ заключенію, что силы эти очень слабы, что ей надо много учиться, чтобы имѣть возможность высказывать сколько-нибудь солидныя мнѣнія. У нея незамѣтно станетъ исчезать прежняя самоувѣренность и верхоглядство». «Чѣмъ болѣе обширныя и глубокія научныя свѣдѣнія будутъ усваиваться молодежью, тѣмъ менѣе возможными сдѣлаются для нея слишкомъ прямолинейныя

рѣшенія вопросовъ міровой важности, къ которымъ она такъ склонна въ первое время, не имѣя достаточной научной подготовки».

Рядомъ съ г. Симоненко сторонникомъ сократическаго пріема преподаванія, мы находимъ въ лицѣ проф. Петражицкаго яраго противника его. Любопытно сопоставить его воззрѣнія съ только что разобранными. Писалъ г. Петражицкій противъ системы бесѣдъ необыкновенно много, водянисто и нескладно, прибѣгая къ обычнымъ своимъ «критическимъ пріемамъ». Чрезвычайно трудно извлечь изъ его статей мѣста, которыя имѣютъ сколько-нибудь серьезное значеніе. Г. Петражицкій высказывается противъ собесѣдованій учащаго съ учащимися, объявляя ихъ «хроническимъ экзаменованіемъ, функціей инквизиціонной (!)». Разсматриваемый пріемъ онъ считаетъ, впрочемъ, вполнѣ осуществимымъ.

«Я не вижу никакихъ основаній, почему по нѣкоторымъ предметамъ замѣна лекціонной системы этимъ пріемомъ ученія могла-бы оказаться неосуществимой. Напротивъ, путемъ нѣкотораго, довольно простаго размышленія можно придти къ выводу, что всякіе лекціонные курсы могутъ быть замѣнены этимъ пріемомъ ученія. Лекція состоитъ въ сообщеніи другимъ извѣстныхъ мыслей путемъ произнесенія ряда словъ. Всякое произносимое слово можетъ быть со времени изобрѣтенія письменъ замѣнено написаннымъ словомъ, а со времени изобрѣтенія книгопечатанія соотвѣтственные символическіе знаки легко поддаются умноженію, изданію въ любомъ количествѣ экземпляровъ. Ergo— всѣ лекціи, т. е. произносимыя рѣчи, могутъ быть замѣнены рекомендуемымъ пріемомъ ученія.

«Это подтверждается (если таковое кому нужно) и опытомъ дѣйствительной жизни». «Намъ извѣстны подобные случаи **отмѣны лекціонной системы по инициативѣ профессора** въ области различныхъ наукъ, напр., и юридическихъ, въ области римскаго права и др. Въ новѣйшее время сильнаго анти-лекціоннаго движенія и лихорадочныхъ, можно сказать, поисковъ за всевозможными средствами полной или, по крайней мѣрѣ, частичной замѣны лекціонной системы разнаго рода «практическими занятіями», учащеніе такихъ случаевъ представляетъ вполнѣ естественное явленіе.

«Можно даже, между прочимъ, отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не-упраздненіе лекціонной системы, продолженіе чтенія лекцій представляло-бы неестественное явленіе. Если профессоръ убѣжденъ, что лекціи безполезны или даже, какъ иногда высказывается и въ печати, прямо вредны, и тѣмъ не менѣе продолжаетъ заниматься этимъ безполезнымъ или даже прямо вреднымъ для учащихся дѣломъ и жалованье отъ государства за это получать, то это было-бы не только неестественно, но даже прямо противоестественно. Естественный выходъ для честнаго и добросовѣстнаго человѣка въ такомъ случаѣ — обратиться къ другому методу преподаванія, если онъ убѣжденъ въ его пользѣ, или выйти въ отставку. Другой вопросъ—вопросъ о желательности такой замѣны. Для уясненія сего вопроса необходимо, конечно, обратиться къ разсмотрѣнію существа этой замѣны: что замѣняется чѣмъ?» «Тѣмъ не менѣе остается правильнымъ какъ само положеніе о примѣнимости интересующей насъ системы ко всѣмъ предметамъ, также и подтвержденіе этого положенія массою фактовъ».

До сихъ поръ разсужденія г. Петражицкаго ничего невѣрнаго въ себѣ не заключаютъ. Замѣтимъ только, что профессоръ, сомнѣвающійся въ необыкновенной пользѣ лекціонной системы, тѣмъ не менѣе можетъ быть поставленъ въ необходимость пользоваться ею, если того требуетъ отъ него, положимъ, университетскій уставъ, или если установившіяся привычки, особенно среди учащихся, не даютъ ему возможности сразу привлечь послѣднихъ къ болѣе активнымъ занятіямъ. Дальнѣйшія разсужденія г. Петражицкаго весьма странны. Онъ пишетъ именно слѣдующее:

«Лекціи состоятъ въ сообщеніи извѣстной совокупности мыслей (въ извѣстномъ логическомъ порядкѣ) слушателямъ. Здѣсь профессоръ **«преподаетъ»**, даетъ, сообщаетъ студентамъ нѣчто такое, чего у нихъ не было, — а студенты получаютъ, воспринимаютъ. Система **«опрашиванія»**, репетиціонная система (независимо отъ того, совершаются-ли репетиціи разъ въ недѣлю или разъ въ мѣсяцъ, или въ три мѣсяца, имѣютъ-ли онѣ характеръ «освободительныхъ», т. е. завершаемыхъ постановкою отмѣтокъ, освобождающихъ отъ экзамена по всему курсу въ

концѣ года, или нѣтъ)—представляетъ процессъ, такъ сказать, обратный тому, который происходитъ при чтеніи — слушаніи лекціи. Здѣсь профессоръ не сообщаетъ, какъ въ лекціи, а получаетъ, **воспринимаетъ** извѣстныя мысли и положенія. Здѣсь уже студентъ (по импульсу, данному вопросомъ или требованіемъ профессора, напр., требованіемъ разсказать урокъ или такую-то часть его) выступаетъ въ роли сообщающаго и преподноситъ профессору извѣстную совокупность мыслей и положеній въ извѣстномъ порядкѣ (по учебнику)—разумѣется, если онъ выучилъ урокъ (въ противномъ случаѣ происходитъ довольно мучительный процессъ безуспѣшныхъ попытокъ со стороны профессора добыть отъ студента познанія, которыхъ не оказывается налицо, съ промежутками томительнаго обоюднаго молчанія и т. п.).

«Нельзя сказать, чтобы здѣсь происходила полная перестановка ролей, чтобы студентъ (выучившій урокъ) выступалъ здѣсь въ роли профессора (ибо онъ излагаетъ не свои научныя мнѣнія и убѣжденія—таковъ смыслъ словъ profiteri, professor, — а положенія учебника) и преподавателя (ибо онъ не преподаетъ, не сообщаетъ другой сторонѣ ничего новаго); но во всякомъ случаѣ роль professor'а и функція сообщенія, «преподаванія» здѣсь на сторонѣ «педагога» устраняется, уступая мѣсто «опрашиванію», слушанію отвѣта, его оцѣнкѣ—вообще **функціи инквизиціонной**, экзаменаторской. Положимъ, этотъ экзаменаціонный процессъ осложняется подчасъ и нѣкоторою **дозою преподавательскаго** и лекціоннаго элемента. Послѣдній состоитъ въ выясненіи темныхъ мѣстъ учебника и прибавленіи того, чего въ учебникѣ нѣтъ.

«Но что касается **«темныхъ мѣстъ»**, то нельзя забывать, что дѣло идетъ не о малыхъ дѣтяхъ или подросткахъ, а о взрослыхъ людяхъ съ аттестатомъ зрѣлости, съ добавкою къ этому (если исключить начало перваго года) и нѣкоторой дозы высшаго образованія, тѣмъ большей, чѣмъ старше курсъ, на которомъ происходятъ эти занятія, а иногда и съ добавкою диплома высшаго образованія другаго учебнаго заведенія или факультета. Для дѣтскаго возраста и соотвѣтственнаго преподаванія разъясненіе смысла учебника (при ученіи по учебнику)—необходимѣйшій и весьма существенный элементъ преподаванія, хотя-бы учебникъ и былъ весьма толково и ясно написанъ. Чѣмъ старше возрастъ, тѣмъ болѣе умаляется значеніе этого элемента преподаванія и даже теряется почва для него; а напр., въ универ-

ситетскомъ преподаванія онъ никакого значенія не имѣетъ и имѣть не можетъ; это подтверждается и опытомъ и наблюденіями и не отрицается даже и страстными любителями какого угодно метода преподаванія, лишь-бы не лекціоннаго. Впрочемъ, и въ приведенномъ сообщеніи говорится о «темныхъ мѣстахъ» учебника, т. е. предполагается учебникъ съ дефектами и изъянами. Если въ немъ «темныхъ мѣстъ» нѣтъ, то и нѣтъ мѣста для разсѣиванія темноты.

«Что-же касается «**прибавленія** того, чего въ учебникѣ нѣтъ», то съ точки зрѣнія отрицающихъ раціональность лекціонной системы послѣдовательнѣе было-бы такихъ дополнительныхъ лекцій не устраивать, замѣняя ихъ печатными или литографированными добавленіями. Да къ тому-же и эти придатки къ репетиціонной системѣ требуютъ для своего примѣненія наличности недостатковъ учебника; если учебникъ содержитъ достаточно полное (въ смыслѣ учебника) изложеніе и никакихъ существенныхъ пропусковъ и недостатковъ въ немъ (какъ въ учебникѣ) нѣтъ, то нѣтъ и повода для «прибавленій». Во всякомъ случаѣ, центръ тяжести и существо репетиціонной системы въ учебныхъ заведеніяхъ для взрослыхъ сводится (какъ это, впрочемъ, извѣстно и безъ особыхъ разсужденій тѣмъ, кто имѣлъ случай наблюдать примѣненіе этой системы, напр., во время попытокъ примѣненія устава 1884 г.) къ процессу экзаменаціоннаго типа.

«И вотъ **экзаменныя занятія**, какъ переходные и окончательные экзамены въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и разные ихъ разновидности и суррогаты (освободительныя и иныя репетиціи), какой-бы глубокій смыслъ и важное значеніе эти занятія ни имѣли (я вовсе не думаю отрицать пользу и смыслъ экзаменовъ и т. п.), слѣдуетъ строго отличать **отъ преподаванія** въ тѣсномъ смыслѣ; кто хорошо знаетъ курсъ или урокъ, тотъ ничего новаго при этомъ не узнаетъ (ему ничего не преподается), а только доказываетъ свои познанія путемъ отвѣта; и это лучшій случай и желательный видъ опрашиванія и отвѣтовъ. Кто не знаетъ соотвѣтственной части курса, тому лучше не мучить «профессора» и товарищей и признаться напередъ откровенно. Такимъ образомъ при замѣнѣ лекціонной системы репетиціонной получается собственно не замѣна лекціонной системы преподаванія инымъ методомъ преподаванія-же, а замѣна преподаванія иного рода

занятіями (можетъ быть, весьма полезными въ педагогическомъ или иномъ отношеніи, особенно для **слабохарактерныхъ** юношей). Поэтому собственно и о замѣнѣ здѣсь удобнѣе не говорить. Не вполнѣ логично было-бы, напримѣръ, говорить о замѣнѣ питанія или обученія ребенка **сѣченіемъ его**, какъ-бы ни ставить высоко сѣченіе и какихъ-бы достоинствъ этому педагогическому средству ни приписывать».

Приведенная выписка представляетъ собой мѣсто, очень характерное для всѣхъ вообще разсужденій проф. Петражицкаго по вопросу о преподаваніи. Чрезвычайно многорѣчиво, глубокомысленно и запутано онъ объясняетъ читателю самыя пустыя вещи. Посмотримъ, однако, поскольку его мнѣнія вѣрны по существу. Врядъ-ли кто согласится съ мнѣніемъ проф. Петражицкаго, что, бесѣдуя со студентомъ, профессоръ **ничего** не можетъ **преподать** ему. Самъ-де студентъ можетъ почерпнуть всѣ необходимыя для него знанія изъ учебниковъ. Такъ-ли это? Учебныхъ и ученыхъ книгъ, которыя отличались-бы такимъ совершенствомъ, что въ нихъ не имѣлось-бы ни темныхъ мѣстъ, ни пропусковъ, ни фактическихъ ошибокъ, ни неправильныхъ ученій и которыя устраняли-бы всякую нужду въ профессорѣ, толкующемъ и дополняющемъ ихъ, конечно, вовсе не существуетъ. Но если-бы даже онѣ и существовали, все-же явилась-бы нужда въ преподавателѣ, который-бы поддерживалъ научный интересъ учащихся и пополнялъ пробѣлы въ ихъ знаніяхъ и заблужденія, въ которыя не можетъ не впадать учащійся просто по слабости его силъ. Только въ такомъ случаѣ, если-бы г. Петражицкій доказалъ, что рядомъ съ непогрѣшимыми руководствами имѣются и непогрѣшимые студенты, только тогда надобности въ бесѣдахъ между учащими и учащимися не было-бы, но не было-бы надобности и въ университетскомъ преподаваніи вообще. Если при учебникѣ «безъ дефектовъ» профессоръ ничего не можетъ преподать студенту, значитъ, нѣтъ нужды и въ лекціяхъ, между тѣмъ г. Петражицкій яростно выступаетъ въ ихъ защиту. Какъ-же примирить все это? Жаль, что г. Петражицкій не объясняетъ этого и довольствуется утвержденіемъ, что собесѣдованіе можетъ состоять только въ «хроническомъ экзаменованіи студента, въ инквизиціонныхъ пріемахъ преподавателя» и пр.

Напомнимъ, что въ Германіи нерѣдки **цѣлые курсы**, которые состоятъ именно въ толкованіи руководства. **Л. Нисселевичъ**,

критикуя наши порядки, говоритъ: «Въ настоящее время у насъ лекціи прочитываются профессорами въ видѣ безостановочныхъ рѣчей, или, другими словами, профессора разыгрываютъ скорѣе роль ораторовъ, чѣмъ преподавателей. Указанный способъ оказывается неудобнымъ, ибо онъ весьма утомителенъ для самихъ профессоровъ, утомляетъ слушателей, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда профессоръ не отличается ораторскимъ талантомъ и, наконецъ, онъ-же заставляетъ студентовъ прибѣгать къ записыванію лекцій стенографическимъ способомъ, такъ какъ записывать лекціи обыкновеннымъ способомъ нѣтъ никакой возможности при бѣгломъ чтеніи, а послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что студенты весьма рѣдко посѣщаютъ лекціи, зная заранѣе, что все то, что прочтетъ профессоръ, они найдутъ въ запискахъ. Были попытки запретить изданіе записокъ, но съ одной стороны практика доказала, что всѣ эти попытки были крайне неудачны, ибо инспекція вынуждена была закрывать глаза, не препятствуя изданію и даже раздачѣ записокъ въ стѣнахъ университета. Да и было-бы въ высшей степени несправедливо не дозволить студентамъ изданія лекцій при нынѣ существующемъ порядкѣ преподаванія.

«Въ германскихъ университетахъ принятъ слѣдующій способъ чтенія лекцій. Преподаватель, прежде всего, диктуетъ прямо главныя начала, которыя такъ и записываются студентами, затѣмъ уже онъ развиваетъ эти начала далѣе и подробнѣе, указывая на источники и пособія, гдѣ можно справляться въ случаѣ надобности, такъ что въ сущности это скорѣе бесѣда, чѣмъ ораторская рѣчь. Излишне прибавлять, что при такомъ порядкѣ вещей студенты охотно являются на лекціи, внимательно прислушиваясь къ словамъ лектора. Но при этомъ надо замѣтить, что на экзаменахъ только главныя начала обязательны. Важность этого вопроса не подлежитъ, поэтому, никакому сомнѣнію, и не мѣшало-бы подумать о немъ нашимъ педагогамъ».

Убѣдивши себя въ томъ, что собесѣдованіе—ничто иное, какъ хроническое экзаменованіе, г. Петражицкій не щадитъ словъ для того, чтобы живописать вредоносность постоянныхъ, непрекращающихся экзаменовъ, дѣлая видъ, что есть лица, предлагающія нѣчто подобное.

«Еженедѣльныя или хотя-бы только ежемѣсячныя репетиціи по заданнымъ для выучки частямъ учебника не только исказили-бы и понизили господствующую въ студенчествѣ точку зрѣнія на университетскую науку и надлежащее занятіе ею, но и явились-бы фактическимъ препятствіемъ для научныхъ занятій въ собственномъ смыслѣ слова.

«Какъ возможно посвятить себя свободному и добровольному ученію и изученію какой-либо науки, если надо думать о томъ, чтобы выучить заданные куски изъ пяти или болѣе учебниковъ. Положимъ, свободнаго времени, можетъ быть, оставалось-бы достаточно, но то настроеніе, которое требуется для свободнаго углубленія въ науку, обыкновенно-бы исчезало, смѣняясь скорѣе **враждою и отвращеніемъ** и къ репетиціонной системѣ, и къ проходимымъ такимъ образомъ наукамъ. И такое отвращеніе и вражда появлялись-бы также и у болѣе развитыхъ съ точки зрѣнія ума и характера молодыхъ людей; и у такихъ, пожалуй, онѣ проявлялись-бы съ наибольшею силою, ибо они особенно сильно чувствовали-бы и ясно понимали неумѣстность и вредную стѣснительность такой системы по отношенію къ себѣ. Ребенокъ чувствуетъ себя хорошо въ пеленкахъ, а взрослаго онѣ бы привели въ ярость или въ отчаяніе.

«**Фактически трудно** или даже невозможно было-бы въ университетѣ не только заставить всѣхъ учить уроки и являться на репетиціи, но даже и подвергать сколько-нибудь серьезному и внимательному еженедѣльному или даже только ежемѣсячному опрашиванію ту, хотя-бы сравнительно небольшую, напр., третью часть студентовъ, которая подъ вліяніемъ косвенныхъ давленій являлась-бы на репетиціи. Въ этомъ смыслѣ репетиціи, пожалуй, не помѣшали-бы наиболѣе дѣльнымъ студентамъ заниматься наукою, ибо они съумѣли-бы обойти это препятствіе и съ ихъ точки зрѣнія лишенное смысла занятіе. Но точно также не помѣшали-бы репетиціи въ такомъ случаѣ и ничегонедѣланію противоположнаго сорта студентовъ, именно тѣхъ студентовъ, для которыхъ-бы онѣ по существу, въ идеѣ, главнымъ образомъ могли имѣть разумный смыслъ».

Въ этомъ родѣ у г. Петражицкаго цѣлыя страницы, посвященныя утомительному переливанію изъ пустаго въ порожнее. Слѣдить за изворотами мысли г. Петражицкаго совершенно безцѣльно. Между прочимъ онъ считаетъ ненужнымъ и объясненіе

профессора, какъ удобнѣе изучать рекомендуемое студентамъ руководство, называя это «**поученіемъ младенцевъ**» и не понимая, что подобное объясненіе можетъ устранить нерѣдкую среди студентовъ безсмысленную зубрежку учебниковъ, которой и г. Петражицкій, по его собственному сознанію, предавался въ университетѣ: «Я, помню, уже въ университетѣ **крайне безсмысленно** зубрилъ куски общей части догмы римскаго права» и пр.

Всѣ эти ужасы существуютъ, къ счастью, въ одномъ воображеніи проф. Петражицкаго. Никто и не думалъ предлагать хроническое экзаменованіе учащихся. И для чего понадобилось г. Петражицкому представлять въ такомъ устрашающемъ видѣ, съ упоминаніемъ даже о сѣченіи дѣтей, совершенно простыя и благожелательныя предложенія своихъ противниковъ, мы не хотимъ понять. Проф. **Курдюмовъ**, котораго здѣсь имѣетъ въ виду г. Петражицкій, вовсе не говоритъ, что онъ замѣняетъ лекціонную систему репетиціями. Бесѣды, по его плану, происходятъ разъ въ недѣлю, а репетиціи только по окончаніи отдѣла. Бесѣды, такимъ образомъ, вполнѣ отличаются отъ репетицій, или «функціи инквизиторской», по терминологіи г. Петражицкаго.

Профессоръ **Симоненко**, большой защитникъ собесѣдованій, прямо высказывается противъ репетицій. Онѣ, говоритъ онъ, «несомнѣнно, могутъ заставить учащихся заниматься въ теченіе года изученіемъ предметовъ, преподаваемыхъ въ университетахъ. Но, репетиціи, съ одной стороны, мало соотвѣтствуютъ **характеру** высшихъ учебныхъ заведеній; а съ другой—онѣ, по наблюденіямъ г. Герасимова, вліяютъ несовсѣмъ благопріятно на исправность **посѣщенія** лекцій, такъ какъ студенты предпочитаютъ назначенное для нихъ время посвящать зубристикѣ записокъ къ предстоящей провѣркѣ ихъ знаній». Далѣе, лично я, допуская повторительное прохожденіе предметовъ, также возстаю противъ превращенія его въ экзамены; рекомендуя-же собесѣдованія со студентами, предполагаю, что въ основаніе ихъ должны лежать не столько вопросы учащаго, сколько вопросы и пренія самыхъ учащихся. Объ этомъ ниже. Наконецъ, самое удивительно состоитъ въ томъ, что, рѣшительно высказавшись противъ собесѣдованій, потому что они превращаются въ репетиціи, т. е., экзамены, г. Петражицкій не находитъ ничего лучшаго для устраненія современнаго неудовлетворительнаго состоянія факультетскаго преподаванія, какъ особо усовершенствованную си-

стему экзаменовъ-же. Объ этомъ также ниже. Послѣднее обстоятельство вызываетъ слѣдующія справедливыя замѣчанія со стороны проф. Симоненко.

«Расточая щедрой рукой такого рода **злокозненные эпитеты** неправящейся ему системѣ преподаванія, проф. Петражицкій забываетъ, что вѣдь система единовременныхъ экзаменовъ, которою онъ такъ **восторгается** (она, по его словамъ, развиваетъ чувство справедливости и укрѣпляетъ въ этомъ направленіи правовое и нравственное сознаніе какъ въ учителѣ, такъ и въ ученикахъ), еще въ гораздо большей степени служитъ выраженіемъ «инквизиціонныхъ маверъ и привычекъ» со стороны экзаменатора, заимствуемыхъ цѣликомъ тоже изъ средней школы. Чаще всего экзаменаторъ ставитъ на первомъ планѣ уловить въ отвѣтахъ экзаменующагося то, чего тотъ не знаетъ, и не ограничиваясь вполнѣ удовлетворительными отвѣтами его по взятому имъ билету, немилосердно **гоняетъ его** по всему курсу, покамѣсть обрѣтетъ какіе-либо пробѣлы въ его знаніяхъ, за которые безжалостно и уменьшаетъ ему баллъ. Этой инквизиторской роли ни въ какомъ случаѣ не хочетъ признать за собою проф. Петражицкій въ качествѣ экзаменатора, но охотно навязываетъ ее профессору, ведущему дружескую, вполнѣ **доброжелательную бесѣду** съ своими слушателями для пополненія ихъ знаній, имѣющую значеніе почти академическаго, коллегіальнаго изслѣдованія».

Проводя **внѣшнія сопоставленія** между нѣкоторыми пріемами новой системы и пріемами, примѣняемыми въ средней школѣ, противники возрожденія юридическаго преподаванія пытаются увѣрить, что такимъ образомъ университетъ хотятъ превратить въ среднюю школу.

Проф. **Петражицкій** пишетъ: «Сводя основныя черты и элементы системы проф. Казанскаго, мы можемъ ее опредѣлить, какъ систему сокращеннаго и сосредоточеннаго **вдалбливанія къ экзамену** содержимаго учебниковъ». Г. **Гессенъ** утверждаетъ, что новая система повела-бы «прежде всего, къ чрезвычайному **пониженію научнаго уровня** университетскаго преподаванія. Уроки, задаваемые на домъ, классныя бесѣды, повторенія пройденнаго, письменныя работы,—все это педагогическіе пріе-

мы средней школы. Лекціонная система, основанная на необходимомъ предположеніи самостоятельныхъ научныхъ занятій слушателя — единственный пріемъ, характеризующій университетское преподаваніе, какъ таковое,—въ отличіе отъ преподаванія средней школы.

«Практическія занятія,—въ той постановкѣ, съ какой мы встрѣчаемся у противниковъ лекціонной системы — имѣли-бы непосредственнымъ своимъ послѣдствіемъ полное отожествленіе задачъ и пріемовъ университетскаго и гимназическаго преподаванія. Въ университетахъ взрослые люди кормились-бы тою-же **разжеванной мякотью элементарныхъ знаній**, какою въ гимназіяхъ кормятся подростки».

Если слѣдовать гг. Петражицкому и Гессену, то въ высшей школѣ нельзя было-бы ни читать книгъ, ни бесѣдовать объ изучаемыхъ наукахъ, ни писать относящихся къ нимъ сочиненій, потому что это все пріемы также средней школы. Можетъ быть слѣдовало-бы прекратить и чтеніе лекцій, такъ какъ нынѣ и въ средней школѣ учителя нерѣдко читаютъ лекціи. Наши критики совершенно, повидимому, не понимаютъ того, что суть различія между постановкой средняго и высшаго преподаванія коренится въ тѣхъ руководящихъ педагогическихъ принципахъ, которые положены въ основаніе того, или другаго. Принципы высшаго преподаванія были указаны выше: самодѣятельность учащихся, естественность впечатлѣній, отсутствіе внѣшняго принужденія къ занятіямъ, ограниченная помощь со стороны учащихъ. Эти принципы претерпѣваютъ значительное измѣненіе въ средней школѣ. Безъ учебныхъ-же книгъ, безъ обсужденія прочитаннаго, безъ письменнаго изложенія своихъ мыслей, безъ разныхъ систематическихъ и цѣлесообразныхъ упражненій учащихся не можетъ обойтись ни средняя, ни высшая школа. Въ частности, совершенно непонятно, какъ можно утверждать, что на собесѣдованіи происходитъ кормленіе «**разжеванной мякотью** элементарныхъ знаній» и пр. Скорѣе ужъ нѣчто подобное возможно на лекціяхъ, гдѣ профессору постоянно случается толковать о предметахъ, которые или уже извѣстны слушателямъ, или понятны и безъ особыхъ объясненій. На собесѣдованіи профессоръ знаетъ подготовку своихъ слушателей, на лекціи—онъ можетъ только догадываться о ней.

У проф. Симоненко мы находимъ на сей счетъ также слѣдующее: «Одинъ изъ противниковъ новой системы преподаванія, проф. Гессенъ, отожествляя ее совершенно неосновательно со школьной системой, тѣмъ не менѣе сознается что «центръ тяжести высшаго образованія заключается въ самообученіи, руководимомъ университетомъ, въ систематизаціи и надлежащемъ освѣщеніи уже пріобрѣтенныхъ студентами знаній». Если такова основная задача университетскаго образованія, то едва-ли кто-либо станетъ спорить, что научныя собесѣдованія студентовъ подъ руководствомъ профессора будутъ вести къ этой цѣли гораздо **легче и непосредственнѣе**, чѣмъ чтеніе обыкновенныхъ лекцій, изъ которыхъ слушатели впервые почерпаютъ всю свою научную премудрость и чаще всего не идутъ далѣе ея, ограничиваясь исключительно заучиваніемъ къ экзамену этихъ лекцій.

«Новая система университетскаго преподаванія подниметъ вмѣстѣ съ тѣмъ **авторитетъ профессоровъ и нравственное достоинство ихъ слушателей**, освобождая послѣднихъ отъ необходимости быть на экзаменахъ въ своемъ родѣ грамофонами. При теперешнемъ способѣ преподаванія, особенно когда профессоръ не излагаетъ лекцій изустно, а читаетъ ихъ, почти не отрываясь отъ своей тетрадки, у слушателей всегда можетъ оставаться сомнѣніе, не почерпнулъ-ли профессоръ сообщаемыя имъ съ каѳедры свѣдѣнія изъ какого-нибудь неизвѣстнаго имъ руководства или монографіи и въ состояніи-ли еще онъ изложить складно и послѣдовательно тѣ знанія, устной передачи которыхъ онъ будетъ требовать отъ нихъ на экзаменѣ? Подобнаго рода сомнѣнія, колеблющія авторитетъ преподавателя, не могутъ имѣть мѣста, если на всякое недоразумѣніе по излагаемому съ каѳедры предмету, каждый изъ присутствующихъ въ аудиторіи можетъ получить отъ него надлежащія разъясненія и дополненія, независимо отъ тетрадки, которою вооруженъ профессоръ.

«Преподаваніе знаній такимъ путемъ, конечно, потребуетъ гораздо большаго количества времени, чѣмъ теперешній, общепринятый способъ чтенія лекцій; но лучше, если учащіеся усвоятъ немногое вполнѣ сознательно и самодѣятельно, чѣмъ многое чисто пассивно, одной памятью. Притомъ ничто не мѣшаетъ преподавателю, на первое время, пока не будутъ расширены штаты и число университетскихъ преподавателей, или не бу-

детъ послѣднимъ обезпечена возможность посвящать большее противъ теперешняго количество времени университету, вести преподаваніе двоякимъ образомъ. Вопросамъ меньшей важности, чѣмъ тѣ, которые профессоръ успѣетъ пройти со своими слушателями новымъ способомъ изложенія, онъ можетъ посвятить извѣстное число лекцій, читаемыхъ по прежней системѣ».

Въ заключеніе необходимо напомнить, какое устройство предлагали мы дать собесѣдованіямъ для того, чтобы показать, насколько правы были наши критики, утверждая, что мы хотимъ превратить высшую школу въ среднюю. Извлечемъ главное, что относится сюда, изъ брошюры 1901 г. Въ основаніе занятій со всей аудиторій долженъ быть положенъ, какъ было объяснено выше, учебникъ.

«*Первое, естественное, такъ сказать, средство, которое имѣютъ учащіеся для пріобрѣтенія свѣдѣній, это—самостоятельное чтеніе. Самостоятельное чтеніе учащихся, какъ одинъ изъ главныхъ пріемовъ высшаго преподаванія, имѣетъ громадныя преимущества передъ господствующими пріемами чтенія и диктовки лекцій самимъ профессоромъ.* Чтенію и учатся именно для пріобрѣтенія при помощи его знаній. Въ жизни чтеніе является главнымъ путемъ образованія. *Что при собственномъ чтеніи содержаніе книги, или другаго произведенія оставляетъ бо́льшій слѣдъ въ умѣ и памяти, чѣмъ при слушаніи чужаго чтенія, знаетъ каждый, кто читаетъ не только ради большихъ оказій.* Впродолженіи 9—10 лѣтъ низшаго и средняго ученія молодежь привыкаетъ учиться преимущественно путемъ чтенія.

«*Самостоятельное чтеніе представляетъ всѣ условія для пріобрѣтенія необходимаго знанія: возможность останавиться на любомъ мѣстѣ, подумать надъ непонятымъ, выяснить его по другимъ источникамъ, отдать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, привести его въ согласіе съ прежними свѣдѣніями и представить все въ общей картинѣ,* не боясь этимъ потерять нить изложенія, не развлекаясь краснорѣчіемъ оратора, въ удобное время и при удобной обстановкѣ. Чтеніе не приводитъ, поэтому, къ тяжкому и безплодному напряженію духовныхъ силъ учащагося, что мы видимъ на лекціяхъ. *Не смотря на то, что при чтеніи мы можемъ часто и подолгу останавливаться надъ трудными, или тем-*

ными мѣстами, самостоятельное чтеніе идетъ всегда скорѣе, чѣмъ слушаніе чтенія, такъ какъ мы знаемъ, гдѣ можно его ускорить, а гдѣ задержать. Читая самостоятельно, употребляютъ minimum раза въ два менѣе времени по сравненію со слушаніемъ.

«Самостоятельное чтеніе не имѣетъ преимуществъ передъ слушаніемъ только: Во-первыхъ, что касается общедоступнаго изложенія несложныхъ вопросовъ и предметовъ. Во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно оказать личное нравственное вліяніе на слушателей. Въ-третьихъ, когда рѣчь сопровождается опытами, показываніями, или превращается въ бесѣду. Монологъ здѣсь вполнѣ у мѣста. *На дѣлѣ, не смотря на пренебреженіе къ самостоятельнымъ занятіямъ студентовъ, серьезное изученіе университетскихъ курсовъ происходитъ именно путемъ чтенія на дому, а не путемъ слушанія въ аудиторіи*». Рядомъ съ самостоятельнымъ чтеніемъ учащихся должны идти собесѣдованія въ аудиторіи относительно того, что учащіеся проходятъ у себя на дому.

«Прежде всего, если явится необходимость, *профессоръ иллюстрируетъ данный отдѣлъ учебника рѣчью, имѣющей цѣлью разясненіе соотвѣтствующихъ текущимъ событій* — что весьма важно, — напр., какого-нибудь общественнаго движенія, процесса, международнаго конгресса и т. п. Съ каѳедры-же можетъ быть дано, по желанію учащихся, разъясненіе какого-либо мѣста учебника, оказавшагося непонятнымъ, устраненіе кажущихся противорѣчій, или просто могутъ читаться отвѣты на вопросы, заданные слушателями, если, конечно, это будетъ найдено удобнымъ. Во время этихъ разъясненій можетъ сообщаться не только то, что уже стало достояніемъ науки, но и то, что еще обсуждается, изслѣдуется спеціалистами. Здѣсь-же профессоръ можетъ познакомить слушателей—со своими собственными взглядами на тотъ, или другой вопросъ, если въ основаніе занятій положенъ учебникъ другаго лица.

«Кончивъ все это, профессоръ приступаетъ къ бесѣдѣ съ *отдѣльными изъ своихъ учениковъ о прочитанномъ ими отрывкѣ учебника, давая по возможности каждому нужныя разъясненія и дополненія и самъ предлагая вопросы. Здѣсь-же провѣряются отвѣты учащихся на вопросы руководства, или вопросы, заданные преподавателемъ.* Приэтомъ, всего удобнѣе, чтобы собесѣдованіе шло преимущественно между учащимися, а профессору прина-

длежало только руководительство въ происходящемъ обмѣнѣ мнѣній. Къ участію въ бесѣдѣ желательно привлекать, конечно, всѣхъ присутствующихъ. Весьма полезно также требовать иногда, чтобы студенты излагали свои недоумѣнія, вопросы и размышленія по поводу прочитаннаго въ письменной формѣ.

«Въ аудиторію могутъ, конечно, *приноситься всякаго рода нужныя изданія и научныя приспособленія. Могутъ показываться и предметы, относящіеся къ изучаемымъ вопросамъ.* Наконецъ, во время прохожденія извѣстнаго отдѣла, *профессоръ можетъ имѣть надобность не разъ прибѣгать къ диктовкѣ разныхъ свѣдѣній*, которыхъ нѣтъ въ руководствѣ, или на которыя слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, заучить наизустъ и т. п. При устныхъ упражненіяхъ бываетъ иногда чрезвычайно важно имѣть передъ глазами посылки разсужденія, занесенными своей рукой на бумагу, или программу бесѣды. Могутъ быть диктуемы также разные вопросы, задачи и проч., разрѣшить которые предоставляется слушателямъ.

«Послѣ того, какъ эта работа окончена, профессоръ предлагаетъ *желающимъ, въ особенности изъ тѣхъ, что читалъ, по вопросу и другія сочиненія, изложить содержаніе разработанной части учебника съ тѣми дополненіями и поясненіями, которыя были ей даны.* Несомнѣнно, что подобные заключительные, такъ сказать, доклады могутъ читаться какъ по всей изучаемой въ данный моментъ части учебника, такъ и по отдѣльнымъ ея вопросамъ. Учащійся можетъ, конечно, или прямо говорить, или руководствоваться приэтомъ какимъ-либо конспектомъ, или просто читать по писанному. По окончаніи доклада, или части его, желающіе могутъ возражать на него, придерживаясь преимущественно тѣхъ сторонъ его и тѣхъ вопросовъ, на которые будетъ обращено ихъ вниманіе профессоромъ. Если желающихъ возражать не находится, преподающій дѣлаетъ замѣчанія самъ, стараясь вызвать къ участію въ бесѣдѣ и учащихся. Само собою разумѣется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ вовсе не быть нужды въ собесѣдованіи, или не явится необходимости въ составленіи заключительнаго доклада, или, не дожидаясь конца учебника, или его отдѣла, придется приступить къ практическимъ занятіямъ по пройденному, — все это должно рѣшаться сообразно съ особенностями каждаго отдѣльнаго случая. Вмѣсто заключительнаго доклада професоръ можетъ иногда самъ въ

двухъ—трехъ фразахъ выразить все, о чемъ шла рѣчь». Такова постановка собесѣдованій по нашимъ воззрѣніямъ. Читатель рѣшитъ, насколько все это напоминаетъ среднюю школу, сокращенное вдалбливаніе и т. д.? Теперь о послѣднемъ видѣ факультетскихъ занятій, о такъ называемыхъ **практическихъ занятіяхъ.**

---

5. Значеніе практическихъ занятій.

Названіе того рода занятій студентовъ и со студентами, къ разсмотрѣнію котораго мы приступаемъ, практическими занятіями, врядъ-ли можно считать вполнѣ **удачнымъ**. Во всякомъ случаѣ, оно вызывало большія недоразумѣнія среди разныхъ лицъ, писавшихъ въ 1901 г. относительно преподаванія права. И если мы употребляли и теперь употребляемъ его, то это только потому, что другаго выраженія нѣтъ. Конечно, всякій, кто былъ сколько-нибудь близокъ къ тому, что дѣлалось и дѣлается на юридическихъ факультетахъ, знаетъ, что подъ названіемъ практическихъ занятій въ существѣ дѣла подразумѣваются просто разнаго рода самостоятельныя упражненія студентовъ.

Но нѣкоторые противники болѣе «широкой и научной постановки» преподаванія права дѣлали видъ, что на факультетахъ предлагаютъ насаждать при помощи «практическихъ» занятій какой-то особый весьма несимпатичный **«практическій» духъ.** Идеально настроенное русское студенчество предполагаютъ-де превратить при помощи этихъ занятій въ практическихъ дѣльцовъ. Какой-такой «практическій» духъ думаютъ насаждать этимъ путемъ въ нашихъ университетахъ, такъ и осталось невыясненнымъ, но извѣстіе это, конечно, весьма взволновало и обезпокоило многихъ. Очень полезное на сей счетъ разъясненіе даетъ г. **Грибовскій.** Онъ говоритъ:

«При обсужденіи вопроса о практическихъ занятіяхъ установленію правильныхъ понятій нѣсколько мѣшаетъ слово «практическія». Практику всегда раздѣляютъ съ теоріей. Поэтому, когда въ кругу университетскихъ занятій говорится о практикѣ, то всегда предполагается въ качествѣ ея предметовъ нѣчто другое, нежели то, что читается на лекціи. Въ дѣйствительности однако дѣло обстоитъ вовсе не такъ. **Практическія занятія въ университетѣ по задачамъ своимъ столь-же теоретичны,**

какъ и лекціи. Иначе и быть не можетъ. Университетская наука сообщаетъ слушателю общія начала, изъ которыхъ частности вытекаютъ сами собой. Для университетскихъ занятій не важно знать, въ какой формѣ пишется рапортъ или отношеніе, встаетъ-ли прокуроръ, когда даетъ свое заключеніе, или сидитъ. Для науки важны общія основанія процесса или государственнаго строя данной страны, а не случайныя или сопутствующія ихъ проявленія.

«Поэтому, внѣшняя обстановка судебнаго слѣдствія или канцелярскаго дѣлопроизводства не можетъ и даже не должна составить собой предмета университетскихъ практическихъ занятій. Студентъ долженъ ознакомиться съ основными началами того или другаго правоваго института, но не только съ голоса профессора или выдалбливаніемъ его книжки, а личнымъ знакомствомъ съ вопросомъ, **самостоятельной работой** надъ раскрытіемъ внутренняго содержанія явленія. Онъ долженъ не прослушать и запомнить, не прочитать и задолбить, а своими силами представить себѣ при помощи лекцій и разъясненій преподавателя сущность изучаемаго вопроса и это будутъ его практическія занятія. Повидимому рѣдко кто станетъ спорить относительно необходимости подобной личной дѣятельности учащагося съ изучаемымъ предметомъ».

Вполнѣ удачныя замѣчанія мы находимъ также у г. **Р.-С—каго.** «Въ извѣстномъ лагерѣ существуетъ весьма смутное представленіе о назначеніи университетовъ и задачахъ университетскаго преподаванія. «Публицисты» этого лагеря давнымъ-давно жалуются на «абстрактный характеръ» университетскаго преподаванія. Эти жалобы раздѣляетъ и И. И. Янжулъ въ своей статьѣ «Роль и значеніе практическихъ занятій», помѣщенной въ «Ж-лѣ М-ва Н-аго Просвѣщенія (ноябрь). Предполагается, что практическія занятія вообще предназначаются для ослабленія **«абстрактнаго характера»** университетскаго преподаванія, поддерживаемаго, будто-бы, господствующей лекціонной системой

«Это предположеніе, какъ и жалобы на абстрактный характеръ университетскихъ курсовъ, построены на одномъ весьма странномъ заблужденіи. Лекція представляется чѣмъ-то обязательно отвлеченнымъ и строго теоретическимъ, а практическія занятія, предполагается, носятъ именно **практическій характеръ.** На самомъ-же дѣлѣ, на лекціяхъ можно поучать студен-

товъ тому, какъ слѣдуетъ писать входящія и исходящія въ такой-то канцеляріи. Наша исторія университетовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что лекціи посвящались иногда и болѣе «абстрактнымъ вопросамъ». Можно тѣ-же часы, которые отводятся практическимъ занятіямъ, посвящать тому-же искусству писать бумаги, но можно на практическихъ занятіяхъ посвящать все время изученію Спинозы, Гегеля или Канта. На лекціяхъ по финансовому праву можно подробно ознакомить студентовъ съ формами и содержаніемъ тѣхъ бумагъ, которыя приходится писать чинамъ податной инспекціи, а на практическихъ занятіяхъ по финансовому праву можно подробно разбирать разныя теоріи общеподоходнаго налога. Въ виду этого, предположеніе о томъ, что практическія занятія придадутъ «практическій характеръ» преподаванію юридическихъ наукъ въ университетахъ, не выдерживаетъ никакой критики».

Вѣрно говоритъ по сему вопросу и проф. **Петражицкій**: «Выраженіе «практическія занятія», слѣдуетъ замѣтить, **неудачный** и сбивчивый **терминъ**. Оно вызываетъ представленіе такихъ учебныхъ занятій, которыя противоположны теоретическимъ, имѣютъ практическій характеръ и преслѣдуютъ практическія цѣли, готовятъ умѣлыхъ практиковъ вольныхъ профессій, государственной службы и т. п. Въ связи съ этимъ представленіемъ сторонники системы практическихъ занятій питаютъ убѣжденіе, что путемъ этой системы будетъ достигнута **надлежащая подготовка къ практической дѣятельности**, между тѣмъ какъ при теперешней системѣ преподаванія оканчивающіе университетъ являются непригодными ни для государственной службы, ни для свободныхъ профессій. На самомъ дѣлѣ, это совершенно поверхностная и ошибочная ассоціація идей — по созвучію словъ.

«Такъ называемыя «**практическія занятія**» **никакого противоположенія теоріи** въ себѣ не заключаютъ и особымъ практическимъ характеромъ и направленіемъ отъ другихъ занятій вовсе не отличаются. Сюда относятся чтеніе, переводъ и разборы разнаго рода (лингвистическій, грамматическій, логическій, философскій, юридическій, эстетическій и т. п.) какихъ-либо древнихъ памятниковъ или классическихъ произведеній, напр. асси-

рійскихъ документовъ, діалоговъ Платона, рѣчей Цицерона, поэмъ Гомера... Сюда относятся далѣе, такъ называемыя репетиторіи, переспрашиваніе пройденной части курса, для провѣрки знаній, такъ называемыя консерваторіи — собесѣдованія для разъясненія и усвоенія курса, задаваніе на домъ и разборъ въ аудиторіи всякаго рода письменныхъ работъ, при чемъ всѣ эти и т. п. занятія **могутъ касаться чисто теоретическихъ наукъ и темъ** и имѣть чисто теоретическій характеръ.

«Напротивъ, лекціи о лучшихъ пріемахъ воспитанія (педагогика), о способахъ сохраненія здоровья (гигіена), лѣченія болѣзней (терапія), въ томъ числѣ, напр., составленія рецептовъ (рецептура) и т. п. противополагаются «практическимъ занятіямъ», хотя онѣ имѣютъ **практическое содержаніе**, преслѣдуютъ практическія цѣли и т. д. Лекціи о томъ, какъ слѣдуетъ составлять исковыя прошенія и вообще вести процессъ (ср., напр., лекціи Штельцена въ Берлинѣ), или составлять и говорить рѣчи на судѣ, чтобы достигнуть возможно большого адвокатскаго успѣха — это не практическія занятія, а дискуссія студентовъ подъ предсѣдательствомъ профессора о теоріи идей Платона или о міровой субстанціи — это «практическія занятія».

Но тотъ-же г. Петражицкій весьма заблуждается, когда пишетъ, что «**къ** «практическимъ занятіямъ» относятся вообще столь разнородные учебныя занятія и пріемы преподаванія, что не только съ практическимъ направленіемъ, но и **между собою они никакихъ общихъ положительныхъ чертъ не имѣютъ**, а само понятіе «практическія занятія» лишено сколько-нибудь опредѣленнаго положительнаго содержанія и смысла. Если теперь часто слышится требованіе реформы университетскаго преподаванія, а именно возведенія въ основу этого преподаванія «практическихъ занятій», то это вовсе еще не означаетъ, что для университетовъ рекомендуется какой-либо опредѣленный методъ преподаванія съ сознаніемъ его учебнаго значенія, его соотвѣтствія возрасту и развитію учащихся и задачамъ университетскаго преподаванія, вообще какихъ-либо его общихъ свойствъ и преимуществъ, а по большей части это свидѣтельствуетъ только о томъ, что люди часто готовы доволь-

ствоваться словами безъ ясно опредѣленнаго смысла и содержанія.

«Общею между тѣми разнороднѣйшими по своему содержанію, направленію (практическому или чисто теоретическому), по своему учебному значенію, по своему отношенію къ преподаваемымъ наукамъ и т. п. учебными занятіями, которыя называются «практическими», можно признать только одну **отрицательную черту — это не лекціи.** Поэтому тѣ, которые предлагаютъ преобразовать систему университетскаго преподаванія въ пользу «практическихъ занятій» вообще, только повидимому предлагаютъ что-то положительное и опредѣленное, на самомъ-же дѣлѣ они произносятъ фразу, которая свидѣтельствуетъ развѣ только о ихъ недовольствѣ лекціонной системой, а положительнаго, опредѣленнаго педагогическаго предложенія въ себѣ не заключаетъ.

«Фактически движеніе въ пользу «практическихъ занятій» началось въ юридическихъ сферахъ, получило свое частичное офиціальное осуществленіе на юридическихъ факультетахъ и наиболѣе интересуетъ и волнуетъ юристовъ». «Но понятіе «практическія занятія» даже съ точки зрѣнія одного юридическаго факультета вовсе не означаетъ какого-либо ясно и точно опредѣленнаго пріема преподаванія, а является только **смутнымъ представленіемъ весьма разнородныхъ занятій**».

Проф. **Симоненко,** имѣя въ виду собесѣдованія со студентами, весьма основательно замѣчаетъ по этому поводу: «Нельзя согласиться съ профессоромъ Петражицкимъ, чтобы возведеніе въ основу университетскаго преподаванія такого рода «практическихъ занятій» не означало какого-либо опредѣленнаго метода преподаванія, соотвѣтствующаго возрасту и развитію учащихся, задачамъ университетскаго преподаванія вообще и не имѣло преимуществъ предъ прежнимъ. Опредѣленность этого метода, возможность наибольшаго соотвѣтствія его возрасту и степени развитія учащихся и громадная польза его, заключающаяся въ развитіи **умственной самодѣятельности** учащихся, настолько подробно выяснены мною, что возвращаться здѣсь къ этому нѣтъ надобности».

На юридическихъ факультетахъ испоконъ вѣковъ выраженіе практическія занятія употреблялось въ двухъ родствен-

ныхъ смыслахъ. Ему придавалось, прежде всего, очень широкое значеніе. Подъ нимъ подразумѣвались всѣ самостоятельныя упражненія и работы студентовъ. Сюда относились всѣ занятія, въ которыхъ учащійся выступалъ **дѣятельно**, активно. Съ этой точки зрѣнія, практическимъ занятіямъ противополагались тѣ занятія, въ которыхъ учащійся игралъ только страдательную, пассивную роль, будь это лекція профессора, или производимое имъ самимъ какое-либо дѣйствіе. Именно это широкое пониманіе раздѣляетъ и проф. Симоненко. При подобномъ пониманіи практическихъ занятій къ нимъ слѣдуетъ отнести и чтеніе книгъ учащимися, и собесѣдованія, о которыхъ шла рѣчь выше.

Но, намъ кажется, есть полное основаніе соединять съ разбираемымъ выраженіемъ болѣе узкій смыслъ, именно подъ практическими занятіями, съ этой точки зрѣнія, которая также раздѣляется многими изслѣдователями и нашла подробное развитіе въ нашей брошюрѣ, слѣдуетъ разумѣть тѣ самостоятельныя упражненія студентовъ, въ которыхъ они учатся примѣнять свои теоретическія знанія на дѣлѣ. Задача высшей школы дать учащимся не только знаніе, но и **умѣнье**. Знаніе дается учащимся теоретическимъ изученіемъ предметовъ. Причемъ къ пріемамъ сего послѣдняго относятся не только лекціи профессоровъ, но и разныя самостоятельныя упражненія студентовъ: чтеніе книгъ, собесѣдованія и пр. Умѣнье примѣнять знаніе дается практическими упражненіями. Главный видъ этихъ упражненій — занятія научнаго характера, потому что главное что университетъ, какъ высшая школа, долженъ дать учащемуся въ области умѣнья, это — умѣнье научно работать. Но рядомъ съ практическими занятіями научнаго значенія вполнѣ могутъ найти себѣ мѣсто и занятія прикладнаго характера. Во всякомъ случаѣ, какого-бы пониманія мы ни придерживались, никакъ нельзя утверждать вмѣстѣ съ г. Петражицкимъ, что понятіе практическихъ занятій есть только «смутное представленіе весьма разнородныхъ занятій». Обо всемъ этомъ будетъ еще рѣчь дальше, а теперь переходимъ къ разсмотрѣнію различныхъ доводовъ за и противъ практическихъ занятій и начнемъ, именно, съ ихъ противниковъ.

Оригинальное объясненіе движенія въ пользу практическихъ занятій даетъ заслуженный профессоръ **Романовичъ-Славатинскій**:

«На практической почвѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ характеръ европейскаго университета видоизмѣняется: **американскій университетъ** — другаго типа. Большей частью онъ основывается не государствомъ, но какимъ-нибудь милліардеромъ, которому удалось безъ науки, безъ образованія накопить несмѣтныя богатства. Университетская школа, по мысли такого милліардера, должна была содѣйствовать осуществленію его жизненнаго идеала. Какой-же жизненный идеалъ могъ быть у какого-нибудь Вандербильта? Сила и крѣпость физическая, дающая возможность неустаннаго труда, знаніе ремесла, дающее вѣрный заработокъ и средства къ жизни. Развитіе мускулатуры, техническое образованіе и прикладная наука дѣлаются главной задачей американской университетской школы, въ которой на послѣдній планъ низводится лекціонная система, исчезающая въ разныхъ демонстративныхъ и лабораторныхъ занятіяхъ студентовъ. Такая система вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу янки, но соотвѣтствуетъ-ли она традиціямъ Европы?

«Изъ стѣнъ американскихъ университетовъ, богато обставленныхъ своими учредителями, выходятъ сильные тѣломъ и алчными стремленіями юноши, способные трудиться и наживаться, но мертвые духомъ. А что дали эти университеты американской наукѣ и литературѣ, уровень которыхъ такъ низокъ? Практическій духъ нашего времени перенесъ американскія воззрѣнія на задачи университета и въ старую Европу. Началась агитація противъ преобладанія лекціонной системы, начались попытки всяческихъ видовъ семинарій и практическихъ занятій. Но университетскія традиціи старой Европы были слишкомъ содержательны, и можно сказать, что ея лекціонная система, если еще не одержала, то одержитъ побѣду надъ **американскими посягательствами** превратить университеты въ политехникумы».

По этому поводу г. **Янжулъ** съ полнымъ основаніемъ замѣчаетъ: «Какъ извѣстно всѣмъ знакомымъ съ американскими университетами, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ съ утвержденіями кіевскаго профессора, и **американскіе университеты** не только не выдумали, напримѣръ, семинарій и практическихъ

занятій, но заимствовали ихъ большей частью изъ Германіи, оттуда и вышелъ, можно сказать, весь цвѣтъ наилучшихъ профессоровъ американскихъ университетовъ. Подобно намъ, большинство университетскихъ преподавателей Америки — бывшіе питомцы германскихъ университетовъ». На остальные пункты этой статьи заслуженнаго профессора Романовича-Славатинскаго академикъ Янжулъ не находитъ даже нужнымъ возражать, довольствуясь передачей основныхъ воззрѣній ея и проставленіемъ, гдѣ надо, вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ. Дѣйствительно, попытка г. Романовича-Славатинскаго объяснить «американскими посягательствами» идею практическихъ занятій, идею чуть-ли не столь-же старую, какъ старъ и вопросъ о правильной постановкѣ преподаванія права, по меньшей мѣрѣ, оригинальна.

Указавъ, такимъ образомъ тотъ недоброкачественный источникъ, откуда началось движеніе противъ преобладанія лекціонной системы, г. **Романовичъ-Славатинскій** продолжаетъ такимъ образомъ:

«На нашей русской почвѣ американизированіе русскаго университета сказалось въ болѣе **радикальной формѣ**. Послышались голоса, что старая лекціонная система отжила свое время, что она теперь составляетъ анахронизмъ, который долженъ быть сданъ въ архивъ и замѣненъ практическими упражненіями всевозможныхъ видовъ. Студенты университетовъ должны быть разбиты на группы, отданныя подъ муштровку туторовъ и ассистентовъ. А сколько **комизма** было въ факультетскихъ обсужденіяхъ всевозможныхъ видовъ и комбинацій практическихъ занятій! А сколько **курьеза** во всяческихъ государственноправныхъ казуистикахъ, занимающихъ умы слушателей рѣшеніемъ дѣтскихъ, **канцелярскихъ проблемъ**. Вліянію времени поддался и покойный министръ Боголѣповъ, который, какъ можно предполагать, замышлялъ ослабить лекціонную систему, давъ перевѣсъ практическимъ занятіямъ. Академикъ Янжулъ былъ посланъ пропагандировать въ русскихъ юридическихъ факультетахъ американскую систему, назидая русскихъ профессоровъ, какъ вести практическія занятія. Какъ и всегда у насъ бываетъ, къ этому увлеченію

практическими занятіями присоединилась мысль: расчлененіе студенчества на небольшія группы, распредѣленныя по отдѣльнымъ аудиторіямъ для того, чтобы избѣгнуть накопленія студентовъ въ аудиторіяхъ **излюбленныхъ профессоровъ** — избѣгнуть того, къ чему стремятся западно-европейскіе университеты — имѣть аудиторіи, въ которыхъ многія сотни студентовъ слушаютъ великія истины науки.

«Говорятъ, что несоотвѣтствіе лекціонной системы духу времени явствуетъ изъ того факта, что студенты такъ мало посѣщаютъ лекціи, но этотъ фактъ говоритъ не противъ лекціонной системы, но противъ ея современныхъ исполнителей. Вѣдь лекціи талантливыхъ лекторовъ посѣщаются и въ настоящее время многолюдными толпами студентовъ, но какой интересъ для нихъ посѣщать лекцію, едва внятно прочитанную **по старой засаленной тетрадкѣ?** Профессора, надѣленные ораторскимъ талантомъ, даромъ изящной импровизаціи, явленіе рѣдкое не только у насъ, но и въ Западной-Европѣ. Для того-же, чтобы заинтересовать аудиторію преподаваемой наукою, едва-ли нуженъ ораторскій талантъ профессора. Для этого только нужно, чтобъ преподаваемая наука была глубоко усвоена профессоромъ, войдя въ его плоть и кровь. Тогда будетъ не ежегодное повтореніе старой тетрадки, а **живая отсебятина**, въ которой всегда найдутся симпатичныя оригинальныя черты, способныя заинтересовать аудиторію.

«Мы глубоко убѣждены, что будущее процвѣтаніе русскаго университета, столь необходимаго для нашей дорогой родины, всегда будетъ болѣе зависѣть отъ поднятія уровня лекціонной системы, чѣмъ отъ практическихъ занятій, какъ-бы хитроумно ни были придумываемы разрѣшаемые студентами казусы. Не сомнѣваемся, что даровитый русскій народъ изъ своей многомилліонной среды выдвинетъ не мало новыхъ Грановскихъ, Неволиныхъ, Шульгиныхъ, Павловыхъ, Бунге, Градовскихъ и т. п., которые, занявъ каѳедры въ русскихъ университетахъ, обновленныхъ **добрымъ геніемъ русскаго просвѣщенія** — Петромъ Семеновичемъ Ванновскимъ, поднимутъ ихъ прежнее значеніе».

Затрудняемся сказать что-либо по поводу этихъ словъ заслуженнаго профессора Романовича-Славатинскаго. Сожалѣемъ только, что онъ не сказалъ **ничего по существу** противъ практическихъ занятій, какъ занятій вводящихъ самостоятельность

учащихся, и придалъ имъ то «практическое» объясненіе, котораго въ виду выше приведенныхъ и напечатанныхъ въ той-же газетѣ «Россія» объясненій гг. Петражицкаго и Р.-С—каго никакъ нельзя было ожидать отъ г. Романовича - Славатинскаго. Замѣтимъ также что, какъ оказывается, именно министръ Ванновскій особенно интересовался развитіемъ на юридическихъ факультетахъ практическихъ занятій. «Практическимъ»-же въ житейскомъ смыслѣ духомъ могутъ отличаться и лекціи, а по мнѣнію многихъ и должны въ извѣстной мѣрѣ отличаться. По этому поводу интересно выслушать также проф. **Живаго**:

«Профессоръ не перестаетъ быть ученымъ, подробно излагая систему дѣйствующаго (напримѣръ, гражданскаго) права — и прилагая всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать свое изложеніе интереснымъ, понятнымъ и въ извѣстномъ смыслѣ **практическимъ**. Студенты также не обращаются въ школьниковъ и, посѣщая лекціи, живо интересуясь большинствомъ образцово поставленныхъ курсовъ, прекрасно сознаютъ, что имѣютъ дѣло не съ **репетиторомъ** или **натаскивателемъ** къ экзамену, а съ компетентнымъ и опытнымъ руководителемъ въ занятіяхъ наукой права и въ основательномъ изученіи дѣйствующаго отечественнаго законодательства».

Гораздо болѣе удачнымъ является слѣдующее замѣчаніе г. **Р.-С—каго** противъ необходимости практическихъ занятій. «Откуда», спрашиваетъ онъ, «могло набраться то поколѣніе молодыхъ дѣятелей, которое жило и работало въ первыя 25 лѣтъ послѣ осуществленія великихъ реформъ? Откуда вышелъ весь тотъ судебный персоналъ, безъ котораго великая судебная реформа едва-ли была-бы великой на практикѣ, и которыми Россія по справедливости можетъ гордиться? Всѣ эти дѣятели вышли изъ университетовъ, гдѣ царила лекціонная система, **не сдобренная практическими занятіями**. Кто-же скажетъ, что они отличались полнымъ неумѣніемъ самостоятельно мыслить и работать? Наоборотъ, всѣмъ извѣстно, что тогда изъ университетовъ выходили люди развитые, толковые, съ высокимъ понятіемъ о гражданскихъ обязанностяхъ и высоко развитымъ чувствомъ гражданскаго долга. Такихъ людей не сфабрикуешь при помощи нарочито примѣняемыхъ спецій и средствъ, предназначенныхъ

для развитія способности самостоятельно мыслить и работать. Нѣтъ, они росли сами среди всей обстановки университетской жизни, побуждавшей чувствовать и мыслить, и вотъ этого, т. е. того, чтобы студенты сами рвались къ развитію своихъ силъ и къ самостоятельному мышленію, нельзя создать никакими практическими занятіями.

«Если безъ практическихъ занятій могли выходить изъ университетовъ люди вполнѣ развитые и способные самостоятельно мыслить и работать, то въ отсутствіи практическихъ занятій нельзя видѣть причину замѣчаемаго теперь пониженія умственнаго ценза среди молодыхъ людей, заручающихся университетскимъ дипломомъ. Прописывая противъ этой болѣзни практическія занятія, какъ самое надежное и вѣрное дѣйствующее средство, И. И. Янжулъ ограничился поверхностнымъ діагнозомъ. Люди не проявляютъ особой способности самостоятельно мыслить и работать; давайте, ихъ заставимъ быть способными къ тому и другому! Рецептъ по своей наивности, едва-ли отвѣчаетъ тѣмъ «истиннымъ намѣреніямъ министерства», во имя которыхъ И. И. Янжулъ обвиняетъ русскихъ профессоровъ въ невѣжествѣ и непониманіи смысла и значенія практическихъ занятій».

Въ словахъ г. Р.-С—каго относительно прошлаго юридическихъ факультетовъ есть, несомнѣнно, доля истины. Прошлыя заслуги юридическихъ факультетовъ одинаково дороги всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ честь принадлежать къ нимъ. Слѣдуетъ только имѣть въ виду, что сторонники преобразованій именно и имѣютъ въ виду возрожденіе самодѣятельности нашихъ студентовъ и указываютъ разныя мѣры для сего. Очень жаль, что г. Р.-С—скій не объяснилъ, въ чемъ собственно недостатокъ этихъ мѣръ, а ограничился бездоказательнымъ заявленіемъ, что онѣ отличаются «наивностью». Неужели можно разсчитывать, что рѣзкости кого-нибудь убѣдятъ? Далѣе, и въ то время, о которомъ говоритъ онъ, практическія занятія хотя и безсистемно и болѣе или менѣе случайно, но все же велись, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми лицами, а Мейеръ, Пироговъ, Герасимовъ, Яновскій и др. проповѣдовали ихъ большее и болѣе планомѣрное развитіе. Походъ въ пользу развитія самодѣятельности среди студентовъ-юристовъ имѣетъ уже и свою исторію, и свою традицію и даже своихъ мучениковъ, какъ напр., тотъ-же Герасимовъ и оста-

новить его и запугать его сторонниковъ разными «преувеличенными нападками» врядъ-ли удастся.

Проф. **Симоненко** очень кстати напоминаетъ: что «въ шестидесятыхъ годахъ и ранѣе, при значительно меньшемъ числѣ студентовъ и потому меньшихъ выгодахъ, соединенныхъ съ изданіемъ профессорскихъ курсовъ, почти на каждомъ студентѣ лежалъ хотя нѣкоторый **трудъ записыванія** въ аудиторіи этихъ курсовъ и затѣмъ, по возвращеніи домой, приведенія въ порядокъ записаннаго. Почти всѣ готовились къ экзаменамъ по собственнымъ запискамъ, которыя потому и усвоивались легче и сознательнѣе. Кромѣ того, содержаніе этихъ записокъ восполнялось въ извѣстной степени чтеніемъ рекомендованныхъ профессоромъ пособій. Тогда для молодыхъ людей, искренно стремившихся къ знанію, экзамены даже по такимъ, самими ими составленнымъ, запискамъ и конспектамъ казались невполнѣ соотвѣтствующими достоинству званія студента. Экзаменующійся, не успѣвшій ознакомиться ни съ какимъ изъ пособій, чувствовалъ себя въ положеніи школьника, обязаннаго вызубрить заданный урокъ и затѣмъ повторить его, не только не отступая отъ основныхъ научныхъ положеній профессора, но даже по возможности и отъ его подлинныхъ выраженій, занесенныхъ въ студенческія записки. Въ настоящее время, благодаря необыкновенному распространенію во всѣхъ университетахъ обычая литографировать профессорскія лекціи, пассивное отношеніе къ нимъ студентовъ еще болѣе увеличилось».

Интереснѣе всего, что г. Р.-С—кій, категорически высказавшись противъ практическихъ занятій, «**сдабривающихъ**» лекціонную систему, въ концѣ статьи неожиданно пишетъ: «Конечно, и практическія занятія могутъ принести **большую пользу**, но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ значеніе». Эта оговорка является столь неожиданной, что производитъ впечатлѣніе редакціонной вставки. Какъ будто газета не рѣшилась помѣстить безъ этой оговорки произведенія г. Р.-С—каго[1]). Такія-же сча-

---

[1]) Кромѣ этихъ общихъ соображеній противъ практическихъ занятій, г. Р.-С—кій привелъ и еще другія, совершенно **особаго свойства**, весьма напоминающія произведеніе анонимнаго пасквилянта, которое упомянуто мною выше, на стр. 7. Выступивъ въ защиту г. Романовича-Славатинскаго, г. Р.-С—кій обратился со слѣдующей рѣчью противъ г. Янжула.

стливыя отступленія и непослѣдовательности встрѣчаемъ мы, какъ будетъ показано ниже, и въ статьяхъ другихъ лицъ, возстающихъ противъ практическихъ занятій.

Еще болѣе простое объясненіе движенію въ пользу расширеніе пріемовъ преподаванія права даетъ г. **Левитскій**. Дѣйствительно, единственной причиной возникновенія всего вопроса о значеніи и о недостаткахъ лекціонной системы является для него **паденіе профессуры**. На этотъ счетъ онъ выражается слѣдующимъ образомъ.

«Въ послѣднее время усиленно выдвинутъ и поставленъ на очередь вопросъ объ устарѣлости существующей въ нашихъ университетахъ лекціонной системы и о настоятельной будтобы необходимости **замѣны ея практическими занятіями**. Такъ какъ практическія занятія въ нашихъ университетахъ по тѣмъ факультетамъ, **гдѣ они являются необходимыми** и

«И. И. Янжулъ взялъ одинъ изъ частныхъ вопросовъ университетской реформы, а именно вопросъ о практическихъ занятіяхъ. Ознакомившись съ тѣмъ, что говорятъ и пишутъ по этому вопросу наши профессора, почтенный академикъ пришелъ къ тому заключенію, что они высказываютъ сужденія **странныя, поражающія своимъ невѣжествомъ и предубѣжденіемъ противъ начинаній правительства.** Съ такими людьми, конечно, церемониться нечего, какъ не церемонится съ ними и самъ почтенный академикъ.

«По «этому вопросу» сужденія, болѣе или менѣе достойныя вниманія, высказывались въ печати только профессорами, да и самъ И. И. Янжулъ въ подтвержденіе незнакомства съ истинными намѣреніями министерства и значительнаго предубѣжденія противъ принимаемыхъ имъ мѣръ, ссылается только на статьи профессоровъ, поставивъ во главу угла статьи проф. Романовича-Славатинскаго, появлявшіяся на столбцахъ «Россіи». А. В. Романовичъ-Славатинскій уже отвѣтилъ нѣсколькими словами своему критику. Дальше нѣсколькихъ словъ онъ навѣрно не пойдетъ, такъ какъ, хотя А. В. Романовичъ-Славатинскій и не академикъ, но между нимъ и академикомъ Янжуломъ **дистанція громаднаго размѣра...**

«Невѣжественныя сужденія профессоровъ, не стоящихъ на высотѣ начинаній министерства, особенно вредны потому, что они «принимаются публикой на вѣру», т. е., дискредитируютъ начинанія правительства. И. И. Янжулъ, какъ близко знакомый съ «истинными намѣреніями министерства», рѣшилъ разсѣять предразсудки, распространенные среди публики профес-

требуются по самому существу дѣла, существовали и прежде, существуютъ и до сихъ поръ (напр., на медицинскомъ, естественномъ и даже историко-филологическомъ въ формѣ семинарій), то какъ-то невольно рождается мысль, что́-же заставило и побудило вопросъ объ устарѣлости существующей въ нашихъ университетахъ лекціонной системы и о настоятельной необходимости замѣны ея практическими занятіями поставить на обсужденіе и разрѣшеніе именно въ наше время и какіе импульсы и причины руководятъ этимъ.

«Существуетъ характерное у насъ выраженіе, сдѣлавшееся за свою мѣткость и типичность даже чуть-ли не общепринятою поговоркой: «Здѣсь, милый другъ, **нужна практичность**, а съ юношескими порывами, какъ муха, пропадешь». Вотъ такая-то, думается, «практичность» и пробирается въ стѣны нашихъ университетовъ подъ титуломъ «практическихъ занятій», и она-то выдвинула въ наше время на обсужденіе вопросъ объ устарѣлости существующей въ нашихъ университетахъ лекціонной си-

---

сорами, **протестующими противъ практическихъ занятій.** Проникаясь «истинными намѣреніями», И. И. Янжулъ доходитъ до самоуничиженія. Онъ 25 лѣтъ читалъ въ московскомъ университетѣ лекціи по финансовому праву безъ практическихъ занятій и тѣмъ, въ сущности, губилъ молодежь.

«25 лѣтъ И. И. Янжулъ читалъ **лекціи безъ практическихъ занятій** и благодаря этому принималъ активное участіе въ награжденіи русскаго общества юношествомъ, совершенно неспособнымъ самостоятельно мыслить и работать. Мы думаемъ, что ученики И. И. Янжула простятъ ему такую чисто **преступную дѣятельность**. Многіе изъ нихъ, навѣрно, скажутъ, что его лекціи безъ практическихъ занятій не имѣли для нихъ тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, о которыхъ говоритъ почтенный академикъ. Мы ему, съ своей стороны, напомнимъ, что, проникаясь истинными намѣреніями, онъ заходитъ слишкомъ далеко. Пусть онъ вспомнитъ тотъ составъ юридическаго факультета московскаго университета, при которомъ прошла первая половина его собственной профессорской дѣятельности. Тогда практическихъ занятій на юридическомъ факультетѣ не было, и неужели-же тогда изъ аудиторій проф. Чупрова, Ковалевскаго, Муромцева и самого Янжула выходили молодые люди, совершенно «безпомощные по полному неумѣнію самостоятельно мыслить и работать»?

«Остановиться на этомъ вопросѣ И. И. Янжулу не мѣшало-бы именно потому, что онъ говоритъ главнымъ образомъ о вредныхъ послѣдствіяхъ на юридическихъ факультетахъ лекціонной системы, **нездобренной практиче-**

стемы и о настоятельной необходимости замѣны ея практическими занятіями.

«Кто не знаетъ, что въ послѣдніе десятки лѣтъ на каѳедрахъ нашихъ университетовъ постепенно, по разнымъ обстоятельствамъ, стали становиться рѣдкими такіе профессоры, которые составляли гордость, цвѣтъ и украшеніе нашихъ высшихъ храмовъ науки, которые охраняли и поддерживали авторитетъ этихъ храмовъ и просвѣщали сбиравшуюся въ университеты молодежь, привлекая тѣмъ къ себѣ всѣхъ жаждущихъ и алчущихъ высшаго образованія и свѣта научнаго. Кому неизвѣстно также и то, что въ это-же самое время разными путями на университетскія каѳедры пробралось немало лицъ, чуждыхъ всякой искренности и убѣжденій; лицъ, безъ всякой истинной любви къ наукѣ и каѳедрѣ; лицъ, круглыхъ бездарностей и смотрящихъ на профессуру, какъ на всякое другое ремесло; лицъ, самихъ ремесленниковъ въ душѣ, а совсѣмъ не служителей въ храмѣ науки и ея творцовъ; но за-то лицъ, практичныхъ въ нашъ

скими занятіями. Юридическій факультетъ московскаго университета привлекалъ къ себѣ массу слушателей, благодаря составу профессоровъ. И неужели-же они всѣ стремились въ Москву на юридическій факультетъ только потому, что тамъ подготовляли людей, безпомощныхъ по полному неумѣнью самостоятельно мыслить и работать? Факультетъ съ такой славой никогда не привлекалъ и не можетъ привлекать тѣхъ многочисленныхъ слушателей, которыми наполнялись аудиторіи юридическаго факультета въ Москвѣ. И. И. Янжулъ былъ строгій и **придирчивый** экзаменаторъ. Что-же, онъ на своихъ строгихъ экзаменахъ убѣждался въ томъ, что его лекціи безъ практическихъ занятій убивали въ студентахъ способность самостоятельно мыслить и работать? Навѣрно, экзамены убѣждали его въ обратномъ; въ противномъ случаѣ онъ, конечно, бросилъ-бы чтеніе лекцій въ университетѣ и избралъ себѣ другой родъ занятій. На самомъ дѣлѣ и его увлекала кипучая жизнь на юридическомъ факультетѣ того времени.

«Тогда не было практическихъ занятій, предназначаемыхъ **яко-бы для развитія умѣнія самостоятельно мыслить и работать**, но тогда молодые люди на университетской скамьѣ съ увлеченіемъ самостоятельно работали и мыслили. Профессора своими лекціями будили мысль и побуждали къ самостоятельной работѣ. Только самые лѣнивые студенты, которые всегда были и будутъ, не обращались къ профессору за указаніемъ о томъ, что слѣдуетъ прочесть по тому или иному вопросу, не просили ихъ руководства при раз работкѣ интересовавшихъ ихъ проблемъ. Вспомните, г. Янжулъ, почему

практическій вѣкъ; **лицъ-ловкачей**, умѣющихъ всегда подслужиться кому только нужно, знающихъ всѣ ходы и выходы, хорошо умѣющихъ держать носъ по вѣтру и знающихъ, откуда вѣтеръ дуетъ,—словомъ, лицъ такихъ, какими кишитъ и полно наше практичное время или, лучше сказать, безвременье.

«Нельзя при этомъ не замѣтить, что лекціонная система хороша и процвѣтаетъ только тогда, когда съ каѳедры раздается свободное слово, сказанное по внутреннему убѣжденію, выработанное и добытое долгимъ научнымъ путемъ и трудомъ; слово искреннее и проникнутое любовью къ наукѣ и предмету; слово смѣлое, открытое и горячее; слово творческое. Современные «замѣстители» подобно своимъ предшественникамъ также стали читать лекціи и держаться лекціонной системы. Но что̀ они могли сдѣлать на этомъ поприщѣ **со своимъ умственнымъ и нравственнымъ безсиліемъ** и отсутствіемъ надлежащихъ знаній и талантовъ?

«И вотъ **молодежь**, ищущая «съ юношескими порывами» и высшаго образованія, и высшей науки, услыхавши этихъ пигмеевъ, говорящихъ съ университетской каѳедры, скоро по-

---

тогда на факультетѣ жизнь кипѣла? Вѣдь, не увлекало-же профессоровъ самоуслажденіе ихъ собственнымъ краснорѣчіемъ. Нѣтъ, ихъ увлекалъ и ихъ поддерживалъ священный огонь сознанія, что предъ ними требовательная, подготовленная, мыслящая аудиторія» и т. д.

Оставляя въ сторонѣ разнаго рода намеки политическаго характера, замѣтимъ, что употребленный г. Р. С—кимъ **argumentum ad hominem** оказался совершенно неудачнымъ. Именно, И. И. Янжулъ, какъ совершенно справедливо указалъ г. Кульженко въ той-же «Россіи», всегда велъ практическія занятія. Далѣе, что касается критическихъ замѣчаній И. И. Янжула на писанія нѣкоторыхъ противниковъ практическихъ занятій, то они, въ ихъ настоящемъ видѣ, приводятся нами полностью въ текстѣ. Внимательный читатель оцѣнитъ, какое толкованіе даетъ имъ г. Р.-С—кій. Въ разбираемой статьѣ интересенъ также тотъ **комплиментъ**, который г. Р.-С—кій дѣлаетъ г. Романовичу-Славатинскому, сравнивая его съ академикомъ Янжуломъ. Жаль только, что смыслъ его несовсѣмъ ясенъ. Мы обидѣли-бы своихъ читателей, если-бы присоединили ко всѣмъ этимъ, говорящимъ за себя, выпискамъ изъ статей г. Р.-С—каго какія-нибудь дальнѣйшія толкованія. Мы цитировали ихъ столь пространно для того, чтобы еще разъ показать, къ какимъ пріемамъ прибѣгали иногда противники расширенія преподаванія на юридическихъ факультетахъ.

няла ихъ и, не найдя здѣсь науки, отворотилась и перестала ихъ слушать. Убѣдившись, что охотниковъ слушать лекціи у нихъ становится все меньше, «замѣстители» поняли, что лекціонная система грозитъ имъ въ ближайшемъ будущемъ остракизмомъ, и вотъ, какъ люди практичные, они поспѣшили заявить, что лекціонная система, существующая въ нашихъ университетахъ, устарѣла и что ее неотложно и необходимо замѣнить практическими занятіями, **превративъ университеты въ фабрики** для приготовленія анилиновыхъ красокъ, лака и древеснаго спирта или въ канцеляріи окружныхъ судовъ и другія присутственныя мѣста».

Дѣло объясняется, такимъ образомъ, очень просто и остается только **удивляться**, чего ради на всѣхъ главныхъ языкахъ современности имѣется цѣлая литература по вопросу о правильной постановкѣ преподаванія права. Вопросъ обсуждается на международныхъ конгрессахъ высшаго образованія, ему отводятъ обширное мѣсто спеціальные журналы разныхъ государствъ, его обсуждаютъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ множество лицъ и т. д. Неужели все это движеніе вызвали «замѣстители»? Можно-ли утверждать и печатать во всеобщее свѣдѣніе подобныя вещи?

Безчисленныя статьи и книги относительно постановки преподаванія права, написанныя нерѣдко первыми авторитетами правовѣдѣнія, должны показать каждому, что вопросъ о реформѣ юридическаго образованія и преподаванія есть вовсе не созданіе злокозненныхъ лицъ, а великій вопросъ современной европейской **культуры** вообще, что въ немъ надо видѣть одно изъ законнѣйшихъ проявленій современнаго духа къ наиболѣе полному и глубокому проявленію. Уже на ученической скамьѣ современный человѣкъ хочетъ быть самостоятельнымъ для того, чтобы дѣятельно примкнуть къ той образованности, носителемъ и двигателемъ которой ему предстоитъ быть. Уже здѣсь ждетъ и ищетъ онъ свободнаго самоопредѣленія. Прошло время, когда можно было клясться словами учителя. Какъ свободный трудъ смѣнилъ трудъ подневольный, рабскій, внеся новыя данныя всеобщаго благоденствія въ человѣческія общества, такъ и свободная мысль стремится пополнить, укрѣпить, развить и про-

вести въ жизнь начала той христіанской образованности, подъ благою сѣнью которой живутъ всѣ народы нашего времени. Лекціонная система, державшая въ неподвижности мысль учащагося, не удовлетворяетъ болѣе потребностямъ нашего времени. Отъ профессоровъ ждутъ въ наше время болѣе, чѣмъ постоянныхъ монологовъ. Задача ихъ — быть руководителями своихъ питомцевъ въ дѣлѣ самостоятельнаго самоусовершенствованія и свободнаго исканія истины. При этихъ условіяхъ чтеніе лекцій можетъ играть роль только одного изъ пріемовъ факультетскаго преподаванія. Рядомъ съ нимъ должны примѣняться пріемы, дающіе учащимся возможность самостоятельно работать.

И. И. Янжулъ совершенно основательно говоритъ, что «значительное предубѣжденіе противъ принимаемыхъ мѣръ и большое незнакомство съ положеніемъ вопроса о практическихъ занятіяхъ въ иностранныхъ государствахъ, служащихъ намъ образцомъ въ дѣлѣ образованія, а равно и незнакомство, въ сущности, съ истинными намѣреніями министерства въ данномъ случаѣ, являются, нѣтъ сомнѣнія, главными причинами многихъ странныхъ сужденій въ нашей печати по этому вопросу. Даже изъ среды профессорскихъ кружковъ, которые должны-бы быть наиболѣе освѣдомлены по данному вопросу, высказывается иногда удивительное, ни на чемъ неоснованное опасеніе о предполагаемой замѣнѣ, будто-бы, лекцій или лекціонной системы преподаванія, нынѣ вездѣ принятой, всецѣло системой практическихъ занятій».

Г. Левитскому вовсе неизвѣстно, далѣе, и то, что для веденія «практическихъ занятій» надо неизмѣримо болѣе таланта, знанія и любви къ молодежи и къ просвѣтительному дѣлу, чѣмъ для чтенія лекцій. Единогласное мнѣніе всѣхъ свѣдущихъ лицъ, писавшихъ по этому поводу, указываетъ на громадныя трудности веденія практическихъ занятій сравнительно съ чтеніемъ лекцій. Чрезвычайно убѣдительно показываетъ все это проф. Симоненко.

«Нѣтъ сомнѣнія, что рекомендуемый мною новый способъ преподаванія потребуетъ отъ преподавателей болѣе солидной научной подготовки, чѣмъ какая необходима для составленія лекцій, чтенія которыхъ никто изъ слушателей не въ правѣ прерывать своими вопросами и просьбами о разъясненіи возбуждаемыхъ ими недоразумѣній. Содержаніе профессорскихъ лекцій,

несомнѣнно, сдѣлается болѣе яснымъ и продуманнымъ для самого преподавателя. Иначе, умѣло поставленный кѣмъ-либо изъ студентовъ вопросъ, при обладаніи, хотя-бы нѣкоторыми изъ нихъ, хорошими діалектическими способностями, можетъ легко привести въ смущеніе неопытнаго преподавателя и подорвать его авторитетъ. При новомъ способѣ преподаванія потребуется со стороны профессора не одна только обширная эрудиція, но и умѣніе вполнѣ владѣть словомъ, находчивость и хорошія діалектическія способности. Менѣе всего можно согласиться съ мнѣніемъ, что для веденія практическихъ занятій, которыя, по возможности, должны быть совмѣщаемы съ лекціями, будто-бы нѣтъ надобности для профессоровъ въ обладаніи особыми талантами и знаніями». «Едва-ли кто станетъ спорить, что для такого способа преподаванія потребуются отъ учащихъ особыя дарованія и гораздо большія противъ прежняго знанія. Поэтому, необходимо будетъ озаботиться привлеченіемъ на университетскія каѳедры людей съ выдающимися способностями и съ обширной научной подготовкой».

Такого-же мнѣнія и другія весьма свѣдущія лица. Во время засѣданія Петербургскаго Юридическаго Общества 24 апрѣля 1901 г. проф. **Фойницкій** замѣтилъ, «что для веденія съ пользою практическихъ занятій требуется и талантъ, и огромная опытность, и большой авторитетъ въ глазахъ аудиторіи; иначе они превратятся въ безполезныя и даже вредныя пререканія аудиторіи съ руководителемъ занятій». А г. **Арсеньевъ** подтвердилъ, что «вести ихъ весьма трудно, здѣсь требуются особые таланты— нужно руководить преніями, нужно умѣть заставить высказаться» и т. д.

Г. С—кій, обозрѣвая содержаніе нашей книги, указываетъ, съ своей стороны, что предлагаемый нами планъ занятій требуетъ, «чтобы профессора были не только **настоящими учеными**, но и **настоящими педагогами**. Сколько педагогическаго таланта и сколь высокій уровень педагогическаго развитія понадобится для того, чтобы при выполненіи этой наставнической задачи, чрезвычайно сложной и деликатной въ университетѣ, профессора не вступили на путь, проторенный средней школой, и не приблизили порядокъ изученія университетскихъ наукъ къ педагогическимъ порядкамъ средне-учебнаго заведенія». Такихъ данныхъ вовсе не требуется при лекціонномъ преподаваніи.

Проф. С. И. Живаго, говоря приблизительно о томъ-же самомъ, спрашиваетъ: «И развѣ это не высокая задача профессора—пойти и въ этомъ направленіи на встрѣчу насущнымъ и разумнымъ потребностямъ своихъ слушателей, не поступаясь научнымъ достоинствомъ своего преподаванія? Правда, для этого требуется гораздо большая затрата труда и энергіи, гораздо бо́льшая, и при томъ строго научная, эрудиція, чѣмъ для того, чтобы изъ года въ годъ **читать курсъ**, который представляется студентамъ очень ученымъ уже потому, что **заимствованъ изъ недоступныхъ** или неизвѣстныхъ имъ **источниковъ** — и **очень скучнымъ** по своей отвлеченности, по узкому антикварному историзму и т. п.,—однимъ словомъ по отсутствію живой связи съ живой юридической дѣйствительностью...»

На той-же самой точкѣ зрѣнія стоитъ академикъ Янжулъ, когда указываетъ, между прочимъ, на одну задержку чисто психологическаго свойства, мѣшающую развитію практическихъ занятій: «При непосредственныхъ и частыхъ сношеніяхъ со студентами—неопытный или малосвѣдущій преподаватель боится **сконфузиться или сробѣть** подъ градомъ разнообразныхъ и часто нелегкихъ вопросовъ пытливой молодежи... Несомнѣнно, это послѣднее обстоятельство также задерживаетъ повсюду развитіе практическихъ занятій».

Судя по отчету о засѣданіи Петербургскаго Юридическаго Общества отъ 24 апрѣля 1901 г., напечатанному въ Правѣ, академикъ И. И. **Янжулъ** высказалъ во время преній, между прочимъ, совершенно иную мысль, именно, что для веденія практическихъ занятій требуется значительно **меньше таланта и умѣнья**, чѣмъ для чтенія лекцій. Мысль эта вѣрна только относительно помощниковъ профессора, которые подъ руководствомъ послѣдняго занимаются со студентами и отъ которыхъ не требуется дѣйствительно, особыхъ данныхъ, но совершенно невѣрна, если имѣть въ виду самостоятельное руководительство занятіями студентовъ. Впрочемъ, я не знаю, насколько точно переданы слова почтеннаго ученаго въ этомъ отчетѣ и поэтому не буду возражать ему ни на это его утвержденіе, ни на другія, приводимыя тамъ-же,—съ которыми я не согласенъ.

Въ заключеніе нельзя еще разъ не выразить большаго сожалѣнія о томъ, что г. Левитскій нашелъ возможнымъ въ распространенной газетѣ давать такое толкованіе дѣлу, близко касающемуся нашей молодежи. Г. Левитскій, не первый, и, увы, не послѣдній, выступилъ подобнымъ образомъ при обсужденіи великаго университетскаго вопроса. Во всякомъ случаѣ, надо, дѣйствительно, быть проникнутымъ идеальнымъ стремленіемъ послужить общему дѣлу для того, чтобы, встрѣчая подобныя толкованія, все-же вести борьбу за лучшіе порядки. Можно радоваться и гордиться, что статьи въ родѣ цитируемой не заставили молчать сторонниковъ преобразованія. Онѣ должны были скорѣе укрѣпить этихъ послѣднихъ въ ихъ воззрѣніяхъ, чѣмъ поколебать. Онѣ показывали, по меньшей мѣрѣ, что противники реформы ничего не могли возразить противъ нея по существу.

Статья г. Левитскаго вызвала вѣскія замѣчанія со стороны **И. И. Янжула**. Указавъ на содержаніе статьи г. Романовича-Славатинскаго, онъ продолжаетъ: «Еще страннѣе статья г. Левитскаго въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «Къ вопросу о лекціонной системѣ и практическихъ занятіяхъ въ нашихъ университетахъ». Содержаніе ея представляетъ собой удивительную смѣсь совершенно вѣрныхъ замѣчаній съ неосновательными предположеніями и ложными утвержденіями, при полномъ, въ то-же время, незнакомствѣ съ положеніемъ даннаго вопроса, какъ у насъ, такъ и заграницей. Такъ, г. Левитскій предполагаетъ, что, будто-бы, лекціонная система признана у насъ устарѣлой, почему и желаютъ-де ее замѣнить практическими занятіями; на защиту первой онъ рѣшительно выступаетъ въ своей статьѣ.

«Желаніе министерства распространить и упрочить практическія занятія въ университетахъ онъ стремится объяснить пониженіемъ научнаго и моральнаго уровня настоящаго профессорскаго персонала, многихъ представителей котораго онъ обзываетъ «ремесленниками»: къ нимъ молодежь перестала-де ходить на лекціи, и вотъ эти-то профессора—«замѣстители» (по его выраженію) съ пустующими аудиторіями и стремятся, будто-бы, въ своихъ интересахъ замѣнить лекціи практическими занятіями, превращая университеты въ «фабрики для приготовленія анилиновыхъ красокъ, лака и древеснаго спирта или въ канцеляріи окружныхъ судовъ и другія присутственныя мѣста» (!!?).

«Г. Левитскій приэтомъ совершенно серьезно, повидимому, думаетъ, что заграницей никакихъ сомнѣній по этому вопросу не возникаетъ, и что лекціонная система одна царитъ въ тамошнихъ университетахъ! Ссылаясь на заграницу, онъ борется **съ несуществующимъ противникомъ** и въ результатѣ, конечно, торжествуетъ, утверждая, что такъ какъ заграницей никто не думаетъ мѣнять лекціонную систему на практическія занятія (что совершенно вѣрно), то и намъ-де, очевидно, не настало время вводить практическія занятія въ добавленіе къ лекціямъ (?!)».

И. И. Янжулъ не находитъ даже нужнымъ опровергать разныя утвержденія г. Левитскаго, какъ онъ не опровергаетъ въ той-же статьѣ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и мнѣній заслуженнаго профессора Романовича-Славатинскаго, довольствуясь выставленіемъ знаковъ «безмолвной ироніи». Дѣйствительно, что можно отвѣчать на подобныя утвержденія?

Слѣдующее возраженіе противъ практическихъ занятій состоитъ въ томъ, что введеніе ихъ предлагается, будто-бы, съ политической и даже полицейской цѣлью. Ссылка-же на расширеніе и болѣе научную постановку факультетскихъ занятій дѣлается просто такъ, для отвода глазъ. Намеки на это обстоятельство встрѣчаются у многихъ лицъ, но прямо обвиненіе выражено у прив.-доцента **Гессена**:

«Походъ противъ лекціонной системы», пишетъ онъ, «несомнѣнно вызванъ, по крайней мѣрѣ отчасти, соображеніями **политическаго** свойства. Предполагается, что **студентъ ремесленникъ** будетъ благонадежнѣе студента, развращеннаго громкимъ словомъ, красивой фразой, поверхностнымъ отношеніемъ къ вопросамъ серьезнымъ и труднымъ».

Нельзя не выразить удивленія по поводу этого неожиданнаго объясненія. Можно надѣяться, что среди нашего студенчества сознаніе необходимости работать и знать настолько развилось, что оно не отшатнется отъ занятій только потому, что нѣкоторые даютъ имъ подобныя объясненія. Среди разныхъ громкихъ словъ, сказанныхъ г. Гессеномъ, самое неудачное, не-

сомнѣнно, о политическомъ значеніи предлагаемаго расширенія факультетскихъ занятій, о студентахъ-ремесленникахъ и пр. Г. Гессенъ, повидимому, не отдаетъ даже себѣ отчета въ томъ, куда онъ зашелъ съ этими своими злосчастными соображеніями, какое впечатлѣніе должны они производить на учащихся и какъ обыкновенно, называютъ на всѣхъ языкахъ подобныя вещи. Снова мы принуждены прямо умолкнуть, не имѣя возможности вести споръ на подобной почвѣ.

Въ этомъ отношеніи г. **Грибовскій** совершенно основательно спрашиваетъ: «Въ чемъ-же кроется загадка подобнаго внезапнаго движенія противъ практическихъ работъ студентовъ? Было время, когда само министерство народнаго просвѣщенія относилось къ подобнымъ практическимъ занятіямъ **недовѣрчиво**, за то, кто помнитъ Петербургскій университетъ въ восьмидесятые годы, тотъ знаетъ какъ охотно шли студенты на чтеніе памятниковъ къ профессору Сергѣевичу, на уголовные казусы къ проф. Сергѣевскому, на статистику къ Янсону и къ другимъ.

«**Въ студенческихъ кругахъ** чувствовалась потребность въ этихъ практическихъ занятіяхъ и, несмотря на полную ихъ необязательность, студенты наиболѣе многолюдныхъ столичныхъ, живущихъ болѣе разсѣянной жизнью, университетовъ (въ Москвѣ у проф. Янжула) ломились въ аудиторіи, гдѣ можно было не только пассивно работать (слушать), но и активно самому говорить и мыслить. Итакъ, почему-же теперь, когда само министерство не только не препятствуетъ, но даже со своей стороны предлагаетъ усиленіе практическихъ занятій, часть университетскихъ сферъ косвенно возстаетъ противъ нихъ? Повидимому, въ данномъ загадочномъ явленіи кроется нѣсколько причинъ.

«Конечно, ни въ какомъ случаѣ среди такихъ причинъ нельзя поставить недовѣріе, столь свойственное людямъ живаго дѣла по отношенію къ кабинетнымъ требованіямъ бюрократическихъ начинаній. Никто не будетъ спорить, что всякіе циркуляры съ какой-бы благой цѣлью они ни издавались, всегда нуждаются въ компетентной провѣркѣ лицъ, непосредственно соприкасающихся съ дѣломъ. Но въ данномъ случаѣ надо не упускать изъ вида, что идея обязательности практическихъ занятій далеко не **канцелярское измышленіе**; мало того, она не

вводилась и не вводится помимо **самихъ университетовъ и ихъ факультетовъ**. Ученой корпораціи всецѣло предоставлена вся выработка плана и осуществленіе реформы».

Этими вопросами г. Грибовскій косвенно опровергаетъ все обвиненіе въ преслѣдованіи полицейскихъ задачъ при преобразованіи учебнаго дѣла. Но мы идемъ даже дальше. Быть можетъ, кто-либо изъ лицъ, защищавшихъ практическія занятія, и имѣлъ въ виду непосредственно политическія цѣли, выдвигая идею этихъ занятій, но развѣ допустимо смѣшивать всѣхъ въ одну кучу, развѣ допустимо не видѣть важнаго педагогическаго значенія предлагаемыхъ нововведеній?... Наконецъ, всякая крупная реформа не можетъ, косвенно, не имѣть и политическихъ послѣдствій, но развѣ въ данномъ случаѣ они могутъ быть такого рода, что мы должны оставить мысль о реформѣ, лишь бы избѣжать ихъ? Разныя косвенныя послѣдствія ея рисовались намъ лично въ слѣдующемъ видѣ. Мы снова вынуждены, совершенно противъ нашей воли, сдѣлать выписку изъ нашей первой брошюры, такъ какъ и здѣсь мысли ея подверглись невѣрному толкованію со стороны нѣкоторыхъ лицъ.

«Достигая цѣлей преподаванія, давая знаніе, способное развиваться и примѣняться, давая учащимся необходимое для нихъ умѣнье въ области ихъ спеціальности, предлагаемая система преподаванія должна имѣть и великое воспитательное значеніе. Работающимъ дается въ руки орудіе работы. Учащіеся проходятъ въ университетѣ суровую школу труда. Въ нихъ развивается самостоятельность, духъ почина и сила воли. Мышленіе и память, путемъ ихъ постояннаго упражненія, достигаютъ возможнаго для нихъ развитія, именно въ томъ направленіи, въ какомъ желательно, чтобы развивались способности молодаго юриста. *Школа будетъ выпускать не отвлеченныхъ мечтателей, готовыхъ отказаться отъ своихъ идей и идеаловъ при первомъ столкновеніи съ суровой дѣйствительностью, а лицъ, воспитанныхъ для жизни и способныхъ возвысить и облагородить ее.*

«Постоянный упорный близкій къ жизни трудъ, одухотворенный сознаніемъ опредѣленной, постепенно достигаемой цѣли, предохранитъ нашу молодежь, надежду Россіи, отъ тѣхъ тяжелыхъ блужданій и заблужденій, главная причина которыхъ въ

томъ, что она оторвана отъ жизни, предоставлена себѣ и не находитъ достаточно широкаго употребленія своихъ силъ». Таковы косвенныя послѣдствія новой системы занятій, послѣдствія, которыя можно назвать, въ извѣстномъ смыслѣ, политическими. Неужели-же ихъ слѣдуетъ опасаться? Вѣдь, такихъ послѣдствій не можетъ не имѣть каждая разумная реформа преподавательскаго дѣла.

Если привычка самостоятельно мыслить и относиться критически къ чужимъ словамъ дастъ нашей молодежи способность различать истину отъ заблужденій и обмана и тѣмъ внесетъ устойчивость въ настроеніе студенчества и порядокъ въ университетскую жизнь, то кто можетъ объ этомъ печалиться? На какую точку зрѣнія надо стать, чтобы убояться подобныхъ «политическихъ» послѣдствій? Г. Гессену и нѣкоторымъ его единомышленникамъ, можно было-бы высказать много горькихъ истинъ по поводу неудачной, чтобы не сказать больше, позиціи, которую они заняли въ этомъ вопросѣ. Не политику надо истреблять, а нелѣпую и вредную **игру въ политику**, политиканство, жалкую и презрѣнную вещь, принесшую уже столько вреда русскому обществу, погубившую столько молодыхъ, нерѣдко одаренныхъ и благородныхъ молодыхъ жизней.

Отвѣтъ по заслугамъ даетъ г. Гессену Гр. Ѳ. Симененко. «Насколько неосновательно нѣкоторые приводятъ въ связь необходимость устраненія нынѣшней лекціонной системы преподаванія въ университетахъ, главнымъ образомъ, съ соображеніями политическаго свойства и забываютъ, что эта необходимость прежде всего обусловливается чисто педагогическими задачами правильнаго преподаванія,—можно видѣть изъ того, что еще въ 1863 году нашъ знаменитый педагогъ **Н. И. Пироговъ** возбудилъ вопросъ о замѣнѣ чтенія лекцій лекціями-бесѣдами. Въ новѣйшее время мысль о преобразованіи академическаго преподаванія возникла прежде всего въ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ артиллерійская и юридическая военныя академіи. Самый горячій защитникъ устраненія ея, г. Герасимовъ, еще въ 1879 году представилъ военному министру свою записку объ этомъ, которая была передана на разсмотрѣніе военно-учебнаго комитета.

«Но что такого ужаснаго въ соображеніяхъ «политическаго свойства»? Въ данномъ случаѣ онѣ основаны исключительно на томъ, что если молодые люди дѣйствительно горячо любятъ свой народъ, свою страну и желаютъ всѣми силами служить ихъ благу, то они не должны тратить **попусту времени** въ университетѣ, отвлекаться отъ научныхъ занятій интересами хотя-бы и первостепенной важности, но не имѣющими прямой связи съ усвоеніемъ университетскихъ знаній, для которыхъ каждый изъ нихъ, собственно, и поступаетъ въ университетъ. Окончивъ курсъ наукъ въ послѣднемъ, запасшись въ немъ научными знаніями, несомнѣнно, каждый въ состояніи будетъ приносить своей странѣ гораздо больше пользы, чѣмъ покинувъ его до окончанія курса вслѣдствіе студенческихъ безпорядковъ, какими-бы причинами они ни вызывались.

«Всякихъ «политическихъ» соображеній въ дѣлѣ новой организаціи образованія нѣкоторые боятся у насъ какъ огня, упуская изъ виду, что **здравая политика**, принимая во вниманіе преходящіе интересы и потребности даннаго историческаго момента, не можетъ забывать въ то-же время **основныхъ задачъ всей государственной и общественной жизни** и потому стремится обезпечить первыя, исходя изъ правильнаго пониманія вторыхъ. Если до сихъ поръ сильно хромалъ у насъ весь строй учебнаго дѣла, то именно потому, что онъ шелъ въ разрѣзъ съ этими основными задачами, и что новая эра въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія открывается теперь именно сознаніемъ необходимости поставить этотъ строй въ соотвѣтствіе съ жизненными цѣлями и потребностями всего будущаго развитія нашей страны».

Таковы разумныя благородныя слова заслуженнаго ученаго, желающаго дѣйствительнаго блага той молодежи, которая идетъ къ намъ за совѣтомъ съ открытымъ сердцемъ и полнымъ довѣріемъ. Вѣдь, на какую-бы политическую точку зрѣнія мы ни стали, за исключеніемъ, конечно, безпощадныхъ враговъ всего народа и государства русскаго,—необходимо всѣми мѣрами охранять просвѣтительное призваніе университета и оберегать нашу молодежь отъ преждевременныхъ искушеній, беречь ее для будущаго. Дѣйствительно, можетъ-ли наше отечество разсчитывать на лучшее будущее, если въ настоящемъ будетъ разбита или разстроена жизнь многихъ и многихъ тысячъ молодыхъ людей?

На этомъ мы можемъ закончить разсмотрѣніе главныхъ соображеній, которыя съ большей самоувѣренностью были выдвинуты въ 1901 г. противъ развитія практическихъ занятій на нашихъ юридическихъ факультетахъ. Мы думаемъ, что имъ не удалось остановить развитіе и примѣненіе на дѣлѣ общеполезныхъ идей. Остроумное объясненіе движенію противъ практическихъ занятій даетъ г. **Грибовскій.**

«Крупные противники студенческой обязательной практики», говоритъ онъ, «дѣлятся на два разряда. Одни изъ нихъ **староверы** университетской свободы, другіе ея доктринеры. Первые стремятся охранить университетскіе основы отъ всякихъ новшествъ во имя принципа охраненія старины. Изстари въ университетѣ все было построено на лекціяхъ, въ особенности у юристовъ. Какія-же тутъ обязательныя практическія занятія! Пусть студенты занимаются, какъ хотятъ и чѣмъ хотятъ, и да здравствуетъ принципъ старой академической школы! Университетъ не школа въ общежитейскомъ смыслѣ, — это свѣточъ науки и до всякихъ «житейскихъ» потребностей, до практики, ему нѣтъ дѣла.

«Еще глубже староверовъ подкапываются подъ только-что созидаемое зданіе университетскихъ практическихъ занятій **доктринеры.** Пусть будутъ,—говорятъ они,—практическія занятія, но не у юристовъ. По существу своему юриспруденція не поддается практическому изученію. Предметъ права—идеи, а идеи не могутъ быть осязаемы и изучаемы какимъ-либо внѣшнимъ образомъ, и потому и всякая практика въ обращеніи съ ними безполезна и смѣшна. Нечего говорить, что обѣ точки зрѣнія, при ближайшемъ прикосновеніи съ ними, не выдерживаютъ критики».

Но тутъ возникаетъ вопросъ: почему-же не нашли гг. староверы и гг. доктринеры въ своемъ ученомъ арсеналѣ болѣе дѣйствительнаго оружія для пораженія не раздѣляемыхъ ими идеаловъ, почему пренебрегли они иногда тѣми формами академическаго спора, которыхъ слѣдовало-бы въ особенности придерживаться при обсужденіи столь академическаго вопроса? Какъ не поняли они, что, перенося обсужденіе вопроса на почву вышеприведенныхъ пріемовъ, врядъ-ли можно надѣяться выяснить его такъ, какъ-бы слѣдовало. На это и проф. Грибовскій не даетъ отвѣта.

Поспѣшимъ, однако, сказать, что въ русской литературѣ имѣются и иныя соображенія, соображенія по существу противъ практическихъ занятій. Они принадлежатъ, между прочимъ, проф. **Сергѣевичу**, который въ свое время велъ серьезный споръ сначала съ Пироговымъ, а засимъ съ Яновскимъ. Мы не коснемся ихъ, такъ какъ они относятся не къ тому времени, которымъ мы занимаемся. Свѣдѣнія на сей счетъ можно найти въ книгѣ проф. Симоненко. Во всякомъ случаѣ, и эти соображенія оказываются въ концѣ концовъ неубѣдительными.

Кромѣ того, нѣкоторыя мысли по существу были высказаны и проф. **Фойницкимъ** въ томъ засѣданіи Петербургскаго Юридическаго Общества, въ которомъ г. Гессенъ дѣлалъ свой докладъ «по поводу» моей книги. Къ сожалѣнію, въ отчетахъ объ этомъ засѣданіи слова почтеннаго ученаго изложены слишкомъ кратко, именно слѣдующимъ образомъ:

«Указывая на трудности лекціонной системы, забываютъ еще большія трудности постановки практическихъ занятій; невѣрно, будто-бы вся аудиторія при этихъ занятіяхъ «дѣйствуетъ»; на самомъ дѣлѣ активное участіе принимаютъ немногіе, остальные слушаютъ; но, конечно, полезнѣе выслушать обдуманную лекцію, чѣмъ попытки начинающихъ. Вести практическія занятія на началѣ обязательности въ большой аудиторіи невозможно, а раздробленіе аудиторіи потребовало-бы увеличеніе личнаго состава преподавателей въ пять и даже въ десять разъ ... Обязательность послѣднихъ, если ее ввести и провести послѣдовательно, будетъ такимъ-же и даже большимъ гнетомъ студенчества, и совершенно ненужнымъ, какъ и обязательность посѣщенія лекцій».

Со всѣми почти этими замѣчаніями мы согласны, но они отнюдь не говорятъ противъ необходимости практическихъ занятій. Они показываютъ только, что устройство ихъ—дѣло очень трудное, и много еще пройдетъ времени прежде, чѣмъ мы удовлетворительно разрѣшимъ всѣ вопросы, связанные съ ихъ желательной постановкой. Проф. Фойницкій вѣрно замѣчаетъ, что лучше прослушать опытнаго оратора, чѣмъ неопытнаго, но онъ забываетъ, что на практическихъ занятіяхъ присутствующіе должны не слушать, а сами принимать въ нихъ участіе. Участвовать-же въ работѣ самому всегда полезнѣе, чѣмъ смотрѣть, какъ работаютъ другіе. Далѣе, если безусловно всѣхъ и нельзя

привлечь къ работѣ по каждому предмету, то привлеченіе хотя-бы части аудиторіи составитъ, несомнѣнно, выигрышъ по сравненію съ тѣмъ, что мы видимъ при лекціонномъ преподаваніи, когда всѣ бездѣйствуютъ. Необходимость увеличенія преподавательскихъ силъ также не доводъ противъ развитія практическихъ занятій. Наконецъ, обязательность можетъ стать гнетомъ только въ такомъ случаѣ если превратится во внѣшнюю принудительность. Послѣдней надо, конечно, избѣгать. Приблизительно подобные-же отвѣты на эти сомнѣнія высказываетъ и проф. **Симоненко**, цитатами изъ прекрасной книги котораго мы положительно злоупотребляемъ:

«Утверждаютъ, что веденіе научныхъ бесѣдъ вмѣсто чтенія лекцій можетъ отозваться вреднымъ образомъ на **систематичности преподаванія**. Профессоръ, вмѣсто систематическаго изложенія курса, читалъ-бы такимъ образомъ случайныя и безсистемныя лекціи, вызываемыя вопросами и невѣрными отвѣтами студентовъ. Но этого можно избѣгнуть, если профессоръ заранѣе будетъ предлагать своимъ слушателямъ подробную программу каждой лекціи и не позволитъ имъ сильно отклоняться отъ нея при веденіи конверсаторія.

«Указываютъ на большія **трудности постановки практическихъ занятій**. «Въ нихъ, говорятъ, обыкновенно принимаютъ участіе немногіе, а остальные только слушаютъ; но, конечно, полезнѣе выслушать обдуманную лекцію, чѣмъ попытки начинающихъ». Не смотря на такую аподиктическую форму этого замѣчанія, съ вѣрностью его трудно согласиться. Въ дѣлѣ развитія научной самодѣятельности учащихся, при стремленіи ихъ достигать выясненія каждаго вопроса прежде всего собственными силами, полезнѣе не преподносить имъ сразу готовое и вполнѣ безупречное рѣшеніе, а начинать съ обсужденія мнѣній въ томъ именно видѣ, какъ они слагаются въ умахъ молодёжи, только-что пытающейся составить себѣ опредѣленное понятіе о предметѣ. Ставъ на ея точку зрѣнія и исходя изъ нея, преподаватель, принаравливаясь къ уровню пониманія большинства своихъ слушателей, можетъ постепенно привести свою аудиторію къ вполнѣ сознательному усвоенію наиболѣе вѣрныхъ научныхъ основаній предмета. Какъ-бы ни была блестяще изложена и вполнѣ продумана лекція профессора, содержаніе ея будетъ вос-

принято аудиторіей на вѣру, несознательно, если она не соотвѣтствуетъ уровню развитія большинства слушателей.

«Правда, не всѣ слушатели принимаютъ участіе въ собесѣдованіяхъ. Большинство только слушаетъ, но оно слушаетъ разъясненіе тѣхъ недоразумѣній своихъ товарищей, которыя являются и его собственными недоразумѣніями, а потому не можетъ не интересоваться ходомъ преній. Если и послѣ этихъ разъясненій остается что-либо невыясненнымъ, никому не возбраняется возбуждать невыясненные еще вопросы.

«Было кѣмъ-то замѣчено въ одной изъ газетныхъ статей, что лекціи-бесѣды понизятъ преподаваніе университетскихъ наукъ, ибо будутъ соображаться со степенью пониманія **наименѣе способныхъ** посѣтителей аудиторіи. Но это замѣчаніе слѣдуетъ признать положительно невѣрнымъ. Главными совопросниками и участниками въ преніяхъ являются, обыкновенно, наиболѣе даровитые изъ молодыхъ людей. Возбуждая тѣ, или другіе вопросы и прося по нимъ разъясненій, они тѣмъ самымъ поднимаютъ своихъ менѣе способныхъ товарищей до уровня своего развитія и дѣлаютъ для нихъ болѣе доступнымъ пониманіе профессорскихъ курсовъ». Переходимъ теперь къ тѣмъ лицамъ, которыя высказывались въ пользу практическихъ занятій. Число ихъ очень велико.

Академикъ **И. И. Янжулъ** заявляетъ: «Слѣдуетъ обратить особое вниманіе и теперь на практическія занятія. Сдѣлать ихъ обязательными для всѣхъ при многолюдности нашихъ университетовъ представляется пока затруднительнымъ. Я, однако, глубоко вѣрю, что этотъ идеалъ найдетъ себѣ въ будущемъ осуществленіе. Какъ невозможно проходить медицинскія науки безъ помощи клиникъ, такъ невозможно успѣшно усвоить юридическія знанія **безъ соотвѣтственныхъ клиникъ**». Въ другомъ мѣстѣ, упомянувъ о первыхъ попыткахъ введенія практическихъ занятій въ курсъ юридическихъ факультетовъ, онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Во вторую половину XIX вѣка въ вопросѣ о практическихъ занятіяхъ повсюду наступило **затишье**. Отдѣльные профессора, правда, устраивали семинаріи, побуждая своихъ слушателей самостоятельно заниматься и участвовать въ нихъ,

производили собесѣдованія по разнымъ научнымъ вопросамъ; знакомили съ памятниками и источниками права, занимаясь такъ называемой эгзегетикой, и наконецъ спеціалисты уголовнаго и гражданскаго права разбирали съ слушателями или въ ихъ присутствіи судебныя дѣла, рѣшали различные казусы и пріучали студентовъ къ обращенію и пользованію юридическими кодексами и разными приктическими пособіями... Но все это было скорѣе случайнымъ и исключительнымъ явленіемъ, и только съ восьмидесятыхъ годовъ во многихъ странахъ Европы замѣчается рѣзкій поворотъ въ смыслѣ какъ-бы возрожденія и усиленія значенія практическихъ занятій, причемъ, однако, для Россіи въ это время новымъ тормазомъ для развитія практическихъ занятій явился университетскій уставъ 1884 года съ его системой гонорара.

«Первый толчокъ къ возрожденію практическихъ занятій у юристовъ дало въ Германіи, напримѣръ, общее недовольство **слабой подготовкой юристовъ къ практической жизни и дѣятельности**. Въ Германіи, такъ-же часто какъ и у насъ, указываютъ на слишкомъ абстрактный характеръ всего университетскаго образованія. Молодые люди, оканчивающіе курсъ на юридическомъ факультетѣ, оказываются совершенно безпомощными на первыхъ-же шагахъ своей судебной или административной дѣятельности не только по недостатку соотвѣтственныхъ знаній, но и полному неумѣнію самостоятельно или работать или примѣнять пріобрѣтенныя свѣдѣнія къ отдѣльнымъ конкретнымъ случаямъ.

«Проявленію въ восьмидесятыхъ годахъ этого недовольства наличнымъ юридическимъ образованіемъ содѣйствовалъ въ Европѣ **примѣръ другихъ** университетскихъ **факультетовъ**, которые гораздо раньше позаботились о практическихъ пріемахъ преподаванія, и открывая лабораторіи, устраивая кабинеты, семинаріи и собесѣдовонія, путемъ опыта пришли къ убѣжденію, что это единственно правильный путь къ тому, чтобы, нисколько не уменьшая высокаго значенія лекціонной системы преподаванія, выработать изъ слушателей искусныхъ врачей, свѣдущихъ натуралистовъ и математиковъ, знающихъ филологовъ и историковъ и вообще опытныхъ и самостоятельныхъ работниковъ въ области всѣхъ научныхъ дисциплинъ. Еще въ XLVII вѣкѣ лабораторіи и многіе кабинеты (напримѣръ, физи-

ческіе), существующіе нынѣ повсюду, при всякомъ бѣдномъ университетѣ, отсутствовали даже въ университетахъ первостепенныхъ. Припомнимъ изъ русскихъ условій разсказъ знаменитаго Пирогова о томъ, что въ его время въ Московскомъ университетѣ профессоръ анатоміи еще долженъ былъ прибѣгать къ вырѣзыванію фигуръ изъ рѣпы и брюквы, вмѣсто изученія науки на трупѣ!! Въ настоящее время такое положеніе вещей представляется намъ страннымъ и немыслимымъ, но современемъ такимъ-же страннымъ будетъ казаться и отсутствіе кабинетовъ юридическихъ, экономическихъ и статистическихъ, напримѣръ, которые до сихъ поръ не имѣютъ мѣста во многихъ европейскихъ университетахъ. Такимъ образомъ, естественнымъ путемъ дошла очередь до сознанія необходимости болѣе практическаго характера преподаванія, по образцу другихъ предметовъ, и юридическихъ наукъ въ университетахъ.

«Этому способствовала самая **сложность настоящей государственной жизни**, разнообразіе ея функцій и дифференціація занятій ея служащихъ. Не надо забывать, что если юридическое образованіе съ одной стороны имѣетъ своей задачей выработать и подготовить просто образованныхъ людей, освѣдомленныхъ спеціально по данной области человѣческихъ знаній, то съ другой стороны оно преслѣдуетъ чисто профессіональныя цѣли, удовлетворяя потребности государства въ чиновникахъ, юристахъ и администраторахъ, которые при общемъ развитіи и образованіи должны обладать спеціальной подготовкой въ разныхъ видахъ права и умѣть свои знанія примѣнять къ практикѣ».

Свои мысли о практическихъ занятіяхъ нашъ почтенный ученый выражаетъ еще въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ. Въ виду ихъ чрезвычайной важности мы позволимъ себѣ перепечатать ихъ полностью:

«1) Повсюду въ Европѣ за послѣднія 10, 15 лѣтъ одинаково замѣчается всеобщее стремленіе въ смыслѣ усиленія и распространенія практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ или рядомъ съ ними (какъ во Франціи). Такимъ образомъ Россія, усиливая и распространяя практическія занятія для своихъ юристовъ съ 1889 года, лишь слѣдуетъ общему теченію и **примѣру всей Европы**. Поэтому данное стремленіе нашего мини-

стерства народнаго просвѣщенія вовсе не вызывается, какъ въ нашей печати, повидимому, наклонны думать, какими-либо спеціальными русскими причинами или условіями общественной или государственной жизни: Россія въ данномъ случаѣ дѣлаетъ въ юридическомъ образованіи и должна дѣлать то-же, что дѣлается во всей Европѣ и указуется всеобщимъ опытомъ.

«2) Это стремленіе къ расширенію и упроченію повсюду практическихъ занятій, по отзывамъ спеціальной литературы и свѣдущихъ лицъ разныхъ странъ, вызывается слѣдующими главнѣйшими причинами: а) потребностью времени—**сложностью и разнообразіемъ занятій юриста**, чему прежнее пассивное преподаваніе (лекціонный методъ) удовлетворить всецѣло уже не можетъ; б) недостаточностью или неудовлетворительностью существующаго **контрольнаго аппарата** (экзамена—какъ университетскаго, такъ и государственнаго) и неудовлетворительнымъ посѣщеніемъ лекцій; в) **недостаточной подготовкой** студентовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; г) **интересами самихъ учащихся**, ибо только путемъ практическихъ занятій они могутъ наилучшимъ образомъ усвоить содержаніе читанныхъ лекцій и обезпечить себѣ успѣхъ при провѣркѣ или контролѣ.

«3) Практика (понимая подъ нею всякаго рода практическія занятія) не должна мѣшать теоріи, но, напротивъ, наилучшимъ образомъ содѣйствовать какъ усвоенію прослушанныхъ лекцій, такъ и **накопленію знаній**.

«4) Практика, развивая сознательное отношеніе къ наукѣ, пріучаетъ студента **мыслить и научно работать**.

«5) Практика является наилучшимъ и едва-ли не единственно возможнымъ путемъ къ развитію желательнаго **общенія**, сближенія и болѣе сердечнаго отношенія двухъ сторонъ — учащихъ и учащихся въ университетѣ, чему одно лишь формальное чтеніе и слушаніе лекцій отнюдь не содѣйствуетъ».

Весьма интересныя и важныя соображенія на этотъ счетъ мы находимъ, далѣе, у проф. **Виноградова**.

«Несмотря на громадное значеніе лекцій, вполнѣ признано теперь, что истинно плодотворными университетскія занятія становятся только, если студенты принимаютъ въ нихъ активное, **сознательное участіе**. Изъ лабораторій и клиникъ, практиче-

скія занятія перешли въ семинаріи и въ настоящее время даже **самый отсталый** въ этомъ отношеніи изъ нашихъ факультетовъ, **юридическій**, усиленно заботится объ организаціи разнаго рода практическихъ занятій для своихъ слушателей.

«Надо только въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ, остерегаться **переполненія, однообразной регламентаціи и школьнаго педантизма**... Обязательныя практическія занятія должны назначаться... съ большею осторожностью, нежели курсы, такъ какъ дѣло въ этомъ случаѣ — не только въ слушаніи и пасссивномъ усвоеніи, но и въ опредѣленномъ активномъ участіи. Едва-ли студентъ будетъ въ состояніи справляться болѣе, чѣмъ съ двумя семинаріями одновременно: само собою разумѣется, впрочемъ, что ближайшія указанія могутъ быть выработаны лишь факультетами по соображеніи всѣхъ наличныхъ условій». «Развитіе **самостоятельныхъ занятій студентовъ**» проф. Виноградовъ считаетъ «могущественнымъ средствомъ для «оживленія» интереса и увеличенія успѣшности занятій въ нашихъ университетахъ».

Крайне поучительно, далѣе, и то, что говоритъ о развитіи практическихъ занятій въ Германіи проф. **И. С. Живаго**.

«Благодаря академической свободѣ профессоровъ, новые настоятельные запросы жизни, новыя воззрѣнія на задачи университетскаго преподаванія права и на способы ихъ осуществленія скорѣе могутъ получить признаніе хотя-бы на одномъ изъ многочисленныхъ юридическихъ факультетовъ въ Германіи. Если нововведеніе окажется разумнымъ и цѣлесообразнымъ, т. е. жизнеспособнымъ по существу, то оно не замедлитъ передаться большинству остальныхъ университетовъ. Вліяніе свободы ученья студентовъ и здѣсь не замедлитъ сказаться, такъ какъ не замедлитъ обнаружиться приливъ слушателей на тѣ факультеты, гдѣ дѣло преподаванія будетъ поставлено **наилучшимъ образомъ**.

«Нельзя, быть можетъ, привести примѣра болѣе нагляднаго, чѣмъ широкое развитіе **упражненій** (Uebungen) для студентовъ-юристовъ по основнымъ отдѣламъ университетскаго курса: по римскому праву, по гражданскому и уголовному праву, по обоимъ процессамъ. Самое введеніе такихъ упражненій, ко-

торыя едва-ли вполнѣ точно называть всегда «практическими занятіями», несомнѣнно обусловлено измѣненіемъ за послѣднее время взглядовъ на соотносительное значеніе методовъ преподаванія, а самый характеръ (особенно разборъ «казусовъ») — болѣе интенсивнымъ сознаніемъ **практическаго характера** юридическихъ знаній, чѣмъ прежде.

«Еще немного времени тому назадъ — лѣтъ 10, 15 — можно было встрѣтить со стороны представителей «старой школы» полупрезрительное отношеніе ко всякому роду упражненій, за исключеніемъ «Fontes juris romani antiqui», или Quellenexegesen. Но вотъ за новую идею выступилъ авторитетъ Іеринга и Штаммлера, авторовъ классическихъ сборниковъ казусовъ для рѣшенія, и вмѣсто скептицизма къ самому дѣлу и нелестныхъ эпитетовъ для тѣхъ, кто имъ занимается (въ родѣ: «**дрессировщики**», «**натаскиватели**»), мы видимъ теперь, что упражненія занимаютъ весьма важное мѣсто въ общей системѣ преподаванія права и пользуются самыми живыми симпатіями студентовъ». Интересно, что тѣ-же самые «бранные» эпитеты, которыми надѣлялись новаторы въ Германіи, расточаются нынѣ и у насъ по адресу лицъ, требующихъ обновленія факультетскаго преподаванія. Какъ тамъ, такъ и у насъ защитники рутины не нашли въ своемъ распоряженіи болѣе дѣйствительныхъ средствъ для доказательства полезности лекціонной системы и вреда или ненужности практическихъ занятій.

Множество отзывовъ о необходимости практическихъ занятій показываетъ, что среди лицъ, серьезно относящихся къ вопросу, дѣйствительно нѣтъ двухъ мнѣній на сей счетъ. Проф. **Загоровскій** говоритъ:

«Полезность и необходимость веденія практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ давно сознана, признана и осуществлена на дѣлѣ въ западно-европейскихъ университетахъ. Дѣйствительно, полезность такихъ занятій можетъ быть оправдана многими соображеніями: они возбуждаютъ **интересъ къ изучаемому**; они уясняютъ реальное, **жизненное значеніе** постановленій закона; они облегчаютъ **изученіе теоріи**, облекая абстрактное правило въ конкретную форму; они способствуютъ уясненію выученнаго и служатъ, такимъ образомъ, средствомъ

провѣрки и повторенія его; они побуждаютъ учащагося къ болѣе усердному усвоенію теоріи, дабы имѣть необходимый запасъ свѣдѣній, чтобы отстоять свое мнѣніе въ аудиторіи предъ товарищами; они овладѣваютъ мыслью слушателей и по оставленіи аудиторіи, вызывая обмѣнъ мнѣній, и по многимъ другимъ основаніямъ они должны быть признаны хорошимъ педагогическимъ средствомъ.

«Практическія занятія на другихъ факультетахъ существуютъ давно, составляютъ явленіе обычное и служатъ постояннымъ и необходимымъ спутникомъ теоретическаго преподаванія: лабораторія у студента-натуралиста, лабораторія и клиника у студента-медика постояно чередуются съ аудиторіей; математикъ рѣшаетъ задачи, филологъ читаетъ и комментируетъ авторовъ, **одинъ юристъ вполнѣ пассивенъ**: онъ только «слушаетъ». На чемъ-же основана такая привиллегія студентовъ юридическаго факультета: быть можетъ, она обусловливается самымъ свойствомъ юридической науки, не требующей практическихъ упражненій при изученіи ея? Конечно, нѣтъ: наука права, какъ и другія отрасли знанія, можетъ быть усвоиваема не только посредствомъ изученія ея теоріи, но и путемъ практическихъ упражненій. Разумѣется только, способы упражненій здѣсь должны быть другіе, нежели при изученіи естествовѣдѣнія или медицины»...

Проф. **Есиповъ** находитъ, что «польза практическихъ занятій несомнѣнна. Она отражается, прежде всего, на усвоеніи **пріемовъ научной работы** и на лучшемъ **знаніи предмета**, а отчасти способствуетъ и **сближенію преподавателя со студентами**, хотя послѣднее должно не только сопутствовать, но и предшествовать занятіямъ. Только при наличности взаимнаго довѣрія студентовъ къ преподавателю и обратно, возможны оживленныя и цѣлесообразныя практическія занятія. Только при этомъ условіи не будетъ такъ называемыхъ пассивно-участвующихъ студентовъ, такъ какъ каждый, не стѣсняясь, попроситъ у преподавателя разъясненія по тому или другому интересующему его предмету. Только при этомъ условіи студентъ не будетъ бояться высказать своихъ иногда не вполнѣ точныхъ, но все-же близкихъ къ истинѣ, сужденій по тому или иному

научному вопросу, не опасаясь строгой критики профессора или осужденія аудиторіи. Вотъ почему ошибочныя рѣшенія юридическихъ задачъ въ году, неправильное толкованіе кодекса и тому подобные недочеты на практическихъ занятіяхъ не должны смущать учащихся, вызывая въ нихъ лишь одно желаніе усовершенствоваться».

Пр.-доцентъ **Пиленко**, указавъ на необходимость сократить чтеніе лекцій, продолжаетъ: «Все освободившееся, такимъ образомъ, время должно быть посвящено занятіямъ, въ коихъ аудиторія принимала-бы активное участіе. Занятія эти въ свою очередь должны распадаться на двѣ категоріи. Во-первыхъ, **провѣрочныя занятія**, во время которыхъ преподаватель будетъ удостовѣряться (все равно, какимъ способомъ) въ томъ, что его слушатели дѣйствительно почитываютъ въ книгахъ тѣ отдѣлы, которые составляютъ дополненіе текущихъ лекцій. Вовторыхъ, **чисто практическія занятія** для примѣненія къ конкретнымъ казусамъ полученныхъ теоретическихъ свѣдѣній. Но сложный вопросъ о постановкѣ практическихъ занятій выходитъ изъ рамокъ, намѣченныхъ для данной статьи. Вообще-же надо помнить, что университетское преподаваніе не есть втолковываніе курсовъ (Einpaukerei), и что оно можетъ достигать своихъ цѣлей только тогда, когда оно основывается на фундаментѣ солиднаго самостоятельнаго чтенія студентовь на дому».

Г. Бородинъ дѣлаеть рѣшительныя заявленія въ томъ-же самомъ смыслѣ: «Эти упражненія возбуждаютъ въ студентахъ **самодѣятельность** и постоянно подготовляютъ ихъ для **практической** дѣятельности. Юридическій факультетъ долженъ дать юношеству спеціальныя, такъ сказать, техническія знанія по избранной части. А этого возможно достигнуть, соединяя пріемъ преподаванія—путемъ чтенія лекцій—съ системою практическихъ упражненій. Вотъ, почему на поставленный нами вопросъ: быть или не быть юридическимъ факультетамъ, мы должны отвѣтить, что безъ юридическихъ факультетовъ немыслимо представленіе о высшемъ, научномъ спеціально-юридическомъ образованіи. Они должны служить высшей школой для приготовленія молодыхъ людей къ общественной и государственной службѣ и дѣятельности въ Россіи. Сообразно этому и должна быть построена си-

стема преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Юридическіе факультеты должны, путемъ соотвѣтствующихъ упражненій, развить въ учащихся необходимые для будущей ихъ дѣятельности навыки и способности.

«Вопросъ о томъ, какъ устроить эти упражненія и связать ихъ съ чтеніемъ лекцій, предоставляется усмотрѣнію профессоровъ, въ виду разнообразія преподаваемаго матеріала. Необходимо только вести упражненія независимо отъ преподаванія посредствомъ непрерывной рѣчи. Упражненія эти должны служить къ тому, чтобы научное содержаніе было дѣйствительно усвоено слушателями. Наконецъ, такъ какъ упражненія эти могутъ имѣть успѣхъ только на почвѣ полной свободы преподаванія и обученія (Lehr-und Lernfreiheit), то необходимо предоставить на волю слушающихъ воспользоваться ими, или нѣтъ. Сохранять и на будущее время въ юридическихъ факультетахъ одну лекціонную систему преподаванія представляется далеко нежелательнымъ. Ораторская рѣчь должна остаться въ системѣ юридическаго преподаванія, но настолько, насколько она должна оказывать нравственное воздѣйствіе на учащихся и пробуждать въ нихъ любовь къ знанію, стремленіе къ истинѣ, увлеченіе наукой. Рамки этого преподаванія должны быть расширены путемъ практическихъ упражненій, которыя должны быть согласованы съ тѣмъ, чего ждетъ Россія отъ молодыхъ людей, окончившихъ юридическіе факультеты. Здѣсь юноши должны познать дѣйствительную жизнь, научиться работать и примѣнять научныя знанія свои къ жизни. Къ сожалѣнію, наши юридическіе факультеты, при современномъ ихъ строѣ, этого познанія жизни и умѣнья примѣнять научныя знанія вовсе не даютъ».

Г. Люблинскій снова высказываетъ такія-же мысли: «Сравнивая постановку преподаванія предметовъ на юридическомъ факультетѣ съ системою преподаванія, принятой на другихъ факультетахъ, легко обнаружить слѣдующую разницу. Между тѣмъ, какъ на медицинскомъ, естественномъ, математическомъ, филологическомъ факультетахъ значительная часть учебнаго времени посвящается практическимъ занятіямъ, студенты-юристы имѣютъ дѣло постоянно лишь съ книгами и лекціями, изучая право исключительно теоретически и оставаясь

почти безъ всякаго знакомства съ юридической практикой. Такая система въ результатѣ приводитъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ.

«Юристы, только-что окончившіе университетскій курсъ, при первомъ-же желаніи примѣнить свои знанія на практикѣ, въ качествѣ-либо адвокатовъ, либо чиновниковъ, поступающихъ въ судебныя или административныя учрежденія, оказываются совершенно безпомощными, нуждающимися въ указаніяхъ посторонних лицъ часто по самой азбукѣ юридической практики. Съ другой стороны и чисто теоретическія свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя безъ необходимой для прочнаго запоминанія и уясненія ихъ иллюстраціи практики, заучиваемыя нерѣдко, благодаря отсутствію какой-либо другой повѣрки, кромѣ курсовыхъ экзаменовъ, не въ достаточной полнотѣ, на спѣхъ, безъ тщательной продуманности, быстро испаряются, такъ что начинающій изучать юридическую практику часто не знаетъ, какъ связать ее съ теоріей». «Недостатки такого преподаванія сознавались уже многими, и за послѣдніе годы сдѣланы были серьезныя попытки къ организаціи на юридическихъ факультетахъ такихъ практическихъ занятій, которыя могли-бы устранить указанныя выше неудобства».

Очень удачныя соображенія относительно примѣненія лекцій, или практическихъ занятій находимъ мы у г. Ермилова. Онъ ставитъ это въ зависимость отъ способностей отдѣльныхъ преподавателей.

«Между преподавателями каждаго университета всегда можно найти такихъ лицъ, которыя составили себѣ громкую славу въ рядѣ поколѣній, благодаря своему дивному таланту блестящаго краснорѣчиваго, то блещущаго ясной логикой, то трогательнаго, то поражающаго остроуміемъ изложенія разныхъ моментовъ, пунктовъ, сторонъ своего предмета»... «Можно было-бы указать не на одинъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что одинъ—два такихъ часа очарованія рѣшали иной разъ участь юноши искавшаго себѣ путей и не находившаго ихъ; съ тѣхъ поръ одного, и разъ навсегда стала притягивать къ себѣ наука, другаго, быть можетъ, дотолѣ равнодушнаго къ умственнымъ интересамъ, привлекало къ процессу самостоятельнаго труда надъ

рѣшеніями вопросовъ бытія, вопросовъ отвлеченной мысли, а иногда приковывали подъ вліяніемъ того или иного лектора проблемы общественныхъ наукъ, поскольку онѣ помогали разрѣшить насущные вопросы текущей жизни и т. п.». «Во имя этихъ великихъ услугъ живаго слова съ каѳедры было-бы немыслимо, было-бы вопіющей несправедливостью лишать молодое поколѣніе этой животворной школы, этого непосредственнаго источника любви къ знанію, къ истинѣ, къ труду, тѣмъ болѣе, что не каждый университетскій преподаватель можетъ съ тѣмъже высокимъ даромъ, съ какимъ онъ увлекаетъ свою аудиторію блестящей лекціей, руководить практическими занятіями учащихся, разрабатывающихъ тѣ или иные вопросы науки по его указанію.

«Блестящій, вдохновленный лекторъ очень нерѣдко ведетъ такъ называемыя семинаріи недостаточно живо, безъ увлеченія, безъ умѣнья воздѣйствовать на пробужденіе самостоятельной мысли въ юношахъ, безъ того педагогическаго такта, который подсказываетъ вамъ, какъ обращаться съ ученикомъ такихъ-то или иныхъ силъ, такого-то или иного дарованія, и умѣетъ терпѣливо выслушивать самыя противоположныя сужденія студентовъ, подчасъ чрезвычайно ошибочныя, подчасъ парадоксальныя, самоувѣренно выражаемыя, что, впрочемъ, такъ естественно въ юношѣ извѣстнаго возраста. А сколько нужно такта, котораго не хватаетъ у всякаго, чтобы, руководствуя преніями аудиторіи, не оказывать пристрастія, давленія на умственную независимость мыслящей личности ученика, и спокойствія при выслушиваніи идей, не раздѣляемыхъ профессоромъ! А способность, рѣдко у кого проявляющаяся, подлежащимъ образомъ, резюмировать и сглаживать чужія противорѣчія безъ вторженія своего субъективизма и навязыванія собственныхъ своихъ мыслей другимъ, — развѣ это часто встрѣчаемый даръ?

«Есть между профессорами образцовые руководители студенческихъ научныхъ работъ, бесѣдъ и преній; но, какъ лекторы они далеко не блестятъ; нерѣдко ихъ лекціи страдаютъ и неясностью, и сухостью изложенія, а то расплывчатостью, либо частыми отступленіями, невсегда удачными, невсегда идущими къ дѣлу, да и вдобавокъ къ тому вялой и безцвѣтной рѣчью. Но войдите къ тѣмъ-же лекторамъ въ аудиторію, когда они ведутъ семинаріи,—и вы удивитесь, какъ все здѣсь живетъ

одушевленной жадной страстью къ знанію, къ работѣ, къ изысканію рѣшеній и отвѣтовъ на вопросы и сомнѣнія и какъ всѣхъ увлекаетъ профессоръ-руководитель своей находчивостью и своимъ пониманіемъ не только того, что сказалъ тотъ или иной оппонентъ, но и того, что онъ хотѣлъ, но, по неопытности къ диспутированію, несовсѣмъ сумѣлъ выразить, и умѣньемъ вовремя подоспѣть на помощь затрудняющимся, не врываясь въ область ихъ личной самостоятельности, не затушевывая чужой индивидуальности. Съ какимъ увлеченіемъ здѣсь всѣ бесѣдуютъ и спорятъ, и какъ живо, удачно и плодотворно «спорится ихъ работа».

Эти строки г. Ермилова не могутъ не доставить большаго удовольствія каждому, кто подходитъ къ разсмотрѣнію занимающаго насъ вопроса съ однимъ желаніемъ — принести пользу дѣлу народнаго просвѣщенія. Эти строки внушены дѣйствительной, а не фальшивой любовью къ русскому университету. Онѣ вносятъ нѣкоторую поправку въ разсужденія предшествующихъ авторовъ, образуя полезное дополненіе къ нимъ въ духѣ тѣхъ общихъ воззрѣній на систему факультетскаго преподаванія, которыя были выражены на стр. 44 сл. Дѣйствительно, помимо значенія различныхъ пріемовъ преподаванія для учащихся, надо не упускать изъ виду и значенія ихъ для самихъ преподавателей. Разсматривая значеніе практическихъ занятій, никакъ нельзя исходить изъ той мысли, что извѣстная система этихъ занятій можетъ быть сдѣлана обязательной для всѣхъ преподавателей и по всѣмъ предметамъ. Свобода преподавателя должна быть и здѣсь, какъ мы писали уже выше, всячески обезпечена.

Наконецъ, весьма важно и совершенно неожиданно то обстоятельство, что многіе изъ противниковъ практическихъ занятій нерѣдко вынуждены бываютъ, въ виду полной очевидности пользы отъ этихъ занятій, дѣлать такія оговорки къ своимъ «критическимъ» замѣчаніямъ, которыя сводятъ на нѣтъ всѣ ихъ предшествующія возраженія противъ нихъ. Такъ, въ своемъ отвѣтѣ И. И. Янжулу заслуженный профессоръ Романовичъ-Славатинскій, авторъ боевой статьи: **«Лекціи, или практическія занятія»**, дѣлаетъ въ концѣ ея заявленіе, котораго никакъ нельзя было ожидать отъ него.

«Но я вовсе не противникъ практическихъ занятій, которымъ не придаю только первенствующаго значенія. Практическія занятія издавна существовали, но были и не подневольными и производились **не по нѣмецкимъ шаблонамъ**, а по индивидуальнымъ воззрѣніямъ профессоровъ, примѣнительно къ потребностямъ и развитію русскаго студенчества. Но г. Янжулъ вообразилъ, что практическія занятія чужды нашимъ юридическимъ факультетамъ, что русскіе профессора не желаютъ и не умѣютъ вести ихъ, и что нужно назидать ихъ въ этомъ дѣлѣ, преподавъ имъ нѣмецкіе образцы.

«Не сражается-ли г. Янжулъ съ плодами своей собственной фантазіи? Назидая ревностно и строптиво русскихъ профессоровъ, какъ должно вести практическія занятія, не забываетъ-ли онъ, что назидать ихъ этому дѣлу — все равно, какъ если-бы департаментъ командировалъ своего чиновника, поручивъ ему, объѣзжая университеты, назидать профессоровъ, какъ читать лекціи. Противникомъ практическихъ занятій, повторяю, я не былъ. Но я противникъ практическихъ занятій, устраиваемыхъ **по общему казарменному шаблону**, подъ наблюденіемъ новой власти— всероссійскаго инспектора практическихъ занятій русскихъ юридическихъ факультетовъ».

Какія это занятія, устраиваемыя по «нѣмецкому или казарменному шаблону», заслуженный профессоръ Романовичъ-Славатинскій не объясняетъ. Сколько намъ извѣстно, такого шаблона вовсе не существуетъ. Практическія занятія давно уже велись на русскихъ юридическихъ факультетахъ, но велись совершенно случайно и безсистемно. Значеніе ихъ было невыяснено и они не были разсматриваемы, какъ необходимое звѣно, въ постановкѣ преподаванія права. Защитники ихъ домогаются нынѣ того, чтобы за ними было признано, такъ сказать, право гражданства, чтобы для веденія ихъ было указано время и мѣсто. Конечно, это вовсе не значитъ, чтобы кто-либо защищалъ приэтомъ «подневольныя» занятія. Здѣсь, какъ и при примѣненіи другихъ пріемовъ факультетскаго преподаванія, постановка дѣла должна зависѣть отъ свойствъ преподаваемыхъ предметовъ, отъ личнымъ данныхъ преподавателя и его слушателей. Ни о какой «подневольности» рѣчи не можетъ быть, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда можно говорить объ обязательности практическихъ занятій. Во всякомъ случаѣ, можно только пожалѣть, что заслуженный профессоръ

Романовичъ-Славатинскій не началъ своей статьи тѣмъ заявленіемъ, какимъ онъ ее кончилъ. Тогда, навѣрно, онъ воздержался-бы отъ утвержденія, что идея практическихъ занятій объясняется «американскими посягательствами» на нашъ университетъ.

Съ своей стороны, проф. **Петражицкій**, не смотря на все, что онъ говоритъ противъ практическихъ занятій, все-же, **разрѣшаетъ** вести таковыя, хотя и не скрываетъ своего полнѣйшаго пренебреженія къ нимъ, выражая его, по своему обыкновенію разными задирательными словечками.

«Несмотря на разногласія, касающіяся самаго существа и предмета нашихъ наукъ, я все-таки готовъ допустить всякія практическія занятія, не только тѣ, которыя предлагаетъ проф. Казанскій, но даже и всевозможныя болѣе **радикальныя изобрѣтенія** въ этомъ направленіи: разсужденія проф. Казанскаго объ университетскомъ преподаванія отличаются среди литературы этого направленія сравнительною умѣренностью и разсудительностью и заключаютъ въ себѣ, наряду съ ошибками и увлеченіями, и разныя вполнѣ серьезныя и достойныя вниманія мысли и указанія. А есть гораздо болѣе радикальные приверженцы коренной реформы университетскаго преподаванія на почвѣ практическихъ занятій. И вотъ я готовъ допустить все возможное и **невозможное**, уже **изобрѣтенное** и имѣющее быть изобрѣтеннымъ въ дѣлѣ практическихъ занятій,—но только при указанномъ выше условіи, т. е., не на почвѣ принудительнаго заведенія наскоро или даже медленно **придуманной** обязательной для факультетовъ системы, а на почвѣ надлежащаго устроенія доцентуры и свободнаго предложенія разныхъ спеціальныхъ практическихъ и иныхъ курсовъ (желающимъ ихъ проходить), подъ контролемъ факультетовъ.

«А въ заключеніе я еще разъ напомню и подчеркну, что какихъ-бы спеціальныхъ практическихъ занятій для юридическихъ и иныхъ факультетовъ мы ни **наизобрѣли**, полной или даже хотя-бы частичной замѣны ими лекціонной системы, системы общихъ лекціонныхъ курсовъ, изъ **вражды** къ коимъ исходятъ и съ критики коихъ начинаютъ всѣ **любители** практическихъ занятій, резоннымъ образомъ достигнуть невозможно».

Оказывается, такимъ образомъ, что и проф. Петражицкій вовсе не безусловно противъ практическихъ занятій. Онъ только не придаетъ имъ значенія и высказывается противъ какой-то «принудительной» системы ихъ. Остается пожалѣть, что и онъ не объяснилъ, въ чемъ собственно состоитъ эта система? Тогда, быть можетъ, и другія лица присоединились-бы къ нему; во всякомъ случаѣ присоединился-бы я лично. Стараніе-же его, за неимѣніемъ серьезныхъ возраженій, по крайней мѣрѣ оцарапать своихъ противниковъ нарочито придуманными словечками производитъ, положительно, жалкое впечатлѣніе.

Такъ, или иначе, заявленіе г. Петражицкаго, что «даже хотя-бы частичной замѣны практическими занятіями лекціонной системы» ожидать нельзя—не оправдалось. Лекціонная система, въ ея чистномъ видѣ, въ данный моментъ **не существуетъ болѣе** ни на одномъ русскомъ юридическомъ факультетѣ. Всюду рядомъ съ лекціями широкою рукою введены и практическія занятія. Система преподаванія права нынѣ является у насъ, въ общемъ, сложной. Развѣ только по нѣкоторымъ предметамъ удержалось чисто лекціонное преподаваніе. И есть полное основаніе надѣяться, что движеніе въ пользу столь-же широкой и научной постановки преподаванія, какую мы видимъ на другихъ факультетахъ, не остановится среди профессоровъ-юристовъ, прежде чѣмъ ихъ скромныя требованія не получатъ должнаго признанія.

Наконецъ, и г. **Гессенъ**, восклицавшій, что лекціонная система есть initium et finis universitatis неожиданно дѣлаетъ слѣдующія похвальныя оговорки.

«Конечно, странно было-бы думать, что незнакомый предметъ можетъ быть изученъ исключительно путемъ слушанія лекцій. Самодѣятельность учащагося—необходимое условіе высшаго образованія. Безъ постояннаго и серьезнаго самостоятельнаго чтенія университетскія занятія невозможны. Въ отличіе отъ средней школы, университетъ не призванъ обучать своихъ питомцевъ; онъ призванъ направлять ихъ самообученіе, помогать имъ.

«Практическія занятія должны служить **коррективомъ** къ неизбѣжнымъ недостаткамъ лекціонной системы: способствовать усвоенію матеріала, предлагаемаго лекторами, вносить въ аудиторію активный интересъ къ сообщаемымъ свѣдѣніямъ, конкретизировать теорію, сближая ее съ жизнью. Но для того, что-

бы практическія занятія могли отвѣчать своему назначенію, необходимо, прежде всего, установить органическую связь и тѣсное взаимодѣйствіе между ними и чтеніемъ курса». Эти неожиданно благоразумныя слова положительно не вяжутся съ тѣмъ ходульнымъ паѳосомъ, съ которымъ г. Гессенъ защищалъ раньше лекціонную систему и нападалъ на тѣ-же самыя практическія занятія.

Въ виду того, что главнымъ проводникомъ практическихъ занятій былъ выставленъ именно я и что мнѣ пришлось испить чашу всевозможныхъ «преувеличенныхъ нападокъ» за открыто высказанную мысль о необходимости реформы рутиннаго веденія дѣла, считаю необходимымъ показать, въ чемъ-же собственно видѣлъ я ихъ назначеніе. Въ моей брошюрѣ дѣлаются слѣдующія указанія относительно пользы практическихъ занятій:

«*Цѣль практическихъ занятій— выяснить учащимся жизненную основу сообщаемыхъ имъ знаній, дать имъ возможность, не выходя изъ высшаго учебнаго заведенія, всесторонне оцѣнить значеніе послѣднихъ и научить ихъ самостоятельно мыслить и работать въ области ихъ спеціальности. Практическія занятія призваны дать имъ возможность двигаться въ своемъ развитіи впередъ, покинувъ alma mater, прилагать вынесенные изъ школы идеалы и знанія къ жизни. Они должны познакомить ихъ съ пріемами и навыками ихъ будущей дѣятельности и заложать въ нихъ здоровыя зерна тѣхъ способностей, безъ которыхъ не можетъ быть юриста.* Все это можетъ быть достигнуто только черезъ возможную во время нахожденія учащихся въ школѣ самостоятельную работу ихъ непосредственно надъ началами и установленіями права и тѣми отношеніями жизни, къ которымъ обращается право и изъ которыхъ оно возникаетъ. Въ большинствѣ случаевъ, конечно, школа можетъ поставить учащагося въ соприкосновеніе собственно не съ жизнью, но лишь съ ея болѣе, или менѣе удачными замѣстителями.

«Вводя практическія занятія, школа удовлетворяетъ, помимо столь важнаго начала самодѣятельности, еще другому необходимому условію правильнаго хода учебнаго дѣла, такъ называемой естественности впечатлѣній. *Естественность впечатлѣній необходима потому, что только такимъ путемъ пріобрѣтается знаніе дѣйствительности, а не однихъ фразъ*

и словъ. Университетъ не можетъ, конечно, окунуть учащагося въ дѣйствительную жизнь для того, чтобы тотъ позналъ ее, но онъ можетъ указать ему путь, который соединяетъ теорію и практику и, такимъ образомъ, сдѣлать возможнымъ позднѣйшее, уже за стѣнами школы, сліяніе ихъ въ мысли и въ дѣлахъ своего прежняго воспитанника. Если высшая школа не даетъ этого, можно вообще сомнѣваться въ пользѣ, которую она приноситъ.

«*Практическія занятія должны состоять не только въ ознакомленіи учащихся съ юридическими отношеніями и источниками знанія, надъ которыми работаетъ наука, но и въ провѣркѣ ими самими на практикѣ пріемовъ добыванія истины и примѣненія юридическихъ началъ къ явленіямъ дѣйствительной жизни, обыкновенно, къ воображаемымъ явленіямъ дѣйствительной жизни.* Познавъ дѣйствительность, они должны научиться управлять ею. Они должны пройти въ школѣ первые техническіе пріемы своего призванія и дать первое упражненіе своимъ юридическимъ способностямъ. Scientia facere docet, non dicere.

«*Не говорю уже о томъ, что практическими упражненіями вполнѣ возможно пользоваться также для повторенія и лучшаго усвоенія выученнаго при теоретическомъ прохожденіи наукъ, для сообщенія учащемуся болѣе подробныхъ знаній по его особливой спеціальности и для пополненія пробѣловъ и недостатковъ его свѣдѣній.* Практическія занятія — мостъ не только къ примѣненію, но и къ познанію права. Получая бо́льшее жизненное значеніе, наука пріобрѣтаетъ и бо́льшій интересъ въ глазахъ учащагося и болѣе запечатлѣвается въ его умѣ. Особливо ознакомленіе учащихся съ какимъ-либо вопросомъ во всѣхъ подробностяхъ можетъ быть легко достигаемо практическими занятіями. Теоретическое изученіе, во избѣжаніе безсмысленной долбежки, должно всегда ограничиваться общимъ знакомствомъ съ наукой, или ея извѣстными крупными частями, если она на таковыя распадается».

Однимъ изъ главныхъ основаній, которыя выдвигаются разными лицами, въ пользу развитія на юридическихъ факультетахъ практическихъ занятій, является, какъ уже извѣстно, неподготовленность воспитанниковъ университета къ той общественной и

государственной дѣятельности, которая ждетъ ихъ за стѣнами университета, подготовку для которой они именно ищутъ на юридическихъ факультетахъ. Имѣется въ виду, что знанія и идеалы, которые они выносятъ изъ университета, оказываются безсильными направлять ихъ въ дѣйствительной жизни, что образованіе и воспитаніе, полученное въ университетѣ, не можетъ бороться съ требованіями установившейся рутины административныхъ, судебныхъ и всякихъ иныхъ мѣстъ, которая быстро подчиняетъ себѣ вчерашняго студента и заставляетъ его забывать высокіе уроки школы, что воспитанники университета покидаютъ его, недостаточно подготовленные для того, чтобы выступить въ роли двигающаго и оживляющаго начала общественной и государственной жизни. Помочь этому можетъ только именно реформа юридическаго преподаванія, при помощи введенія практическихъ занятій, которыя призваны сдѣлать болѣе широкой, глубокой и устойчивой теоретическую подготовку студентовъ. Такова глубоко вѣрная точка зрѣнія, на которой стоятъ многіе русскіе профессора еще со временъ Д. И. Мейера. Теперь посмотримъ, какое толкованіе дали ей противники практическихъ занятій въ лицѣ г. Гессена.

«Третье возраженіе» говоритъ онъ, «противъ существующей системы университетскаго преподаванія,— это отсутствіе практической подготовки у лицъ, вступающихъ по окончаніи университета на государственную или общественную службу. Университеты, по мнѣнію проф. Казанскаго, призваны готовить отечеству просвѣщенныхъ, умныхъ и воспитанныхъ слугъ; изъ университетовъ выходятъ служащіе и дѣятели разныхъ вѣдомствъ и управленій, а между тѣмъ подготовка, которую они даютъ своимъ воспитанникамъ, недостаточна.

«Жалуются на практическую неподготовленность начинающихъ юристовъ: столько учились, а простой канцелярской бумаги, жалобы или прошенія написать не умѣютъ. Казалось-бы, однако, что «непрактичность» начинающихъ юристовъ — самое пустое и ничтожное зло по сравненію съ недостаточной теоретической подготовкой юристовъ-практиковъ вообще, — а нашей бюрократіи въ особенности.

«Возраженіе, о которомъ идетъ рѣчь, касается, въ сущности, не столько лекціонной системы, сколько теоретичности университетскаго преподаванія вообще; — нельзя, впрочемъ, не при-

знать, теоретичность въ значительной степени обусловлена лекціонной системой. Мы не думаемъ, однако, чтобы можно было ставить это лекціонной системѣ въ упрекъ; наоборотъ, съ нашей точки зрѣнія, именно въ этомъ заключается ея основное преимущество предъ всякой другой системой. Университетское преподаваніе должно быть теоретичнымъ. Четыре—много пять—лѣтъ проводитъ человѣкъ въ университетѣ; затѣмъ онъ выходитъ въ жизнь. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ немедленно и сразу онъ начинаетъ «**практиковать**».—Неужели-же четыре года —слиш-комъ продолжительное время для того, чтобы ихъ всецѣло отдать теоретическому изученію основныхъ началъ юридической науки.

«Что касается «практической безпомощности» молодыхъ юристовъ, то она можетъ и должна быть устранена требованіемъ опредѣленнаго практическаго стажа для зачисленія на государственную или общественную службу. Если этого мало, можно отдѣлить, по примѣру Германіи, университетскій экзаменъ, дающій ученую степень, отъ государственнаго, дающаго права государственной службы, обусловивъ допущеніе къ государственному экзамену, прежде всего, окончаніемъ университета, а затѣмъ прохожденіемъ опредѣленнаго стажа практической службы. Во всякомъ случаѣ, университетъ долженъ остаться университетомъ; реформа университетскаго образованія не можетъ считаться исключительно, или хотя-бы даже главнымъ образомъ — съ практическими потребностями **бюрократической** службы».

Надо-ли еще разъ говорить о томъ, насколько г. Гессенъ исказилъ основныя мысли нашей брошюры. Онъ рѣшился утверждать, будто жалобы на недостаточность существующаго порядка касаются «непрактичности» юристовъ, того, что они «простой канцелярской бумаги написать не могутъ» и пр. Все это чистое измышленіе г. Гессена. Подготовка молодыхъ юристовъ для ожидающей ихъ за стѣнами школы практической дѣятельности должна состоять не въ обученіи ихъ канцелярскимъ порядкамъ, а въ снабженіи ихъ такими знаніемъ и умѣньемъ, которыя могли-бы явиться дѣйствительной помощью имъ въ стремленіи къ лучшимъ порядкамъ въ родной землѣ. О томъ, что лекціи могутъ отличатся прикладнымъ характеромъ, а практическія занятія, наоборотъ, теоретическимъ — распространяться, конечно, неприходится. Во всемъ этомъ г. Гессену слѣдовало-бы разо-

браться самому, тогда онъ лучше понималъ-бы то, что говорится разными лицами по вопросу о реформѣ преподаванія права.

Итакъ, въ результатѣ всего этого интереснаго и нерѣдко страстнаго спора вполнѣ выясняется необходимость практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ. Но какое мѣсто должны они занять по отношенію къ другимъ пріемамъ факультетскаго преподаванія? Большимъ козыремъ въ рукахъ противниковъ обновленія нашихъ факультетовъ было утвержденіе,— которымъ они широко и безъ стѣсненія пользовались, — будто нѣкоторыя лица предлагаютъ или предполагаютъ **замѣнить лекціи практическими занятіями**. Понятно, что это должно было возбудить общую тревогу.

Если-бы защитники лекціонной системы изображали дѣло такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности, именно, что разными изслѣдователями предлагается расширеніе преподаванія введеніемъ въ него, рядомъ съ чтеніемъ лекцій, также самостоятельнаго чтенія учащихся, письменныхъ работъ ихъ, собесѣдованія съ ними, практическихъ занятій и пр., и пр., а также и болѣе богатая обстановка преподаванія личными средствами и учебными пособіями, то врядъ-ли многіе присоединились-бы къ ихъ протесту противъ подобныхъ предложеній. Теперь-же, передавъ столь невѣрно мысли новаторовъ относительно роли практическихъ занятій въ преподаваніи и придавъ этимъ послѣднимъ извѣстное уже одіозное толкованіе, они заняли выгодную позицію защитниковъ пріема преподаванія, который употребляли столько великихъ ученыхъ. Разъ вопросъ ставился такимъ образомъ, какъ онъ поставленъ, напр., въ статьѣ заслуженнаго профессора Романовича-Славатинскаго: «Лекціи или практическія занятія», слѣдовало, конечно, возстать противъ предлагаемой реформы.

Лекціи, какъ ни какъ, служили и **служатъ** вѣрную службу **дѣлу народнаго просвѣщенія**. Польза-же практическихъ занятій еще подвергается сомнѣніямъ. Одни ее признаютъ, другіе отрицаютъ. При этихъ условіяхъ, если надо выбирать, благоразумнѣе, конечно, держаться стараго, извѣстнаго уже пріема. Мысль о томъ, что дѣло идетъ о замѣнѣ лекціонной системы системой практическихъ занятій весьма распространилась даже среди лицъ, которыя спеціально писали по вопросу. Особенно

удивительно то, что самыя категорическія опроверженія ея со стороны лицъ, которыя, казалось, могли знать все, что предполагается или предлагается, не могли разсѣять напущенный туманъ. Многіе были, конечно, добросовѣстно введены въ заблужденіе.

Г. Гессенъ пишетъ: «Возражая противъ лекціонной системы, ея противники рекомендуютъ замѣнить ее широко поставленной системой практическихъ занятій». Г. Петражицкій говоритъ, что при правильномъ взглядѣ на университетъ «не моглобы быть разговора о замѣнѣ лекціонной системы преподаванія разными практическими занятіями». У проф. **Есипова** мы находимъ: «Для обновленія университетскаго преподаванія юридическихъ наукъ, нѣкоторые предлагаютъ даже совершено уничтожить существующее чтеніе лекцій и **замѣнить ихъ** всецѣло одними только **практическими занятіями**».

Проф. **Загоровскій** высказывается противъ этой замѣны: «Но и само по себѣ полезное средство можетъ оказаться на дѣлѣ безполезнымъ, при неумѣломъ примѣненіи его. Существуетъ мнѣніе, что практическія занятія могутъ и должны **замѣнить чтеніе теоретическихъ курсовъ** и вытѣснить нынѣшнюю лекціонную систему. Однако-же, замѣна лекціоннаго способа преподаванія практическими упражненіями не оправдывается ни университетской традиціей, ни примѣромъ Запада, ни оцѣнкой значенія теоретической лекціи. Въ средневѣковомъ университетѣ, родоначальникѣ современнаго университета, преподаваніе слагалось изъ профессорскихъ лекцій и практическихъ упражненій со слушателями (репетицій и диспутацій). Въ теперешнихъ германскихъ университетахъ, не взирая на весьма широкое развитіе и обязательность веденія семинарій для практическихъ занятій, чтеній теоретическихъ курсовъ составляетъ самую главную часть университетскаго преподаванія, и никому и въ голову не приходитъ мысль объ ихъ отмѣнѣ или даже о сокращеніи.

«Понятно: раціональной практикѣ должна предшествовать теорія. Но откуда ее почерпнуть, если лекціи будутъ упразднены? Самая академическая практика весьма желательна, но должна быть признана только въ помощь этимъ курсамъ, на служеніе теоріи,

а не въ замѣну ея. Практическія занятія въ университетѣ должны преслѣдовать только одну цѣль—лучшее усвоеніе факультетскихъ предметовъ. Словомъ, **практика для теоріи**, а не теорія для практики».

Ал. **Черн—овъ** пишетъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»: «Традиціонная лекціонная система признается малоудовлетворительною и рельефно очерчивается попытка построить изученіе правовой науки **на системѣ практическихъ занятій**. Университетская лекція, дѣйствительно, потеряла въ наше время свой высокій кредитъ; какія этому причины — мы не беремся перечислить, хотя могли-бы указать на нѣкоторыя, особенно бросающіяся въ глаза, какъ-то, напр., на уходъ въ послѣдніе годы изъ сословія профессоровъ многихъ талантливыхъ и популярныхъ профессоровъ, измельчаніе диспутовъ и т. д. Система-же практическихъ занятій все болѣе выдвигается на авансцену юридическаго преподаванія; она имѣетъ претензію стать скалою настоящаго и будущаго юридическаго образованія».

Ту-же мысль находимъ у г. **Яковлева**: «При обсужденіи вопроса о готовящейся учебной реформѣ, о правильномъ устройствѣ университетской жизни въ печати стали раздаваться голоса, негодующіе на современную постановку преподаванія различныхъ предметовъ въ университетѣ и приписывающіе чуть-ли не ей одной **всѣ неустройства** университетской жизни. Разобщеніе студентовъ и профессоровъ, упадокъ интереса къ наукѣ въ средѣ студентовъ—все это ставилось въ вину лекціонной системѣ. По мнѣнію ея противниковъ средствомъ для устранененія всѣхъ этихъ печальныхъ явленій и притомъ средствомъ единоспасающимъ, должны явиться практическія занятія».

Имѣя въ виду, вѣроятно, всѣ эти толки академикъ **Янжулъ** и заявилъ въ «Новостяхъ»: «Ни я, и никто изъ профессоровъ, съ которыми я бесѣдовалъ по поводу введенія практическихъ занятій, не отрицаемъ важности и необходимости лекцій. Мы только утверждаемъ, что практическія занятія — весьма цѣнно вспомогательное учебное средство и должны идти параллельно со слушаніемъ лекцій». Въ своей-же статьѣ въ «Журналѣ Министер-

ства Народнаго Просвѣщенія» онъ идетъ еще дальше и пишетъ буквально слѣдующее:

«**Усиленное влеченіе къ практическимъ занятіямъ**, если имъ приносится въ жертву преподаваніе теоріи, можетъ привести, конечно, къ ущербу для общаго строя преподаванія, какъ это неоднократно подтверждалось опытомъ другихъ факультетовъ, напримѣръ медицинскаго. Въ этомъ смыслѣ въ нынѣшнемъ году, въ извѣстномъ университетскомъ журналѣ «Hochschulnachrichten» сдѣланы нѣкоторыя указанія на необходимость ограничить практическія занятія извѣстнымъ предѣломъ въ смыслѣ числа часовъ». Въ этой-же статьѣ мы находимъ мѣсто, посвященное спеціально заслуженному профессору Романовичу-Славатинскому.

«Въ то время, какъ рѣчь можетъ быть единственно о прибавкѣ на юридическомъ факультетѣ нѣсколькихъ часовъ въ недѣлю практическихъ упражненій, что уже давно сдѣлано болѣе или менѣе на остальныхъ факультетахъ, проф. Романовичъ-Славатинскій, напримѣръ, въ своей статьѣ съ **тенденціознымъ названіемъ** «Лекціи или практическія занятія?» борется усердно **съ плодомъ собственной фантазіи**, какъ будто--бы въ самомъ дѣлѣ лекціи предназначены къ отмѣнѣ или уничтоженію!!?»

Съ своей стороны и я дѣлалъ подобныя-же заявленія въ разныхъ мѣстахъ. Между прочимъ въ моемъ Отвѣтѣ проф. Петражицкому говорится:

«*Смѣю утверждать, что ни я, ни кто другой не предлагалъ замѣнить лекціонную систему практическими занятіями. Совершенно невѣрно поэтому, будто-бы «въ академической средѣ горячо дебатируется вопросъ о замѣнѣ лекціонной системы широко развитой системой практическихъ занятій»* (слова г. Гессена). *Въ «академической средѣ» подобный вопросъ не дебатировался и не дебатируется»*. Слѣдуетъ, однако, сдѣлать одну небольшую оговорку.

Въ своей столь цѣнной книжкѣ, появившейся послѣ моего Отвѣта проф. Петражицкому, проф. **Симоненко**, пишетъ: «Сущность обсуждаемой нынѣ реформы университетскаго преподаванія вполнѣ вѣрно сводится къ тому, чтобы положить въ основу этого преподаванія **систему** такъ называемыхъ «**практическихъ занятій**».

Но этимъ онъ, очевидно, не хочетъ сказать, что система лекцій должна быть замѣнена системой практическихъ занятій,

а говоритъ только, что въ системѣ факультетскихъ занятій главное мѣсто должно быть предоставлено самостоятельнымъ упражненіямъ студентовъ. Практическія занятія онъ понимаетъ, приэтомъ, въ широкомъ значеніи этого слова, а не въ узкомъ, котораго держимся мы. На основаніи того, что наши исходныя точки на вопросъ о постановкѣ преподаванія однѣ и тѣ-же, думается, и проф. Симоненко не имѣлъ-бы ничего противъ чтенія лекцій въ тѣхъ границахъ, которыя указываемъ мы; тѣмъ болѣе, что почтенный ученый и самъ не разъ упоминаетъ рядомъ съ практическими занятіями—чтеніе лекцій. Поэтому въ дальнѣйшемъ мы не будемъ уже нигдѣ упоминать о замѣнѣ системы лекцій системой практическихъ занятій, а будемъ говорить лишь о болѣе широкой и научной постановкѣ занятій студентовъ и со студентами, или о замѣнѣ лекціонной системы системой сложной [1]).

Агитація противъ практическихъ занятій велась, во всякомъ случаѣ, исходя изъ утвержденія, что «любители» этихъ

---

[1]) Откуда-же, спрашивается, пошла въ ходъ легенда о замѣнѣ лекціонной системы системой практическихъ занятій? Заслуженный профессоръ **Романовичъ-Славатинскій**, вотражая на указанную статью г. Янжула, высказалъ слѣдующее:

«Академикъ Янжулъ въ своей статьѣ «Роль и значеніе практическихъ занятій въ современномъ юридическомъ образованіи западной Европы», помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія, осыпаетъ меня **знаками** безмолвной ироніи, **восклицательными и вопросительными**, по поводу моей замѣтки, помѣщенной въ «Россіи» за 29 іюня. На нѣсколько строкъ цитаты изъ моей статьи приходится восемь восклицательныхъ и два вопросительныхъ: новый способъ академической полемики посредствомъ знаковъ препинанія.

«Онъ находитъ самое заглавіе этой замѣтки: «Лекція и практическія занятія» — **тенденціоннымъ**, и говоритъ, что я-де «борюсь съ плодомъ своей собственной фантазіи», какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, лекціи предназначены къ отмѣнѣ или уничтоженію». Осмѣлюсь доложить петербургскому академику, что я сражался не съ плодомъ собственной фантаціи, но съ господствовавшимъ вѣяніемъ, что традиціонная лекціонная система должна быть радикально измѣнена.

«Напомню ему, напримѣръ, слѣдующія слова профессора **Боголѣпова**, сказанныя имъ въ предисловіи къ курсу исторіи римскаго права: «Принятая манера преподаванія дѣлаетъ университетъ ненужнымъ для студента», или—

занятій думаютъ поставить ихъ систему на мѣсто лекціонной системы. Приэтомъ практическимъ занятіямъ придавали ука-

«Если юридическіе факультеты не желаютъ пасть окончательно, если профессора желаютъ привлечь студентовъ къ правильной работѣ подъ ихъ руководствомъ, они должны измѣнить способъ преподаванія» (изданіе 1900 г., ст. VI). Эта мысль профессора, сдѣлавшагося министромъ, сказалось въ десятомъ вопросѣ, обращенномъ къ завѣдующимъ практическими занятіями. Вопросъ этотъ гласилъ: не желательны-ли существенныя измѣненія самого лекціоннаго университетскаго преподаванія? Вопросъ этотъ предшествовалъ самой миссіи г. Янжула, а министру стали вторить и другіе, напримѣръ, профессоръ Новороссійскаго университета Казанскій — въ своей извѣстной брошюрѣ. Мнѣ самому приходилось вести рѣчь съ профессорами, полагавшими, что традиціонная лекціонная система должна быть сдана въ архивъ». «Гдѣ-же тутъ плодъ моей фантазіи? Замѣтка моя горячая защита традиціонной лекціонной системы, которую я считаю важнѣйшимъ элементомъ университетской школы».

Ссылку на Боголѣпова дѣлаетъ, хотя и съ оговоркой, также проф. Загоровскій: «Отчасти это мнѣніе раздѣлялъ и бывшій министръ Н. П. Боголѣповъ. Въ предисловіи къ его учебнику исторіи римскаго права онъ говоритъ слѣдующее: «я нахожу, что профессоръ лучше всего исполнитъ одну часть своей задачи (здѣсь разумѣется ознакомленіе студентовъ съ фактами и теоріями), если онъ дастъ студентамъ въ руки учебникъ (свой или чужой), а свои лекціи посвятитъ частью на дополненія, поправки и поясненія учебника, а главнымъ образомъ на обученіе ихъ пріемамъ научнаго изслѣдованія» (т. е. практическимъ занятіямъ).

Въ дѣйствительности, изъ Предисловія къ учебнику Боголѣпова заключенія, которое выводитъ изъ него заслуженный профессоръ Романовичъ-Славатинскій, сдѣлать, повидимому, нельзя. Дѣло въ томъ, что г. Романовичъ-Славатинскій, цитируя этотъ учебникъ, привелъ только начало предложенія, а конецъ опустилъ. Полностью оно гласитъ слѣдующее: «Если юридическіе факультеты не желаютъ пасть окончательно, если профессора желаютъ привлечь студентовъ къ правильной работѣ подъ ихъ руководствомъ, они должны измѣнить способъ преподаванія. Они должны на лекціяхъ давать не учебникъ, который студентъ можетъ добыть и инымъ путемъ, а то, чего онъ безъ ихъ помощи получить не можетъ, т. е., умѣнье работать научнымъ образомъ; они должны научить его пріемамъ научной обработки источниковъ правовѣдѣнія (и конечно пріемамъ научной критики и изложенія), помочь ему развить свои умственныя силы» и т. д.

Итакъ, Н. П. Боголѣповъ, повидимому, не только не хотѣлъ вовсе уничтожить лекціи, но даже прямо указывалъ, чѣмъ слѣдовало-бы, по его

занное толкованіе и отнюдь не жалѣли словъ для живописанія дурныхъ послѣдствій отъ замѣны изученія наукъ натаскиваніемъ въ писаніи исходящихъ и входящихъ бумагъ. Кто изъ изслѣдователей и учителей права не присоединился-бы къ подобному движенію, если-бы предлагающееся съ разныхъ сторонъ расширеніе постановки преподаванія права, въ существѣ дѣла, сводилось къ подобной «реформѣ»! Но если-бы даже сторонники послѣдней имѣли въ виду не подобныя упражненія, а практическія занятія болѣе умѣстнаго въ университетѣ рода,—будь-то научнаго, или прикладнаго значенія,—то и въ этомъ случаѣ слѣдовало-бы возражать противъ ограниченія преподаванія однимъ

мнѣнію, наполнить ихъ, и для сего предлагалъ вещи важныя, именно съ точки зрѣнія поднятія научнаго уровня аудиторіи. О лекціяхъ говорится и въ цитатѣ, приводимой проф. Загоровскимъ. Послѣдній былъ, несомнѣнно, гораздо болѣе правъ, чѣмъ г. Романовичъ-Славатинскій, говоря, что проф. Боголѣповъ «отчасти» примыкалъ къ извѣстнымъ воззрѣніямъ. Думается, что этимъ г. Загоровскій хотѣлъ дать понять, что проф. Боголѣповъ предлагалъ лишь частью замѣнить чтеніе лекцій другими занятіями. И это, повидимому, именно такъ. Только такой смыслъ можно придавать, какъ мнѣ кажется, и приводимому заслуженнымъ профессоромъ Романовичемъ-Славатинскимъ 10 пункту вопросной программы. Объ отмѣнѣ лекцій и здѣсь рѣчи собственно нѣтъ. Гораздо болѣе осторожно, чѣмъ заслуженный профессоръ Романовичъ-Славатинскій, поступаетъ проф. Петражицкій, когда говоритъ, что проф. Боголѣповъ «повидимому» склонялся къ отмѣнѣ лекціонной системы.

Что касается ссылки г. Романовича-Славатинскаго на меня, то она фактически не вѣрна. Я не могъ вторить министру Боголѣпову относительно отмѣны чтенія лекцій, во-первыхъ, потому, что моя первая статья объ университетскомъ преподаваніи съ совершенно опредѣленными взглядами на вопросъ появилась въ 1892 г. Моя брошюра 1900 является только переработкой ея. Во-вторыхъ, я нигдѣ и никогда не предлагалъ уничтоженія лекцій. Слѣдуетъ, значитъ, искать источникъ предложеній о замѣнѣ системы лекцій системой практическихъ занятій въ другомъ мѣстѣ.

Замѣтимъ кстати, что г. Романовичъ-Славатинскій негодуетъ на то, что г. Янжулъ нашелъ заглавіе его, указанной въ текстѣ, статьи **тенденціознымъ**. Въ подтвержденіе справедливости своего негодованія г. Романовичъ-Славатинскій приводитъ, вѣроятно, по ошибкѣ, несовсѣмъ правильно сіе заглавіе. Въ дѣйствительности статья называлась не «Лекціи **и** практическія занятія», а «Лекціи **или** практическія занятія». Послѣдняя формула, несомнѣнно, напередъ предъопредѣляла содержаніи статьи. Дѣйствительно, еслибы надо было выбирать между лекціями и практическими занятіями, то выборъ, конечно, остался-бы за лекціями.

этимъ пріемомъ. Главное назначеніе практическихъ занятій — дать учащимся необходимыя для нихъ въ области ихъ спеціальности умѣнья. Для того, чтобы было обезпечено достиженія учащимися и другой цѣли получаемаго ими образованія, цѣли, несомнѣнно, наиболѣе важной,—знанія теоріи проходимыхъ ими наукъ, рядомъ съ практическими занятіями должны примѣняться и другіе пріемы преподаванія, а между ними — чтеніе лекцій. Прискорбное недоразумѣніе насчетъ предлагаемой, яко-бы, замѣны лекціонной системы системой практическихъ занятій много повредило правильному развитію вопроса о болѣе цѣлесообразной постановкѣ преподаванія права. Послушаемъ одного изъ защитниковъ лекціонной системы, г. **Гессена**. Онъ говоритъ:

«Идея замѣны лекціонной системы системой практическихъ занятій поражаетъ, прежде всего, своей **утопичностью**. Для каждаго педагога болѣе, чѣмъ очевидна невозможность вести «классныя занятія» съ аудиторіей въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Съ другой стороны, ни одинъ студентъ не въ состояніи практически изучить всѣ вообще дисциплины, преподаваемыя на юридическомъ факультетѣ. Система практическихъ занятій неизбѣжно привела-бы къ самой крайней **спеціализаціи**,—безусловно нежелательной и вредной для факультетскаго преподаванія.

«Наконецъ, что всего важнѣе, система практическихъ занятій, непремѣнно убьетъ **теоретическій** характеръ академическаго преподаванія. Конечно, полная оторванность и разобщенность теоріи и практики представляется въ высокой степени нежелательной не только въ дѣйствительной жизни, но и въ академическомъ преподаваніи. Пренебреженіе теоріи къ практикѣ въ школѣ создаетъ пренебреженіе практики къ теоріи въ жизни. Однако, отношеніе теоріи къ практикѣ въ школѣ и жизни должно быть по существу различнымъ: въ школѣ практикѣ должна служить пособникомъ теоріи, въ жизни теорія — пособникомъ практики. Другими словами, академическое преподаваніе должно быть, по преимуществу, теоретичнымъ; практическія занятія, разборъ казусовъ, веденіе примѣрныхъ процессовъ и т. п. допустимы, какъ вспомогательный пріемъ постольку, поскольку они необходимы для усвоенія теоріи, для уясненія жизненнаго ея значенія и характера.

«Болѣе чѣмъ наивно думать, что, усиливъ практическій элементъ университетскаго преподаванія, мы тѣмъ самымъ вер-

немъ ему утраченную любовь его питомцевъ. Театральное изображеніе процессовъ, посѣщеніе юридическихъ кунсткамеръ, писаніе «дѣловыхъ» бумагъ и тому подобная «игра въ настоящую жизнь» способна заинтересовать лишь поверхностныхъ и ничтожныхъ юношей, — юношей, считающихъ себя «позитивистами» только потому, что они отождествляютъ безъидейность съ позитивизмомъ. Ту часть молодежи, которая ждетъ отъ науки, прежде всего, отвѣта на духовные запросы пытливаго ума an und für sich, — однимъ словомъ, лучшую часть молодежи, такая игра не удовлетворитъ. Усиленіе практическаго элемента въ университетскомъ преподаваніи окончательно дискредитируетъ университетъ въ глазахъ учащейся молодежи. Если въ университетѣ станутъ вести процессы и писать дѣловыя бумаги, то учиться, т. е. искать истину, станутъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ внѣ университета».

Таковы нежелательныя послѣдствія, которыя должна была-бы повлечь за собой замѣна лекціонной системы системой практическихъ занятій. Остается порадоваться, что никто ничего такого не предлагалъ и что г. Гессенъ, говоря словами, г. Янжула, всецѣло борется съ плодомъ своей фантазіи. Впрочемъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи далеко не всѣ эти послѣдствія оказываются страшными. Для веденія практическихъ занятій всегда имѣется въ виду дѣленіе многолюдныхъ курсовъ на группы. Поэтому нечего бояться, что оказалось-бы невозможнымъ осуществить эти занятія. Спеціализація, которая угрожаетъ намъ, по мнѣнію г. Гессена, при подобномъ преобразованіи, призывается многими, какъ крайне желательное явленіе. Дѣйствительно, современные русскіе юридическіе факультеты, стремясь дать знанія по всѣмъ юридическимъ наукамъ, кончаютъ тѣмъ, что не даютъ ихъ ни по одной, какъ слѣдуетъ. Конечно, слѣдовало-бы избѣгать приэтомъ нежелательныхъ преувеличеній. Далѣе, университетская практика не можетъ убить теоретическаго характера факультетскаго преподаванія потому, что она, въ своемъ существѣ, столь-же теоретична, какъ и университетскія лекціи. Наконецъ, если практическія занятія не вернутъ университету любви его питомцевъ, то и въ томъ бѣды нѣтъ, такъ какъ введеніе этихъ занятій предлагается не для пріобрѣтенія популярности среди этихъ питомцевъ, а для поднятія уровня факультетскаго учебнаго дѣла. Въ виду этого г. Гессенъ, положи-

тельно не сдѣлалъ-бы ошибки, если-бы не торопился объявлять болѣе, чѣмъ нагляднымъ то, что ему кажется, и болѣе, чѣмъ наивнымъ то, что защищаютъ его противники, и чего онъ, говоря просто, не понимаетъ.

Что касается **лично меня**, то мои взгляды на взаимныя отношенія лекцій и практическихъ занятій состоятъ въ слѣдующемъ. Снова приходится сдѣлать выдержку изъ брошюры 1901 г.

«Мы отнюдь не принадлежимъ къ тѣмъ, которые отрицаютъ всякую пользу лекціоннаго пріема преподаванія. *Извѣстные результаты онъ, все-таки, даетъ и удержанъ быть долженъ, но только не какъ исключительный, или хотя-бы лишь господствующій пріемъ, а какъ одинъ изъ нѣсколькихъ, равно примѣняемыхъ.* Въ какихъ случаяхъ полезно удержать его, хорошо выясняютъ именно защитники современнаго господства этого пріема. Выясняя пользу, приносимую чтеніемъ лекцій, они тѣмъ самымъ указываютъ границы, въ которыхъ оно должно примѣняться». Случаи разумнаго примѣненія чтенія лекцій были уже перечислены выше.

«*Что касается практическихъ занятій, то таковыя, по извѣстному предмету, я считаю обязательными только для лицъ, желающихъ спеціализироваться въ области этого предмета. Нѣтъ надобности, да и нѣтъ возможности, чтобы каждый слушатель проходилъ практически каждый предметъ. Для всѣхъ учащихся необходимо лишь общее теоретическое прохожденіе каждаго обязательнаго предмета.* Итакъ, практическія занятія могутъ составлять лишь дополненіе къ теоретическому изученію предметовъ. *Совершенно нельзя согласиться съ тѣми, которые думаютъ, что они могутъ вполнѣ замѣнить теоретическое изученіе предметовъ.* Надо пользоваться лекціями, когда имѣются въ виду цѣли, которыя могутъ быть достигнуты на лекціяхъ, и практическими занятіями, когда цѣлесообразными являются эти послѣднія. Ни тѣхъ, ни другихъ нельзя приносить въ жертву рутинѣ, или предвзятымъ идеямъ. Рядомъ съ ними должны примѣняться, конечно, и другія изъ указанныхъ выше занятій студентовъ и со студентами. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о практическихъ занятіяхъ мы можемъ перейти и къ нѣкоторымъ подробностямъ ихъ устройства.

---

6. Нѣкоторыя черты устройства практическихъ занятій.

Немало интереснаго находимъ мы въ повременной печати 1901 г. и по тому вопросу, которому посвященъ настоящій параграфъ. И первый и главный вопросъ здѣсь — о **видахъ** практическихъ занятій. Весьма основательныя соображенія представляетъ проф. **Виноградовъ**.

«**Способы веденія** практическихъ занятій такъ-же **различны**, какъ различны методы наукъ и преподаванія, съ одной стороны — индивидуальности преподавателей — съ другой. У одного профессора будетъ разборъ изслѣдовательскихъ работъ, у другаго — интерпретація памятниковъ, у третьяго — сочиненія на темы пропедевтическаго или общеобразовательнаго характера, у четвертаго — упражненія, приспособленныя для будущихъ педагоговъ, у пятаго — анализъ юридическихъ казусовъ, у шестаго — состязательныя обсужденія тезисовъ, у седьмаго — репетиціи съ цѣлью усвоенія курса или дополненія къ нему и т. д. Всѣ эти виды занятій могутъ вызвать величайшій интересъ и каждый изъ нихъ можетъ стать въ тягость, если предписывать его, какъ единственно пригодный.

«Особенно велика опасность впасть въ школьный педантизмъ по отношенію къ занятіямъ **репетиціоннаго характера**. Они сами по себѣ менѣе разсчитаны на самостоятельность сужденія, нежели на пріобрѣтеніе и выясненіе полезныхъ свѣдѣній, и какъ-разъ потому слѣдуетъ придавать ихъ организаціи возможно непринужденный видъ, иначе эти занятія будутъ наказаніемъ. Одинъ профессоръ разсказывалъ мнѣ, что онъ съ большимъ успѣхомъ примѣняетъ передъ своимъ экзаменомъ его репетицію, на которой отвѣчаютъ лишь желающіе, и дѣло сводится на толковое повтореніе курса. Студенты охотно принимаютъ участіе на этихъ репетиціяхъ, но попробуйте сдѣлать ихъ общеобязательными и сопроводить взысканіями — они тотчасъ обращаются въ невыносимую тягость».

Соглашаясь, съ общемъ, съ этими мыслями проф. Виноградова, мы находимъ, однако, что необходимость предоставить въ этомъ дѣлѣ возможную свободу каждому преподавателю отнюдь не исключаетъ необходимости теоретически изслѣдовать значеніе разныхъ видовъ практическихъ занятій и возможности нѣкоторыя изъ нихъ, напр., чтеніе классическихъ трудовъ, обо-

зрѣніе законодательныхъ сборниковъ, письменныя работы и пр., и пр. сдѣлать по извѣстнымъ предметамъ **обязательными**. Если, въ общемъ, преподаватель долженъ быть свободенъ, то въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отношеніяхъ на него возможно возложить опредѣленныя обязанности.

Широкій взглядъ на задачу практическихъ занятій высказалъ проф. И. **Смирновъ**. «Чѣмъ должны быть эти практическія занятія, на которыя еще недавно возлагались такія пылкія упованія? Прежде всего, чтобы серьезно заинтересовать студента, они должны быть **дѣломъ**. Въ томъ видѣ, какъ они теперь стоятъ и какъ они, по мнѣнію многихъ, могутъ остаться, это не дѣло. Это орудіе дисциплины, орудіе учебнаго контроля, менѣе всего интересное для студента.

«Практическія занятія нашего времени—тѣ-же гимназическія extemporalia, въ которыхъ студентъ долженъ выложить все, что онъ усвоилъ «изъ пройденнаго»; въ худшемъ случаѣ они показываютъ, что столько-то часовъ въ день голова студента **свободна отъ превратныхъ толкованій**. Пока дѣло будетъ стоять такимъ образомъ, выборъ между лекціонной системой и системой практическихъ занятій безусловно долженъ быть сдѣланъ въ пользу лекціонной системы, какъ бы мало она ни давала при наличности извѣстныхъ условій.

«Но практическія занятія, а съ ними и вся жизнь студента въ университетѣ могутъ быть поставлены совсѣмъ иначе. Что такое годы студенческой жизни въ жизни русскаго интеллигентнаго человѣка?—Короткій періодъ, въ теченіе котораго каждый нравственно чуткій юноша испытываетъ особенно напряженно желаніе **поработать на пользу родины**. До этого періода—годы убійственной школьной ферулы со своими мало говорящими сердцу обязанностями, послѣ—для большинства—годы ферулы служебной.

«Практическій смыслъ предписываетъ взять и использовать это настроеніе—ко благу общества и къ счастью для юноши,—дать этимъ силамъ души живое и общественно-полезное употребленіе. Юноша переступаетъ черезъ порогъ университета съ живымъ желаніемъ быть полезнымъ для общества, для народа. Дадимъ-же ему возможность осуществить желаніе. Пусть университетъ будетъ не фабрикой для изготовленія техниковъ и

чиновниковъ, а **могущественной ассоціаціей для изслѣдованія родины** и разработки на почвѣ даннаго жизнью матеріала общихъ вопросовъ знанія.

«Мы бѣдны и невѣжественны, — **мы только чиновники.** Чиновничье отношеніе къ жизни со стороны представителей интеллигентныхъ профессій—результатъ положенія, которое занимаетъ наша наука относительно жизни. Наша наука работаетъ надъ **привознымъ матеріаломъ**: и новые факты, и новые выводы импортируются изъ-за границы въ учебникахъ и спеціальныхъ журналахъ. По весьма уважительнымъ причинамъ она и не можетъ работать иначе: для того, чтобы брать матеріалы изъ дѣйствительности, нужно эту дѣйствительность изслѣдовать, предпринимать болѣе или менѣе отдаленныя экскурсіи, а какъ ихъ предпринимать, когда университетъ, затрачивая до 12,500 руб. на экзамены, располагаетъ только одной тысячей рублей на ученыя путешествія?

«Я уже касался того, какъ могли-бы въ интересахъ отечествовѣдѣнія быть использованы эти даромъ бросаемые десятки тысячъ. Изслѣдованіе Россіи путемъ систематически организуемыхъ **студенческихъ экспедицій**—вотъ конечная цѣль, къ которой должны стремиться университеты. Учебное время должно быть временемъ подготовки. Пусть каждый студентъ знаетъ, что онъ вступаетъ въ корпорацію изслѣдователей родины, что на него возлагается часть огромнаго народнаго дѣла. Сообразно съ этимъ, онъ долженъ устроить свою жизнь въ университетѣ.

«Чтобы сдѣлаться хотя скромнымъ наблюдателемъ и изслѣдователемъ, нужно пройти предварительную техническую школу —научиться добывать факты, распознавать и разбираться въ нихъ. Существующія практическія занятія будутъ нужны въ этотъ подготовительный періодъ, но они утратятъ свой современный безцѣльный характеръ. За усвоеніемъ **первоначальныхъ техническихъ пріемовъ** можетъ начаться элементарная, но уже нужная научная работа студента.

«Въ такихъ наукахъ, какъ исторія, каждый годъ приноситъ горы сыраго матеріала. Разобраться въ этомъ матеріалѣ одному профессору немыслимо, и огромная масса его остается неиспользованной; профессоръ судитъ о содержаніи извѣстнаго сборника актовъ, напр., по одной, двухъ рецензіямъ,—и матеріалъ почти пропадаетъ. Иначе сложится дѣло, если профессоръ

распредѣлить этотъ матеріалъ между своими слушателями, и они разберутся подробно, каждый въ своемъ отдѣлѣ. Если въ ряду фактовъ, которые извлекутъ изъ даннаго матеріала студенты, окажется что-нибудь цѣнное или новое, профессоръ отмѣтитъ это, и обѣ стороны будутъ удовлетворены: студенты тѣмъ, что сдѣлали полезное дѣло, профессоръ тѣмъ, что наука обогатилась новыми фактами; тотъ и другіе, что сообща сдѣлали нужное дѣло.

«Рядъ такихъ маленькихъ работъ создастъ у студента **интересъ и къ теоретическимъ лекціямъ**: хорошо ознакомленный изъ теоретическихъ курсовъ съ состояніемъ науки, онъ самъ можетъ уже оцѣнить производительность своей работы въ томъ или другомъ случаѣ. И техника, и теоретическое знаніе, наконецъ, получатъ для него весь свой смыслъ, когда онъ перенесетъ ихъ въ живую дѣйствительность и приложитъ ихъ къ ея изученію. Поставимъ такимъ образомъ университетское преподаваніе, и студенческіе годы будутъ не годами «раздраженія плѣнной мысли», а временемъ дѣйствительнаго подготовленія къ службѣ родинѣ».

Первыя строки этой статьи даютъ о ней несовсѣмъ правильное понятіе. Сначала кажется, что проф. Смирновъ вовсе отрицаетъ практическія занятія нынѣ примѣняемыхъ видовъ. Но оговорки, которыя онъ дѣлаетъ во второй половинѣ статьи, выясняютъ его дѣйствительную мысль. Онъ настаиваетъ только на томъ, чтобы практическія занятія были не столько школьными упражненіями, сколько настоящей полезной работой. Съ этимъ можно согласиться, но лишь съ условіемъ, что этой работой слѣдуетъ занимать слушателей постольку лишь, поскольку она **необходима для пріобрѣтенія** ими въ университетѣ необходимыхъ для будущаго дѣйствительнаго дѣла жизни—**знаній и умѣній**. Время учащагося слишкомъ драгоцѣнно для того, чтобы безъ нужды тратить его даже на работы, имѣющія общественное, народное значеніе. Во всякомъ случаѣ, къ подобнаго рода работамъ возможно, какъ указываетъ и проф. Смирновъ, приступать, обыкновенно, лишь послѣ того, какъ учащіеся продѣлаютъ предварительно разныя упражненія школьнаго характера. Для студента-юриста этой настоящей работой можетъ быть особенно участіе въ нѣкоторыхъ практическихъ упражненіяхъ прикладнаго характера. Въ какихъ именно это будетъ показано дальше.

Весьма интересны, далѣе, и соображенія г. **Р. С—каго.** Г. Р. С—кій весьма, какъ мы видѣли, возстававшій противъ практическихъ занятій, кончилъ, однако, тѣмъ, что допустилъ возможность ихъ, хотя и съ оговорками, которыя онъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Конечно, можно практическимъ занятіямъ придать и **вполнѣ практическій характеръ.** Можно ихъ полностью посвящать изученію разныхъ канцелярскихъ порядковъ и обязанностей чиновниковъ, служащихъ по тому или иному вѣдомству. Практическое направленіе университетскаго преподаванія и оправдывается потребностью для государства имѣть подготовленныхъ чиновниковъ.

«Безспорно, молодые люди, оканчивающіе курсъ на юридическихъ факультетахъ, идутъ въ чиновники, юристы и т. д. Слѣдуетъ-ли отсюда, что юридическіе факультеты должны быть приспособлены къ формированію чиновниковъ, адвокатовъ и т. д.? Если практическія занятія въ университетахъ будутъ посвящаться именно формированію чиновниковъ, то такое практическое направленіе университетскаго преподаванія основательно будетъ вызывать общее сожалѣніе. До сихъ поръ молодежь жила въ университетѣ, за тѣми или иными исключеніями, **чисто идеальными стремленіями** къ знанію и наукѣ вообще. Облагораживающее вліяніе науки и стремленіе къ развитію своихъ умственныхъ силъ надолго спасало будущихъ чиновниковъ, юристовъ и т. д. отъ окончательнаго подчиненія въ ихъ дѣятельности мотивамъ, диктуемымъ суровой дѣйствительностью. Молодые люди надолго сохраняли въ себѣ тѣ идеальныя стремленія, которыя едва-ли могутъ быть привиты практическими занятіями чисто практическаго характера. Не изученіемъ практическихъ вопросовъ службы подготовляются тѣ чиновники, которые и на службѣ остаются, прежде всего, людьми, а потомъ чиновниками.

«Превращать университетъ въ школу, ставящую себѣ задачей **формировать чиновниковъ,** могутъ только тѣ, кто желаетъ забыть назначеніе университета или не имѣетъ о немъ никакого понятія». «Пусть на юридическихъ факультетахъ, въ дополненіе къ лекціямъ, вводятъ и практическія занятія, но пусть сохранется за ними характеръ, вполнѣ отвѣчающій призванію университета. При веденіи этихъ занятій нужно игнорировать вопросъ о томъ, что такой-то студентъ пойдетъ въ судьи,

а тотъ—въ земскіе начальники, а третій—въ податные инспектора.

«Въ университетѣ люди не готовятся къ той или иной судебной карьерѣ, а развиваютъ и укрѣпляютъ наукой свои умственныя и моральныя силы. На практическихъ занятіяхъ пусть студенты разбираются въ Гегелѣ, Кантѣ, въ теоріяхъ Рикардо и т. п. Для этого и назначаются ихъ университетскіе годы. Когда профессора-юристы будутъ ставить темой для дебатовъ на практическихъ занятіяхъ вопросъ о томъ, какъ долженъ поступить податный инспекторъ, получивъ такую-то бумагу отъ земскаго начальника, тогда въ университетѣ не будетъ практическихъ занятій, а будутъ **дополнительные канцелярскіе курсы**, въ родѣ школы для десятниковъ, волостныхъ писарей и урядниковъ.

«Трудно понять, почему въ университетѣ нужны дополнительные чиновничьи курсы. Положимъ, у насъ принято жаловаться на то, что наши чиновники плохи именно потому, что они ужъ слишкомъ большіе чиновники. Неужели-же хорошіе чиновники будутъ выходить изъ тѣхъ студентовъ, которые на университетской скамьѣ будутъ постигать чиновничью премудрость? Если мы жалуемся на то, что наши чиновники слишкомъ большіе чиновники, то неужели этотъ дефектъ ослабѣетъ, если студентовъ будутъ **готовить въ чиновники на университетской скамьѣ**? Пусть студенты остаются студентами, а въ чиновниковъ они всегда успѣютъ превратиться».

Вся эта продолжительная выдержка не лишена извѣстной доли резонности, но въ разсужденіяхъ автора заключаются двѣ крупныя ошибки. Во-первыхъ, студенты поступаютъ не только въ университетъ, но и **на извѣстный факультетъ**, они ищутъ въ университетѣ не просто знанія, но и знанія и умѣнья **въ извѣстной области**. На юридическій факультетъ поступаютъ тѣ лица, которыя намѣреваются посвятить себя или общественной и государственной дѣятельности (громадное большинство), или научной дѣятельности (ничтожный процентъ всей массы студенчества). Юридическій факультетъ не можетъ игнорировать этого. Онъ обязанъ согласовать свое преподаваніе съ тѣми требованіями, которыя къ нему предъявляются его слушателями, тѣмъ болѣе, что удовлетвореніе этихъ требованій въ высшей степени согласно съ серьезнѣйшими надобностями государства

и общества. Совершенная ошибка утверждать, что, за тѣми или другими исключеніями, молодежь поступаетъ въ университетъ ради чисто идеальныхъ стремленій къ знанію.

Вторая ошибка состоитъ въ томъ, что г. Р.-С—кій предполагаетъ, будто кто-то проектировалъ превратить факультеты въ дополнительные **канцелярскіе курсы** для чиновниковъ. Нѣтъ ни одной извѣстной мнѣ строки, появившейся у насъ въ Россіи въ печати, которая имѣла-бы этотъ смыслъ. Дѣйствительно, говорили и говорятъ о недостаточной подготовкѣ, которую получаютъ молодые юристы въ университетѣ, къ общественной и государственной дѣятельности, но что-же изъ этого? «Чиновнику» для того, чтобы стоять на высотѣ своего призванія, слѣдуетъ не только знать канцелярскіе порядки, но и быть истинно просвѣщеннымъ человѣкомъ, обладающимъ необходимыми знаніями и умѣньями какъ вообще, такъ и въ области его особливой дѣятельности. Канцелярскимъ порядкамъ научаетъ «чиновника» практика службы. Практика-же университета должна только показать, какое отношеніе къ его будущему дѣлу жизни имѣютъ тѣ теоретическія свѣдѣнія, которыя учащійся выноситъ изъ университета, и дать первое упражненіе его силамъ въ этомъ направленіи. И, если факультетъ будетъ давать подобную подготовку своимъ слушателямъ, то упрекать его въ томъ, что онъ искажаетъ свое призваваніе, было-бы ошибкой. Съ этими поправками мы готовы признать, что главнымъ видомъ практическихъ занятій для студентовъ-юристовъ должны быть работы научнаго характера, а работы прикладнаго значенія призваны занимать сравнительно второстепенное мѣсто. Подробнѣе объ этомъ дальше.

Проф. С. И. **Живаго** совершенно справедливо спрашиваетъ: «Почему юридическимъ факультетамъ сторониться отъ большей близости къ жизни? Почему закрывать глаза на то, что пріобрѣтаемое въ университетахъ высшее юридическое образованіе можетъ, а отчасти должно имѣть **практическое значеніе** въ глазахъ огромнаго большинства студентовъ, поступающихъ на юридическіе факультеты? Многіе-ли, особенно у насъ, въ Россіи, могутъ позволить себѣ роскошь чисто-идеальнаго изученія какой-либо отрасли знаній? Не заставляетъ-ли борьба за существованіе, заботы о будущемъ, огромное большинство сту-

дентовъ юристовъ смотрѣть на университетскій курсъ, какъ на подготовленіе къ поступленію на государственную службу и т. п.» Въ дальнѣйшемъ проф. С. И. Живаго склоняется въ сторону практическихъ занятій прикладнаго значенія въ качествѣ наиболѣе распространеннаго типа. Онъ говоритъ именно слѣдующее:

«Нельзя, конечно, у каждаго студента предполагать и еще менѣе — требовать непремѣнно чисто научнаго интереса безусловно ко всѣмъ предметамъ курса. Поэтому и упражненія, въ точномъ смыслѣ слова, умѣстны, какъ общій пріемъ, только по тѣмъ отдѣламъ, гдѣ, съ одной стороны, можно судить, по меньшей мѣрѣ, о наличности хотя-бы только практическаго интереса со стороны большинства слушателей, а съ другой—гдѣ самый догматическій матеріалъ и дѣйствующее положительное право даютъ необходимую почву для дѣйствительныхъ упражненій». «Нѣтъ необходимости доказывать, что по цѣлому ряду юридическихъ наукъ, излагаемыхъ въ университетѣ, нельзя, при всемъ желаніи, устроить «упражненія», а можно лишь, при умѣломъ пользованіи формой такъ называемыхъ практическихъ занятій, сообщать аудиторіи такія свѣдѣнія, которыя не всегда укладываются въ систематическій курсъ лекцій или могутъ остаться недостаточно разъясненными при изложеніи съ каѳедры».

«Для желающихъ можно, разумѣется, по каждому предмету университетскаго курса вести особыя занятія и чисто научнаго свойства, въ видѣ систематическаго руководительства интересующихся наукой при изученіи памятниковъ, авторовъ и спеціальной литературы по какому-либо отдѣльному вопросу. Все это, конечно, входитъ въ число обязанностей профессора и составляетъ, быть можетъ, ту сторону его призванія, которая всего ближе сердцу настоящаго ученаго. Но профессоръ не можетъ ожидать и не долженъ требовать, чтобы въ такихъ занятіяхъ принимали участіе всѣ слушатели.

«Едва-ли нужно упоминать особо, что вовсе не можетъ входить въ задачи университета наставлять студентовъ-юристовъ въ тонкостяхъ процессуальныхъ формъ и еще менѣе—вводить ихъ въ область канцелярскихъ обычаевъ и чиновничьей рутины, или доказывать, что университетскія аудиторіи юридическихъ факультетовъ вовсе не предназначены для упражненія будущихъ юристовъ въ прокурорскомъ или адвокатскомъ крас-

норѣчіи. Такого рода знанія и опытность въ этомъ отношеніи безспорно далеко не безразличны для юриста-практика. Но для пріобрѣтенія всего этого достаточно времени по окончаніи курса въ теченіе подготовительнаго періода службы въ качествѣ кандидата у насъ и въ качествѣ референдарія въ Германіи. Задачей университета въ смыслѣ спеціальной подготовки можетъ и должно быть лишь сообщеніе будущимъ юристамъ основательнаго юридическаго образованія и основательныхъ свѣдѣній въ области дѣйствующаго права».

Намѣчаетъ кратко и далеко не полно разные виды практическихъ занятій и г. **Гессенъ**: «Практическія занятія могутъ состоять изъ чтеній и разбора **рефератовъ**, чтенія спеціальныхъ **монографій**, или ихъ конспектовъ, составленныхъ студентами, изъ изученія **источниковъ**, изъ разбора **казусовъ**, изъ бесѣдъ на заранѣе назначенную тему. Характеръ практическихъ занятій опредѣляется характеромъ предмета, или даже— что вѣрнѣе — каждаго изъ его отдѣловъ: такъ, напримѣръ, теоретическому введенію соотвѣтствуетъ чтеніе рефератовъ или спеціальныхъ монографій, исторической части—разборъ источниковъ, догматической — разборъ казусовъ, анализъ дѣйствующаго законодательства и т. под.». Подобныхъ краткихъ замѣтокъ о разныхъ видахъ практическихъ занятій въ печати 1901 г. встрѣчается очень много.

Во время засѣданія Петербургскаго Юридическаго Общества 24 апрѣля 1901 г. **М. М. Боровитиновъ** замѣтилъ, что прежде всего при разговорѣ о практическихъ занятіяхъ нужно исключить такъ называемыя репетиціи (conférences), примѣрные процессы и т. п. театральныя представленія, которыя у насъ совсѣмъ не годятся. Но засимъ разборъ практическихъ казусовъ и составленіе рефератовъ и т. п. безусловно **полезны**, а въ отдѣльныхъ юридическихъ дисциплинахъ, имѣющихъ и прикладное значеніе, должны имѣть самостоятельное значеніе, совершенно **необходимы**, иначе получается полная разобщенность теоріи и практики и черезъ два-три года по выходѣ изъ университета теорія бываетъ совершенно забыта».

А г. **Арсеньевъ** въ своемъ заключительномъ словѣ въ томъ-же засѣданіи выразилъ нѣсколько иную и нѣсколько болѣе

удачную мысль: «Что касается значенія практическихъ занятій, то они вызываютъ возраженіе, если ихъ понимать въ узкомъ смыслѣ усвоенія **практическихъ пріемовъ**, ибо въ такомъ видѣ практическія занятія не гармонируютъ съ общими высокими задачами университета. Но въ широкомъ смыслѣ практическія занятія составляютъ, въ сущности, **продолженіе теоретическихъ** и, являясь ихъ дополненіемъ, имѣютъ несомнѣнное преимущество —облегченіе напряженія вниманія слушателей». Разсматривать справедливость каждаго изъ этихъ замѣчаній врядъ-ли есть основаніе.

Прежде, чѣмъ идти дальше, мы вынуждены напомнить нѣкоторыя основныя мысли, которыя были высказаны въ нашей брошюрѣ относительно разныхъ видовъ практическихъ занятій. Мы считаемъ, что по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ предметамъ курса учащійся долженъ сдѣлать больше, чѣмъ тотъ minimum общаго теоретическаго знакомства съ каждой преподаваемой наукой, который требуется отъ каждаго студента.

«*Прежде всего, онъ долженъ пріобрѣсти по тѣмъ предметамъ, которыми онъ особенно интересуется, бóльшія, болѣе широкія и глубокія, теоретическія свѣдѣнія.* Въ виду этого, для него можетъ быть сдѣлано обязательнымъ знакомство или съ монографіями по избраннымъ имъ наукамъ, или съ болѣе подробными общими курсами ихъ. *Засимъ онъ долженъ принять участіе въ практическихъ занятіяхъ также, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ предметамъ факультета, въ области которыхъ онъ предполагаетъ спеціализироваться.*

«*Практическія занятія по юридическому факультету могутъ имѣть двѣ главныя цѣли: 1) ознакомить учащихся съ научной работой въ области права и 2) ознакомить ихъ съ прикладной работой въ той-же области.* Для достиженія той и другой слѣдуетъ открыть учащемуся жизненныя основанія права, какъ относительно его возникновенія, такъ и примѣненія. Обыкновенно задачу практическихъ занятій ограничиваютъ только второй цѣлью. Она, конечно, особенно важна для будущихъ дѣятелей практики. Но было-бы ошибкой оставить безъ вниманія и первую. Эти цѣли вовсе не стоятъ, какъ думаютъ нѣкоторые, далеко другъ отъ друга. Сближеніе-же ихъ между собою должно быть именно задачей университета. Не даромъ онъ даетъ ученыя степени сво-

имъ воспитанникамъ. *Тѣмъ больше практика проникнется научнымъ духомъ, тѣмъ болѣе послужить она жизни, потому что тѣмъ большими знаніями она будетъ обладать, тѣмъ лучше оцѣнивать явленія дѣйствительности, тѣмъ болѣе вѣрнымъ путемъ будетъ двигаться, желая служить общественнымъ и государственнымъ надобностямъ.*

«Ближайшее знакомство съ судомъ, административной и иной государственной и общественной дѣятельностью и службой молодые юристы получатъ всего лучше тогда, когда вступятъ въ дѣйствительную жизнь; на долю университетовъ должна въ этомъ случаѣ выпасть только задача перебросить мостъ между теоріей и практикой. *Практическія занятія не должны превращаться въ канцелярскую подготовку слушателей.* Пріемамъ-же научной работы молодому юристу негдѣ больше научиться, кромѣ университета. Онъ останется навсегда при томъ умѣньѣ, который ему далъ университетъ. Поэтому, на практическія занятія научнаго характера должно быть обращено особенное вниманіе. Наиболѣе удобно организуются именно научныя упражненія учащихся, т. е., тѣ, которыя имѣютъ задачей обучить ихъ пріемамъ научной работы въ области права. Веденіе ихъ можетъ быть особенно интересно и для самихъ преподавателей. Конечно, эти упражненія не должны особенно удаляться отъ уровня тѣхъ требованій, которыя слѣдуетъ предъявлять къ каждому дѣйствительно образованному юристу. Приготовленіе спеціально молодыхъ ученыхъ—задача особыхъ установленій.

«*Первымъ видомъ практическихъ занятій научнаго характера можетъ явиться чтеніе студентами памятниковъ права и капитальныхъ научныхъ изслѣдованій съ толкованіями профессора и самихъ учащихся. Вторымъ и главнымъ можетъ и должно быть исполненіе ими различныхъ письменныхъ работъ.* Послѣднія могутъ представлять или доклады по тѣмъ, или другимъ чужимъ ученымъ трудамъ, или самостоятельныя обработки учащимися какого-либо вопроса на основаніи указанныхъ имъ сочиненій и источниковъ. *Наконецъ, третьимъ—ученые диспуты и бесѣды въ аудиторіи.*

Прежде всего, желательно, чтобы учащіеся освоились съ источниками, особенно, дѣйствующаго права, были въ состояніи безъ особыхъ затрудненій пользоваться ими. Безъ этого

не можетъ обойтись ни теоретикъ, ни практикъ-юристъ. Далѣе, привычка къ чтенію серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, способность понимать значеніе спеціальныхъ работъ должна сослужить учащемуся великую службу тогда, когда внѣ стѣнъ университета онъ долженъ будетъ искать премудрости въ однѣхъ книгахъ. Безъ умѣнья читать спеціальныя юридическія изслѣдованія не можетъ быть истинно просвѣщеннаго правовѣда. Далѣе, недостатокъ вниманія къ письменнымъ упражненіямъ учащихся —большой пробѣлъ лекціонной постановки факультетскаго преподаванія. Современный юристъ долженъ умѣть свободно владѣть перомъ. Между тѣмъ, лекціонная система, не содѣйствуя развитію въ учащихся любви и привычки къ самостоятельному чтенію, оставляетъ безъ вниманія и письменныя упражненія ихъ. Наконецъ, желая развить въ своихъ воспитанникахъ хотя-бы первыя начатки навыковъ и способностей, въ которыхъ они будутъ нуждаться по выходѣ изъ школы, факультетъ долженъ содѣйствовать развитію въ учащихся умѣнья говорить и спорить. Заставляя-же читать, писать и говорить по вопросамъ права, учатъ — что самое главное, безъ чего преподаваніе права не можетъ принести никакой пользы,—юридически мыслить. Другія способности и навыки можетъ дать юристу и практика жизни, а эти долженъ дать университетъ. Таковы практическія занятія научнаго значенія.

«Но начала права не только могутъ и должны быть изучаемы наукой; они имѣютъ быть примѣняемы къ различнымъ случаямъ жизни. Поэтому полезно и *необходимо* въ извѣстной мѣрѣ *познакомить слушателей съ техническими дѣйствіями ихъ будущей общественной и государственной дѣятельности и службы. Сюда относится, прежде всего, рѣшеніе разнаго рода уголовныхъ, гражданскихъ и административныхъ дѣлъ.* Это—одинъ изъ важныхъ видовъ практическихъ занятій, наиболѣе полно обезпечивающій достиженіе цѣлей, ради которыхъ вводятся практическія занятія вообще. Въ пользу его такъ много и краснорѣчиво писали многія лица, что я не буду уже повторять здѣсь сказаннаго въ брошюрѣ 1901 г. Особенно удобно задавать письменныя задачи слушателямъ и требовать отъ нихъ письменныхъ-же рѣшеній предложенныхъ имъ случаевъ, а засимъ разбирать при участіи всѣхъ учащихся полученные такимъ путемъ отвѣты. При рѣшеніи цѣлыхъ уголовныхъ, гражданскихъ и администра-

тивныхъ дѣлъ, несомнѣнно, *допустима* нѣкоторая театральность, *распредѣленіе ролей лицъ, участвующихъ въ процессъ, между разными учащимися, выполненіе всѣхъ формальныхъ условій* настоящаго офиціальнаго дѣйствія, составленіе судебныхъ, канцелярскихъ, нотаріальныхъ и иныхъ актовъ и проч. Но ограничиваться этими представленіями, конечно, нельзя. *Они допустимы постольку лишь, поскольку содѣйствуютъ успѣшному ходу учебныхъ занятій юристовъ. Техническая, ремесленная подготовка учащихся не дѣло университета*, но чѣмъ реальнѣе, чѣмъ жизненнѣе будутъ обставлены занятія ихъ, тѣмъ болѣе дѣйствительное, способное развиваться и примѣняться знаніе они пріобрѣтутъ. Поэтому, не только не принесетъ никакого вреда, какъ думаютъ нѣкоторые, но и будетъ чрезвычайно полезно, если студенты еще въ университетѣ попробуютъ свои силы въ нѣкоторыхъ формальныхъ дѣйствіяхъ, которыя въ будущемъ составитъ ихъ особливое занятіе. Дальше пробы идти имъ въ этомъ отношеніи нѣтъ основанія.

«*Слѣдующимъ видомъ практическихъ занятій должны быть работы учащихся внѣ стѣнъ университета.* Цѣлью ихъ можетъ быть, прежде всего, осмотръ различныхъ государственныхъ, общественныхъ, промышленныхъ, научныхъ, художественныхъ, религіозныхъ и др. учрежденій, административныхъ и судебныхъ мѣстъ—всего перечислить нельзя. Результатомъ осмотра должны быть отчеты, составляемые участниками и потомъ докладываемые другимъ товарищамъ. Они могутъ содержать оцѣнку свѣдѣній, сообщаемыхъ объ извѣстномъ предметѣ въ литературѣ, и сводъ всѣхъ знаній, пріобрѣтенныхъ о немъ тѣмъ, или другимъ путемъ самими составителями ихъ.

«Наконецъ, учащимися можетъ быть поручаемо исполненіе внѣ школы нѣкоторыхъ работъ, имѣющихъ отношеніе къ праву и не могущихъ отнять у нихъ черезъ-чуръ много времени, напр., *собираніе юридическихъ обычаевъ, производство переписей и пр., изученіе памятниковъ старины, различныхъ группъ населенія въ экономическомъ, юридическомъ и другихъ отношеніяхъ.* По прохожденіи извѣстнаго предмета, напр., уголовнаго, или гражданскаго процесса, или консульскаго права и т. п., учащіеся *могутъ быть отправляемы на нѣкоторое время въ судъ или въ камеру консула, или въ присутственныя мѣста финансоваго вѣдомства* и т. п. для ознакомленія на дѣлѣ съ тѣмъ, о чемъ они получили первоначально отвлеченное представленіе, причемъ имъ могутъ

быть поручаемы нѣкоторыя несложныя дѣйствія въ подобныхъ учрежденіяхъ. Ни въ какомъ случаѣ, однако, не слѣдуетъ забывать, что *подобныя работы возлагаются на учащихся исключительно въ цѣляхъ преподаванія.* Учащихся нельзя превращать въ настоящихъ работниковъ. Дѣйствія, которыя могутъ быть поручаемы имъ, должны имѣть своей цѣлью только укрѣпленіе познаній ихъ, не болѣе сего».

Таковы основные виды практическихъ занятій, которые были указаны въ моей брошюрѣ. Изъ сказаннаго видно, что *главное значеніе* имѣютъ—научныя занятія. Прикладныя — представляются менѣе важными. Одни изъ нихъ желательны и *необходимы,* другія только *допустимы.* Особенно большія оговорки сдѣланы мною, какъ видѣлъ читатель, что касается ознакомленія учащихся съ формальными дѣйствіями ихъ будущей дѣятельности и службы.

Интересный обзоръ разнаго рода практическихъ занятій даетъ проф. **Есиповъ**: «Разнообразные виды практическаго ознакомленія съ основными предметами юридическихъ наукъ въ обширномъ смыслѣ могутъ быть сведены въ **три большія группы**: А. Занятія спеціально-ученаго характера. Б. Занятія канцелярскаго характера и В. Занятія научно-практическія въ узкомъ смыслѣ. Разсмотримъ вкратцѣ всѣ эти три формы практическаго ознакомленія съ юриспруденціею, насколько онѣ приняты у насъ въ дѣйствительной жизни.

«**А. Занятія спеціально-ученаго характера.** Спеціально-ученыя или (для краткости назовемъ условно) семинарскія занятія, въ видѣ самостоятельной научной работы и спеціальныхъ изслѣдованій подъ руководствомъ профессора, находятся у насъ еще въ зачаточномъ состояніи и, по существу своему, являются не учебными занятіями учениковъ, а скорѣе учеными занятіями начинающихъ ученыхъ. Они, по своему характеру, представляются не способомъ практическаго ознакомленія съ различными сторонами той или другой дисциплины, а совершенно самостоятельною работою научнаго творчества. Семинарскія занятія не являются вовсе методомъ преподаванія, а научаютъ лишь методамъ самостоятельнаго изслѣдованія. Вслѣдствіе такого ихъ характера, чисто ученаго, а не учебнаго, они и не могутъ быть

обязательны для всей массы университетскихъ слушателей. Это —лишь **удѣлъ избранныхъ.**

«**Б. Занятія канцелярскаго характера.** Канцелярскія занятія, каковы, напримѣръ, составленіе дѣловыхъ бумагъ, актовъ, постановленій, протоколовъ и т. п., конечно, уже **не дѣло университета,** а дѣло соотвѣтствующихъ канцелярій и присутственныхъ мѣстъ, гдѣ эта рутина усваивается сравнительно въ очень непродолжительное время. Но съ другой стороны, если занятія канцелярскаго характера не должны входить въ общій составъ университетскихъ практическихъ занятій, то во всякомъ случаѣ преподаватели не должны внушать своимъ слушателямъ какого-либо пренебреженія къ этой сторонѣ судебной дѣятельности. Наоборотъ, молодые, начинающіе юристы, кромѣ основательнаго знанія теоріи, не должны пренебрегать и различными практическими требованіями службы и дисциплины.» Разъ все это такъ, то нѣтъ и основанія особо указывать эту группу практическихъ занятій; если-же выбросить ее, то останутся два рода упражненій, указанные нами въ 1901 г.

«**В. Занятія научно-практическія въ узкомъ смыслѣ.** Практическія занятія этого рода, занимая какъ-бы среднее мѣсто между занятіями семинарскими и канцелярскими, составляютъ главное и **необходимое подспорье** лекціоннаго метода преподаванія. Не входя въ критическую оцѣнку того или другаго способа, не безполезно представить хотя краткое описаніе существующихъ видовъ практическихъ упражненій по различнымъ отраслямъ правовѣдѣнія. Упражненія эти могутъ быть крайне разнохарактерны, что въ высшей степени полезно для дѣла по слѣдующимъ соображеніямъ.

«Чтобы поддержать научный интересъ у учащихся къ практическимъ занятіямъ, не утомляя ихъ однообразіемъ какого-либо одного изо дня въ день принятаго метода, весьма полезно употреблять **различные способы** практическихъ упражненій. Это необходимо и по существу дѣла, такъ какъ это обусловливается не только чисто-психологическими требованіями (невозможность разсчитывать на безпредѣльность вниманія), но и требованіями педагогическими (необходимость дать слушателямъ разностороннее, а не одностороннее юридическое развитіе).

«Въ этихъ видахъ практическія занятія, сообразно свойству каждой научной дисциплины и потребностямъ данной ауди-

торіи (большая или меньшая ея подготовленность), могутъ принимать самыя разнообразныя формы, что отражается самымъ благотворнымъ образомъ, несомнѣнно поддерживая большій научный интересъ и внося неподдѣльное оживленіе въ самыя упражненія. Именно, практическія занятія по различнымъ юридическимъ наукамъ, могутъ имѣть, напримѣръ, слѣдующія формы: I. Объясненіе источниковъ права. II. Толкованіе и разборъ дѣйствующихъ кодексовъ. III. Рѣшеніе со студентами задачъ на примѣрные случаи изъ судебной практики. IV. Реферированіе студентами изъ научныхъ работъ. V. Диспутаторіи и конверсаторіи со студентами по научнымъ вопросамъ. VI. Репетиціи изъ пройденнаго. VII. Практическій разборъ дѣлъ, съ распредѣленіемъ между слушателями главныхъ процессуальныхъ ролей. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ видовъ занятій, которыя въ ихъ совокупности могутъ представлять весьма законченное цѣлое». Соображенія проф. Есипова относительно разныхъ видовъ практическихъ занятій представляютъ, —оставляя въ сторонѣ нѣкоторую невыдержанность принятой системы ихъ,—такой интересъ, что мы не можемъ не сдѣлать изъ его труда еще слѣдующей выдержки.

«I. **Объясненіе источниковъ права.** Объясненіе источниковъ права имѣетъ мѣсто, конечно, по предметамъ, историко-юридическимъ, каковыми у насъ являются исторія римскаго права, исторія русскаго права и исторія славянскихъ законодательствъ въ связи съ исторіей западноевропейскаго вообще. Занятія эти, въ формѣ толкованія, комментированія и разбора древнихъ законодательныхъ памятниковъ, существуютъ искони на всѣхъ нашихъ юридическихъ факультетахъ и не требуютъ никакихъ разъясненій.

«II. **Толкованіе и разборъ дѣйствующихъ кодексовъ.** Толкованіе дѣйствующаго законодательства со стороны преподавателей, на первый взглядъ, можетъ показаться излишнимъ при практическихъ занятіяхъ, потому что таковое должно составлять предметъ общаго университетскаго преподаванія; но дѣло въ томъ, что, толкуя отдѣльныя постановленія положительнаго права, профессоръ вызываетъ самодѣятельность своихъ слушателей, задавая имъ различные вопросы по поводу тѣхъ или другихъ

статей закона, или предлагая имъ привести примѣры на соотвѣтствующіе параграфы кодекса, что пріучаетъ студентовъ къ способности самостоятельнаго обоснованія различныхъ юридическихъ конструкцій. Для этой цѣли студентамъ предлагается изучить къ назначенному дню тотъ или другой отдѣлъ кодекса, по возможности, съ разъясненіями статей закона судебною практикою. Студенты могутъ дѣлать свои доклады по этому предмету изустно или письменно, причемъ необходимыя толкованія, разъясненія и сопоставленія даются преподавателемъ или предоставляются на обсужденіе остальной аудиторіи.

«III. **Рѣшеніе со студентами задачъ на примѣрные случаи изъ судебной практики.** Въ этомъ отношеніи могутъ быть примѣняемы, главнымъ образомъ, два слѣдующихъ пріема: пріемъ письменныхъ рѣшеній и пріемъ устныхъ рѣшеній». «При устномъ порядкѣ студентамъ предлагаются для рѣшенія примѣрные случаи изъ судебной практики—по старымъ дѣламъ или также по спеціальнымъ сборникамъ задачъ. Прочитывается тотъ или другой примѣръ и рѣшеніе его предоставляется студентамъ подъ руководствомъ преподавателя, причемъ указываются и разсматриваются всѣ относящіяся къ данному случаю статьи закона. Такой пріемъ устныхъ рѣшеній можно считать болѣе цѣлесообразнымъ, имѣя въ виду большее оживленіе научныхъ занятій. При письменныхъ рѣшеніяхъ на все время практическихъ занятій (часъ или два) вниманіе студентовъ должно сосредоточиваться на одномъ какомъ-нибудь случаѣ, который въ концѣ концовъ только утомитъ ихъ вниманіе.

«IV. **Реферированіе студентами ихъ научныхъ работъ.** Рефераты и болѣе или менѣе самостоятельныя сочиненія могутъ быть представляемы студентами какъ по теоретическимъ, такъ и по практическимъ вопросамъ права, напримѣръ по поводу новыхъ законоположеній, по поводу толкованій судебной практики и т. п. По прочтеніи этихъ работъ преподавателемъ таковыя съ необходимыми помѣтками возвращаются авторамъ для устнаго реферированія ихъ въ аудиторіи; при этомъ на данный часъ (или два) практическихъ занятій удобнѣе подбирать работы на ту-же или однородную тему. Весьма полезно, если и прочіе студенты подготовятся по этой-же темѣ. Студентъ-докладчикъ долженъ въ самомъ сжатомъ видѣ изложить содержаніе своей работы, причемъ болѣе спорныя мѣста ея разъясняются профес-

соромъ или отдаются на обсужденіе другихъ студентовъ, вызывая иногда весьма оживленный обмѣнъ мыслей и порождая въ высшей степени интересные дебаты, заставляющіе референта быть на-готовѣ противъ возможныхъ нападеній, и пріучающіе начинающихъ юристовъ обстоятельно и ясно излагать свои мысли и мнѣнія.

«V. **Диспутаторіи и конверсаторіи со студентами.** Диспуты по научнымъ вопросамъ могутъ или сопровождать реферированіе студентами ихъ работъ, или-же могутъ имѣть и самостоятельное значеніе. Иногда даже совершенно философскія темы, спеціально поставленныя для диспута, вызываютъ самые живые дебаты. Тѣмъ болѣе подобныя диспутированія студентовъ между собою, подъ ближайшимъ руководствомъ преподавателя, полезны въ примѣненіи къ чисто-юридическимъ вопросамъ. Что-же касается конверсаторій, то многіе считаютъ ихъ даже основнымъ способомъ преподаванія, при такъ называемыхъ лекціяхъ-бесѣдахъ или лекціяхъ съ собесѣдованіями.

«VI. **Репетиціи изъ пройденнаго.** Репетиціи изъ пройденнаго, по моему мнѣнію, могутъ вестись лишь по прочтеніи полнаго курса наукъ, т. е. лишь въ самомъ концѣ академическаго года; въ такомъ случаѣ онѣ являются если не чисто «практическими занятіями», то весьма существеннымъ практическимъ подспорьемъ для студентовъ въ качествѣ ближайшей подготовки къ экзамену. Но репетированіе изо дня въ день едва-ли можетъ способствовать систематическому усвоенію науки, такъ какъ университетское преподаваніе должно дать стройное и цѣлостное изложеніе предмета. Поэтому въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ репетиціи производятся лишь разъ въ годъ, въ концѣ перваго полугодія. Тѣмъ болѣе такіе репетиціи или экзаменаторіи цѣлесообразны въ концѣ втораго полугодія, т. е. при самомъ окончаніи академическаго года, когда пройденъ весь курсъ данной науки.

«VII. **Практическій разборъ судебныхъ дѣлъ.** Затѣмъ нѣкоторымъ подспорьемъ въ занятіяхъ на старшихъ курсахъ считается иногда также и практическій разборъ дѣлъ, съ распредѣленіемъ между слушателями главныхъ процессуальныхъ ролей. Путемъ такихъ упражненій имѣется въ виду ближайшимъ образомъ ознакомить студентовъ съ практическою стороною процесса и съ самымъ порядкомъ судоговоренія».

«Наконецъ, подспорьемъ при преподаваніи нѣкоторыхъ дисциплинъ является и посѣщеніе со студентами судовъ, тюремъ, исправительныхъ пріютовъ и колоній и т. п. Такія практическія занятія со студентами въ самыхъ мѣстахъ заключенія и въ камерахъ судебныхъ слѣдователей, безспорно, могутъ имѣть полный успѣхъ лишь при заранѣе выработанной программѣ и при живомъ участіи чиновъ судебнаго вѣдомства и администраціи».

«**Комментаторская** форма наиболѣе приложима къ наукамъ историко-юридическимъ (исторія римскаго, русскаго и славянскаго права) и къ положительному праву (русскому и иностранному). **Конверсаторская** форма особенно примѣнима къ наукамъ философскимъ и политическимъ (энциклопедія, государственное, международное, церковное, полицейское, финансовое право, политическая экономія и статистика). **Казуистическій** способъ наиболѣе приложимъ къ наукамъ чисто-юридическимъ (римское, гражданское, торговое, уголовное право и всѣ процессы). **Репетиторный-же** способъ, конечно, примѣнимъ ко всѣмъ наукамъ. Но, чтобы поддержать научный интересъ у учащихся къ практическимъ занятіямъ, не утомляя ихъ однообразіемъ какого-либо одного изо дня въ день принятаго метода, весьма полезно употреблять различные способы практическихъ упражненій. По наукамъ историко-юридическимъ, кромѣ коментаторскаго способа, вполнѣ допустимы методы конверсаторскій и репетиторный. По наукамъ чисто-юридическимъ, независимо казуистическаго метода, одинаково желательно примѣненіе всѣхъ прочихъ названныхъ выше методовъ; именно, въ началѣ учебнаго курса могутъ имѣть мѣсто комментаторскія занятія, затѣмъ казуистическія, далѣе конверсаторныя и наконецъ репетиціи».

Очень много, въ обыкновенномъ принятомъ имъ при обсужденіи даннаго вопроса тонѣ, писалъ о разныхъ видахъ практическихъ занятій и проф. **Петражицкій**. Есть занятія, къ которымъ онъ относится очень пренебрежительно, но все-же веденіе ихъ допускаетъ. Есть другія, которыя онъ осмѣиваетъ и не допускаетъ. Начнемъ съ первыхъ. Сюда относятся: 1) толкованіе источниковъ и 2) рѣшеніе такъ называемыхъ случаевъ. По обыкновенію-же онъ говоритъ о нихъ необычайно много и

совершенно безсодержательно. Извлечемъ изъ его статей то, что является наиболѣе дѣльнымъ.

«Особенно благопріятную почву для «практическихъ занятій» представляетъ на юридическомъ факультетѣ римское право; на почвѣ римскаго права впервые и главнымъ образомъ были выработаны: типы практическихъ занятій. Со стороны представителей этой юридической науки практическія занятія встрѣчаютъ особенно энергическую поддержку (между прочимъ, и покойный Н. П. Боголѣповъ былъ профессоромъ римскаго права). Практическія занятія состоятъ, прежде всего, въ чтеніи, переводѣ и разборѣ древнихъ памятниковъ римскаго права. Эти занятія по новымъ правиламъ имѣютъ обыкновенно нѣсколько своеобразный видъ.

«Начинается дѣло съ громкаго чтенія однимъ изъ студентовъ текста (въ нѣсколько строкъ). Въ этомъ громкомъ чтеніи нѣсколькихъ строчекъ латинскаго текста успѣшно проявляется элементъ «самостоятельности» и «активности» (столь цѣнный въ практическихъ занятіяхъ) со стороны учащагося, который обыкновенно самъ прочитываетъ текстъ успѣшно, только развѣ коверкая нѣкоторыя ударенія (напр., рѣдко можно услышать herédes, а обыкновенно читается héredes и т. п.). Затѣмъ слѣдуетъ уже значительно менѣе успѣшная, чаще всего совсѣмъ безуспѣшная попытка перевода текста на русскій языкъ. Здѣсь, между прочимъ, обнаруживается польза для юридическихъ факультетовъ и успѣшность восьмилѣтняго обученія латинскому языку въ гимназіяхъ. Впрочемъ, впечатлѣніе «знанія» латинскаго языка получается значительно худшее, нежели это соотвѣтствуетъ дѣйствительности: если-бы въ читаемыхъ текстахъ описывались битвы, разсказывалось о полководцахъ, бьющихъ непріятелей и затѣмъ отправляющихся въ другую провинцію и тамъ еще болѣе жестоко побивающихъ войска непріятелей, то такіе тексты, вѣроятно, наши гимназическіе латинисты, а по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, переводили-бы не безъ успѣха.

«Послѣ покушенія на переводъ и восполненія недостающаго знанія латинскаго языка со стороны преподавателя, наступаютъ сообщенія и поясненія юридическаго свойства, со стороны преподавателя-же, отличающіяся отъ лекцій тѣмъ, что они отрывочны и случайны — сообразно содержанію каждаго текста въ отдѣльности. Любителей этихъ практическихъ за-

нятій обыкновенно бываетъ мало; попробовавъ или увидавъ ихъ разъ, большинство уже второй разъ на нихъ не является, такъ что преобладающему большинству студентовъ своего пріобрѣтеннаго въ гимназіи «знанія» латинскаго языка вообще на юридическомъ факультетѣ утилизировать не приходится; точнѣе; большинство обходится безъ обнаруженія своего незнанія латинскаго языка.

«Второй, несравненно болѣе удачный видъ практическихъ занятій по римскому праву — казуистика, т. е., рѣшеніе конкретныхъ юридическихъ казусовъ на основаніи положеній этого права. Существуютъ спеціальныя брошюрки, содержащія обыкновенно по нѣскольку десятковъ такихъ казусовъ, т. е., сообщеній обстоятельствъ дѣла и вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію. Впрочемъ, и пользы этихъ практическихъ занятій **не слѣдуетъ преувеличивать**. Такъ, имъ приписывается обыкновенно способность обнаруживать и уяснить жизненное, практическое значеніе права, превращать «мертвыя абстрактныя формулы» въ живые образы ихъ значенія, дѣйствія и примѣненія. Особенно представители такъ называемой «практической школы» юриспруденціи придаютъ съ этой точки зрѣнія большое значеніе этимъ практическимъ занятіямъ». Г. Петражицкій не согласенъ съ этимъ.

«Гораздо резоннѣе и осмысленнѣе тотъ аргументъ въ пользу занятія рѣшеніями казусовъ, что оно доставляетъ учащимся практическую подготовку къ ихъ будущей дѣятельности, какъ судей, адвокатовъ... Но и въ этомъ аргументѣ слѣдуетъ внести оговорку. Совершенно ошибочно полагать, будто рѣшеніе десятка или даже двухъ десятковъ казусовъ, хотя-бы и весьма остроумно и интересно составленныхъ, можетъ сыграть сколько-нибудь серьезную роль въ дѣлѣ подготовки къ практической судебной или адвокатской дѣятельности. Неизмѣримо успѣшнѣе и продуктивнѣе въ этомъ направленіи, т. е. въ доставленіи учащимся казуистической сноровки, дѣйствуетъ приспособленіе общихъ курсовъ къ этой цѣли, какъ это дѣлается, напр., со стороны французскихъ преподавателей права, указаніе всевозможныхъ hypothèses, т. е. комбинацій разныхъ случаевъ и способовъ примѣненія общаго юридическаго положенія или коментируемаго конкретнаго закона. Кто видитъ цѣль юридическихъ факультетовъ въ доставленіи казуистической сноровки и вообще **въ ремесленной дрессировкѣ** будущихъ адвокатовъ и т. п. —

тому слѣдуетъ обратить вниманіе на характеръ и направленіе общихъ курсовъ, лекцій и печатныхъ руководствъ, а не уповать на рѣшеніе нѣсколькихъ юридическихъ казусовъ путемъ «практическихъ занятій».

«Мы полагаемъ, что **профессіальная сноровка** въ достаточной степени, съ большею легкостью и съ еще большимъ успѣхомъ, достигается послѣ окончанія университета путемъ практическаго стажа; юридическіе-же факультеты доставить практическую, профессіальную подготовку своимъ слушателямъ вообще не могутъ; для пониманія этого, кромѣ другихъ, болѣе глубоко лежащихъ основаній, изложеніе коихъ потребовало-бы здѣсь слишкомъ много мѣста, достаточно принять во вниманіе, сколь разнообразны и разнородны тѣ профессіи, по которымъ распредѣляются оканчивающіе юридическіе факультеты. Если-бы юридическіе факультеты вздумали доставлять соотвѣтственныя практически-профессіальныя сноровки, то они погнались-бы за столькими зайцами, что навѣрно ни одного-бы не поймали».

Относительно перечисленныхъ занятій г. Петражицкій даетъ свое разрѣшеніе примѣнять ихъ: «**Мы, впрочемъ, не возражаемъ**, говоритъ онъ, «противъ существованія такихъ и т. п. «практическихъ занятій» на юридическомъ факультетѣ. Кто изъ учащихся спеціально интересуется цивилистикою и римскимъ правомъ и достаточно подготовленъ къ юридическому разбору римскихъ текстовъ и рѣшенію казусовъ, пусть принимаетъ участіе въ этихъ занятіяхъ. Кто изъ доцентовъ пріобрѣлъ достаточно глубокое знаніе римскаго права и его исторіи, чтобы вести съ успѣхомъ эти практическія занятія—пусть ихъ ведетъ. Въ частности, что касается главныхъ типовъ спеціальныхъ практическихъ занятій по юридическимъ въ тѣсномъ смыслѣ наукамъ, т. е. рѣшенія казусовъ и разбора источниковъ и памятниковъ права, то мы готовы признать **желательность** ихъ существованія и въ области, напр., науки международнаго, церковнаго, финансоваго права, и т. д. Ничего не имѣемъ и противъ предложенія всевозможныхъ практическихъ занятій для юристовъ, кромѣ разбора памятниковъ и рѣшенія казусовъ». Считаетъ онъ ихъ не болѣе, какъ «**украшеніемъ университетскаго образованія**».

Рядомъ съ допустимыми проф. Петражицкій знаетъ еще **недопустимыя** практическія занятія. Сюда онъ относитъ всѣ

практическія занятія, преимущественно прикладнаго значенія, кромѣ, повидимому, выше названныхъ видовъ.

«Теперь», говоритъ онъ, «въ виду «могущественной поддержки» практическихъ занятій (какъ выражается авторъ одной недавно появившейся брошюры, содержащей гимнъ въ честь этихъ занятій и филиппику противъ лекціонной системы) идетъ **откапываніе** разныхъ старыхъ предложеній, относительно возможныхъ видовъ практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ и придумываніе **новыхъ сортовъ**». Г. Петражицкій имѣетъ здѣсь снова меня въ виду. Гимнъ мой въ честь практическихъ занятій выразился, какъ уже извѣстно, въ томъ, что для лицъ, желающихъ специализироваться въ области извѣстнаго предмета, я считаю нужнымъ не только общее теоретическое ознакомленіе съ нимъ, но и—1) болѣе подробное теоретическое изученіе его и 2) участіе въ практическихъ занятіяхъ по этому-же предмету. А филиппика противъ лекціонной системы въ томъ, что, разобравъ дѣйствительное значеніе лекцій въ преподаваніи, я пришелъ къ заключенію, что всѣхъ цѣлей факультетскаго преподаванія одно чтеніе лекцій не достигаетъ, хотя въ извѣстныхъ границахъ, несомнѣнно, и полезно, и указалъ возможные случаи его необходимаго примѣненія.

Изъ всего, что г. Петражицкій сказалъ о практическихъ занятіяхъ,—а говорилъ онъ о нихъ необычайно много, водянисто и запутанно, съ обыкновенными своими ужимками, — можно вывести только одно, именно, что эти занятія такъ что-то, отчасти смѣхотворное, отчасти несуразное, въ лучшемъ случаѣ безвредное. Особенно одобряются имъ занятія по римскому праву, причемъ изъ богатой системы возможныхъ и отчасти примѣняемыхъ упражненій онъ выхватываетъ только два вида, вести которые даетъ свое разрѣшеніе. Все это производитъ совершенно странное впечатлѣніе. Пишетъ, какъ-будто, лицо совершенно незнакомое съ постановкой дѣла не только заграницей, но и у насъ, совершенно не изучавшее ни педагогической литературы вообще, ни специальной даннаго вопроса въ особенности, пишетъ такъ себѣ, разсчитывая на то, что серьезно читать его никто не станетъ. Впрочемъ, несвѣдующая публика, несомнѣнно, позабавилась его «словечками» и пожалуй вообразила себѣ, что между строкъ его статей надо читать какой-нибудь особый, скрытый смыслъ, какого въ дѣйствительности нѣтъ и быть не можетъ при обсуж-

деніи столь простаго, чисто педагогическаго вопроса. Возможно-ли, допустимо-ли подобное отношеніе къ столь важной, столь больной сторонѣ факультетской жизни? Но г. Петражицкій, какъ показано въ примѣчаніи, не останавливается и на этомъ..[1]).

---

[1]) Перечисливъ разные виды практическихъ занятій прикладнаго характера по моей брошюрѣ, съ опущеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и не упомянувъ, что въ моей системѣ они являются второстепеннымъ видомъ необязательныхъ для всѣхъ студентовъ упражненій, г. Петражицкій подвергаетъ ихъ засимъ **осмѣянію** въ слѣдующей.... формѣ:

«Приведенные идеи и образцы практическихъ занятій далеко не исчерпываютъ всего того, что предлагается проф. Казанскимъ и другими приверженцами реформы современнаго университетскаго преподаванія на почвѣ практическихъ занятій, и что можно было-бы **придумать** во исполненіе ихъ воззрѣній на надлежащую постановку университетскаго вообще и спеціально юридическаго преподаванія. Въ особенности та любимая идея сторонниковъ практическихъ занятій, что эти занятія должны возможно ближе приводить учащихся въ соприкосновеніе, если не съ настоящею жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ и полнотѣ (что, особенно въ случаѣ **заточенія въ музеи и институты**, затруднительно), то по крайней мѣрѣ «съ возможно болѣе реальными замѣстителями жизненнаго опыта», «съ болѣе, или менѣе удачными замѣстителями» реальныхъ предметовъ и явленій, съ «нѣкоторыми подобіями» ихъ,—допускаетъ весьма широкое развитіе и примѣненіе; въ этомъ направленіи можно придумать несмѣтное множество видовъ и разновидностей практическихъ занятій, даже болѣе послѣдовательно и лучше воплощающихъ идеи авторовъ разныхъ проектовъ этого рода, нежели тѣ виды практическихъ занятій, которые они сами указываютъ.

«Вмѣсто или наряду съ осмотромъ и изученіемъ моделей присутственныхъ мѣстъ и учрежденій, напр., сената, синода, государственнаго совѣта, можно было-бы устроить и **«нѣкоторыя подобія» засѣданій въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ**. Можно было-бы заказать и закупить въ юридическіе музеи массу «подобій», **куколъ, изображающихъ сенаторовъ, членовъ государственнаго совѣта** и чиновъ иныхъ вѣдомствъ и учрежденій въ подлежащихъ мундирахъ («формахъ отдѣльныхъ вѣдомствъ») со звѣздами и орденами, и по крайней мѣрѣ «нѣкоторыя подобія» важнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, сановниковъ разныхъ вѣдомствъ: пріобрѣтеніе «подобій» всякаго мелкаго чина всѣхъ вѣдомствъ въ подлежащихъ мундирахъ слишкомъ дорого-бы обошлось—даже при томъ обильномъ и щедромъ снабженіи средствами юридическихъ институтовъ и музеевъ, какихъ требуетъ отъ казны, наприм., проф. Казанскій, **не посовѣщавшись**, вѣроятно, предварительно **съ министерствомъ финансовъ**,

Относительно того, что университетъ не можетъ брать на себя канцелярской подготовки слушателей, нѣтъ двухъ мнѣній между извѣстными намъ писателями. Но нѣкоторые идутъ еще дальше и отвергаютъ всякое ознакомленіе учащихся съ формальными условіями ихъ будущей общественной и государственной дѣятельности и службы. Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться. Подобное ознакомленіе мы считаемъ, въ извѣстныхъ размѣрахъ, вполнѣ допустимымъ, потому что оно можетъ приносить несомнѣнную пользу учащимся; но именно только допустимымъ и только въ извѣстныхъ размѣрахъ. Посмотримъ, однако, что говорятъ разныя лица.

«И вотъ, имѣя въ распоряженіи такія «подобія», «изображенія» засѣданій, профессоръ руководилъ-бы и распоряжался, приказывалъ-бы спеціально обученному этимъ практическимъ занятіямъ педелю взять съ такой-то полки № такой-то столько-то, напр., десятокъ сенаторовъ, захвативъ по дорогѣ и одного оберъ-прокурора, и устроить засѣданіе департамента, потомъ послалъ-бы педеля съ корзиной за новыми сенаторами и устроилъ-бы соединенное присутствіе перваго и уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ и т. д. Вѣдь, не въ стѣнахъ дѣло, не въ формѣ зданій, представляемыхъ гипсовыми моделями, и даже не въ формѣ зала присутствій, а въ самихъ присутствіяхъ. Мы слѣдуемъ лозунгу, что не учрежденія важны, а люди! Важна не форма зала для засѣданій, а что въ немъ дѣлается, какія засѣданія тамъ происходятъ и кто засѣдаетъ».

Проф. Петражицкій находитъ, повидимому, все это .... очень остроумнымъ и убѣдительнымъ. Мы предпочли-бы, чтобы онъ объяснился хоть въ этомъ случаѣ по существу. Можетъ быть, ему и удалось-бы сказать что-нибудь резонное противъ указанныхъ на стр. 196—200 занятій прикладнаго значенія и предохранить и насъ, и нашихъ товарищей по факультетской дѣятельности отъ ошибокъ, столь нежелательныхъ въ учебномъ дѣлѣ. Вѣдь, практическія занятія прикладнаго значенія, для осмѣянія которыхъ онъ сочинилъ приведенный новый видъ упражненій со студентами, давно уже и многими лицами и съ видимой пользой примѣняются на дѣлѣ. Было-бы также небезъинтересно, если-бы онъ объяснилъ, въ чемъ собственно заключается, по его мнѣнію, нелѣпость, положимъ, того богатѣйшаго собранія предметовъ и моделей, которое мы находимъ въ музеѣ уголовнаго права при Петербургскомъ университетѣ? Можетъ быть, ему и удалось-бы остановить развитіе учебно-научныхъ установленій при юридическихъ факультетахъ, чѣмъ нынѣ столь заняты русскіе учителя права. Г. Петражицкій избралъ болѣе легкій путь для достиженія своихъ цѣлей, путь, который болѣе приличествовалъ-бы кому-нибудь другому, а не профессору университета.

Проф. **Загоровскій**, имѣя въ виду кружки студентовъ для изученія адвокатской практики, пишетъ: «Конечно, адвокатура имѣетъ нѣкоторую присущую ей технику, но на усвоеніе ея жаль дорогаго университетскаго времени. Даже изученіе судебныхъ прецедентовъ въ формѣ кассаціонныхъ рѣшеній не настолько полезно, чтобы на ознакомленіе съ выводами ихъ слѣдовало-бы затрачивать время, которое должно быть посвящено наукѣ. **Ничего не можетъ быть смѣшнѣе и безполезнѣе «игры въ судъ», съ раздачей ролей сторонъ судей и т. д.** Смѣшно серьезное дѣло превращать въ игру. Безполезна эта комедія потому, что знаніе, а не декораціи, научитъ и правильно судить, и правильно вести процессъ.

«Не совсѣмъ понятны также практическія занятія **по судебному краснорѣчію**. Если здѣсь имѣется въ виду такъ называемая теорія судебнаго краснорѣчія, то, строго говоря, ея не существуетъ. Сами сторонники его говорятъ, что къ судебному краснорѣчію, какъ къ части ораторскаго искусства, приложимы общія правила послѣдняго. Извѣстно, что существуетъ особая **теорія ораторскаго искусства**, а въ древности полагали, что это искусство не составляетъ врожденнаго таланта, а что ему можно научиться (fiunt oratores, nascuntur poetae), но въ существѣ едва-ли можно это искусство преподавать и приготовить, такъ сказать, оратора. Если ораторское искусство, какъ его опредѣляютъ, есть умѣнье говорить связно, логически и художественно, то никакія правила, сами по себѣ, тутъ не помогутъ: природный даръ, общее развитіе и достаточное образованіе скорѣе обезпечиваютъ возможность сдѣлаться ораторомъ, чѣмъ школа ораторскаго искусства. Конечно, какъ всякая способность, и ораторскій талантъ можетъ быть **усовершенствованъ**, но едва-ли созданъ. Такъ едва-ли создадутъ и судебныхъ ораторовъ практическія занятія по судебному краснорѣчію. У кого есть этотъ талантъ, онъ можетъ быть разработанъ, но разработанъ въ дѣлѣ, **въ жизни**, въ дѣйствительномъ его примѣненіи, а не въ игрѣ.

«Такимъ образомъ, полагаемъ, что и упражненія въ уголовной практикѣ должны быть сведены не къ краснорѣчію, а къ логикѣ, къ уразумѣнію, разбору и истолкованію фактической стороны дѣла и къ сопоставленію ея съ юридической стороной,

Конечно, и здѣсь, какъ и на упражненіяхъ по гражданскому праву, можно и слѣдуетъ обращать **вниманіе на правильность, точность и вразумительность рѣчи и, пожалуй, на изящество ея.** Напрасно думаютъ нѣкоторые, что красивый оборотъ рѣчи и страстно приподнятый тонъ непремѣнно тронутъ сердце присяжнаго засѣдателя. Убѣдительность фактовъ и вѣрный силлогизмъ одновременно подѣйствуютъ и на умъ, и на сердце, и гораздо надежнѣе, чѣмъ трескучая фраза, хотя-бы и патетически произнесенная. Ничто не можетъ быть непріятнѣе и вреднѣе въ общественныхъ дѣлахъ, какъ пустая болтовня, и съ юности слѣдуетъ отъ нея отучать».

Въ другомъ мѣстѣ почтенный профессоръ выражается еще такъ: «Такъ какъ университетъ преслѣдуетъ научныя цѣли, такъ какъ въ кругъ его задачъ не **входитъ непосредственная подготовка къ практической дѣятельности,** то онъ не долженъ принимать на себя никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ научныхъ,—да онъ не располагаетъ для этого и временемъ: университетскаго курса едва достаточно для усвоенія факультетскихъ дисциплинъ». Думается, и теперь многіе и вполнѣ основательно полагаютъ, что путемъ соотвѣтствующихъ упражненій можно усовершенствоваться въ краснорѣчіи.

Еще дальше идетъ г. Z., называющій себя **судебнымъ дѣятелемъ** и возстающій въ «Спб. Вѣдомостяхъ» противъ **разныхъ видовъ** практическихъ занятій.

«Довольно наивно требовать отъ окончившаго курсъ юридическихъ наукъ умѣнья примѣнять дѣйствующіе законы **къ жизненному случаю.** Этому можетъ научить только практика. Имѣя случай много лѣтъ видѣть работу кандидатовъ на судебныя должности, я удивлялся полному ихъ незнакомству съ азбукой права. Въ томъ-то и бѣда, что большинство этихъ молодыхъ людей считало себя уже готовыми юристами, способными занять прямо со школьной скамьи какую-угодно отвѣтственную должность и смотрѣвшими на свою подготовительную дѣятельность, въ качествѣ кандидатовъ на судебныя должности, какъ на совершенно лишнюю и притомъ несправедливую обузу... Конечно, бываютъ исключенія, но всякій практическій дѣятель знаетъ, какъ они рѣдки.

«**Обученіе судебному краснорѣчію** не должно входить въ программы университета. Прежде всего для этого и времени-то нѣтъ. Въ четыре года, дай Богъ, чтобы студентъ ознакомился съ началами права, выучился мыслить и излагать свои мысли... Я вовсе не отрицаю полезности нѣкоторыхъ практическихъ занятій, такъ какъ они только и могутъ научить излагать грамотно мысль; но всякая **игра въ суды**—кромѣ потери драгоцѣннаго времени ни къ чему привести не можетъ. Точно также и **разборъ вопросовъ матеріальнаго права безцѣленъ**. Это придетъ само собой, въ свое время. Обширность нашего матеріальнаго права такъ велика, что и съ выдающимися его моментами, дай Богъ, чтобы студенты юридическихъ факультетовъ могли основательно ознакомиться на школьной скамьѣ.

«**Устройство примѣрныхъ судовъ** практиковалось неразъ въ нашихъ университетахъ. Но никакого толку отъ этихъ затѣй не было, да и быть не можетъ. Университетъ не призванъ, да и не въ состояніи давать министерству юстиціи готовыхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ. Мало того, отъ окончившихъ юридическій факультетъ невозможно и требовать полнаго знакомства со всѣми законами и даже всѣми процессуальными правилами. Это дѣло практики, а не университетовъ. Университетъ долженъ знакомить слушателей своихъ съ теоріей права, съ основами процесса и научить юридически мыслить и умѣть выражать мысли на бумагѣ». Со многимъ изъ сказаннаго г. Z. нельзя не согласиться; къ сожалѣнію только, онъ такъ рѣшительно отвергаетъ разные виды практическихъ занятій, что становится непонятнымъ, въ чемъ-же состоятъ тѣ занятія, «полезности которыхъ онъ не отрицаетъ»?

Г. **Яковлевъ**, съ своей стороны, пишетъ еще такъ: «Защитники практическихъ занятій говорятъ преимущественно о юридическихъ факультетахъ, гдѣ эти занятія поставлены весьма слабо. Что же можно сдѣлать здѣсь? Нѣкоторые рекомендуютъ устраивать для юристовъ судебно-театральныя представленія съ судьями, прокурорами, свидѣтелями и прочими аттрибутами процесса. По нашему глубокому убѣжденію,—это **дѣтскія игрушки**. Отъ такихъ представленій наука не выиграетъ, а студенты не сдѣлаются хорошими судьями и адвокатами. Для того, чтобы писать повѣстки и протоколы, не нужно и руководства профессора, для этого совершенно достаточно пригласить

опытнаго писца изъ окружнаго суда, который всю эту канцелярщину изучитъ въ совершенствѣ. Но, спрашивается, при чемъ же здѣсь будетъ наука? Очевидно, здѣсь ей нѣтъ мѣста. Такой способъ преподаванія, напротивъ, повелъ-бы только къ паденію юридической науки, такъ мало и такъ слабо у насъ разработанной, и не сдѣлалъ-бы изъ студентовъ юристовъ-практиковъ, такъ какъ практическія знанія права и процесса добываются долгимъ опытомъ въ теченіе длиннаго ряда годовъ». Г. Яковлевъ, конечно, совершенно чистосердечно убѣжденъ въ томъ, что кто-то предлагалъ замѣну чтенія лекцій обученіемъ искусству писать повѣстки, и нельзя не отнестись съ извѣстнымъ почтеніемъ къ негодованію, которое вызвали въ немъ подобныя предположенія. Къ счастью, ничего подобнаго никѣмъ и нигдѣ въ нашей литературѣ не предлагалось. Практическія занятія, призванныя играть важную роль въ факультетскомъ преподаваніи, имѣютъ своимъ основнымъ содержаніемъ нѣчто другое и гораздо болѣе важное.

Болѣе вѣрныя мысли относительно желательнаго положенія дѣла находимъ мы у г. **Черк—ова**, который высказывается нѣсколько въ иномъ духѣ, чѣмъ предшествовавшія лица. Онъ пишетъ именно:

«Какъ на одну изъ главныхъ причинъ неустройства «юридической клиники», мы укажемъ на тенденцію знакомить слушателей на практическихъ занятіяхъ главнымъ образомъ съ внѣшними формами права и процесса, именно, главнымъ образомъ со статьями свода, съ формами суда, судебнаго и предварительнаго производства и т. д. Мы полагаемъ, что ознакомленіе со всѣми этими аксессуарами право-процесса должно занимать не главное, а **второстепенное**, побочное мѣсто. Смыслъ практическихъ занятій долженъ быть направленъ на уясненіе квинтэссенціи самого права, на возбужденіе самобытной работы духа и мысли слушателей, а не на освоеніе съ готовыми формами; освоеніе придетъ само собою. Не бѣда, если окончившій университетъ не будетъ знать, какъ написать протоколъ, рапортъ, сколько повѣстокъ послать свидѣтелю и т. д.; это все принадлежитъ сферѣ юридическаго ремесленничества и можетъ быть усвоено легко; а бѣда въ томъ, если окончившіе юридическій факультетъ не будутъ имѣть основъ, устоевъ права, не

будутъ имѣть идей и идеаловъ права; они могутъ знать наизусть статьи свода и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могутъ не понимать самого права, его сущности. Подобно тому, какъ врачъ прежде долженъ поставить діагнозъ, а потомъ браться за инструменты, такъ и юристы наши, дабы не обратиться въ юридическихъ аптекарей, прежде всего должны уяснить духъ и идеалы права, полюбить и выстрадать ихъ, а потомъ уже обращаться къ внѣшнимъ формамъ право-процесса». Вполнѣ основательныя замѣчанія, которыя никакъ нельзя понимать въ смыслѣ предложенія отмѣнить всякаго рода практическія занятія прикладнаго характера.

На правильной точкѣ зрѣнія стоитъ и **«Юридическая Газета»**, когда настаиваетъ на введеніи для студентовъ юристовъ упражненій въ краснорѣчіи.

«**Наука красиво и звучно говорить** вовсе не преподается въ нашихъ университетахъ. А чтеніе лекцій по запискамъ и конспектамъ не способствуетъ развитію среди студентовъ краснорѣчія, тѣмъ болѣе, что многіе профессора даже въ своихъ обработанныхъ для печати трудахъ выражаются такимъ ужаснымъ языкомъ, отъ котораго нельзя не придти въ отчаяніе. Вмѣсто простыхъ общепонятныхъ русскихъ словъ и выраженій, лекціи ихъ пестрѣютъ отъ набора иностранныхъ словъ, повторяемыхъ иногда безъ всякой нужды по нѣсколько разъ, и мысль, которую хорошій ораторъ сумѣлъ-бы ясно выразить въ немногихъ словахъ, у нихъ растягивается на цѣлыя страницы.

«**Искусство владѣть роднымъ языкомъ** не только на письмѣ, но и въ рѣчахъ должно непремѣнно войти въ программу преподаванія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Нельзя забывать, что самые выдающіеся ораторы не родились краснорѣчивыми, а сдѣлались таковыми только послѣ упорнаго труда надъ выработкою своей рѣчи и пріемовъ говорить публично. Если-бы въ университетахъ, на юридическихъ факультетахъ, существовали обязательныя практическія упражненія въ произнесеніи рѣчей на заданныя темы, и происходили-бы примѣрныя судебныя пренія съ распредѣленіемъ между студентами ролей прокуроровъ, защитниковъ и предсѣдателей, то навѣрное въ нашихъ судахъ приходилось-бы чаще встрѣчать такихъ юристовъ, которые обладаютъ умѣніемъ красиво и ясно выражать свои мысли».

По этому поводу академикъ **И. И. Янжулъ** совершенно основательно замѣчаетъ, «что у насъ въ огромномъ большинствѣ никто не пріучается **хорошо говорить**, и что нашъ студентъ не имѣетъ ни случая, ни руководства для развитія этого важнаго качества, кромѣ опять-таки практическихъ занятій и семинарій тамъ, гдѣ они устроены и хорошо ведутся». «Попытки подобнаго знакомства съ судебной практикой у насъ уже дѣлались, и намъ извѣстны многіе случаи такого примѣрнаго судоговоренія, на памяти еще живыхъ людей, напримѣръ въ Московскомъ и Казанскомъ университетахъ; но, не отрицая значенія этихъ подражаній судебнымъ состязаніямъ, устраиваемыхъ между студентами-юристами, нельзя, однако, упускать изъ вида, что отъ нихъ получается лишь второстепенная польза, главнымъ образомъ именно въ смыслѣ упражненія въ ораторскомъ искусствѣ и привычки говорить публично. Другіе-же разнообразные виды практическихъ занятій, нынѣ уже встрѣчаемые одинаково и заграницей, и у насъ (толкованіе источниковъ, обсужденіе казусовъ и, главное, семинаріи), имѣютъ, конечно, неизмѣримо высшее значеніе».

Дѣйствительно, всѣ подобныя упражненія могутъ быть полезны, а поэтому являются и допустимыми, поскольку не вредятъ болѣе важнымъ занятіямъ учащихся, отнимая у нихъ время и пр. Изъ-за того, что есть упражненія еще болѣе важныя, никакъ нельзя отвергать тѣхъ, которыя все-же имѣютъ **нѣкоторое значеніе**. Всему свое мѣсто.

Слѣдующій вопросъ, отмѣченный въ печати 1901 г., относится къ **учебно-вспомогательнымъ установленіямъ** при юридическихъ факультетахъ. Нужда въ нихъ крайняя и сознается всѣми. Развитіе разныхъ научно-учебныхъ установленій при юридическихъ факультетахъ является требованіемъ времени не только у насъ, но и всюду въ образованномъ мірѣ. Всѣ русскіе юридическіе факультеты дѣлаютъ болѣе или менѣе удачныя попытки обзавестись ими. Въ этомъ отношеніи они въ особенности отстали отъ другихъ факультетовъ.

Вопросу о юридической клиникѣ посвящена вышеуказанная статья г. Люблинскаго, излагающая воззрѣнія проф. Фроммгольда. Мнѣніе И. И. **Янжула** было уже приведено выше. Проф. **Есиповъ**, съ своей стороны, пишетъ:

«Для болѣе правильной постановки преподаванія права, необходимо: 1) увеличить количество штатныхъ преподавателей на юридическихъ факультетахъ; 2) увеличить суммы на выписку книгъ для университетскихъ библіотекъ, особенно ради практическихъ занятій; 3) дать юридическимъ факультетамъ особыя помѣщенія для семинарій, кабинетовъ, спеціальныхъ библіотекъ и т. п. Правительство дастъ средства, профессора внесутъ силы, и общество наградитъ ихъ своимъ сочувствіемъ».

У проф. **Симоненко** мы снова встрѣчаемъ весьма интересныя и важныя соображенія, именно о такъ называемыхъ библіотекахъ.

«Какъ физико-математическій и медицинскій факультеты не въ состояніи обходиться безъ лабораторій, музеумовъ, клиникъ, обсерваторій и тому подобныхъ вспомогательныхъ учебныхъ учрежденій, также точно юридическіе факультеты, при преобразованіи университетскаго преподаванія на новыхъ началахъ, не могутъ обходиться безъ семинарскихъ библіотекъ, организація которыхъ въ первые годы потребуетъ значительныхъ средствъ». «**Библіотеки для испытателей общества** замѣняютъ всѣ тѣ вспомогательныя учебныя учрежденія, какими располагаютъ физико-математическій и медицинскій факультеты. Хотя университетская библіотека снабжена книгами, необходимыми для каждаго факультета, но въ такомъ **ничтожномъ количествѣ экземпляровъ каждаго сочиненія**, что въ первый-же мѣсяцъ послѣ открытія чтенія лекцій большая часть важнѣйшихъ для студентовъ руководствъ и пособій бываетъ разобрана ими. Если-бы всѣ студенты пожелали взять изъ университетской библіотеки рекомендованныя имъ профессорами сочиненія, по которымъ можно было-бы слѣдить за чтеніемъ лекцій, то находящіеся въ ней запасы каждаго изъ этихъ сочиненій оказались-бы каплею въ морѣ.

«Пріобрѣтать-же ихъ громадное большинство студентовъ не въ состояніи, не располагая необходимыми для этого средствами, почему и предпочитаетъ обходиться безъ книгъ, довольствуясь литографированными записками читаемыхъ имъ лекцій. Неудивительно, что для многихъ студентовъ, во все время четырехлѣтняго пребыванія ихъ на юридическомъ факультетѣ, **книгъ какъ-бы не существуетъ**. Профессорскія лекціи въ лито-

графированномъ видѣ являются для нихъ альфой и омегой всей университетской премудрости. Такимъ образомъ большинство нынѣшнихъ университетскихъ слушателей находится въ положеніи, пожалуй, даже менѣе благопріятномъ, чѣмъ студенты средневѣковыхъ университетовъ до изобрѣтенія книгопечатанія, которые тоже почерпали всю свою премудрость отъ профессоровъ, но, по крайней мѣрѣ, сами записывали ихъ лекціи; теперь-же единственнымъ источникомъ знаній является профессорскій курсъ, записанный даже не ими самими, а составленный съ грѣхомъ пополамъ однимъ или двумя студентами, со все возможными искаженіями слышаннаго съ каѳедры».

Въ своей брошюрѣ я также настаиваю на *«открытіи при юридическомъ факультетѣ особыхъ ученыхъ и учебныхъ установленій, гдѣ-бы учащіеся могли пробовать свои силы въ различныхъ отношеніяхъ. Сюда относятся спеціальныя библіотеки, бюро для подачи юридическихъ совѣтовъ, — то, что Д. Мейеръ называетъ юридической клиникой, — кабинеты для освидѣтельствованій въ судебно-медицинскомъ и др. отношеніяхъ, музеи—уголовный, экономическій и пр., кабинеты для занятій учащихъ и учащихся общеюридическіе и по отдѣльнымъ предметамъ, архивы уголовныхъ, гражданскихъ и др. дѣлъ, полученныхъ изъ правительственныхъ учрежденій, а равно и архивы древнихъ и современныхъ актовъ, собранія моделей разныхъ государственныхъ и общественныхъ мѣстъ и сооруженій, образцовъ употребляющихся въ нихъ предметовъ, бумагъ и т. п. до формъ отдѣльныхъ вѣдомствъ включительно, собранія картинъ, рисунковъ, картъ, таблицъ, и т. п., относящихся къ разнымъ, проходимымъ на факультетѣ, предметамъ, ученыя общества, открытыя студентамъ, и ученыя изданія, въ которыхъ могли-бы помѣщаться лучшія работы учащихся»*. На подробномъ развитіи этой мысли я уже не останавливаюсь, отсылая желающихъ къ моей брошюрѣ. Сдѣлаю еще только одно замѣчаніе.

«Всѣ учебныя и ученыя приспособленія и установленія по извѣстному предмету, или извѣстнымъ родственнымъ предметамъ могутъ образовывать спеціальный **институтъ**, занимающій особое помѣщеніе въ университетѣ, если понадобится даже особое зданіе. Главную часть института составляютъ разныя помѣ-

щенія для работы учащихся и учащихъ. Во главѣ института стоитъ профессоръ со своими помощниками. Здѣсь сосредочивается вся ученая и учебная дѣятельность по извѣстному предмету». Идеаломъ для меня были тѣ химическіе, физическіе и другіе спеціальные учебно-научные институты, которые основываются нынѣ при факультетахъ естественномъ, медицинскомъ и даже историко-филологическомъ. Предложенія эти вызвали рѣзкія возраженія со стороны проф. Петражицкаго, но они снова такого рода, что ихъ умѣстнѣе привести въ примѣчаніи [1]).

Въ заключеніе еще одинъ вопросъ, затронутый въ нашей печати. Кому поручать веденіе практическихъ занятій? Въ виду того, что это дѣло очень трудное, гораздо болѣе трудное, чѣмъ

---

[1]) Желая, повидимому, окончательно погубить предложеніе о развитіи при юридическихъ факультетахъ практическихъ занятій и учебно-научныхъ вспомогательныхъ установленій, проф. Петражицкій помѣстилъ въ № 755 «Россіи» за 1901 г. статью, которая начиналась буквально слѣдующимъ образомъ:

«**Институтъ международнаго права** и его музеи для производства практическихъ занятій по наглядному методу «замѣстителей» и «подобій» дѣйствительной жизни — должны были-бы состоять изъ двухъ отдѣленій.

«Необходимо, прежде всего, сухопутное отдѣленіе съ солдатиками, въ надлежащихъ формахъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ частей армій главнѣйшихъ народовъ, принимающихъ участіе въ международномъ общеніи, съ разными видами такъ-называемыхъ не-комбатантовъ, **съ китайскими дѣвицами**, бурскими фермами и т. п. (для иллюстраціи новѣйшихъ успѣховъ международнаго права), здѣсь-же должны быть: полевые лазареты Краснаго Креста съ бѣлыми флагами, блиндированные поѣзда, разные дозволенные и недозволенные виды оружія, пули думъ-думъ, разрывные снаряды... (разумѣется, только нѣкоторыя подобія, чтобы выстрѣлы и взрывы во время практическихъ занятій по международному праву отнюдь не убивали и даже не ранили производящаго эти практическія занятія профессора и его учениковъ, а тѣмъ болѣе мирныхъ обывателей)... послы съ ихъ штатами, орденами и ливреями, модели дворцовъ посольствъ, залъ для конгрессовъ и конференцій—«всего перечислить нельзя».

«Но затѣмъ необходимо и морское отдѣленіе, особенно для производства практическихъ занятій изъ области морской войны, разныхъ видовъ блокады, каперства, призоваго права, и т. д. Для сего необходимъ при каждомъ институтѣ особый международно-правовой прудъ или, по крайней мѣрѣ,

чтеніе лекціи, мнѣнія всѣхъ, высказавшихся по этому поводу, склоняются къ тому, чтобы **во главѣ** всего стоялъ **профессоръ**

большая **юридическая лужа** съ нѣкоторымъ подобіемъ Дарданеллъ, Суэцкаго канала и т. д., съ достаточнымъ (напр., для понятія эффективной блокады!) числомъ военнымъ корабликовъ разныхъ типовъ, нѣсколькими торговыми корабликами (при чемъ нѣкоторые изъ нихъ должны быть нагружены разными подобіями военной контрабанды, другіе принаровлены къ каперству и т. д.)... и вообще всѣмъ необходимымъ для того, чтобы юридическая лужа могла служить ареною для производства съ надлежащею обстановкою, возможно ближе напоминающею дѣйствительность, — практическихъ занятій **по спеціальности автора упомянутыхъ выше предложеній**, т. е. по международному праву...

«**Планъ** надлежащей постановки преподаванія на юридическихъ факультетахъ **проф. Казанскаго** написанъ такъ замачиво, что поневолѣ забываешь совсѣмъ о министерствѣ финансовъ и начинаешь увлекаться..».

Весь этотъ «**планъ**» **сочиненъ**, конечно, **самимъ г. Петражицкимъ**, но многіе читатели газеты, не знакомые съ «критическими» пріемами г. Петражицкаго, не читавшіе моей брошюры и не имѣющія яснаго представленія о томъ, что происходитъ у насъ на юридическихъ факультетахъ, несомнѣнно, были удачно введены въ заблужденіе и подумали, пожалуй, что «планъ» принадлежитъ дѣйствительно не г. Петражицкому и что вообще предложенія, дѣлаемыя для болѣе научной и широкой постановки преподаванія права, ничего серьезнаго въ себѣ не заключаютъ. Только этого г. Петражицкому и надо было. Не знаю, какими словами охарактеризовать подобный пріемъ? Но проф. Петражицкій и на этомъ не остановился. Онъ сталъ возражать мнѣ на вложенную имъ самимъ въ мои уста нелѣпость. Послѣ послѣднихъ, выше приведенныхъ словъ онъ непосредственно продолжаетъ такъ:

«Впрочемъ, съ нѣкоторыми изъ его **предложеній я не могу согласиться**. Такъ, я боюсь, какъ-бы нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ имъ практическихъ занятій не сдѣлали слишкомъ большой конкурренціи цѣли доставленія учащимся, между прочимъ, и научнаго образованія въ области права, чтобы они не лишили учащихся возможности заняться, между прочимъ, и научнымъ изученіемъ права. Послѣднее, какъ и вообще всякое познаніе права, слѣдуетъ, конечно, строго отличать отъ обученія составленію оффиціальныхъ и иныхъ бумагъ и актовъ, и вообще техническимъ пріемамъ разныхъ профессій, вѣдомствъ и службъ, а равно и отъ «теоретическаго» или нагляднаго ознакомленія съ явленіями этого рода. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ смѣшивать права и научнаго познанія его принциповъ съ различными установленіями, «законодательными, административными и судебными мѣстами» и осмотромъ ихъ въ подлинномъ видѣ, на мѣстѣ, или въ видѣ гипсовыхъ моделей, въ музеѣ.

данная предмета. Профессору-же должны быть даны нужные помощники. Проф. **Петражицкій** говоритъ:

«То, что теперь въ этой области **продѣлывается**, весьма мало соотвѣтствуетъ высотѣ и достоинству университетскаго

«Если почтенный авторъ книги о раціональной постановкѣ преподаванія права говоритъ о необходимости «осмотра, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ учрежденій и установленій, которыя изучаются той или другой наукой права», то несмотря на офиціальный титулъ автора (ординарный профессоръ юридическаго факультета), возникаетъ сомнѣніе, **знаетъ-ли онъ, что такое право**, и что «изучается той или иной наукой права». Право и его учрежденія (нормы и институты права) есть нѣчто невидимое и никакому осмотру или иному изученію по наглядному методу любителей практическихъ занятій по существу своему не поддающееся. Его учрежденія строятся не изъ камня или кирпича на площадяхъ, а изъ нормъ права, особыхъ явленій духа человѣческаго — правилъ и убѣжденій относительно того, къ чему кто обязанъ такъ, что другимъ: государству, частнымъ лицамъ и т. д. принадлежитъ притязаніе на соотвѣтственное поведеніе.

«Поэтому мы не совѣтуемъ **переносить сенатъ и синодъ въ университетъ** не только изъ боязни, какъ-бы они не развалились въ дорогѣ или не произошло другихъ затрудненій и бѣдствій при перевозкѣ столь большихъ и громоздкихъ предметовъ въ рекомендуемые музеи при юридическихъ факультетахъ, но и потому, что мы, юристы, этихъ предметовъ вообще не изучаемъ; они предмета науки права вовсе не составляютъ. Поэтому и всѣ тѣ «нѣкоторыя подобія» сихъ установленій, «собранія моделей разныхъ государственныхъ и общественныхъ мѣстъ и сооруженій», которыми проф. Казанскій и подобные ему мечтатели, наполняютъ въ своемъ богатомъ воображеніи юридическіе факультеты и музеи, мы совѣтуемъ бережно запаковать и послать ихъ лучше всего «гражданскимъ инженерамъ» — можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ имъ понадобятся. А намъ, представителямъ науки права, ни профессорамъ, ни студентамъ — ни подлинныя «мѣста» и «учрежденія», ни гипсовыя модели ихъ не надобны; эти предметы и музеи даже, пожалуй, намъ и положительно нежелательны, а то, чего добраго, и студенты-юристы станутъ смѣшивать правовыя учрежденія съ тѣми учрежденіями, которыя можно осматривать въ подлинномъ видѣ или въ видѣ «нѣкоторыхъ подобій», гипсовыхъ и иныхъ; особенно, если ихъ заставить **сидѣть цѣлый день взаперти среди этихъ подобій и оглуплять ихъ** еще и иными средствами по новымъ методамъ университетскаго преподаванія...» Ограничиваемся этими ссылками, такъ какъ совершенно невозможно исчерпать всего остроумія г. Петражицкаго.

Входить въ обсужденіе допустимости пріемовъ, къ которымъ прибѣгъ проф. Петражицкій и въ этомъ случаѣ, конечно, совершенно невозможно. Пріемы эти говорятъ сами за себя.

преподаванія. Особенно ненормальное явленіе представляетъ двухсторонняя неподготовленность къ этимъ занятіямъ, — какъ на сторонѣ учащихся, такъ и на сторонѣ учащихъ. Есть, конечно, изъятія. Но во всякомъ случаѣ нѣкоторые изъ ведущихъ

Г. Петражицкій не рѣшился прямо отвергать пользы для студентовъ, изучающихъ уголовное право, посѣщенія, напр., тюремъ разныхъ системъ, для студентовъ, изучающихъ полицейское право,— разныхъ благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и т. п. учрежденій, для студентовъ, изучающихъ уголовный и гражданскій процессы, -засѣданій разныхъ судебныхъ установленій и т. д., и т. д. Онъ не могъ также отвергать значенія такихъ учрежденій, какъ богатый музей уголовнаго права или статистическій кабинетъ при Петербургскомъ университетѣ, юридическіе кабинеты и спеціальныя студенческія библіотеки при разныхъ университетахъ и пр. Онъ не могъ, словомъ, отвергать разумнаго осуществленія идеи научно-учебныхъ установленій при юридическихъ факультетахъ и вотъ онъ сочиняетъ нелѣпую пародію на то, что предлагается, а отчасти уже и существуетъ въ дѣйствительности, и надѣется такимъ путемъ что-либо доказать... Причемъ даетъ своей пародіи такую неудачную,—чтобы не употребить другаго выраженія,—форму, что слѣдуетъ спеціально изучать его статьи для того, чтобы понять, что это только пародія, а не дѣйствительныя предложенія тѣхъ лицъ, воззрѣнія которыхъ онъ опровергаетъ. Испробовавъ въ рядѣ статей всѣ свои рессурсы для того, чтобы отвергнуть положенія нашей брошюры, г. Петражицкій не нашелъ ничего лучшаго, какъ сочинить, на всеобщую потѣху, нелѣпую каррикатуру, придираясь къ словамъ и къ мелкимъ подробностямъ новой системы преподаванія, относительно которыхъ всегда можно прійти къ соглашенію, если только дѣйствительно желать быть полезными русскому народному просвѣщенію. Доселѣ не вѣрится, что онъ позволилъ себѣ напечатать все это...

Что-же касается единственнаго серьезнаго довода противъ возможности ввести нѣкоторый элементъ наглядности въ преподаваніе права, именно, напоминанія проф. Петражицкаго, что право есть область идей, никакому внѣшнему осмотру не подлежащихъ, то я приведу здѣсь слѣдующее замѣчаніе г. Грибовскаго. «Несомнѣнно, что область юриспруденціи — область идей, но литература и искусство развѣ не заключаютъ въ себѣ по существу идейныхъ основъ? Развѣ образцы греческаго генія въ скульптурѣ или англійскаго въ драмѣ не отвлеченныя идеи? Гдѣ реально существовавшіе Зевсы, Гермесы, Юноны, Аѳины, гдѣ жизненно страдавшіе Лиры, Отелло, Банко и др.? Однако какъ искусство, такъ и литература, воплотивъ идеи въ камнѣ, на полотнѣ, въ рѣчи, подлежатъ изученію почти, какъ реальныя явленія, и допускаютъ «практическія занятія» въ смыслѣ личнаго, а не съ чужаго голоса, ознакомленія съ предметомъ. Нужно быть **ослѣпленнымъ доктринерствомъ**, чтобы не видѣть, что правовыя явленія есть воплощеніе правовой идеи въ

учрежденныя недавно «обязательныя практическія занятія» должны были-бы прежде всего **сами учиться**; если-же они взялись (слишкомъ рано по существу) за ученіе другихъ, посвящая этому время, необходимое для собственнаго ученія, и получая за эти **жалкія занятія** до смѣшнаго жалкое вознагражденіе, то это можетъ быть объяснено только принудительнымъ

реальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ; мало того, даже самыя идеи права въ значительной степени представляютъ собой отвлеченіе отъ существующихъ житейскихъ отношеній. Пусть право область идей, но развѣ мы не должны наглядно ознакомляться съ воплощеніемъ этихъ идей въ законахъ, въ общественныхъ установленіяхъ и т. д.? А такое личное и, если можно, наглядное ознакомленіе, наряду съ дисциплиной самой мысли, и представляютъ собою практическія занятія». Вотъ прекрасныя слова, надъ которыми г. Петражицкому было-бы полезно поразмыслить.

Въ заключеніе напомню то, на что я уже указывалъ однажды, именно что г. Петражицкій во всѣхъ бывшихъ доселѣ попыткахъ выяснить понятіе права видитъ обманъ, самообманъ и обходъ проблемы (средство самоуспокоенія). Иного отношенія со стороны г. Петражицкаго къ обычнымъ воззрѣніямъ на право и быть не можетъ, такъ какъ самъ г. Петражицкій придерживается особой, психологической теоріи права, про которую проф. Чичеринъ справедливо замѣтилъ: «Главное, чего слѣдуетъ желать, это то, чтобы студентамъ не выдавалось за научную истину то, что не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго основанія». А другой его критикъ кн. Трубецкой выразился такъ: «Опредѣленія, даваемыя г. Петражицкимъ, не даютъ возможности отличить право отъ нравственности съ одной стороны, отъ правовыхъ убѣжденій и правовыхъ галлюцинацій, съ другой». Дѣйствительно, по психологической теоріи выходитъ, что субъектами права могутъ быть дьяволъ, лѣшій и пр., къ области права относятся договоръ о продажѣ души, брачный договоръ женщины съ дьяволомъ и пр. Проф. Чичеринъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Никому еще не приходило въ голову причислять эти созданія фантазіи къ области правовѣдѣнія и видѣть въ нихъ не воображаемыя, а дѣйствительныя отношенія. Разница между ними и представленіями помѣшаннаго состоитъ лишь въ томъ, что послѣдній принимаетъ созданія своего воображенія за дѣйствительность. Но на то онъ и сумасшедшій. Человѣкъ, находящійся въ здравомъ умѣ, не можетъ раздѣлять этихъ убѣжденій». Съ этими «психологическими» воззрѣніями г. Петражицкаго весьма согласуются новыя его изобрѣтенія: игра въ куклы, китайскихъ дѣвицъ, «главнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ» и пр., юридическая лужа и такъ далѣе. Если стать на подобну «психологическую» точку зрѣнія, то, несомнѣнно, можно написать все то, что писалъ г. Петражицкій о преподаваніи права, можно и большее написать...

давленіемъ обстоятельствъ. Приготовляющимся къ профессорскому званію слѣдуетъ не мѣшать, а напротивъ, доставить возможность приготовляться; ихъ слѣдуетъ такъ обезпечить, чтобы они могли дѣйствительно приготовляться къ профессорскому званію, чтобы они не были вмѣсто этого принуждены пускаться на такіе **печальные заработки**, препятствующіе имъ, безъ пользы для другихъ, работать и учиться». Г. Петражицкій имѣетъ въ виду встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ университетахъ веденіе практическихъ занятій лицами, оставленными для приготовленія къ профессорскому званію. По своему обыкновенію онъ и здѣсь чрезмѣрно сгущаетъ краски, увлекаемый нерасположеніемъ къ практическимъ занятіямъ. Конечно, было-бы желательно, чтобы практическія занятія всегда вели лица, кончившія уже свою ученую подготовку, но въ роли помощниковъ профессора вполнѣ возможны и начинающіе ученые, что вполнѣ подтверждается опытомъ другихъ факультетовъ.

С. И. Живаго, съ своей стороны, говоря о нѣмецкихъ университетахъ, пишетъ: «Дѣйствительно, трудно спорить противъ основательности принципа, что, какъ-бы «практически» ни смотрѣть на «практическія занятія» для студентовъ-юристовъ, но все-же какія-бы то ни было преподавательскія функціи на юридическихъ факультетахъ слѣдуетъ поручать лишь такимъ руководителямъ, которые хотя чѣмъ-либо заявили себя **причастными къ наукѣ** права и притомъ не только въ смыслѣ «подаванія надеждъ относительно будущаго», но и въ настоящемъ, хотя-бы только тѣмъ, что пріобрѣли на факультетѣ установленнымъ порядкомъ право преподаванія въ качествѣ приватъ-доцентовъ. Слѣдуетъ поставить самое преподаваніе въ университетахъ въ такія условія, чтобы къ этому дѣлу оказалось возможнымъ привлекать лучшія силы».

Проф. **Загоровскій** высказываетъ подобныя-же мысли. «Въ связи съ сейчасъ сказаннымъ долженъ быть рѣшенъ и еще одинъ вопросъ, относящійся къ организаціи практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ. Это—вопросъ о руководствѣ этими занятіями. Нѣкоторые полагаютъ, что для этого лучше всего приглашать **практиковъ** и имъ поручать это дѣло (есть уже и примѣры осуществленія этого мнѣнія). Едва-ли,

однако, цѣлесообразна такая мѣра: академическая практика, такъ сказать, должна быть привлекаема только въ помощь и на служеніе теоріи — это продолженіе теоретическаго курса на практическихъ примѣрахъ. Слѣдовательно, надо, прежде всего, быть хорошимъ теоретикомъ, чтобы вести академическую практику.

«Далѣе, здѣсь должно быть извѣстное взаимодѣйствіе между читаемымъ теоретическимъ курсомъ и практическими упражненіями: такой-то отдѣлъ преподаватель излагаетъ на лекціяхъ кратко, считая, что болѣе подробное разъясненіе его полезнѣе сдѣлать на практическихъ занятіяхъ, и наоборотъ, возникшій во время этихъ занятій вопросъ требуетъ по поводу его теоретической лекціи. Очевидно, что все это можетъ исполнить надлежаще только профессоръ, излагающій данный предметъ. Конечно, хорошо образованный теоретически практикъ могъ-бы вести съ пользой практическія занятія, но много-ли у насъ такихъ практиковъ? Практикъ-же «pur sang» будетъ учить, такъ сказать, рутинѣ судебнаго дѣла, въ лучшемъ случаѣ судебнымъ прецедентамъ, что не входитъ въ задачи университетскаго преподаванія и на что жаль дорогаго университетскаго времени. Разумѣется, профессору одному трудно справляться съ теоретическимъ курсомъ, и упражнять слушателей практически, въ особенности въ многолюдныхъ университетахъ. Но это указываетъ только на то, что надо **увеличить личный составъ** нашихъ университетовъ: это, надо полагать, и будетъ осуществлено при предстоящей реформѣ».

Г. **Черк—овъ** пишетъ снова въ томъ-же смыслѣ: «Практическія занятія на юридическомъ факультетѣ прежде всего, по нашему мнѣнію, должны быть руководимы исключительно **членами профессорской корпораціи**; ихъ многолѣтняя опытность и обширная эрудиція наиболѣе гарантируютъ успѣхъ занятій; такъ называемые «оставленные при университетѣ», на которыхъ въ настоящее время, напримѣръ, въ московскомъ университетѣ ложится бремя руководства практическими занятіями (34 часа въ недѣлю), должны быть вовсе освобождены отъ послѣднихъ, ибо сами они, — «оставленные», — будучи пока малолѣтними родственниками науки, нуждаются въ отеческомъ «практическомъ» руководствѣ со стороны профессоровъ, при коихъ они состоятъ».

Наконецъ, и г. **Грибовскій** того-же мнѣнія: «Несомнѣнно только одно, что для правильнаго хода университетской практики долженъ быть обезпеченъ соотвѣтствующій въ отношеніи научной подготовки составъ **помощниковъ профессоровъ** и эти помощники не должны набираться изъ практическихъ дѣятелей, что ошибочно допускаютъ нѣкоторые провинціальные университеты».

Вопросъ о введеніи въ систему преподаванія права, рядомъ съ другими пріемами, также практическихъ занятій — одинъ изъ главныхъ вопросовъ всей современной постановки учебнаго дѣла на юридическихъ факультетахъ. Именно этимъ объясняется то чрезвычайное вниманіе, которое было оказано ему въ печати въ 1901 г. Не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнію, что практическія занятія должны быть однимъ изъ основныхъ пріемовъ факультетскаго преподаванія. Но съ какимъ большимъ трудомъ получилось это, казалось-бы, ясное само по себѣ заключеніе! При обсужденіи этого вопроса постоянно смѣшивали университетскую практику съ практикой житейской, лекціонное преподаваніе съ теоретическимъ характеромъ получаемаго на факультетѣ образованія, абстрактность изложенія—съ его научнымъ значеніемъ и всячески старались доказать, что введеніе практическихъ занятій нанесетъ ущербъ теоретическому характеру преподаванія права и понизитъ его научное достоинство.

Думается, что въ предшествующемъ изложеніи достаточно ясно установлено, что практическія занятія могутъ быть и теоретичны, и научны, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ абстрактны, совершенно такъ-же, какъ и остальные пріемы преподаванія права Причемъ все это безразлично какъ въ томъ случаѣ, когда мы подъ практическими занятіями подразумѣваемъ просто самостоятельныя упражненія учащихся (широкое пониманіе ихъ); такъ и въ томъ, когда относимъ къ нимъ только тѣ упражненія подобнаго рода, которыя спеціально имѣютъ въ виду научить учащихся работать въ области проходимыхъ ими наукъ (узкое пониманіе).

Различіе между чтеніемъ лекцій и практическими занятіями въ узкомъ значеніи этого слова состоитъ въ томъ, вопервыхъ, что первое является пріемомъ пассивнаго препода-

ванія, вторыя — активнаго. Въ томъ, во-вторыхъ, — что главная цѣль лекціоннаго преподаванія — сообщить знанія; главная цѣль практическихъ занятій — дать учащимся нужное имъ умѣнье. И въ томъ, въ-третьихъ, — что лекціонное преподаваніе, обыкновенно, отличается абстрактностью; практическія-же занятія могутъ быть, обыкновенно, обставлены болѣе, или менѣе реально, жизненно. Практическія занятія суть самостоятельныя упражненія учащихся, по возможности, надъ реальными предметами. Цѣлью ихъ является — дать учащимся не только знаніе, но и умѣнье въ области изучаемыхъ ими наукъ. Это — главный видъ самостоятельныхъ упражненій учащихся вообще. Проф. Петражицкій не только подвергаетъ сомнѣнію пользу практическихъ занятій, но какъ мы видѣли выше, отвергаетъ и самое понятіе ихъ, какъ не имѣющее опредѣленнаго содержанія. Повидимому, въ данномъ отношеніи у него нѣтъ единомышленниковъ.

Являясь однимъ изъ полезныхъ пріемовъ преподаванія права, практическія занятія отнюдь не могутъ притязать на исключительное вниманіе профессоровъ. Они могутъ быть только однимъ ихъ звѣньевъ сложной системы преподаванія права. Они вовсе не призваны замѣнить собой всѣ пріемы факультетскаго преподаванія. Наша мысль относительно мѣста ихъ въ системѣ преподаванія, достаточно ясно выраженная въ брошюрѣ 1901 г., состоитъ въ слѣдующемъ: Общее теоретическое ознакомленіе съ каждымъ обязательнымъ предметомъ — для каждаго слушателя; болѣе широкое и глубокое теоретическое изученіе предмета и участіе въ практическихъ занятіяхъ по этому предмету — для тѣхъ, кто желаетъ спеціализироваться въ области его.

Практическія занятія могутъ представлять богатую и разнообразную систему упражненій разнаго рода. Мы видѣли болѣе или менѣе удачныя системы ихъ выше, напр., у проф. Есипова. Здѣсь повторю еще разъ только слѣдующее. Главный видъ практическихъ занятій — упражненія научнаго значенія. Занятія прикладнаго характера должны занимать, сравнительно, второстепенное мѣсто. Что-же касается спеціально ознакомленія учащихся съ формальными условіями ихъ будущей общественной и государственной дѣятельности, то оно, само по себѣ, не можетъ быть цѣлью факультетскаго преподаванія. Оно допустимо лишь

постольку, поскольку можетъ содѣйствовать лучшему усвоенію права, ставя изученіе его въ возможно болѣе близкія къ жизни условія. Подготовка молодыхъ юристовъ къ практической дѣятельности должна состоять не въ обученіи ихъ канцелярскому искусству, а въ развитіи въ нихъ способностей и навыковъ, необходимыхъ для того, кто призванъ стоять во главѣ жизни, какъ администраторъ, судья, вообще государственный и общественный служащій и дѣятель, наконецъ просто, какъ лицо, получившее высшее спеціальное образованіе въ области общественныхъ и государственныхъ наукъ.

Практическія занятія могутъ и должны вестись, конечно, по каждому предмету, такъ какъ въ области каждаго они могутъ принести извѣстную пользу. Ограничивать веденіе ихъ однимъ римскимъ правомъ значитъ желать лишить ихъ всякаго значенія. Польза ихъ можетъ быть особенно велика при изученіи живаго, а не мертваго права.

Необходимымъ условіемъ успѣшняго хода всѣхъ вообще занятій студентовъ и со студентами, а въ томъ числѣ и практическихъ занятій является, конечно, наличность достаточныхъ преподавательскихъ силъ и необходимыхъ учебно-вспомогательныхъ установленій. Во главѣ занятій извѣстной наукой, какъ руководитель ихъ, долженъ стоять профессоръ, окруженный достаточнымъ числомъ помощниковъ. Этимъ я отнюдь не рекомендую «бюрократическаго» устройства каѳедръ, какъ вообразилъ себѣ приватъ-доцентъ Гессенъ, а думаю только, что дѣло преподаванія должно быть всегда въ достойныхъ, знающихъ и умѣлыхъ рукахъ и что молодые преподаватели права столь-же нуждаются въ руководительствѣ со стороны профессоровъ, какъ и разные ассистенты, лаборанты и пр. на остальныхъ факультетахъ. Всѣмъ извѣстны плоды, къ которымъ привелъ опытъ предоставленія приватъ-доцентамъ полной свободы вести дѣло преподаванія, какъ они знаютъ и какъ умѣютъ.

Входить въ подробности правильнаго устройства практическихъ занятій здѣсь нѣтъ мѣста. Во всякомъ случаѣ, при всей пользѣ, приносимой ими, никакъ нельзя обременять ими учащихся. И этотъ пріемъ преподаванія можетъ быть примѣняемъ только въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ онъ можетъ быть дѣйствительно полезнымъ. Далѣе, болѣе, чѣмъ въ области какихъ-либо другихъ занятій, учащимся должна быть предоставлена

здѣсь извѣстная доля свободы дѣйствія. Наконецъ, также болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, на постановкѣ практическихъ занятій могутъ и должны отражаться особенности каждой данной науки и дарованія каждаго отдѣльнаго учащаго. Поэтому здѣсь слѣдуетъ въ особенности осторожно стѣснять самостоятельность профессоровъ какими-нибудь обязательными требованіями.

Значеніе практическихъ занятій, повидимому, достаточно выяснено въ предшествующемъ изложеніи. Университетская практика — лучшій путь для усвоенія учащимися пріемовъ научной работы; только владѣя послѣдними, учащіеся могутъ продолжать двигаться впередъ въ своемъ развитіи по окончаніи университета. Но эта-же самая университетская практика должна также образовать мостъ отъ учебныхъ занятій къ дѣлу жизни, къ которому учащійся приступаетъ по окончаніи университета. Поэтому необходимы, повторяю, и упражненія прикладнаго значенія. Безъ практическихъ занятій факультетъ не можетъ достигать одной изъ двухъ основныхъ своихъ задачъ. Онъ не будетъ давать своимъ слушателямъ умѣнья работать въ области ихъ спеціальности. Но значеніе практическвхъ занятій не ограничивается тѣмъ, что они даютъ учащимся необходимыя для нихъ умѣнья.

Они ослабляютъ излишнюю отвлеченность лекціоннаго прохожденія наукъ, которая не есть вовсе необходимое требованіе научности, болѣе того, прямо не у мѣста въ преподаваніи, т. е., при первоначальномъ прохожденіи новыхъ для учащихся наукъ, такъ какъ можетъ дѣлать преподаваніе не только излишне труднымъ для учащихся, но иногда и безполезнымъ и даже прямо вреднымъ. Практическія занятія обезпечиваютъ, далѣе, ближайшій надзоръ за занятіями студентовъ и руководительство ими со стороны профессоровъ. При лекціонной системѣ руководительства, собственно говоря, здороваго и плодотворнаго руководительства почти нѣтъ, а надзоръ проявляется слишкомъ поздно, на экзаменѣ, когда нечего и думать о пополненіи знаній учащагося и приходится сплошь и рядомъ выдавать дипломъ недостаточно подготовленнымъ лицамъ. Наконецъ, только при участіи на практическихъ занятіяхъ учащіеся могутъ дѣйствительно понять и усвоить сообщаемыя имъ знанія не только потому, что такимъ путемъ отвлеченныя идеи и слова могутъ получить въ ихъ умѣ болѣе реальное значеніе, но и потому еще,

что эти занятія облегчаютъ усвоеніе юридическихъ наукъ, содѣйствуютъ пополненію учащимися пріобрѣтенныхъ ими знаній, вызываютъ соревнованіе между учащимися и составляютъ лучшій пріемъ для повторенія пройденнаго и для болѣе продуманнаго отношенія къ изучаемымъ наукамъ.

---

7. Экзамены.

Наконецъ, послѣдній вопросъ, котораго касаются разныя лица, писавшія о постановкѣ преподаванія права, — вопросъ объ испытаніяхъ, долженствующихъ провѣрить успѣшность ученья. Этотъ вопросъ, впрочемъ, гораздо менѣе разработанъ въ статьяхъ 1901 г., чѣмъ всѣ остальные, которыхъ мы касались выше, но за то между мнѣніями разныхъ лицъ въ этомъ случаѣ особенно много общаго. Нѣсколько довольно вѣрныхъ общихъ мыслей выставляетъ г. **Романовичъ-Славатинскій.**

«Благоустройство университета требуетъ, чтобы такой важный актъ его жизни, какъ экзаменъ студентовъ былъ поставленъ правильно и окруженъ условіями, соотвѣтвующими достоинству, чести какъ заведенія, такъ и его питомцевъ. Условія эти можно свести къ нижеслѣдующему: 1) экзаменаторъ долженъ имѣть возможность, не обременяя себя физическимъ трудомъ, **обстоятельно** и спокойно проэкзаменовать студента, поставивъ ему вполнѣ соотвѣтствующую его познаніямъ отмѣтку; 2) экзаменующійся долженъ быть въ такомъ состояніи, чтобы, не впадая въ неврастенію или мнемоническій экстазъ, съ полнымъ самообладаніемъ и **достоинствомъ** образованнаго и развитаго человѣка, отвѣчать на вопросы экзаменатора, не торгуясь съ нимъ изъ-за отмѣтки; 3) время для экзаменовъ должно быть выбрано такъ, чтобы **не уменьшать сроковъ** для чтенія лекцій и безъ того умаленныхъ множествомъ праздничныхъ дней; 4) экзамены должны быть такъ установлены, чтобы **не мѣшать** студенту, занятому постояннымъ приготовленіемъ къ нимъ, спеціально изучать какой-нибудь избранный имъ предметъ. Соотвѣтствуетъ-ли теперешняя организація университескихъ экзаменовъ вышеназваннымъ условіямъ? Конечно, нѣтъ: экзамены составляютъ въ теперешнемъ строѣ университета самое **больное мѣсто**, требующее радикальнаго врачеванія».

Кромѣ этихъ условій слѣдовало-бы выставить еще слѣдующія два, безъ выполненія которыхъ врядъ-ли могутъ быть выполнены и тѣ 4, которыя указываетъ проф. Романовичъ-Славатинскій: 1) желательно, чтобы экзаменъ былъ, въ той или другой мѣрѣ, перенесенъ на періодъ изученія каждаго отдѣльнаго предмета и 2) желательно введеніе предметныхъ экзаменовъ, иначе говоря, желательно разрѣшить каждому студенту являться къ экзамену въ любое время или, по крайней мѣрѣ, въ возможно часто установленные сроки для сдаванія испытанія только по тѣмъ предметамъ, или тому предмету, къ которымъ или къ которому онъ чувствуетъ себя достаточно подготовившимся. Причемъ при экзаменной оцѣнкѣ успѣховъ студента слѣдуетъ принимать во вниманіе свѣдѣнія о его занятіяхъ данной наукой въ году. При соблюденіи указанныхъ условій можно дѣйствительно уврачевать это больное (хотя и не «самое больное») мѣсто университетской жизни. Теперь перейдемъ къ нѣкоторымъ подробностямъ.

У разныхъ лицъ мы находимъ, прежде всего, возраженія противъ существующей системы государственныхъ экзаменовъ. Соображенія эти такого рода, что заслуживаютъ самаго внимательнаго отношенія. Такъ, проф. **Виноградовъ** говоритъ слѣдующее:

«Система коммиссіоныхъ испытаній, несомнѣнно, оказываетъ **вліяніе на занятія** — едва-ли только — благопріятное. Вліяніе это сводится, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ условіямъ: 1) выработанныя министерствомъ однообразныя программы **обезличиваютъ** преподаваніе; 2) стремленіе вмѣстить въ программу предметъ въ полномъ его объемѣ вліяетъ на выработку элементарныхъ и **поверхностныхъ** курсовъ; 3) накопленіе матеріала на окончательныхъ испытаніяхъ обращаетъ ихъ въ пробу **памяти**; 4) **отдѣленіе** экзаменаціонной процедуры **отъ текущаго преподаванія** усиливаетъ всѣ неизбѣжныя неудобства экзаменаціонной оцѣнки познаній и умѣній и уменьшаетъ значеніе реальной подготовки; 5) исключительная важность коммиссіонныхъ экзаменовъ для пріобрѣтенія правъ разстраиваетъ **ходъ учебныхъ занятій** высшихъ курсовъ, сосре-

доточивая вниманія студентовъ на приготовленіи къ приближающемуся искусу.

«Особенно вопіющимъ зломъ современныхъ окончательныхъ испытаній является подавляющая **масса матеріала**, по которому предстоитъ дать отчетъ передъ экзаменаторами. Правила составлялись съ видимой боязнью пропустить хоть какуюнибудь часть важнѣйшихъ предметовъ, — какъ будто такимъ пропускомъ будетъ опредѣлено, что испытуемый никогда къ соотвѣтствующей части науки не обратится, или — что она получитъ въ университетѣ нежелательную съ точки зрѣнія правительства постановку. Въ результатѣ, этотъ окончательный экзаменъ, это испытаніе взрослыхъ людей въ усвоеніи ими высшаго образованія обращается въ самую **ребяческую** передачу затверженныхъ уроковъ, въ пробу памяти и нервовъ, несказанно мучительную для экзаменующихся, но тяжелую и для экзаменаторовъ.

«Трудно даже приблизительно подсчитать **количество времени**, которое непроизводительно отнимается у преподаванія въ настоящее время. Переходные экзамены возстановлены въ прежней силѣ и съ прежними вычетами изъ курса, за единственнымъ исключеніемъ третьяго года, а грозная тѣнь окончательныхъ испытаній падаетъ на весь четвертый годъ и мѣшаетъ занятіямъ въ то время, когда они могли-бы быть особенно производительны».

Противъ государственныхъ экзаменовъ высказывается и академикъ **Заленскій**:

«**Окончательные** экзамены, существовавшіе при дѣйствіи устава 1863 года, были замѣнены въ уставѣ 1884 года такъ называемыми **государственными** экзаменами. Различіе въ названіяхъ можетъ подать мысль, что и по существу оба эти рода экзаменовъ различны. Ничуть нѣтъ. Разница вся въ **формѣ**. Окончательные экзамены производились, подъ предсѣдательствомъ декана, въ присутствіи профессора-экзаменатора и профессора-ассистента, въ зданіи университета. Государственные экзамены производятся подъ предсѣдательствомъ профессора или чиновника, командированнаго нарочито министерствомъ;

вся процедура ихъ обсуждается коммиссіей, состоящей изъ тѣхъ-же самыхъ профессоровъ, которые прежде экзаменовали студентовъ на окончательныхъ экзаменахъ не въ университетѣ почему-то, а въ другомъ зданіи, принадлежащемъ министерству народнаго просвѣщенія, въ гимназіи и т. п.

«Экзамены эти производятся по особымъ, заранѣе составленнымъ **программамъ**, составляющимъ, кстати сказать, **большое зло**, такъ какъ тотчасъ-же, со введеніемъ государственныхъ экзаменовъ, начали, даже профессорами, составляться учебники, подогнаные подъ эти программы. Въ сущности-же, этими экзаменами ничего новаго не достигли, да и не могли достигнуть. Экзаменуютъ студентовъ тѣ-же профессора, которые и прежде ихъ экзаменовали (при дѣйствіи устава 1863 года), вопросы предлагаются въ той-же формѣ, а весь окружающій экзамены антуражъ превратился въ дорогостоющую помпу, по меньшей мѣрѣ, не приносящую никакой пользы, а скорѣе вредъ. Вѣдь государственные экзамены стоютъ государству, по скромному исчисленію, 60—70 тысячъ въ годъ, а на эти деньги можно было-бы многое сдѣлать для устройства хотя-бы университетскихъ лабораторій и кабинетовъ, такъ сильно нуждающихся въ средствахъ.

«Государственные экзамены могутъ быть съ большою пользою и для дѣла, и въ матеріальномъ отношеніи **замѣнены экзаменами въ факультетѣ**. Факультетское собраніе такъ-же компетентно въ этомъ дѣлѣ, какъ и коммиссія государственныхъ экзаменовъ, такъ какъ оно состоитъ почти изъ тѣхъ-же лицъ, какъ и послѣдняя, за исключеніемъ только предсѣдателя, роль котораго, чисто административная, можетъ быть выполнена деканомъ факультета. Превращеніе государственныхъ экзаменовъ въ факультетскіе представляетъ еще и ту громадную выгоду, что позволяетъ **не стѣсняться временемъ**. Экзамены могутъ быть назначены въ любое время, безъ всякаго ущерба преподаванію, тогда какъ при государственныхъ экзаменахъ, если они будутъ назначаемы на осень,—какъ это дѣлается на медицинскихъ факультетахъ,—и если предсѣдателемъ экзаменаціонной коммиссіи назначается профессоръ,—несомнѣнно, наносится вредъ преподаванію, такъ какъ этотъ профессоръ, по крайней мѣрѣ, полтора мѣсяца не читалъ лекцій.

«Исходя изъ того принципа, что приготовленіе къ экзаменамъ не должно мѣшать научнымъ занятіямъ студентовъ во время прохожденія ими курса, окончательные факультетскіе экзамены должны назначаться для студентовъ, **по выслушаніи ими полнаго университетскаго курса**. Наиболѣе удобнымъ временемъ для этого можетъ быть сентябрь и октябрь мѣсяцы; студенты, выслушавшіе курсъ, могутъ употребить 3 вакаціонныхъ мѣсяца на подготовку къ экзаменамъ и могутъ совершенно спокойно распредѣлять свои экзамены по факультетскимъ засѣданіямъ, которыя для этой цѣли могутъ собираться разъ въ недѣлю. Въ настоящее время на медицинскихъ факультетахъ государственные экзамены уже производятся въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ; слѣдовательно, перенося экзамены съ весны на осень, время экзаменовъ на медицинскомъ факультетѣ будетъ только распространено на всѣ факультеты».

Въ общемъ, замѣчанія академика Заленскаго вполнѣ вѣрны. Превращеніе современныхъ государственныхъ экзаменовъ въ факультетскіе вполнѣ возможно, желательно и давно уже началось. Приэтомъ современныя программы могутъ быть съ успѣхомъ замѣнены особыми требованіями, которыя могутъ быть устанавливаемы факультетами съ соотвѣтствующаго утвержденія, а современный предсѣдатель коммиссіи — особымъ делегатомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое имѣетъ конечно, право быть непосредственно освѣдомленнымъ о томъ, насколько успѣшно идутъ экзамены въ университетахъ. Сосредоточивъ экзамены при факультетахъ, возможно устроить ихъ гораздо болѣе удобно съ точки зрѣнія интересовъ преподаванія, преподавателей и самихъ учащихся, чѣмъ современные государственные экзамены. Съ однимъ только мы не можемъ согласиться, именно съ производствомъ всѣхъ экзаменовъ по выслушаніи студентами полнаго курса наукъ. Опытъ государственныхъ экзаменовъ показалъ различныя неудобства этого пріема. главныя изъ нихъ: чрезмѣрная обременительность ихъ для экзаменующихся и экзаменаторовъ и уменьшеніе надзора за занятіями студентовъ втеченіе всего времени пребыванія ихъ въ университетѣ. Болѣе удачнымъ было-бы принять систему предметныхъ экзаменовъ, о которой нѣсколько дальше.

Г. **Петражицкій**, съ своей стороны, пишетъ: «По странной ироніи судьбы, ядовитѣйшіе плоды появились на почвѣ тѣхъ идей, которыя въ уставѣ 1884 года играли роль украшенія и дѣйствительно составляли его плюсъ наряду съ разными минусами. Мы имѣемъ въ виду институтъ приватъ-доцентуры, идею соревнованія профессоровъ и приватъ-доцентовъ и свободнаго выбора преподавателей со стороны студентовъ. Необходимое для этого дополненіе — государственные экзамены превратились въ фикцію; и создалось искушеніе **для конкурренціи** не на почвѣ науки и преподаванія, а **на почвѣ экзаменныхъ послабленій** (такъ называемая «экзаменная конкурренція»), **съ крупными денежными прибылями въ видѣ награды за неисполненіе долга совѣсти и права**... Первою темою выбора и размышленія вновь поступающихъ юношей и дальнѣйшимъ рѣшающимъ соображеніемъ въ области свободнаго выбора преподавателя является вопросъ о выборѣ лучшаго пути для успѣшнаго полученія диплома съ наименьшею затратою умственной работы, съ наименьшими знаніями».

Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще и такъ: «На почвѣ устава 1884 года мыслимъ такой случай, что къ профессору, который-бы вообще потребовалъ какихъ-либо знаній на экзаменѣ, или потребовалъ-бы знанія всего курса вмѣсто краткаго конспекта или вопросника и подлежащихъ краткихъ отвѣтовъ на нихъ, — **никто-бы не пошелъ экзаменоваться**; а во всякомъ случаѣ громадное большинство, въ томъ числѣ всѣ незнающіе, пошли-бы къ другому экзаменатору; на почвѣ этихъ порядковъ, состоящихъ въ томъ, что чѣмъ легче экзаменъ, тѣмъ больше **преподавательскій «гонораръ»** и т. д.

Ничего не можемъ замѣтить по поводу всего этого. Надѣемся только, что г. Петражицкій, по своему обыкновенію, сильно преувеличилъ въ этихъ отзывахъ безотрадность своихъ личныхъ наблюденій въ извѣстныхъ ему университетахъ. Нашъ преподавательскій опытъ былъ гораздо болѣе утѣшителенъ. Не думаю, чтобы кто либо другой рѣшился бросить въ лицо и профессоровъ, и студентовъ подобныя обвиненія. Что касается желательнаго устройства испытаній, то многіе высказываются, подобно академику Заленскому, за возстановленіе факультетскихъ экзаменовъ. У проф. **Виноградова** мы читаемъ:

«Безъ провѣрокъ и испытаній обойтись нельзя, разъ дѣло идетъ о дарованіи правъ, служебныхъ или профессіональныхъ, но руководящимъ началомъ при организаціи испытаній должна быть возможно **тѣсная связь съ текущимъ преподаваніемъ.** Окончательное испытаніе **изъ всѣхъ предметовъ** курса за одинъ разъ, даже если курсъ будетъ взятъ въ объемѣ группы, а не отдѣленія, или факультета, должно быть совершенно отмѣнено. Поэтому не представляется никакой нужды въ **государственной испытательной коммиссіи** съ стороннимъ факультету предсѣдателемъ, хотя министерство всегда можетъ прислать своего **делегата** на любой экзаменъ и,если найдетъ нужнымъ, можетъ даже систематически командировать своихъ делегатовъ на послѣдніе экзамены. Оспаривать или опровергать это право нѣтъ никакого основанія до тѣхъ поръ, пока университеты будутъ находиться въ завѣдованіи министерства народнаго просвѣщенія : подобные делегаты могутъ быть полезны министерству различными сообщеніями о методахъ преподаванія, его характерѣ, замѣченныхъ недостаткахъ и желательныхъ измѣненіяхъ и т. п. Что роль делегата будетъ щекотливая и трудная — не подлежитъ сомнѣнію; что на этой почвѣ могутъ быть большія злоупотребленія и непріятности — также вѣрно, но самое право естественно вытекаетъ изъ положенія министерства». Основательныя соображенія, противъ которыхъ рѣшительно нельзя ничего возразить.

Таково-же, по существу, и предложеніе г. **Романовича-Славатинскаго**: «Для производства экзаменовъ не слѣдуетъ отрывать отъ чтенія лекцій двухъ весеннихъ мѣсяцевъ — лучшаго времени года, когда легче было-бы читать и слушать лекціи, чѣмъ экзаменовать и экзаменоваться въ душныхъ аудиторіяхъ. Для производства экзаменовъ должна быть устроена **въ осенніе и зимніе мѣсяцы особая коммиссія**, подъ предсѣдательствомъ декана, изъ экзаменатора и ассистента, которая могла-бы собираться въ свободные отъ лекцій часы по усмотрѣнію предсѣдателя. Тяжелый экзаменаціонный трудъ членовъ коммиссіи, конечно, долженъ быть вознагражденъ. По выслушаніи полнаго курса того или другаго факультетскаго предмета, **удостовѣреннаго подписью** соотвѣтственнаго профессора, студентъ можетъ обратиться къ предсѣдателю коммиссіи съ просьбою

о допущенiи его къ испытанiю, которое имѣло-бы состояться съ разрѣшенiя предсѣдателя коммиссiи».

Конечно, нельзя не сочувствовать предложенiю дать большую свободу факультетамъ въ дѣлѣ экзаменовъ. Вмѣсто государственной могла-бы образовываться при каждомъ факультетѣ особая **факультетская коммиссія** подъ предсѣдательствомъ декана съ присутствiемъ делегата министерства и съ дѣленiемъ ея на особые комитеты согласно отдѣльнымъ предметамъ испытанiя. Если ее нельзя сдѣлать постоянно дѣйствующей, то было-бы желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы она собиралась возможно чаще. Этой коммиссiи можно было-бы предоставить нѣкоторую свободу дѣйствiя, напр., право дѣлать видоизмѣненiя въ программахъ экзаменовъ согласно съ тѣмъ, какъ велось преподаванiе тѣхъ, или другихъ предметовъ на факультетѣ. Притомъ слѣдовало-бы разрѣшить учащимся обращаться въ коммиссiю съ прошенiемъ экзаменовать ихъ по каждому отдѣльному предмету, по которому они чувствуютъ себя готовыми. Подобные университетскiе экзамены отнюдь не могутъ, конечно, мѣшать учрежденiю особыхъ должностныхъ экзаменовъ при соотвѣтствующихъ учрежденiяхъ для лицъ, поступающихъ на ту или другую службу, или избирающихъ ту или другую дѣятельность, но устройство послѣднихъ не можетъ интересовать насъ въ этой книгѣ.

Согласно съ вышесказаннымъ, многiе предлагаютъ ввести вмѣсто окончательныхъ, или хотя-бы только курсовыхъ экзаменовъ — экзамены предметные. Чрезвычайно интересная и многообѣщающая идея! Проф. **Виноградовъ** пишетъ:

«Въ виду того, что экзамены не скучатся въ формѣ окончательнаго испытанiя, было-бы крайне желательно предоставить студентамъ сдавать ихъ **по мѣрѣ приготовленiя**, въ указанные перiоды, хотя-бы весною, но безъ оставленiя на второй годъ на курсы. Такое оставленiе теперь ведетъ иногда къ совершенно нелѣпымъ послѣдствiямъ. Весьма часто случается, напримѣръ, что оставленный слушаетъ во второй годъ не повторенiе тѣхъ курсовъ, ради которыхъ онъ былъ оставленъ, а совершенно другiе, затѣмъ выдерживаетъ экзаменъ по послѣднимъ и идетъ дальше съ тѣми самыми пробѣлами, которые были обнаружены

неудачнымъ экзаменомъ. Если студентъ не выдержалъ, напримѣръ, экзамена изъ древней исторіи, то пусть онъ слушаетъ еще древнюю-же исторію, а не среднюю, или новую. Съ другой стороны, за что заставляютъ студента, выдержавшаго удовлетворительно по всѣмъ предметамъ курса кромѣ одного или двухъ, слушать предметы, по которымъ обнаружились слабыя знанія, а также и тѣ, по которымъ уже пріобрѣтены достаточныя знанія? Если **засчитывать предметы по мѣрѣ приготовленія къ нимъ безъ отношенія** къ курсамъ, то будутъ, конечно, случаи засидѣвшихся студентовъ, будутъ скучныя повторенія однихъ и тѣхъ-же испытаній, распредѣленіе послѣднихъ будетъ не такъ просто, и съ внѣшней стороны компактно, но все это, вѣдь, второстепенныя неудобства, меньшее зло, сравнительно съ осаживаніемъ студентовъ на цѣлые годы безъ опредѣленно поставленной имъ при этомъ цѣли, а противъ злоупотребленій предложенной постановкой дѣла не трудно принять мѣры».

Болѣе подробно развитыя соображенія по сему вопросу находимъ у проф. **Романовича-Славатинскаго**: «Современные экзамены», говоритъ онъ, «получившіе какой-то валовой, **стадный характеръ** (я, все таки, имѣю въ виду юридическій факультетъ), не даютъ возможности ни экзаменатору проэкзаменовать обстоятельно, ни экзаменуемому подготовиться основательно и отвѣчать спокойно; они отнимаютъ много времени отъ лекцій и лишаютъ студентовъ возможности сосредоточиться на изученіи какой-нибудь спеціальной науки, отъ которой отрываютъ его періодическіе переводные экзамены. О такъ называемыхъ государственныхъ экзаменахъ говорить не стану: всѣми признана ихъ негодность, и можно только удивляться, что они и до сихъ поръ не упразднены.

«Къ чему привели эти экзамены русскихъ студентовъ и ихъ научныя занятія? Превративъ студента въ **школьника**, переводимаго изъ одного курса на другой, подобно ученикамъ средней школы, они убили въ немъ чувство **студенческаго достоинства** и замѣнили свободный выборъ спеціально изучаемой науки зубреніемъ **конспектовъ**, знаніе которыхъ нерѣдко оказывается достаточнымъ для полученія наилучшей отмѣтки. Нынѣшнюю научную приниженность русскаго студенчества въ значительной степени я объясняю этимъ школьническимъ характеромъ теперешнихъ университетскихъ экзаменовъ.

«По моему крайнему разумѣнію, система экзаменовъ, болѣе соотвѣтствующая достоинству университета и его питомцевъ, должна быть не переводная курсовая, а предметная. Она могла-бы состоять въ нижеслѣдующемъ. Для полученія диплома на степень кандидата или на званіе дѣйствительнаго студента, студентъ обязанъ выслушать курсы по всѣмъ факультетскимъ предметамъ и выдержать по нимъ экзамены. Но **порядокъ слушанія лекцій** по этимъ курсамъ и порядокъ **испытанія** по нимъ долженъ быть предоставленъ свободному выбору самого студента. Факультетъ могъ-бы рекомендовать очередь предметовъ и экзаменовъ, очередь эта могла-бы установиться сама собой, сообразно свойству предметовъ, но выборъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть предоставленъ свободному благоусмотрѣнію студента.

«Такая система университетскихъ экзаменовъ могла-бы предупредить тотъ валовой, стадный характеръ, который носятъ экзамены въ настоящее время, дѣлая правильное ихъ производство почти невозможнымъ для экзаменатора, вслѣдствіе чрезмѣрнаго физическаго труда: у кого не заболитъ голова, у кого не разстроятся нервы, проэкзаменовавъ въ одинъ сеансъ группу въ 50—60 студентовъ и выслушавъ ихъ отвѣты, подчасъ поражающіе своей **несообразностью**. Такая система, далѣе, могла-бы предупредить скопленіе множества предметовъ, которые нужно подготовить и по которымъ нужно проэкзаменоваться въ короткое время: у кого не разовьется неврастанія, кто не впадетъ въ мнемоническій экстазъ, если въ теченіе краткаго времени—нѣсколько недѣль—ему придется изучить цѣлый рядъ разнородныхъ предметовъ, съ которымъ онъ такъ мало былъ ознакомленъ. Прибавивъ экзаменаціонные весенніе мѣсяцы къ времени чтенія лекцій, предлагаемая система дастъ большую возможность прочитывать цѣлостью законченные курсы, что такъ рѣдко бываетъ теперь.

«Наконецъ, выборъ предмета и времени для экзамена откроетъ студенту большую возможность **отдаться изученію** какой-нибудь **одной спеціальной науки**, отъ которой не будутъ отвлекать его всякіе переводные экзамены, время которыхъ выбирается не имъ самимъ. Кромѣ всего этого,—и что, по моему, мнѣнію, особенно важно,— рекомендуемый порядокъ экзаменовъ уничтожитъ тотъ школьническій характеръ, которымъ запечатлѣны теперешніе студенты, переводимые изъ курса въ курсъ,

подобно ученикамъ средней школы,—взамѣнъ того въ нихъ можетъ развиться научное джентельменство, сознаніе студенческаго достоинства». Эти слова заслуженнаго профессора Романовича-Славатинскаго такъ убѣдительны, что мы рѣшительно не можетъ ничего прибавить къ нимъ.

Особо важное значеніе придаетъ экзаменамъ въ дѣлѣ устройства факультетскаго преподаванія проф. **Петражицкій.** Онъ чрезвычайно распространяется насчетъ устройства ихъ, но изъ его разсужденій возможно извлечь только слѣдующее существенное. Разумная постановка экзаменовъ долна быть, по мнѣнію, такова.

«Въ первое время послѣ перехода въ университетъ съ гимназической скамьи, напр., на двухъ первыхъ курсахъ, существуютъ обязательные для перехода на слѣдующій курсъ экзамены въ концѣ года по крайней мѣрѣ **по половинѣ числа** прослушанныхъ предметовъ, напр., по тремъ изъ шести, со свободнымъ выборомъ самихъ предметовъ (за исключеніемъ развѣ тѣхъ предметовъ, знаніе коихъ необходимо для слушанія дальнѣйшихъ наукъ, и экзаменъ по которымъ можетъ быть сдѣланъ абсолютно обязательнымъ). На старшихъ-же курсахъ—полная свобода экзаменовъ. Желающіе могутъ экзаменоваться въ экзаменное (весеннее) время по свободному выбору своему по всѣмъ прослушаннымъ предметамъ, по нѣкоторымъ, или вообще не экзаменоваться, съ тѣмъ, конечно, что университетскій цензъ пріобрѣтается только по выдержаніи всѣхъ подлежащихъ экзаменовъ.

«Можно было-бы достигнуть еще большаго повышенія уровня экзаменныхъ знаній и экзаменныхъ требованій путемъ слѣдующаго средства: студентамъ старшихъ курсовъ предоставляется возможность держать экзамены по тѣмъ прослушаннымъ на предыдущихъ курсахъ предметамъ, по которымъ у нихъ еще нѣтъ удовлетворительной экзаменной отмѣтки, **и въ теченіе года** (а не весною только) — по мѣрѣ ихъ готовности держать экзаменъ по данному предмету. Нельзя, конечно, было-бы ввести этой мѣры въ такомъ видѣ, что каждый студентъ въ отдѣльности могъ-бы заявить профессору, что онъ готовъ къ экзамену по его предмету и просить его проэкзаменовать. Это

повело-бы къ умаленію престижа каѳедры и уваженія къ профессорамъ, а раціональная университетская политика этого должна тщательно избѣгать. Но можно было-бы устроить такъ, что такіе экзамены устраивались-бы по соглашенію профессора съ группами студентовъ, напр., не менѣе пяти человѣкъ. Эта мѣра представляла-бы вѣрное психологическое средство поднять экзаменныя знанія и требованія до весьма большой сравнительно высоты.

«Конечно, теперешняя постановка экзаменовъ по уставу 1884 г. и отступленіямъ отъ него весьма безобразна, а предложенная выше система, по моему глубокому убѣжденію (можетъ быть, я ошибаюсь), создала-бы превосходную съ психологической точки зрѣнія, какъ съ точки зрѣнія студенческой, такъ и съ точки зрѣнія экзаменаторской психологіи, почву для достиженія серьезнаго и высокаго уровня экзаменнаго дѣла—но какъ недостаткамъ устава 1884 г. съ его отмѣняющими дополненіями, такъ и достоинствамъ представляющейся мнѣ наиболѣе удачной системы можно и должно (въ случаѣ согласія съ изложеннымъ выше) приписывать только относительное и скромное значеніе неблагопріятныхъ и благопріятныхъ условій, поскольку таковыя зависятъ отъ законовъ и правилъ, регулирующихъ собственно экзаменное дѣло. Я не могу добросовѣстно утверждать, что экзаменъ по существующимъ правиламъ необходимо долженъ получиться плохой, а по предложеннымъ выше правиламъ — хорошій или превосходный».

Предлагаемая проф. Петражицкимъ система экзаменовъ слишкомъ искусственно придумана для того, чтобы ее когда-нибудь осуществили. Во всякомъ случаѣ, совершенная ошибка сводить всю реформу преподаванія къ однимъ особо усовершенствованнымъ экзаменамъ. Повидимому, сомнѣнія въ цѣлесообразности подобной реформы явились и у самого г. Петражицкаго, именно въ послѣднихъ приведенныхъ строкахъ. Гораздо проще и осуществимѣе идея предметныхъ экзаменовъ проф. Романовича-Славатинскаго.

Такимъ образомъ, разныя лица склоняются къ экзаменамъ, которые можно назвать предметными. Предложенію ввести предметные экзамены можно только сочувствовать. Ихъ

мы предлагаемъ и въ нашей первой брошюрѣ. Думается только, что необходимымъ условіемъ для введенія вмѣсто курсовыхъ — предметныхъ экзаменовъ должно быть и **предметное, а не курсовое преподаваніе**, т. е., чтобы въ каждый данный моментъ основнымъ предметомъ занятій учащагося былъ какой-либо одинъ главный предметъ. Нѣчто подобное имѣлъ въ виду, повидимому, и заслуженный профессоръ Романовичъ-Славатинскій въ статьѣ, на которую дѣлается выше ссылка.

Преимуществъ сосредоточеннаго прохожденія предметовъ мы не будемъ здѣсь повторять. Они достаточно объяснены въ книгѣ 1901 г. Намѣтилъ я въ ней также нѣкоторыя условія для осуществленія этой мѣры на дѣлѣ. Между прочимъ предположилъ, что для прохожденія отдѣльнаго предмета, при 6 — 8 часахъ занятій въ день исключительно имъ, достаточно, — конечно безъ экзаменовъ и необязательныхъ практическихъ занятій, — отъ 2 недѣль до $1^1/_2$ мѣсяца. Г. Петражицкій считаетъ эти сроки недостаточными, и очень язвительно смѣется надъ ними, говоря, что заграничные **«натаскиватели»** употребляютъ еще меньше времени для подготовки къ экзаменамъ **«олуховъ»**. Натаскиватели обучаютъ всѣмъ наукамъ факультета въ двѣ недѣли. Однако смѣхъ проф. Петражицкаго не кажется мнѣ убѣдительнымъ. На юридическомъ факультетѣ имѣется нѣсколько предметовъ, читаемыхъ нынѣ въ теченіе года при одномъ часѣ въ недѣлю, т. е., проходимыхъ лекціонно приблизительно въ 24 часа. При сосредоточенномъ-же прохожденіи предлагается употреблять на подобные предметы—112 час. (при 8 часовомъ рабочемъ днѣ), притомъ гораздо болѣе производительныхъ занятій, чѣмъ слушаніе лекцій. Думается, что ничего смѣшнаго въ этомъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ для лицъ, которыя дѣйствительно желаютъ улучшить положеніе преподаванія.

Конечно, переходъ отъ курсоваго преподаванія къ предметному представляетъ, при существующихъ порядкахъ, извѣстныя затрудненія. Но и теперь можно было-бы осуществить преподаваніе по полугодіямъ. Дѣйствитильно, современная практика явно несостоятельна. Гораздо удачнѣе преподаваніе по полугодіямъ, которое мы видимъ въ Германіи. Впрочемъ, на бумагѣ дѣленіе на полугодія существуетъ и у насъ. На дѣлѣ-же даже самые маленькіе курсы растягиваются на цѣлый годъ. Примѣнить у насъ опытъ Германіи вполнѣ возможно. Если-бы

не практическія трудности, мы предложили-бы, кромѣ предметнаго или сосредоточеннаго прохожденія различныхъ наукъ, разрѣшить также пріемъ въ университетъ не только тѣхъ лицъ, которыя желаютъ прослушать полный курсъ извѣстныхъ наукъ, но и тѣхъ, которыя интересуются какими-либо отдѣльными науками. Мы разрѣшили-бы, наконецъ, каждому учащемуся слушать, съ одобренія факультета, **любые отдѣльные предметы** юридическаго и любаго другаго факультета въ любомъ, объясняемомъ серьезными основаніями, соединеніи ихъ, съ тѣмъ, чтобы въ прослушаніи ихъ желающимъ выдавались по выдержаніи экзамена соотвѣтствующія удостовѣренія. Современная спеціализація занятій требуетъ, несомнѣнно, очень часто подобныхъ комбинацій предметовъ разныхъ факультетовъ. Но на развитіи этихъ мыслей останавливаться здѣсь не мѣсто.

Наконецъ, послѣдній вопросъ, котораго коснулись при обсужденіи устройства экзаменовъ, это — постановленіе ихъ въ связь съ текущимъ преподаваніемъ. Начнемъ снова съ заявленія проф. **Виноградова**:

«Особенный вѣсъ при оцѣнкѣ должна играть самостоятельная работа студентовъ, ихъ сочиненія, рефераты, свидѣтельства объ ихъ **участіи въ семинаріяхъ и практическихъ занятіяхъ**: все это имѣетъ несравненно больше значенія, чѣмъ отвѣты по затверженнымъ курсамъ, или учебникамъ. Даже на самыхъ испытаніяхъ желательно возможно часто примѣнять письменныя клаузурныя работы — приблизительно въ родѣ того, какъ это дѣлается въ Англіи. Письменный отвѣтъ имѣетъ преимущество обдуманности, менѣе подверженъ вліянію экзаменныхъ случайностей, наконецъ,—ему можетъ быть приданъ задачный характеръ съ тѣмъ, чтобы работа обнаружила скорѣе оріентированность экзаменующагося въ предметѣ и умѣнье обращаться съ его данными, нежели способность отрапортовать по книгѣ».

Тѣ-же, въ общемъ, мысли находимъ мы и у академика **Заленскаго**: «Экзамены», говоритъ онъ, «отнимаютъ еще больше времени. Я не стану отрицать, что контроль за занятіями студентовъ необходимъ и, прежде всего, необходимъ для самихъ преподавателей, которые должны-же знать, усваивается-ли преподаваемый предметъ и насколько усваивается? Но такой **контроль**

можетъ быть производимъ или **при помощи практическихъ занятій**, или **при помощи** собесѣдованій въ теченіе курса и притомъ съ гораздо большею пользою нежели экзаменами, которые при большомъ количествѣ превращаются въ лотерею. Наконецъ, студенты поступаютъ въ университетъ въ такомъ возрастѣ и, надо полагать, съ такимъ развитіемъ, что они сами могутъ заботиться о приведеніи своихъ знаній въ порядокъ». Болѣе опредѣленно выражается та-же мысль у другаго извѣстнаго русскаго ученаго.

При широкомъ развитія практическихъ занятій преподаватель долженъ будетъ втеченіе года такъ близко познакомиться съ знаніями своихъ слушателей, что у проф. **Симоненко** возникаетъ сомнѣніе въ томъ, будетъ-ли даже при такихъ условіяхъ вообще нужда въ сохраненіи экзаменовъ?

«Для того, чтобы побудить поступившихъ въ университетъ трудиться въ теченіе года», говоритъ онъ, «остается одно изъ двухъ: или возвратиться къ несоотвѣтствующей значенію университетовъ, чисто школьной системѣ преподаванія **репетиціями и перекличками** именъ присутствующихъ на лекціяхъ, какъ это было въ Московскомъ университетѣ до второй половины 1850-хъ годовъ; или-же требовать **на лекціяхъ отчета въ усвоенныхъ студентами знаніяхъ** путемъ ихъ самостоятельной работы по какимъ-угодно руководствамъ и учебнымъ пособіямъ, чтобы тѣмъ самымъ «содѣйствовать систематизаціи и надлежащему освѣщенію этихъ знаній, сдѣлавъ центромъ тяжести высшаго образованія самообученіе, руководимое университетомъ». Въ такомъ случаѣ **экзамены едва-ли будутъ необходимы**, такъ какъ преподаватель имѣетъ возможность убѣждаться въ знаніяхъ своихъ слушателей въ теченіе круглаго года, почти на каждой изъ своихъ лекцій. Безусловная обязательность экзаменовъ для окончательной провѣрки знаній учащихся не отразится-ли даже вреднымъ образомъ на самомъ участіи ихъ въ научныхъ собесѣдованіяхъ во время лекцій? Не послужитъ-ли она основаніемъ для большинства студентовъ не присутствовать въ теченіе года и на конверсаторіяхъ точно такъ-же, какъ они теперь не присутствуютъ на лекціяхъ, въ надеждѣ, что литографируемыя записки, передающія содержаніе конверсаторій,

предоставятъ имъ возможность давать на экзаменахъ отвѣты, руководясь однѣми только этими записками, не прочтя ни одного изъ научныхъ пособій, на основаніи которыхъ велись конверсаторіи. Въ такомъ случаѣ это будетъ возвращеніемъ къ теперешнему университетскому образованію со всѣми его слабыми сторонами.

«Говорятъ, что при опредѣленіи знаній студентовъ не экзаменаціонной игрой въ лотерею, а болѣе правильнымъ образомъ въ теченіе всего года, по мѣрѣ усвоенія ими этихъ знаній, можетъ развиться между преподавателями **«склонность къ произволу** и къ примѣненію неравныхъ масштабовъ по личнымъ симпатіямъ и другимъ побочнымъ соображеніямъ, такъ какъ не будетъ той гласности и нравственнаго контроля оцѣнки отдѣльныхъ конкретныхъ отвѣтовъ, какая существуетъ во время экзаменовъ». Напротивъ, опредѣленіе знаній учащихся путемъ научныхъ собесѣдованій въ теченіе года и гласной оцѣнкой письменныхъ работъ ихъ самими-же товарищами, подъ руководствомъ профессоровъ, обезпечитъ даже бо́льшую гласность и безпристрастіе, бо́льшій нравственный контроль всей аудиторіи, чѣмъ обыкновенные экзамены. На экзаменахъ присутствуетъ только часть аудиторіи, именно только тѣ студенты, которые въ данный день обязаны приступить къ испытанію, соотвѣтственно алфавитному порядку ихъ фамилій. На лекціяхъ-же можетъ присутствовать вся аудиторія. Предъ нею представляется возможность каждому студенту дѣйствительно заявлять о своихъ знаніяхъ и способностяхъ. Отвѣты и мнѣнія болѣе даровитыхъ и трудящихся молодыхъ людей надолго врѣзываются въ памяти у большинства слушателей. Общее мнѣніе объ ихъ знаніяхъ слагается у всѣхъ въ теченіе года, почему и нравственный контроль аудиторіи и безпристрастіе профессора въ оцѣнкѣ студенческихъ знаній будутъ болѣе гарантированы, чѣмъ во время экзаменовъ, въ присутствіи менѣе многочисленной аудиторіи, притомъ по отвѣтамъ на вопросы болѣе или менѣе случайнаго характера, предлагаемые каждому только одинъ разъ въ годъ».

Подобную мысль имѣлъ, повидимому, и академикъ Заленскій. Къ сожалѣнію, онъ высказалъ ее слишкомъ кратко. Думается, однако, что **экзамены**, все-таки, слѣдуетъ **сохранить** и именно для того, чтобы дать возможность болѣе слабымъ слушателямъ пополнить и укрѣпить свои знанія къ экзамену, чтобы

преподаватель могъ еще разъ одновременно обозрѣть состояніе знаній всего курса, или всей группы, что очень важно и для него самого, и для правильности въ отмѣткахъ, выставляемыхъ студентамъ, и наконецъ, для того, чтобы результаты занятій подверглись контролю со стороны всего факультета. Ученаго авторитета сей коллегіи не станетъ, конечно, отрицать ни одинъ изъ преподавателей. Но экзаменная оцѣнка должна идти рядомъ съ оцѣнкой знаній и умѣній студента, установленной втеченіе годичнаго прохожденія имъ даннаго предмета. Общее сужденіе объ успѣхѣ каждаго учащагося должно слагаться на основаніи данныхъ того и другаго рода. Подобныя-же предложенія были сдѣланы мною и въ брошюрѣ 1901 г. Въ виду того, что они подверглись положительно вопіющему искаженію со стороны одного лица, приходится снова напомнить ихъ здѣсь.

Мною было сказано, между прочимъ, что для «**постороннихъ испытуемыхъ**», «занятія которыхъ не находились подъ постояннымъ надзоромъ и руководствомъ преподавателей» — и которые, слѣдовательно, не выполняли и работъ, произведенныхъ студентами, — «испытаніе должно быть, конечно, сложнѣе, подробнѣе, требовательнѣе». Казалось-бы, это вполнѣ естественно, и спорить можно только о томъ, въ какую форму облечь болѣе внимательный экзаменъ неизвѣстныхъ университету лицъ. Слѣдуетъ-ли задавать имъ бо́льшее число вопросовъ, или обязать представлять въ доказательство своей серьезной работы по предметамъ тѣ сочиненія, конспекты и пр., которые они составляли, подготовляясь къ экзаменамъ и т. п.? Къ экстернамъ могутъ быть приравниваемы и тѣ студенты, которые не проявили достаточнаго усердія при прохожденіи соотвѣтствующаго предмета, — напримѣръ, если они не выполнили обязательныхъ для нихъ работъ и пр. Если подобные неисправные учащіеся хотятъ экзаменоваться на правахъ студентовъ, а не постороннихъ слушателей, профессоръ можетъ потребовать отъ нихъ, въ случаѣ надобности, вторичнаго прохожденія предмета. Думается, что эти мысли ничего необычайнаго въ себѣ не заключаютъ.

Но какое толкованіе даетъ имъ г. **Петражицкій**? Онъ пишетъ: «Проф. Казанскій предлагаетъ дѣлить студентовъ на эк-

заменѣ, смотря по усердію ихъ въ устраиваемыхъ по его плану занятіяхъ, или отсутствію такого, такъ сказать, на **барановъ и козловъ**; только для барановъ — милостивый экзаменъ; для козловъ-же, т. е. тѣхъ, занятія которыхъ не находились подъ постояннымъ надзоромъ и руководствомъ преподавателей, испытаніе должно быть, конечно, гораздо сложнѣе, подробнѣе, требовательнѣе. Авторъ, повидимому, вовсе не сознаетъ предосудительности такой мѣры.

«Авторъ даже не довольствуется устраненіемъ принципа равенства и справедливости экзамена и превращеніемъ его въ орудіе репрессіи, а предлагаетъ вручить профессорамъ еще болѣе зависящее отъ произвола и рѣзкое средство противъ строптивыхъ или недостаточно усердныхъ студентовъ, а именно средство допущенія, или недопущенія къ экзамену по усмотрѣнію». «Странно, что эти формы **несправедливости** (на экзаменѣ) и **произвола и безправія** (въ дѣлѣ допущенія къ экзамену) рекомендуетъ юристъ». Вотъ какой оборотъ могутъ принять самыя простыя мысли, если начать «умѣло» развивать и толковать ихъ! Приэтомъ г. Петражицкій не постѣснился выступить съ подобными толкованіями въ трехъ мѣстахъ своихъ статей(!!) Неслыханная рѣзкость языка вполнѣ соотвѣтствуетъ «внутреннимъ» достоинствомъ этой критики. Далѣе идти положительно некуда...

Эти и другія нападки вызвали слѣдующія вѣсскія замѣчанія проф. **Симоненко**. Съ чувствомъ удовлетворенія снова привожу отзывъ почтеннаго ученаго и общественнаго дѣятеля.

«Утверждая, что недопущеніе къ экзамену студентовъ, не занимавшихся университетской наукой въ теченіе года, было-бы чистымъ произволомъ, проф. Петражицкій впадаетъ въ явное противорѣчіе съ тѣмъ, что имъ было высказано о необходимости не допускать къ экзаменамъ экстерновъ, такъ какъ тогда, по его словамъ, «несомнѣнно хлынетъ «**масса неучей** и многіе, несмотря на вѣроятное въ такомъ случаѣ большое пониженіе уровня экзаменовъ, потерпятъ крушеніе, сдѣлаются неудачниками даже и въ дипломномъ смыслѣ, не говоря уже объ

образованіи въ собственномъ смыслѣ». Написавъ это, проф. Петражицкій очевидно забылъ, что за четыре страницы предъ этимъ назвалъ такими-же «экстернами, къ университетской наукѣ совсѣмъ непричастными» и тѣхъ «студентовъ, которыхъ государственный экзаменъ и необходимость приготовленія къ нему застигаютъ въ качествѣ номинально только прослушавшихъ курсъ». Если, по мнѣнію проф. Петражицкаго, не слѣдуетъ допускать къ экзамену настоящихъ экстерновъ, то почему, спрашивается, надо допускать къ испытанію такихъ-же экстерновъ, но только считавшихся номинально студентами? Одинаковая непричастность тѣхъ и другихъ къ университетской наукѣ, казалось-бы, должна влечь за собою и одинаковыя послѣдствія, т. е., недопущеніе къ экзаменамъ, чтобы не дѣлать большаго пониженія уровня экзаменовъ, во избѣжаніе созданія, какъ онъ выражается, неудачниковъ «даже и въ дипломномъ смыслѣ, не говоря уже объ образованіи въ собственномъ смыслѣ».

«Отдѣленіе окончательныхъ испытаній отъ текущаго преподаванія, по справедливому замѣчанію проф. Виноградова, осуждаетъ себя по самой своей постановкѣ и во всякомъ случаѣ стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ желаніемъ поднять интенсивность и значеніе самостоятельныхъ занятій студентовъ». Мы прибавимъ отъ себя, что въ данномъ случаѣ оно находится въ неменьшемъ противорѣчіи съ юридическимъ понятіемъ **о равноправіи студентовъ** на справедливость оцѣнки ихъ знаній. Этого равноправія не можетъ быть, если студентъ, имѣющій самыя поверхностныя знанія, основанныя на бѣгломъ усвоеніи курса одной только памятью, получаетъ отмѣтку, одинаковую съ тѣмъ, который дѣйствительно работалъ въ теченіи года и основательно познакомился съ предметомъ. При переходныхъ съ курса на курсъ экзаменахъ такая оцѣнка знаній производитъ положительно обезкураживающее дѣйствіе на молодыхъ людей, добросовѣстно относившихся къ выполненію своихъ обязанностей въ теченіе года, тѣмъ болѣе, что съ баллами, получаемыми на экзаменахъ, сообразуется у насъ распредѣленіе стипендій, безъ всякаго вниманія къ занятіямъ студентовъ въ теченіе года, въ

противоположность тому, какъ это дѣлается въ германскихъ университетахъ».

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что по вопросу объ экзаменахъ между мнѣніями большинства изслѣдователей наблюдается особенно большое согласіе. Во всякомъ случаѣ, имѣется полная возможность прійти къ взаимному пониманію и къ выработкѣ одной общей программы, даже что касается второстепенныхъ подробностей въ постановкѣ ихъ. Замѣтимъ кстати, что проф. Фойницкій, судя по протоколу извѣстнаго засѣданія Петербургскаго Юридическаго Общества, также высказался за возвращеніе университету права экзаменовъ. Причемъ это не должно исключать «позднѣйшихъ практическихъ экзаменовъ для занятія тѣхъ или иныхъ должностей или званій, или для прохожденія службы, каковы, напр., существующіе экзамены для званія старшаго кандидата на судебныя должности, присяжнаго повѣреннаго, или должности нотаріуса, и т. под.». Согласно съ этимъ академикъ Янжулъ полагаетъ, что государственные экзамены «должны производиться при тѣхъ-же вѣдомствахъ, въ которыя оканчивающіе намѣрены поступить, и по тѣмъ предметамъ, знаніе которыхъ необходимо для успѣшной работы на предстоящемъ имъ практическомъ поприщѣ».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы закончили обозрѣніе кампаніи 1901 г. за болѣе широкую постановку преподаванія права, чѣмъ традиціонная лекціонная, и противъ этого. Мы представили на предшествующихъ страницахъ все то главное, что было высказано въ пользу сохраненія лекціонной системы и въ пользу замѣны ея системой сложной, покоющейся на всѣхъ тѣхъ пріемахъ преподаванія, которые указываетъ современная наука, которыхъ требуетъ современная жизнь и которые отчасти провѣрилъ опытъ другихъ факультетовъ, въ пользу того, словомъ, чтобы наши юридическіе факультеты примкнули къ происходящему на Западѣ, особенно въ Германіи, движенію за обновленіе преподаванія права.

Основное требованіе сторонниковъ новой системы,—какъ на Западѣ, такъ и у насъ,—обставить преподаваніе на юридическихъ факультетахъ дѣйствительно такъ, какъ требуетъ высокое назначеніе университета, такъ, какъ обставлено оно на всѣхъ остальныхъ дѣленіяхъ послѣдняго. Конечно, приэтомъ вовсе не предлагаютъ, чтобы на юридическихъ факультетахъ примѣнялись пріемы занятій, тождественные съ тѣми, которые употребляются при изученіи наукъ естественныхъ, филологическихъ и т. д., но желаютъ только, чтобы при преподаваніи права воспользовались всѣми данными для того, чтобы поставить его въ уровень съ чрезвычайно большими требованіями, предъявляемыми нынѣ наукой, обществомъ и государствомъ къ молодымъ юристамъ.

Мы избрали для себя, такимъ образомъ, небольшой уголокъ университетской жизни. Конечно, послѣдняя представляетъ многіе гораздо болѣе широкіе, интересные и важные вопросы. Надо-ли еще разъ повторять, что даже неудовлетворительный ходъ учебнаго дѣла на юридическихъ факультетахъ объясняется не только неправильной постановкой преподаванія. Но эти болѣе интересныя стороны университетскаго строя и университетской дѣятельности пусть освѣтятъ другія лица, имѣющія болѣе данныхъ для сего.

Во всякомъ случаѣ, въ предшествующемъ изложеніи было показано достаточно убѣдительно, какое важное значеніе имѣетъ правильное рѣшеніе избраннаго нами небольшаго вопроса. Если даже всѣ остальныя потребности университетской жизни найдутъ себѣ соотвѣтствующее удовлетвореніе, а преподаваніе останется въ прежнемъ состояніи, юридическіе факультеты не поднимутся изъ того упадка,—что касается научной подготовки молодыхъ юристовъ,—который нынѣ ставится имъ со всѣхъ сторонъ въ вину. Въ то-же самое время, какія-бы основанія ни были приняты для устройства академической жизни въ Россіи, вопросъ о расширеніи преподаванія права и его болѣе научной постановкѣ можетъ быть рѣшенъ только въ одномъ смыслѣ: смыслѣ положительномъ. Въ этомъ вопросѣ болѣе, чѣмъ во многихъ другихъ, не могутъ не чувствовать себя совершенно солидарными всѣ лица, которыя дѣйствительно желаютъ возрожденія русскихъ университетовъ; въ этомъ отношеніи всѣ народности, всѣ сословія, всѣ положенія великаго русскаго государства могутъ стремиться только къ одному. Страстная полемика, которая велась въ печати 1901 г. относительно этого, показываетъ, что обсужденію подлежалъ вопросъ интересный для всѣхъ, вопросъ дѣйствительно очередной.

Пусть-же будетъ крупица и нашего труда въ дѣлѣ приготовленія новаго расцвѣта академической жизни въ Россіи!

Какъ мы уже указали однажды, насъ занимала въ этой книгѣ только та борьба вокругъ даннаго вопроса, которая велась на страницахъ русской печати, литературная борьба. Поэтому мы оставили совершенно въ сторонѣ все, имѣвшее мѣсто въ сферѣ чисто должностной. Обозрѣніе того, что было сдѣлано Министерствомъ Юстиціи для подготовки реформы юридическаго преподаванія, можно найти въ извѣстной статьѣ проф. Дерюжинскаго (указана ниже). Было-бы чрезвычайно интересно и полезно, если-бы и Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ своей стороны, также опубликованы находящіеся у него обширные матеріалы. Литература, собранная нами для этой книги, оказалась, какъ было уже также замѣчено, чрезвычайно богатой.

Оставляя въ сторонѣ нашу брошюру, въ которой мы хотѣли поставить на обсужденіе вопросъ великой народной и государственной важности и представить нѣкоторыя данныя для его рѣшенія, мы должны отмѣтить появившіяся также въ 1901 г. книги проф. Гр. Ѳ. Симоненко и проф. В. В. Есипова. Заглавія ихъ были приведены выше (стр. 10 и 12). Къ сожалѣнію, онѣ не обратили на себя достаточнаго вниманія нашей спеціальной критики.

Книга Гр. Ѳ. Симоненко, заслуженнаго профессора, ученаго, и общественнаго дѣятеля, написанная въ истинно академическомъ духѣ, напомнила нѣкоторымъ, чрезмѣру увлекшимся, защитникамъ лекціонной системы великое научное и жизненное значеніе вопроса о болѣе соотвѣтствующей нашему времени постановкѣ преподаванія права,—значеніе его для возрожденія нашихъ университетовъ, и представила цѣнныя данныя для удовлетворительнаго рѣшенія его. Мы нерѣдко злоупотребляли ссылками на этотъ превосходный трудъ и не можетъ достаточно рекомендовать ближайшее изученіе его. Гр. Ѳ. Симоненко явился въ немъ защитникомъ расширенія такъ называемыхъ семинарскихъ занятій на счетъ

теперешней лекціонной системы. Главное содержаніе его книги —критическая оцѣнка возраженій, которыя высказывались въ нашей періодической литературѣ противъ новой системы преподаванія права, преимущественно гг. Гессеномъ и Петражицкимъ.

Проф. Есиповъ, съ своей стороны, далъ намъ весьма полезныя указанія относительно правильной постановки, преимущественно, практическихъ занятій. Книга эта должна быть также прочитана каждымъ учителемъ права. Основное заключеніе г. Есипова содержится въ слѣдующихъ словахъ: «Если на нашихъ юридическихъ факультетахъ требуются какія-либо реформы, то развѣ только въ смыслѣ нѣкотораго усиленія существующихъ уже практическихъ занятій».

Что касается газетныхъ и журнальныхъ статей, то среди нихъ былъ цѣлый рядъ выдающихся трудовъ, въ которыхъ знаніе и опытъ соединялись съ искреннимъ желаніемъ послужить выясненію вопроса, и мы положительно затруднились-бы, если-бы намъ предложили особо отмѣтить отдѣльныя изъ этихъ статей. Среди авторовъ ихъ мы встрѣчаемъ такія почтенныя имена, какъ П. Виноградовъ, И. Янжулъ, Гр. Симоненко, И. Смирновъ, А. Загоровскій, В. Заленскій и т. д., и т. д. Списокъ статей былъ данъ выше въ предисловіи, а основное содержаніе, возможно полно, — въ текстѣ книги. Впрочемъ, особенное вниманіе привлекли къ себѣ, несомнѣнно, опытъ приватъ-доцента Гессена «по поводу» нашей книги (выраженіе г. Петражицкаго) и многочисленныя статьи проф. Петражицкаго.

Намъ приходилось не разъ уже дѣлать замѣчанія о характерѣ этихъ сочиненій. Главное содержаніе ихъ—защита лекціонной системы, которая, по мнѣнію г. Гессена, является «initium et finis universitatis», и критика различныхъ предложеній ввести въ преподаваніе права рядомъ съ чтеніемъ лекцій также нѣкоторые другіе пріемы. Причемъ г. Гессенъ

въ своей статьѣ, а также въ докладѣ Петербургскому Юридическому обществу и въ особой рецензіи въ Журналѣ Министерства Юстиціи подвергъ разбору исключительно мою книгу, а г. Петражицкій сверхъ моей книги, имѣлъ въ виду труды и другихъ лицъ, которыя высказались, послѣ появленія ея, въ томъ-же самомъ или подобномъ смыслѣ, но оба они съ одинаковымъ рвеніемъ и въ одномъ и томъ-же направленіи толковали основное содержаніе разбиравшихся ими произведеній, хотя г. Гессенъ, все-же, можетъ служить г. Петражицкому чуть-ли не образцомъ обдуманности и серьезности. Однако здѣсь нѣтъ основанія особо останавливаться на характеристикѣ этихъ критиковъ.

У гг. Гессена и Петражицкаго оказались, какъ мы видѣли, и послѣдователи. Нѣкоторые изъ нихъ были, несомнѣнно, добросовѣстно введены въ заблужденіе усердно и самоувѣренно распространявшимся слухомъ, будто разныя лица предлагаютъ въ печати и даже при обсужденіи вопроса въ «академической средѣ» (выраженіе г. Гессена) замѣнить чтеніе лекцій практическими занятіями, причемъ подъ послѣдними слѣдуетъ-де понимать обученіе студентовъ канцелярской рутинѣ и другія столь-же полезныя занятія. Поэтому мы, положительно, не можемъ отнестись безъ извѣстнаго почтенія къ тому нервному состоянію, которое овладѣло нѣкоторыми при извѣстіи о подобной, съ позволенія сказать, реформѣ, и готовы извинить дѣянія (если слова — также дѣла), которыя они себѣ въ такомъ состояніи позволили. Такой слухъ не могъ не придать извѣстной горечи полемикѣ, которая возникла между сторонниками учебной рутины и защитниками болѣе широкихъ и свободныхъ взглядовъ на вопросъ.

Мы знали, что наши предложенія врядъ-ли могутъ разсчитывать на благопріятный пріемъ въ извѣстномъ лагерѣ. Не даромъ были приведены въ брошюрѣ 1901 г. краснорѣчивыя

слова проф. Кирхенгейма. Встрѣча, которую нашли себѣ мысли г. Герасимова, была еще свѣжа въ памяти. Недружелюбное отношеніе вызывали къ себѣ предложенія о реформѣ лекціоннаго преподаванія и въ Германіи. Но, надо сознаться, мы не ожидали, что полемика противъ критики лекціонной системы и противъ предложенія поставить на мѣсто ея систему сложную приметъ иногда столь непривлекательный видъ, выразится въ такихъ «преувеличенныхъ нападкахъ» (выраженіе редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія), что для квалификаціи ихъ иногда трудно подыскать достаточно точныя и въ то-же время академическія выраженія. Что касается «преувеличенныхъ нападокъ» собственно на нашу брошюру, то спеціально ихъ мы здѣсь не будемъ уже разбирать, но объ общемъ отношеніи нѣкоторыхъ лицъ къ предложеніямъ,—въ томъ числѣ и нашимъ,—обновить преподаваніе новыми пріемами нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Ни одинъ изъ противниковъ расширенія занятій не далъ намъ безпристрастнаго и всесторонняго обсужденія предлагаемыхъ нововведеній по существу. Нельзя-же относить сюда разныя восторженныя восклицанія по адресу лекціонной системы, ссылки на личныя воспоминанія, указанія на древность лекціонной системы и пр., и пр., или немногія замѣчанія г. Гессена о значеніи лекціоннаго метода. Никогда, кажется, при обсужденіи университетскихъ дѣлъ писавшіе не становились на такую почву, какъ нѣкоторыя лица въ 1901 г. при обсужденіи этого вопроса. Заподозриванія въ преслѣдованіи какихъ-то выгодъ, личныя нападки въ видѣ своеобразныхъ argumenta ad hominem, политическіе намеки, высмѣиваніе чужихъ предложеній, переходящее въ прямое издѣвательство и откровенное зубоскальство, анонимные пасквили, смѣлое искаженіе мыслей своихъ противниковъ, все было пущено въ ходъ нѣкоторыми,—конечно, не всѣми,—критиками реформы. И все это въ отвѣтъ на пред-

ложенія внести въ студенческую аудиторію новыя данныя самостоятельной мысли, научнаго воодушевленія, серьезной работы, все это въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ дѣло народнаго просвѣщенія. Такимъ путемъ думали доказать, что «лекціонная система» единственно возможна для преподаванія права и что всѣ попытки поставить преподаваніе на юридическихъ факультетахъ болѣе научно и широко не представляютъ никакого значенія. Обсужденіе отдѣльныхъ пріемовъ преподаванія не шло, приэтомъ, дальше доказыванія, что собесѣдованіе представляетъ собой видъ инквизиціоннаго процесса, или хроническаго экзаменовованія, что практическія занятія суть обученіе студентовъ канцелярской рутинѣ, или осмотръ ими разныхъ правительственныхъ зданій для рѣшенія вопроса, изъ какого матеріала они построены, и пр., и пр.

Верхъ всего составляетъ, несомнѣнно, искаженіе и запутываніе предложеній сторонниковъ реформы. Высказана была, напр., мысль, что для учащихся, желающихъ спеціализироваться въ области извѣстнаго предмета, необходимо, сверхъ болѣе глубокаго теоретическаго изученія его, также участіе въ практическихъ занятіяхъ по этому предмету, — стали утверждать, будто предлагается замѣнить лекціонную систему системой практическихъ занятій. Предлагалось развитіе учебно-вспомогательныхъ установленій при юридическихъ факультетахъ, — стали утверждать, что основаніе новой системы преподаванія («важнѣйшую роль» въ ней) образуютъ особые институты и музеи, въ которые «заточаютъ студентовъ, хотя и не запираютъ на ключъ». Защищалось печатное, а не литографированное изданіе лекцій, — стали утверждать, что по новой системѣ вся университетская наука должна ограничиваться долбленіемъ учебниковъ къ экзамену. Мысль, что необходимо часть экзамена перенести на время прохожденія студентами

наукъ, вызвала обвиненіе въ томъ, что предлагаютъ «дѣлить студентовъ на экзаменѣ, смотря по усердію ихъ въ устраиваемыхъ занятіяхъ, или отсутствію таковаго, такъ сказать, на козловъ и барановъ» (!!) и т. д., и т. д. Причемъ въ подтвержденіе всего этого приводились отдѣльныя фразы и даже отдѣльныя слова изъ разныхъ работъ, преимущественно изъ моей брошюры, имѣвшія, конечно, совершенно иной смыслъ,—если принять во вниманіе окружающій ихъ контекстъ,—чѣмъ тотъ, который такимъ образомъ изволили придавать имъ. Для опроверженія подобныхъ искаженій достаточно было, конечно, перепечатать въ извлеченіи то, что дѣйствительно предлагалось. И разныя изданія не отказывались перепечатывать цѣлыя страницы подобныхъ нетрудныхъ опроверженій. Авторамъ-же искаженій оставалось одно, прибѣгать, говоря академическимъ языкомъ, къ «рѣзкостямъ». Относящіеся сюда случаи мы разсматриваемъ достаточно подробно, преимущественно въ брошюрѣ «Отвѣтъ проф. Л. Петражицкому».

Литературная кампанія 1901 г. возобновилась-было осенью 1902 г. Въ это время снова появилось довольно много статей по занимающему насъ вопросу[1]). Большинство изъ нихъ,

[1]) Б. Г—инъ, Быть-ли экстернамъ въ университетѣ. Новое Время. 1902. 14 Ноября.

Гр., О неподготовленности молодыхъ юристовъ. Новое Время. 1902. Сент.

Грибовскій, Теоретическая подготовка молодыхъ юристовъ. Н. В. 1902. 5 Окт.

Дерюжинскій, Судебные дѣятели объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ. Ж. М. Ю. 1902. Сент.—И отдѣльно.

Ergo, Теорія и практика юриспруденціи. Новое Время. 1902. 17 Сентября.

Ergo, Еще о теоріи и практикѣ юриспруденціи. Нов. Вр 1902. 26 Сент.

Ergo, Теоретическая практика юриспруденціи. Новое Время 1902. 12 Окт.

С. Живаго, Чего не достаетъ въ университѣ нашимъ будущимъ юристамъ? Русская Мысль. 1902. Октябрь.

однако,—небольшія замѣтки, иногда повторяющія то, что ихъ авторами было высказано раньше, большею частью передающія своими словами содержаніе отзывовъ судебныхъ дѣятелей объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ на основаніи извѣстной статьи проф. Дерюжинскаго. Изъ произведеній лицъ, вновь выступившихъ въ 1902 г., слѣдуетъ отмѣтить, кромѣ статьи г. Дерюжинскаго, о которой дальше, еще интересныя статьи гг. Ergo, Н. Тальберга и Б. Р—ова. Г. Тальбергъ писалъ, впрочемъ, и раньше по тому-же самому вопросу, именно въ «Кіевлянинѣ» въ 1895 и въ 1897 гг. Всѣ эти три лица выступили, преимущественно, въ защиту практическихъ занятій, которыя слѣдуетъ отнести къ типу прикладныхъ. Явленіе очень знаменательное!

А. Загоровскій, Объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ. Одесск. Листокъ. 1902. № 251.

А. Кахи, Еще о молодыхъ юристахъ. Спб. Вѣдомости. 1902. № 271

М. А. Левитскій, Безъ вины виноватые. Спб. Вѣдомости. 1902. № 267.

О причинахъ неподготовленности молодыхъ судебныхъ дѣятелей. Судебная Газета. 1902. 14 Сент.

Профессоръ, Малограмотные и несвѣдующіе юристы. Юридическая Газета. 1902. 29 Сент.

Quisquam, Университетская подготовка нашихъ будущихъ юристовъ. Спб. Вѣдомости. 1902. №№ 306, 309, 322 сл.

В. Р—овъ, Университеты и чиновничество. Новости. 22 Ноября 1902 г.

А. Романовичъ-Славатинскій, Почему неудовлетворительна подготовка юристовъ? Русск. Вѣдомости. 1902. № 279.

Русскія Вѣдомости 1902 г. 12 и 17 Сентября. Передовыя статьи о неудовлетворительной подготовкѣ юристовъ.

Русскія Вѣдомости. 1902. 9 Октября. Передовая статья относительно экзаменовъ на юридическихъ факультетахъ.

Судебные дѣятели о молодыхъ юристахъ. Судебная Газета. 1902. 8 Сент.

Судебные дѣятели о молодыхъ юристахъ. Новое Время. 1902. № 9520.

Н. Тальбергъ, Студенты-юристы и судебно-кандидатскій стажъ. Кіевлянинъ. 1902 №№ 273, 278, 281 и др.

Изъ произведеній-же лицъ, которыя писали по вопросу и въ 1901 г., особеннаго упоминанія заслуживаютъ интересныя статьи, подписанныя,—совершенно напрасно,—псевдонимомъ Quisquam. Для тѣхъ, кто слѣдилъ за обсужденіемъ даннаго вопроса въ русской печати, ясно, что за этимъ псевдонимомъ скрывается профессоръ, много поработавшій надъ тѣмъ, чтобы разсѣять туманъ «общихъ красивыхъ формулъ», напущенный нѣкоторыми лицами вокругъ столь-же простаго, сколь и важнаго и жизненнаго вопроса. Присоединяясь къ большинству заключеній почтеннаго собрата, — извѣстныя различія въ воззрѣніяхъ совершенно необходимы, если разныя лица самостоятельно изслѣдуютъ одинъ и тотъ-же вопросъ,—мы позволимъ себѣ только выразить маленькое сожалѣніе по поводу излишней осторожности, съ которой онъ иногда выдвигаетъ свои вѣрныя мысли. Въ виду того рѣзкаго положенія, которое заняли нѣкоторые, говоря собственными словами г. Quisquam'а, «непризванные и невѣжественные критики», должно было-бы рѣшительно выставить требованіе болѣе свободной, широкой и научной постановки преподаванія права, чѣмъ лекціонная.

Статьи 1902 года не представляютъ собой, въ общемъ, и доли того значенія и интереса, которыми отличались статьи 1901 г. Въ нихъ нѣтъ, обыкновенно, ни самостоятельнаго отношенія къ вопросу, ни оригинальныхъ мыслей, ни разнообразія взглядовъ, ни того воодушевленія, которымъ были проникнуты статьи 1901 г. Онѣ не приносятъ намъ почти ничего новаго. Попытки, которыя дѣлались съ цѣлью снова поднять вопросъ о постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, не достигли цѣли. Вопросъ, видимо, для настоящаго времени по крайней мѣрѣ, исчерпанъ и рѣшенъ. Онъ пересталъ интересовать собою русское общество. Острый періодъ борьбы за признаніе права гражданства въ преподаваніи не только за однѣми

рѣчами профессоровъ (чтеніе лекціи), но и за другими пріемами, особенно за практическими занятіями, миновалъ.

Особый интересъ представляетъ собой, главнымъ образомъ, статья проф. Дерюжинскаго, подводящая итогъ обсужденію вопроса о постановкѣ преподаванія права и о практическихъ занятіяхъ студентовъ въ средѣ судебныхъ дѣятелей; причемъ наиболѣе интересныя и важныя мнѣнія принадлежатъ, несомнѣнно, Министру Юстиціи Н. В. Муравьеву, который высказался за введеніе въ систему преподаванія практическихъ занятій, преимущественно, научнаго характера. Общій выводъ изъ этого обсужденія извѣстенъ: «рѣшительная необходимость ввести въ программу и способы преподаванія на юридическихъ факультетахъ измѣненія, которыя обезпечивали-бы болѣе основательное усвоеніе будущими юристами различныхъ отраслей науки права и которыя, съ другой стороны, обусловливали-бы надлежащее изученіе студентами-юристами русскаго дѣйствующаго законодательства во всѣхъ его важнѣйшихъ отрасляхъ».

Статья г. Дерюжинскаго сослужила дѣйствительную службу дѣлу обновленія поставновки преподаванія права. Она «убѣдила», наконецъ, въ необходимости преобразованія и, въ частности, въ пользѣ практическихъ занятій нѣкоторыхъ лицъ, для которыхъ не имѣли значенія ни доводы науки, ни поученія опыта. Думается, однако, что рѣшеніе вопроса о правильной постановкѣ преподаванія права принадлежитъ, прежде всего, тѣмъ лицамъ, которыя сами призваны преподавать его, т. е. профессорамъ. Мнѣнія-же всѣхъ остальныхъ, хотя-бы и очень авторитетныхъ лицъ, а въ томъ числѣ и судебныхъ дѣятелей, или «судебныхъ сановниковъ» по выраженію проф. Романовича-Славатинскаго, могутъ имѣть только совѣщательное значеніе. Напрашивается и еще одно замѣчаніе.

Авторы нѣкоторыхъ статей 1902 г., стремясь говорить въ тонъ съ отзывами судебныхъ дѣятелей, нерѣдко, какъ намъ кажется, чрезмѣрно сгущали краски, изображая молодыхъ юристовъ чуть-ли не полными невѣждами, ровно ничего не знающими и ни на что не способными. Подобные отзывы, положительно, преувеличены. Нашъ личный опытъ далъ гораздо болѣе утѣшительныя наблюденія. Кромѣ того, надо имѣть въ виду еще и слѣдующее. Молодые юристы выходятъ изъ университета, дѣйствительно, нѣсколько менѣе подготовленными къ ожидающей ихъ за стѣнами школы государственной и общественной службѣ и дѣятельности, чѣмъ воспитанники другихъ факультетовъ, но извѣстными недостатками отличается подготовка и этихъ послѣднихъ, хотя-бы потому, что несовсѣмъ удачный ходъ учебныхъ занятій въ университетѣ зависитъ отъ неблагопріятнаго вліянія разныхъ причинъ, которыя являются общими для всѣхъ факультетовъ (см. выше, стр. 40 сл.). Представлять однихъ юристовъ въ столь мрачномъ свѣтѣ, врядъ-ли справедливо. Все это съ одной стороны, а съ другой — главная причина недовольства подготовкою молодыхъ юристовъ состоитъ въ томъ, что теперь къ нимъ предъявляютъ несравненно болѣе высокія требованія, чѣмъ въ недалекомъ относительно прошломъ, и что эти требованія постоянно растутъ.

За одно, въ особенности, надо быть благодарнымъ профессору Дерюжинскому. Устами представителей вѣдомства, которое привлекаетъ на свою службу большинство молодыхъ юристовъ, подтверждена теперь наличность недостатковъ въ существующей системѣ преподаванія права во всеуслышаніе, на всю Россію. Утверждать далѣе, что подъ благодѣтельнымъ покровомъ лекціонной системы — все благополучно, нельзя; утверждать, что весь шумъ о недостаткахъ существующаго порядка подняли злокозненные профессора — «замѣстители», въ то время, какъ «на-

стоящіе» профессора лишь похваливаютъ положеніе дѣла и ничего болѣе чтенія лекцій не желаютъ,—отнынѣ также невозможно. Будемъ-же искать, внимательно и дружелюбно выслушивая всѣ серьезныя мнѣнія, средствъ, которыя бы помогли выйти изъ настоящаго, конечно, временнаго положенія. Побольше спокойствія и взаимнаго довѣрія и всѣ трудности будутъ преодолены!

Какія-же общія поученія можно извлечь изъ всего, что говорилось въ 1901 г. относительно юридическаго образованія вообще и относительно преподаванія права въ особенности? Оба эти понятія слѣдуетъ, конечно, различать, какъ они ни близки между собой. Насъ спеціально интересуетъ преподаваніе, но сдѣлаемъ предварительно нѣсколько замѣчаній и относительно образованія. Общаго вопроса о томъ, что университеты являются не только учеными, но и учебными установленіями, мы уже не касаемся, считая совершенно безцѣльнымъ распространяться насчетъ общеизвѣстныхъ вещей.

Прежде всего, оно должно, конечно, носить высшій, научный характеръ, давать учащимся такое глубокое и широкое знаніе права, которое только возможно при современномъ уровнѣ науки и по условіямъ университетскихъ занятій. Это требованіе настолько понятно само собой, что особенно распространяться на его счетъ также не приходится. Разъ дѣло идетъ о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и образованіе, получаемое въ нихъ, можетъ и должно быть только высшимъ, т. е., научнымъ. Естественный ростъ жизни и науки будетъ постоянно повышать требованія глубины и широты знаній, предъявляемыя къ лицамъ, получающимъ высшее образованіе. Надо, поэтому, по возможности не преувеличивать еще искусственно этихъ требованій. Нечего и думать о томъ, чтобы изъ каждаго учащагося сдѣлать спеціалиста въ области каждаго проходимаго имъ предмета. Нельзя взваливать

на молодежь бремена неудобоносимыя: они могутъ раздавить ея не окрѣпшія силы. Университетъ есть только начало научнаго образованія, которое должно продолжаться всю жизнь каждаго изъ бывшихъ питомцевъ университета.

Необходимо предъявлять къ учащимся требованія научной подготовки, согласованныя съ тѣмъ временемъ и тѣми силами, которыя они могутъ употребить на удовлетвореніе этихъ требованій; въ то-же время надо давать имъ всѣ средства и указывать всѣ способы для достиженія задачъ, которыя ставятся факультетами. Потребовать отъ учащихся, чтобы они были чуть-ли не профессорами въ области каждаго предмета, а засимъ не дать имъ возможности изучить даже начала его, не значитъ-ли убить всякое довѣріе молодежи къ своимъ силамъ, всякій интересъ къ самостоятельному труду, всякое стремленіе къ самообразованію и самоусовершенствованію—принизить ее въ ея лучшихъ, идеальныхъ стремленіяхъ къ наукѣ и къ работѣ на пользу родины. Преувеличивать требованія къ студентамъ значитъ, въ сущности, желать, чтобы русская учащаяся молодежь не выносила на дѣлѣ изъ университета никакого знанія и никакого умѣнья..

Научная высота учебнаго дѣла отнюдь не можетъ, однако, исключать спеціальнаго характера получаемаго на юридическомъ факультетѣ образованія и вовсе не исключается имъ. Учащіеся ищутъ на этомъ дѣленіи университета научное знаніе въ извѣстной области вопросовъ. Они поступаютъ на юридическій факультетъ не просто ради удовлетворенія естественной въ чистыхъ юношахъ жажды знанія, но и ради изученія извѣстной области явленій, явленій общественныхъ и юридическихъ. Подробно доказывать это было-бы весьма странно, столь-же странно, какъ если-бы стали доказывать, что спеціальныя знанія, необходимыя для лицъ, которыя призваны стоять во главѣ государственной и общественной

жизни, какъ администраторы, судьи, общественные дѣятели и пр., должны покоиться на основѣ широкаго общаго образованія. Объ этомъ общемъ образованіи должна заботиться не только средняя школа, но и высшая. Общее образованіе не можетъ вовсе прекращаться съ началомъ спеціальнаго. Скорѣе надо еще отмѣтить, что, кромѣ общаго ознакомленія со всѣми обязательными факультетскими науками, слѣдовало-бы, чтобы желающимъ была предоставлена возможность болѣе близкаго изученія тѣхъ изъ нихъ, которыя ихъ особливо интересуютъ, а также, чтобы было облегчено прохожденіе предметовъ, преподаваемыхъ на другихъ факультетахъ. Было-бы полезно раздѣленіе юридическаго факультета на 2, или даже 3 отдѣленія сообразно характеру отдѣльныхъ, преподаваемыхъ на немъ наукъ (экономическое, государственное и собственно юридическое). Свѣдѣнія о пройденныхъ учащимися внѣфакультетскихъ предметахъ было-бы полезно вносить въ выдаваемыя имъ университетомъ удостовѣренія. Это могло-бы быть весьма полезно нѣкоторымъ изъ нихъ въ будущемъ. Современныя общественныя и государственныя надобности постоянно требуютъ отъ лицъ, которыя призваны удовлетворять ихъ, свѣдѣній далеко не только по наукамъ одного какого-либо факультета.

Знаніе, которое даетъ юридическій факультетъ, относится скорѣе къ области наукъ прикладныхъ, чѣмъ чистыхъ. Положимъ, однѣ юридическія науки отличаются болѣе чистымъ характеромъ, другіе болѣе прикладнымъ, но науку права, въ общемъ, слѣдуетъ, при современной ея обработкѣ, считать скорѣе наукой прикладной, чѣмъ чистой, въ отличіе отъ другихъ общественныхъ наукъ, преслѣдующихъ дѣйствительно цѣли чистаго знанія, напр., отъ политической экономіи. Для науки права еще преждевременно ставить себѣ чисто научныя задачи — изслѣдованіе законовъ сосуществованія и послѣдовательности явленій въ области юри-

дическихъ отношеній. Задача современной науки права, какъ науки прикладной, задача высокая и великая —всесторонне овладѣть всѣми явленіями права для того, чтобы усовершенствовать это великое орудіе личнаго и общественнаго благополучія и заставить его служить людямъ всю ту неисчерпаемо полезную службу, на которую оно только способно. Употребляя выраженія наука чистая и наука прикладная, мы предполагаемъ, конечно, у нашихъ читателей здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, достаточно свѣдѣній для того, чтобы понять безъ дальнѣйшихъ объясненій ту точку зрѣнія на систему наукъ, которую мы раздѣляемъ. Прикладная наука, во всякомъ случаѣ, остается наукой и не превращается ни въ искусство, ни, тѣмъ болѣе, въ ремесленничество. Она остается наукой, хотя и не преслѣдуетъ цѣлей чистаго знанія. Это не мѣшаетъ уяснить себѣ въ особенности нѣкоторымъ «невѣжественнымъ и непризваннымъ критикамъ».

Въ дѣйствительности, вполнѣ согласно съ только что сказаннымъ, громадное большинство молодежи, поступающей на юридическіе факультеты, имѣетъ въ виду пріобрѣсти на нихъ знанія и умѣнья, которыя они моглибы засимъ примѣнять къ жизни, внося въ нее новыя данныя свѣта, справедливости и порядка. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, смѣшно считать массу студентовъ юристовъ за «людей чистой науки» (выраженіе проф. Виноградова). Только немногія единицы среди тысячъ имѣютъ въ виду въ будущемъ — одну дѣятельность ученаго. И эти намѣренія молодежи отнюдь не могутъ заслуживать порицанія. Большинство изъ нея проникнуто идеальнѣйшими намѣреніями послужить всѣми силами людямъ и родной землѣ. Эти благородныя стремленія русскаго студенчества могутъ вызывать къ себѣ лишь полное сочувствіе въ каждомъ, даже ученомъ спеціалистѣ, не окончательно очерствѣвшемъ въ однобокомъ

доктринерствѣ, не окончательно погрязшемъ въ самодовольной лже-научной схоластикѣ.

Если таковы ожиданія, съ которыми учащіеся входятъ въ тотъ притворъ храма наукъ, который называется юридическимъ факультетомъ, то и государство, и общество обращаются къ послѣднему съ подобными-же требованіями, съ требованіями, чтобы онъ подготовлялъ спеціально и научно образованныхъ людей, которые могли-бы, какъ просвѣщенные дѣятели и служащіе, давать надлежащее направленіе общественной и гражданской жизни страны. Могутъ-ли профессора пренебрегать задачами, которыя возлагаются на юридическіе факультеты государствомъ и обществомъ, или ожиданіями, съ которыми обращаются къ нимъ сами учащіеся? Во всякомъ случаѣ, государство, которое тратитъ на юридическіе факультеты такія громадныя народныя средства, въ правѣ выставить свои требованія къ тѣмъ лицамъ, которыя преподаютъ, или учатся на этихъ факультетахъ. Наши факультеты призваны, конечно, служить наукѣ, но сама наука ихъ, какъ мы видимъ, преслѣдуетъ, въ общемъ, великую прикладную задачу — поднять государственныя и частныя отношенія до высоты идеаловъ, живущихъ въ народной душѣ. Словомъ, требованія государства и общества, желанія самихъ учащихся, общія философскія воззрѣнія на задачу науки права опредѣленно гласятъ въ данномъ случаѣ одно и то-же, ставятъ русскимъ юридическимъ факультетамъ одну и ту-же цѣль.

Не лежитъ-ли въ основаніи всего этого также одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній нашего времени? Современное поколѣніе ждетъ и требуетъ, чтобы высокіе идеалы, носимые наукой, годились не только для самоуслажденія служителей науки, чтобы они являлись могучимъ двигателемъ общественной жизни впередъ, чтобы была засыпана старинная пропасть между наукой и практикой. Практическая дѣятельность должна

проникнуться научными стремленіями, а научная отказаться отъ схоластической выученности, отъ антикварной мудрости, отъ прекраснодушнаго квіэтизма и служить дѣйствительно путеводнымъ солнцемъ въ движеніи человѣчества къ далекимъ, невѣдомымъ берегамъ могущества и благоденствія. Въ храмы науки врывается нынѣ широкая струя кипучей всемірной жизни; отъ этого должны только выиграть и жизнь, и наука.

Мыслимо-ли, поэтому, отвергать, что юридическое образованіе должно отличаться, въ указанномъ смыслѣ, не только спеціальнымъ, но и прикладнымъ характеромъ? Этотъ прикладной, или, если хотите, практическій характеръ науки права не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ житейской практикой, съ повседневной мудростью, которыя руководятъ людьми, — не въ дѣлѣ служенія родинѣ,—а въ устройствѣ своихъ личныхъ дѣлъ. Практическій характеръ юридическаго образованія означаетъ лишь его высокое общественное, народное и государственное призваніе. Спеціальная область изслѣдованій науки права распространяется на великій, безбрежный океанъ людскихъ отношеній и дѣлъ. Нельзя, поэтому, безъ удивленія слушать нѣкоторыхъ лицъ, когда они, во имя достоинства науки права, отвергаютъ ея характеръ, какъ знаній прикладныхъ и спеціальныхъ. Спеціализація вызываетъ у нихъ представленіе о канцелярской рутинѣ, а научно-прикладной характеръ — объ искусствѣ писать исходящія и входящія бумаги. Передъ такими толкованіями остается только умолкнуть, и сложить оружіе.. Отвергая практическое значеніе науки права, не замѣчаютъ того, что оторванная отъ жизни, она превращается въ мертвую схоластику, способную интересовать одни узкіе и безплодные умы и совершенно негодную для тѣхъ дѣятелей общественной и государственной жизни, которыхъ долженъ дать юридическій факультетъ. Таковы основныя мысли относительно факультетскаго образованія вообще. Теперь пе-

рейдемъ спеціально къ преподаванію, или къ способамъ передачи научнаго знанія учащимся, т. е., къ тому, что составляетъ непосредственный предметъ нашихъ размышленій. Здѣсь должна идти рѣчь только о томъ, какимъ образомъ наилучше обезпечить достиженіе всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя ставятся факультету, какъ дѣленію высшей школы, какимъ образомъ сдѣлатб преподаваніе права наиболѣе дѣйствительнымъ. Условія правильной постановки его были уже довольно обстоятельно указаны выше.

Первое требованіе, которое выставляетъ научная система высшаго преподаванія, это—самодѣятельность учащихся. Послѣдняя должна состоять, конечно, не въ томъ, чтобы учащіеся вновь открывали истины, давно уже извѣстныя, а въ томъ, чтобы они по собственному почину и собственными силами старались сознательно приблизиться къ тѣмъ цѣлямъ знанія и умѣнья, ради достиженія которыхъ они только и поступили на факультетъ. Система не должна ставить ихъ въ положеніе школьниковъ, которые не могутъ ни шагу ступить безъ указанія учителя, безъ внѣшнихъ толчковъ. То, что у мѣста въ низшей и отчасти въ средней школѣ, то невсегда годится въ высшей. Постановка преподаванія должна быть такова, чтобы учащійся могъ и долженъ былъ самостоятельно работать все учебное время года. Она должна постоянно побуждать молодыхъ юристовъ къ настойчивой и цѣлесообразной дѣятельности надъ задачами самообразованія и самоусовершенствованія. Слѣдуетъ, чтобы учащимся прямо указывалось, что безъ самостоятельныхъ занятій они ничего достигнуть не могутъ и чтобы имъ давались всѣ средства и всѣ удобства для подобныхъ занятій. Какія это средства и удобства, объ этомъ уже говорилось выше; будетъ сказано нѣсколько словъ и въ дальнѣйшемъ. Создать искусственными мѣрами интересъ къ занятіямъ у учащихся, конечно, нельзя, но дать возможность,

при помощи соотвѣтственной постановки учебнаго дѣла, развиваться и примѣняться этому интересу можно и должно. Интересъ-же можетъ быть или прирожденъ учащимся, или имъ внушенъ со стороны учащаго. Во всякомъ случаѣ надо, чтобы были, прежде всего, уничтожены тѣ препятствія развитію самостоятельныхъ занятій студентовъ, которыя создались при дѣйствіи устава 1884 г., насаждавшаго принудительное чтеніе лекцій.

Пассивное преподаваніе могло годиться лишь до тѣхъ поръ, пока все образованіе состояло въ передачѣ учащимся поверхностнаго знакомства съ нѣсколькими общими истинами. Оно было у мѣста, поэтому, въ университетахъ прошлаго. Для нашего времени, когда всѣ юридическія науки представляютъ собой обширныя глубоко и подробно разработанныя системы, для усвоенія ихъ нуженъ самостоятельный трудъ учащихся, который одинъ можетъ примѣнить къ изученію наукъ всѣ способности и всѣ силы ихъ. Если современный человѣкъ вообще побуждается условіями нашей жизни къ полному развитію всѣхъ данныхъ своей духовной личности, что тѣмъ болѣе слѣдуетъ требовать этого отъ учащагося высшаго учебнаго заведенія. Безъ самодѣятельности учащагося, современное преподаваніе совершенно не можетъ достигать великихъ своихъ задачъ. Это упускала изъ виду лекціонная система недавняго прошлаго.

Лекціонная система занимала все рабочее время учащихся недѣятельнымъ слушаніемъ лекцій. Всѣ силы ихъ поглощались имъ. Студенты, въ массѣ, начинали сколько-нибудь дѣятельно заниматься наукой лишь въ краткій свободный промежутокъ между окончаніемъ лекцій и началомъ экзаменовъ. Остальное время года они скорѣе числились, чѣмъ были студентами. Можно-ли защищать подобный порядокъ вещей? Подготовка къ экзаменамъ — плохія занятія наукой; тѣмъ не менѣе, если студенты, все-таки, выносили изъ университета

какія-либо знанія, они, въ массѣ, обязаны ими, главнымъ образомъ, этому краткому періоду самостоятельнаго ученья.

Лекціонная система возлагала весь трудъ годичныхъ занятій на преподавателя. Профессоръ читалъ книги, профессоръ составлялъ лекціи, профессоръ говорилъ въ аудиторіи, профессоръ дѣйствовалъ, профессоръ былъ все, а студентъ—почти ничего въ дѣлѣ годичнаго изученія наукъ При системѣ ораторскихъ рѣчей профессоровъ изо-дня въ день и всѣ четыре года университетскаго курса подъ рядъ, отъ студентовъ требовалось только одно качество—усидчивость, въ смыслѣ способности сидѣть на партѣ. Лекціонная система не пробуждала и не развивала способностей и силъ учащихся, а усыпляла ихъ и понижала, не давая имъ необходимаго упражненія. Эта система, по справедливому замѣчанію Н. И. Пирогова, низводила уровень университетскаго преподаванія до степени гимназическаго. На ней лежала, говоря словами проф. Симоненко, печать «мертвящаго характера, погружающаго въ апатическое состояніе учащихся и учащихъ».

Лекціонная система привела университетскую аудиторію къ такъ называемому пассивному состоянію, для большинства студентовъ—къ годичному ничегонедѣланію, послѣдствіемъ котораго являлось нерѣдко экзаменное ничегонезнаніе. Благодаря неудачной постановкѣ дѣла, въ нѣкоторыхъ лицахъ стало даже складываться убѣжденіе, что факультетъ—не школа для занятій наукою права, а чуть-ли не фабрика для изготовленія дипломовъ. Борьба противъ лекціонной системы есть борьба противъ этой пассивности, этого ничегонедѣланія, этого ничегонезнанія, этого искаженія великаго учебно-научнаго призванія факультета. Понятно поэтому, отчего русскіе профессора юристы при первой возможности поставили на обсужденіе вопросъ о значеніи этой системы, и не только поставили, но и рѣшили его, рѣшили тотчасъ и почти единогласно, отказавшихъ отъ одного чтенія лекцій и введя широкою рукою разныя самостоя-

тельныя упражненія учащихся. Для тѣхъ лицъ, которыя не только смотрѣли на происходившее, но и понимали его, и болѣли имъ, и думали надъ возможными улучшеніями его, нечего было дожидаться сужденій «судебныхъ сановниковъ»; они приступили къ распространенію своихъ мыслей въ обществѣ и къ постепенному осуществленію ихъ на дѣлѣ, не обращая вниманія на разныя «преувеличенныя нападки».

Не мѣшаетъ, впрочемъ, сдѣлать одну оговорку. Лекціонная система во время ея перваго полнаго расцвѣта, собственно, вполнѣ удовлетворяла требованіямъ самодѣятельности учащихся. При рѣдкости книгъ, профессоръ не могъ давать своимъ слушателямъ печатнаго руководства, и студенты должны были сами записывать и составлять чтенія профессора. Причемъ, въ виду небольшаго числа студентовъ на курсѣ и въ виду отсутствія современныхъ легкихъ способовъ размноженія записокъ, этотъ трудъ лежалъ на каждомъ слушателѣ. Каждый могъ исполнить эту свою задачу, такъ какъ объемы курсовъ были очень невелики. Аудиторіи добраго стараго времени были дѣйствительными лабораторіями знанія. Лекціонная система была тамъ совсѣмъ у мѣста. Нынѣ обстоятельства взмѣнились. Появленіе литографированныхъ лекцій было первымъ ударомъ системѣ личнаго записыванія и составленія лекцій каждымъ учащимся. Появленіе-же многолюдныхъ курсовъ и чрезвычайное расширеніе объема всѣхъ юридическихъ наукъ знаменовали полное крушеніе ея. Самодѣятельность студентовъ, обращающаяся на самостоятельную обработку каждымъ учащимся чтеній каждаго профессора, не можетъ болѣе имѣтъ мѣста въ современныхъ аудиторіяхъ. Учащіеся должны нынѣ преслѣдовать болѣе широкую, глубокую и трудную задачу — изученіе юридическихъ наукъ при помощи и лекцій профессоровъ, и чтенія книгъ, и письменныхъ и устныхъ упражненій, и практическихъ занятій разнаго рода. Вмѣсто

лекціонной, наше время выдвигаетъ сложную систему занятій студентовъ и со студентами.

Второе условіе правильной постановки преподаванія, тѣсно связанное съ первымъ, есть возможная въ школѣ близость преподаванія къ изучаемой дѣйствительности. Юридическія науки отличаются большей или меньшей отвлеченностью, сдѣлать преподаваніе ихъ столь-же нагляднымъ, сколь нагляднымъ является преподаваніе, положимъ, наукъ естественныхъ, конечно, нельзя. Но кое-что, всеже, можно ввести для ослабленія излишней абстрактности его, а въ будущемъ, можно надѣяться, это «кое-что» будетъ постепенно рости и играть бо́льшую и бо́льшую роль въ преподаваніи. Не надо забывать, что право есть созданіе жизни и служитъ жизни. Оно можетъ быть изучено и понято только среди всѣхъ тѣхъ условій, среди которыхъ рождается и примѣняется. Тѣ идеи, изъ которыхъ слагается система его, воплощаются въ дѣйствіяхъ людей. Символами его являются различные предметы. Правила его собираются въ особые сборники и изучаются въ спеціальныхъ ученыхъ и техническихъ работахъ при помощи соотвѣтствующихъ методовъ. Носителями юридическихъ убѣжденій являются живые люди извѣстнаго времени. Все это дѣлаетъ вполнѣ возможнымъ введеніе извѣстнаго элемента наглядности и въ изученіе права. Удовлетворить этому требованію вовсе не такъ ужъ трудно, тѣмъ болѣе, что, если даже студентъ прійдетъ въ соприкосновеніе съ изучаемой дѣйствительностью въ одномъ только какомъ-нибудь отношеніи, всѣ вообще знанія его по предмету получатъ болѣе реальное освѣщеніе, а слѣдовательно и значеніе,

Нашимъ идеаломъ должно быть, чтобы, — въ предѣлахъ возможнаго, — студенты сами отвлекли отъ изучаемыхъ наукой права явленій, хотя-бы нѣкоторыя общія идеи, которыя необходимы для каждаго образованнаго юриста. По-

этому, изучая Сводъ Законовъ, Полное Собраніе Законовъ и т. д., и т. д., должны они получить ихъ въ свои руки. Изучая извѣстнаго автора, они должны сами, хотя что-нибудь, почитать изъ него. Изучая устройство и дѣятельность какого-либо судебнаго, административнаго, или иного учрежденія,— лично посѣтить его. Проходя вексельное право,—держать передъ собой дѣйствительный вексель. Изучая разные типы тюремнаго устройства, — видѣть модели соотвѣтствующихъ системъ и пр., и пр. Знакомясь съ разными методами добыванія истины, напр., методами статистики, лично испробовать ихъ на дѣлѣ, и т. д., и т. д. Вообще, по каждому юридическому предмету возможно сдѣлать преподаваніе болѣе или менѣе нагляднымъ.

Надо-ли говорить о томъ значеніи, которое должно имѣть подобное непосредственное знакомство съ изучаемыми явленіями? Естественность впечатлѣній вводится даже въ среднюю и низшую школу. Вѣдь, только знаніе дѣйствительности есть настоящее знаніе, то знаніе, которое ведетъ человѣчество впередъ. Чѣмъ ближе знаніе къ дѣйствительности, тѣмъ вѣрнѣе оно, тѣмъ глубже и разностороннѣе, тѣмъ тверже. Такое знаніе не забывается. Такое знаніе способно къ дальнѣйшему развитію. Такое знаніе не состоитъ въ одномъ повтореніи словъ и предложеній безъ внутренняго содержанія, безъ дѣйствительнаго смысла, безъ всякаго значенія. Только такое знаніе способно съ пользою примѣняться на дѣлѣ, являться оживляющимъ началомъ личной и общественной жизни. Только оно увеличиваетъ духовное могущество человѣка, дѣйствительно поднимаетъ его. Въ немъ черпаетъ учащійся идеалы, которыя налагаютъ на него неизгладимый отпечатокъ на всю жизнь. При непосредственномъ, хотя-бы самомъ небольшомъ знакомствѣ учащихся съ изучаемыми явленіями, нельзя будетъ, конечно, «выдавать имъ за научную истину то, что не имѣетъ ни малѣйшаго

научнаго значенія». Оно дастъ имъ извѣстную умственную самостоятельность, безъ чего не можетъ быть истинно образованнаго человѣка, оно дастъ имъ возможность сознательно относиться и къ тому, что имъ преподается.

Лекціонная система недавняго прошлаго вполнѣ игнорировала это основное требованіе правильной постановки высшаго преподаванія, ухитряясь нерѣдко придавать отвлеченный характеръ прохожденію и тѣхъ отдѣловъ юридической науки, которые, казалось, самой природой были предназначены для нагляднаго изученія. Съ отсутствіемъ непосредственнаго знакомства съ явленіями дѣйствительной жизни можно было мириться лишь до тѣхъ поръ, пока высшее образованіе носило характеръ, преимущественно, воспитанія, пока профессора были проповѣдники, а студентъ учился въ университетѣ jurare in verba magistri. Поэтому, и въ разсматриваемомъ отношеніи лекціонная система была вполнѣ у мѣста не только въ университетахъ Среднихъ Вѣковъ, но и болѣе или менѣе новаго времени Только настоящій историческій моментъ, необычайно возвысивъ требованія къ тѣмъ лицамъ, которыя призваны управлять общественной и государственной жизнью и направлять ее къ разумнымъ цѣлямъ, сдѣлалъ лекціонную систему и въ этомъ отношеніи несостоятельной. Задача современнаго профессора — не пріобрѣтеніе учениковъ, вѣрующихъ въ его ученіе, а подготовка лицъ, болѣе или менѣе самостоятельно думающихъ, новыхъ болѣе или менѣе дѣятельныхъ работниковъ на поприщѣ права А для этого необходимо, чтобы учащіеся вкусили уже въ университетѣ сладости самостоятельнаго труда непосредственно надъ явленіями, интересующими общественныя науки. Факультетъ долженъ выпускать съ отмѣткой «годенъ», не кастратовъ самостоятельной мысли, а дѣйствительныхъ вождей, которые вели-бы общество на бой съ невѣжествомъ, бѣдностью, неправдою и непоряд-

комъ. Вѣдь, общество этого ждетъ отъ воспитанниковъ университетовъ, выдвигая ихъ впередъ изъ среды всѣхъ своихъ сыновъ.

Третье условіе правильной постановки преподаванія, также указанное уже выше, это — необходимость надзора и руководительства профессоровъ, что касается занятій студентовъ. Доказывать необходимость этого надзора и этого руководительства, конечно, нѣтъ основанія. Если-бы въ нихъ вовсе не было надобности, то не было-бы надобности и въ юридическихъ факультетахъ вообще. Надзоръ нуженъ для того, чтобы предотвращать напрасную трату силъ и времени со стороны учащихся, которые могутъ по незнанію и неопытности пойти по недостаточно прямому и вѣрному пути въ поискахъ нужнаго имъ знанія и умѣнья, а руководительство для того, чтобы дать имъ возможность скорѣе и легче достигнуть тѣхъ цѣлей, ради которыхъ они поступили въ университетъ, пополнить пробѣлы въ ихъ знаніяхъ и исправить ошибки.

Этотъ надзоръ и это руководительство не должны только превращаться въ школьную опеку, или принудительныя мѣры по отношенію къ учащимся. Основнымъ началомъ занятій учащихся должна оставаться самодѣятельность ихъ. Цѣлью профессоровъ не можетъ быть вдалбливаніе знаній. Помощь съ ихъ стороны можетъ приходить только въ случаѣ совершенной необходимости, въ особенности, когда сами учащіеся вопіютъ о ней, и принятіе или непринятіе ея должно быть, до извѣстной степени, предоставлено на волю послѣднихъ. Но, если есть настоятельная нужда въ помощи со стороны преподавателя, она должна быть оказана дѣйствительно, т. е., оказана тому, кто въ ней нуждается, въ тотъ моментъ, когда въ ней имѣется надобность, и въ той формѣ, въ какой она можетъ быть наиболѣе полезной. Она не должна быть только воображаемой, или чисто формальной. Необходимость над-

зора и руководительства по отношенію къ занятіямъ учащихся можетъ привести иногда къ указанію имъ тѣхъ или другихъ обязательныхъ требованій, но эти требованія должны быть настолько широки, что-бы не стѣснять духовной самостоятельности учащихся, а исполненіе ихъ не должно быть вынуждаемо внѣшними мѣрами.

Правильная система преподаванія не нуждается ни въ какихъ принудительныхъ мѣрахъ, которыя-бы внѣшне понуждали студентовъ къ занятіямъ. Если система преподаванія устраивается сообразно съ требованіями науки и интересами самихъ учащихся, понужденіе къ пользованію ею заключается уже въ полной цѣлесообразности ея. Внѣшне понудительныя мѣры могутъ только вредить естественному ходу учебныхъ занятій. Наука имѣетъ достаточно своихъ внутреннихъ притягательныхъ силъ для того, чтобы не нуждаться ни въ какой внѣшней охранѣ. Естественное стремленіе къ знанію сильнѣе всякихъ административно-притягательныхъ мѣръ. Если у слушателей нѣтъ никакого интереса къ наукѣ, или если преподаватель не умѣетъ пробуждать его въ слушателяхъ, никакое давленіе на послѣднихъ не поможетъ. Положительно безцѣльно развивать подобныя старыя истины. Насколько обязательность извѣстныхъ занятій возможна, настолько внѣшняя принудительность ихъ не допустима.

Надо-ли говорить, что всѣ эти требованія, болѣе или менѣе, нарушались при господствѣ лекціонной системы. Переложивъ весь трудъ годичныхъ занятій на профессоровъ, она въ дѣйствительности оставляла совершенно безъ помощи студентовъ въ тѣ минуты, когда эта послѣдняя была безусловно необходима для нихъ. Преподаватель растолковывалъ передъ молчащей аудиторіей съ каѳедры все, отъ доски до доски, своей науки, все, что и безъ того, быть можетъ, было вполнѣ понятно учащимся, даже вдалбливалъ, какъ-будто, все, что имъ надо знать, велъ ихъ мысль, такъ сказать, на

помочахъ, а въ ту минуту, когда у нихъ оказывался пробѣлъ, или ошибка въ знаніяхъ, когда ихъ силы оказывались недостаточны для того, чтобы преодолѣть затрудненіе, когда у нихъ не хватало времени для этого, онъ былъ далеко отъ нихъ... Онъ былъ совершенно не знакомъ съ индивидуальными затрудненіями отдѣльныхъ учащихся, не зналъ что и кому и когда нужно? Поэтому, помощь учащимся со стороны учащихъ являлась чисто внѣшней, чуть-ли не фиктивной. Раздѣленные ораторской трибуной, учащій и учащійся сводили личное знакомство лишь на экзаменѣ, слишкомъ поздно, когда никакой пользы извлечь изъ него болѣе нельзя было и оставалось, по необходимости, принять результаты годичнаго преподаванія, каковы-бы они ни оказались. Не имѣя въ себѣ достаточно данныхъ для привлеченія студентовъ къ свободнымъ занятіямъ наукой, лекціонная система прибѣгала къ внѣшне-принудительнымъ мѣрамъ, которыя выражались въ самыхъ разнообразныхъ формахъ давленія. Понятно, почему она вызывала такое противодѣйствіе со стороны учащихся, насаждая въ нихъ не любовь къ наукѣ, а нѣчто, подчасъ, совершенно иное. Вредъ, который наносится такимъ путемъ дѣлу народнаго просвѣщенія, врядъ-ли можетъ подлежать сомнѣнію. И остается только удивляться, какъ можно защищать подобный порядокъ вещей?

Не мѣшаетъ, однако, и здѣсь сдѣлать одну небольшую оговорку. Во времена своего перваго расцвѣта, въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, лекціонная система вовсе не находилась въ противорѣчіи съ только-что перечисленными требованіями. Въ маленькихъ аудиторіяхъ этого времени ораторское слово профессора не носило современнаго безличнаго характера. Оно постоянно превращалось въ живое слово, обращенное къ лицамъ извѣстнымъ, близкимъ, часто дорогимъ профессору, психическій міръ которыхъ былъ досту-

пенъ ему, предшествующая подготовка извѣстна, извѣстны и духовные запросы, и жизненныя стремленія. Лекція была скорѣе бесѣда, чѣмъ монологъ, была отвѣтомъ на вопросы, которые иногда молча, а очень часто и совершенно опредѣленно обращали ученики къ своему учителю. При этихъ условіяхъ лекціонная система не нуждалась въ особыхъ принудительныхъ мѣрахъ къ тому, чтобы студенты пользовались ею. Изысканіе и примѣненіе подобныхъ мѣръ началось съ того времени, когда она стала терять свое историческое значеніе, превращая аудиторныя занятія въ нѣкое священнодѣйствіе, совершающееся въ весьма торжественныхъ формахъ, но лишенное внутренняго, жизненнаго значенія. Въ прошломъ существовалъ и надзоръ со стороны профессора, нерѣдко любовный надзоръ, за духовнымъ развитіемъ немногихъ довѣренныхъ ему юношей и руководительство, великое руководительство учителя, преданнаго чистому служенію наукѣ, учениками, проникнутыми тѣми-же самыми идеальными стремленіями. Всего этого нечего искать въ современныхъ аудиторіяхъ, гдѣ многоголовая безличная толпа молча тѣснится передъ каѳедрой, съ которой по необходимости должно постоянно раздаваться слово, отвѣчающее не на тотъ вопросъ, который несутъ въ своемъ сердцѣ слушатели, а на тотъ, который звучитъ въ самомъ преподавателѣ. Живое слово, которымъ было чтеніе лекцій въ прошломъ, должно нерѣдко превращаться, приэтомъ, въ слово, ничего не говорящее тѣмъ, къ которымъ оно обращается, въ слово чуждое имъ, непонятное... Для того, чтобы снова сдѣлать живымъ дѣломъ, какъ все вообще преподаваніе права, такъ и чтеніе лекцій въ особенности, необходимо принять во вниманіе особыя, неизвѣстныя прошлому условія нашей современности вообще и университетской въ частности.

Въ виду всего сказаннаго, становится понятнымъ, отчего очень многія лица жалуются теперь на отчужденіе, наблюдае-

мое между студентами и профессорами. Глубокой грустью проникнуты, напр., слѣдующія слова проф. Гр. Ѳ. Симоненко: «Какъ ни тяжело, но надо сознаться, что при теперешней системѣ преподаванія, мы, профессора, почти не знаемъ университетской молодежи, и она насъ слишкомъ мало знаетъ. При такъ называемой академической системѣ слушанія студентами лекцій, читаемыхъ съ университетскихъ каѳедръ, въ большинствѣ случаевъ почти не можетъ быть того живаго, непрерывнаго общенія между учащими и учащимися, той нравственной и умственной связи, при которыхъ только и возможно серьезное, сердечное воздѣйствіе профессоровъ на студентовъ». «Такого обмѣна мыслей во время самого чтенія не только не бываетъ, но онъ даже прямо не допускается университетскими правилами, которыя гласятъ, что въ лекціонные часы «строго» воспрещается прерывать профессора просьбами о разъясненіи какихъ-либо недоразумѣній, возбуждаемыхъ профессорскимъ курсомъ. Это дозволяется дѣлать лишь послѣ окончанія лекціи, въ промежутокъ времени, отдѣляющій одну лекцію отъ другой. Но всякія разъясненія въ такое короткое время неудобны уже потому, что имъ спѣшатъ воспользоваться и профессора, и студенты, хотя для нѣкотораго отдыха».

Академикъ И. И. Янжулъ, съ своей стороны, подтверждаетъ то-же самое явленіе: «Профессора раздъединены и чувствуютъ себя въ университетѣ лишь случайными гостями. Нѣтъ и прежняго безкорыстнаго служенія наукѣ, хотя матеріальное положеніе профессоровъ несравненно лучше (разумѣется, юристовъ). Не можетъ быть и рѣчи о благотворномъ воздѣйствіи на студентовъ. Между профессорами и студентами слишкомъ мало точекъ соприкосновенія».

Тѣ-же самыя мысли высказываетъ и г. Нисселовичъ: «Не имѣя знакомыхъ и связей въ университетскомъ городѣ, студентъ, съ перваго шага, какъ-бы отрѣзанъ отъ общества,

такъ что ему приходится искать поддержки исключительно сотоварищей-студентовъ. Въ концѣ концовъ, каждый студентъ вынужденъ примкнуть къ извѣстному кружку изъ четырехъ, пяти человѣкъ, кружку однородному, съ одинаковымъ образомъ мыслей, одинаковымъ міросозерцаніемъ его членовъ. Благо еще, если они могутъ найти поддержку въ лицѣ наставниковъ-профессоровъ. Но излишне повторять общеизвѣстный фактъ, что связь между профессорами и студентами въ университетахъ самая шаткая. Рѣдко кто изъ профессоровъ знаетъ одного, другаго студента по фамиліи, а подчасъ даже въ лицо. Да иначе и быть не можетъ. Студенты сходятся съ профессорами только во время лекцій. Если даже предполагать, что студенты будутъ усердно посѣщать лекціи, то и тогда врядъ-ли можно ожидать тѣсныхъ отношеній между профессорами-наставниками и студентами-воспитанниками.

«Для устраненія недовольства между студентами и вытекающихъ отсюда печальныхъ явленій, необходимо сближеніе студентовъ съ профессорами и между собою и, наконецъ, сближеніе съ обществомъ. Практика с.-петербургскаго университета осязательно доказываетъ, какъ успѣшно дѣйствовали въ этомъ направленіи нѣкоторые профессора въ концѣ 80-хъ годовъ, устраивавшіе бесѣды между студентами подъ личнымъ ихъ руководствомъ и по предметамъ, ими-же указываемымъ. Очевидно поэтому, что въ этомъ дѣлѣ починъ принадлежитъ исключительно профессорамъ, которымъ для достиженія намѣченной цѣли необходимо, прежде всего, измѣнить самый способъ чтенія лекцій».

Это разъединеніе со студентами лишаетъ профессоровъ возможности оказывать на своихъ слушателей то научное и нравственное вліяніе, которое, несомнѣнно, по праву принадлежитъ имъ, которое не могутъ не имѣть болѣе знающія, опытныя и благожелательныя лица по отношенію къ младшимъ по-

колѣніямъ. Конечно, университетъ не можетъ преслѣдовать чисто воспитательныя задачи. Но желательно, чтобы между лицами, которыя группируются вокругъ него, существовали тѣ нравственныя связи, безъ которыхъ не можетъ преуспѣвать ни одно общежитіе, не можетъ развиваться ни одно общее дѣло. А эти связи не могутъ нигдѣ лучше образоваться, какъ за общей работой, имѣющей въ виду высокія цѣли просвѣщенія и самоусовершенствованія. Новая система преподаванія именно и ставитъ учащихъ и учащихся въ эту близость. Школа призвана оставлять на духовной сторонѣ учащагося глубокій слѣдъ, который не исчезалъ-бы всю жизнь, нравственный отпечатокъ, который возвышалъ-бы ея питомца надъ общимъ уровнемъ жизни. Все это, несомнѣнно, будетъ достигаемо въ большей степени, чѣмъ теперь, когда профессора и студенты тѣснѣе сплотятся вокругъ научныхъ и образовательныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ ихъ дорогой alma mater.

«При отсутствіи возможности», читаемъ мы у проф. Г. Ѳ. Симоненко, «вынести изъ стѣнъ университета способность мыслить самостоятельно, не можетъ быть прочныхъ убѣжденій; а безъ нихъ не можетъ воспитываться и стойкій характеръ, рѣшимость не отступать въ жизни отъ тѣхъ идеаловъ правды и добра, которые должны слагаться у каждаго подъ вліяніемъ университетской среды». При замѣнѣ «существующей формы преподаванія болѣе цѣлесообразною, несомнѣнно, лекціи въ состояніи будутъ оказывать необычайно большое вліяніе на выработку общественныхъ идеаловъ у молодыхъ людей, и на желаніе служить имъ въ жизни, ибо степень правильности идеаловъ каждаго и удопримѣнимости ихъ къ жизни будетъ провѣряться всѣми товарищами, въ живой аудиторіальной бесѣдѣ подъ руководствомъ профессора». Только при этихъ условіяхъ профессора могутъ быть дѣйствитель-

ными руководителями учащихся въ тотъ критическій періодъ жизни, когда ставится такъ много великихъ вопросовъ и имѣется такъ мало данныхъ опыта и знанія для ихъ правильнаго разрѣшенія. Руководительство учащейся молодежью должно принадлежать не инспекціи, которая способна поддерживать только внѣшній порядокъ въ университетѣ, а русскимъ профессорамъ и ученымъ.

Наконецъ, послѣднее требованіе правильной постановки преподаванія состоитъ въ томъ, чтобы она, не упуская изъ виду ни одного изъ указанныхъ выше условій, считалась также какъ съ разнообразіемъ задачъ, которыя ставятся современному юридическому образованію (двѣ основныя: дать знанія и дать умѣнья), такъ и съ различіями въ силахъ и способностяхъ различныхъ учащихъ и учащихся и съ особенностями различныхъ наукъ. Система преподаванія права должна, поэтому, состоять не въ томъ, чтобы исключительно, систематически пользоваться однимъ какимъ-либо пріемомъ преподаванія, а въ томъ, чтобы объединить въ одномъ планѣ всѣ возможные, полезные въ разныхъ отношеніяхъ пріемы. То, что можетъ быть полезно въ одномъ отношеніи или случаѣ, то можетъ быть безполезно и даже вредно въ другихъ. Только такимъ путемъ возможно поставить преподаваніе права въ уровень съ великими требованіями нашего времени и въ согласіе съ условіями современныхъ университетовъ. Надо воспользоваться всѣми возможными данными для того, чтобы снова сдѣлать преподаваніе — живымъ и жизнь дающимъ дѣломъ.

Мы знаемъ уже, что занятія правомъ допускаютъ весьма разнообразную постановку. Могутъ быть разные пріемы передачи знаній учащимся. Приэтомъ, примѣненіе нѣкоторыхъ видовъ ихъ можетъ быть, несомнѣнно, сдѣлано обязательнымъ не только для учащихся, но иногда и для самихъ учащихъ, преподавателей того, или другаго предмета. Врядъ-ли, напр.,

можно было бы освободить учащихся отъ чтенія книгъ, письменныхъ работъ, изученія сборниковъ законовъ и пр., и пр. Но въ основаніи факультетской системы занятій должны лежать не подробно разработанныя программы различныхъ занятій, а болѣе или менѣе свободное пользованіе каждымъ преподавателемъ и каждымъ студентомъ разными пріемами обученія и ученья. Въ особенности, конечно, должна быть оберегаема свобода самихъ преподавателей. Нѣкоторыя общія обязательныя требованія могутъ быть устанавливаемы соотвѣтствующими учеными коллегіями, факультетами, совѣтами или совѣщаніями спеціалистовъ, но подробная разработка постановки преподаванія по извѣстному предмету должна быть безусловно предоставлена лицу, ведущему это преподаваніе. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о выработкѣ правильной системы преподаванія права никакъ не можетъ быть разрѣшенъ путемъ принудительнаго насажденія тѣхъ, или иныхъ пріемовъ преподаванія, что вполнѣ показалъ опытъ принудительнаго примѣненія лекціонной системы при дѣйствіи устава 1884 г.

На разсмотрѣніи отдѣльныхъ пріемовъ преподаванія мы не будемъ уже останавливаться здѣсь. Скажу лишь, что выдвигаемые нынѣ рядомъ съ чтеніемъ лекцій пріемы отнюдь не являются, какъ думаютъ нѣкоторые, сочиненными, или придуманными какими-нибудь отдѣльными зловредными лицами. Ихъ выработалъ, въ концѣ концовъ, опытъ всѣхъ преподавателей права, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Если отдѣльныя лица и сдѣлали что-нибудь, то лишь болѣе опредѣленно выразивъ тѣ мысли, которыя обращались давно уже среди свѣдущихъ лицъ, давши цѣльное выраженіе разрозненнымъ наблюденіямъ, давно уже накоплявшимся въ профессорской средѣ. Поэтому то такъ быстро и съ такою охотой многія изъ этихъ мыслей и были проведены въ жизнь. И никакими рѣзкими нападками и болѣе или менѣе удач-

ными насмѣшками не остановить эту работу коллективной мысли профессоровъ-юристовъ, сознательно поставившихъ себѣ опредѣленную задачу.

Нечего и говорить о томъ, насколько далека была отъ удовлетворенія и этого, послѣдняго требованія лекціонная система недавняго прошлаго, для всѣхъ и для всего указывавшая одинъ обязательный путь ученья и преподаванія—монологи профессоровъ. Исключительное примѣненіе лекціоннаго метода имѣло значеніе только до тѣхъ поръ, пока профессора, скорѣе воспитатели, чѣмъ преподаватели, преслѣдовали все одну цѣль: пробудить въ своихъ слушаніяхъ интересъ къ серьезному мышленію, передавъ имъ извѣстное, очень несложное юридическое міросозерцаніе, въ то доброе старое время, когда ни наука, ни жизнь не знали современной разносторонней, напряженной и планомѣрной дѣятельности. Патріархальная простота исчезла всюду, исчезла и изъ университетскихъ аудиторій. Въ этихъ аудиторіяхъ учащіеся должны найти достаточную подготовку для ожидающей ихъ за стѣнами школы суровой дѣйствительности. Изъ нихъ должны они выйти во всеоружіи въ великую битву жизни. Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій, надѣемся, наша точка зрѣнія достаточно выяснена.

Не повторяя уже всего, что было сказано выше о значеніи отдѣльныхъ пріемовъ преподаванія права, сдѣлаемъ краткій обзоръ того, что можно было-бы осуществить теперь-же для поднятія учебнаго дѣла. Главное, конечно, вовсе не во внѣшнихъ пріемахъ преподаванія, какъ вообразили себѣ нѣкоторые критики, а въ тѣхъ основныхъ началахъ, которыми оно должно быть проникнуто. Объ этихъ началахъ уже достаточно говорилось. Но извѣстный интересъ представляютъ, конечно, и отдѣльные пріемы преподаванія. Ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: теоретическія, главная задача которыхъ—дать учащимся знаніе, и практическія —

умѣнье. Тѣ и другіе представляютъ большое разнообразіе. Во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя изгнать изъ высшей школы книгу, письмо и живое слово только потому, что ихъ употребляютъ не только въ средней, но и въ низшей школѣ, и оставить въ удѣлъ университету одно — чтеніе лекцій. Съ этимъ никто изъ лицъ, не вовсе ослѣпленныхъ доктринерствомъ, не согласится.

Главную роль въ учебныхъ занятіяхъ студентовъ призвано играть, несомнѣнно, самостоятельное чтеніе ими ученыхъ сочиненій. О правильной постановкѣ его должно особенно позаботиться. Прежде всего, было-бы весьма желательнымъ, чтобы каждый начинающій преподаватель, которому поручается обязательный предметъ, представлялъ факультету для утвержденія въ печатномъ видѣ текстъ, который будетъ служить основаніемъ для изученія студентами данной науки. Руководство можетъ быть своимъ или чужимъ, но слѣдуетъ рѣшить разъ на всегда, что для учебныхъ занятій можетъ быть пригодно только то изложеніе предмета, которое получило извѣстную научную обработку; подобная-же обработка можетъ быть дана, конечно, только на письмѣ. Само собой разумѣется, что невозможно предъявлять подобное требованіе къ тѣмъ лицамъ, которыя давно уже и успѣшно преподаютъ. Только такимъ образомъ можно устранить изъ университетской аудиторіи рыночные конспекты и издаваемыя студентами литографированныя лекціи. Надо ли удивляться современному невѣжеству молодыхъ юристовъ, если ихъ знакомство съ предметами часто ограничивается изученіемъ къ экзамену подобныхъ произведеній.

Засимъ необходимо, чтобы студенты, которые не должны, конечно, ограничивать свое знакомство со всѣми науками изученіемъ учебниковъ, были поставлены въ возможность легко получать въ руки каждую необходимую для нихъ книгу именно въ тотъ моментъ, когда она ихъ интересуетъ. Поэтому

устройство обширныхъ удобно приспособленныхъ и снабженныхъ достаточнымъ количествомъ изданій кабинетовъ для студентовъ совершенно необходимо, какъ-бы ни старались нѣкоторыя лица высмѣять идею учебно-вспомогательныхъ установленій при юридическихъ факультетахъ.

Далѣе, рядомъ съ чтеніемъ книгъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ факультетскомъ преподаваніи призваны играть письменныя упражненія учащихся, которыя должны постоянно занимать ихъ и касаться всѣхъ предметовъ факультета. Каждый учащійся долженъ получить въ кабинетѣ всѣ необходимыя удобства для своихъ письменныхъ работъ. Образцомъ можетъ служить хотя-бы то, что даетъ каждому занимающемуся Британскій Музей. Безъ письменнаго стола и полки для книгъ для каждаго студента въ юридическомъ кабинетѣ письменныя занятія учащихся никогда не будутъ поставлены на должную высоту. Какъ это ни трудно осуществимо, но рано или поздно это осуществится, если только наши факультеты будутъ идти впередъ.

Рядомъ съ печатнымъ и письменнымъ словомъ однимъ изъ основныхъ пріемовъ должно остаться, конечно, и устное, причемъ какъ бесѣда, такъ и ораторская рѣчь въ ихъ разныхъ видахъ, а не только чтеніе лекцій. Число часовъ, назначаемыхъ на чтеніе лекцій, должно быть, конечно, значительно сокращено по сравненію съ существующимъ. Если для чтенія лекцій, какъ одного изъ главныхъ видовъ академическаго слова, и, пожалуй, для диспутовъ достаточно современное оборудованіе аудиторій съ одной каѳедрой и рядомъ скамей передъ нею, то для собесѣдованія скорѣе годилось-бы то устройство, которое мы видимъ въ ученыхъ обществахъ, гдѣ вокругъ одного стола собираются участники общей бесѣды. Надо имѣть въ виду, что для успѣшнаго веденія собесѣдованія нужна извѣстная организація совокупной работы всѣхъ участниковъ, наличность, хотя-бы, руко-

водителя, докладчика и лица, записывающаго основныя положенія бесѣды.

Что касается спеціально практическихъ занятій, то они могутъ представлять собой большое разнообразіе и для правильной постановки ихъ требуютъ различныхъ приспособленій для различныхъ предметовъ. Особенно это относится къ тѣмъ практическимъ занятіямъ, которымъ нами дано названіе прикладныхъ. Правильная постановка практическихъ занятій нужна вовсе не для развитія въ учащихся профессіональной сноровки, какъ ошибочно вообразилъ себѣ г. Петражицкій, но для того, чтобы факультетское преподаваніе давало не только знанія, но и умѣнья и имѣло, вообще, возможно болѣе дѣйствительный характеръ. Достаточнаго оборудованія юридическихъ факультетовъ въ этомъ отношеніи можно ожидать, конечно, только отъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Поэтому г. Петражицкій былъ совершенно правъ, когда остроумно догадался, что я предлагаю широкое развитіе соотвѣтствующихъ установленій, не посовѣщавшись предварительно съ министерствомъ финансовъ. Подобныя совѣщанія для настоящей минуты, увы, преждевременны. Далѣе для правильной постановки практическихъ занятій прикладнаго характера преподаватели должны нерѣдко нуждаться въ просвѣщенномъ содѣйствіи представителей другихъ вѣдомствъ: судебнаго, административнаго и т. д. На это содѣйствіе можно будетъ разсчитывать только въ такомъ случаѣ, если эти лица, признавая полную необходимость поднять уровень университетской подготовки молодыхъ юристовъ, согласятся примириться съ разными неудобствами, которыя могутъ проистекать для нихъ изъ посѣщенія студентами правительственныхъ, общественныхъ и другихъ учрежденій и ознакомленія на дѣлѣ съ ихъ строемъ и дѣятельностью.

Наконецъ, слѣдуетъ принять мѣры и для поднятія

уровня экзаменаціонныхъ требованій. И теперь, собственно, студентъ, въ общемъ, не протестуетъ противъ повышенія къ нему требованій на экзаменѣ, если онъ видитъ, что передъ нимъ профессоръ — дѣйствительный, настоящій ученый, и если студенту даются средства для удовлетворенія предъявляемыхъ къ нему требованій. Вышеприведенныя заявленія проф. Петражицкаго объ экзаменной конкуренціи профессоровъ должны показаться неожиданными для многихъ. При условіи-же вполнѣ цѣлесообразной постановки преподаванія, съ одной стороны, вопросъ о постановкѣ экзаменовъ много потеряетъ въ своемъ значеніи, а съ другой—возможно, конечно, постепенно значительно повысить уровень экзаменныхъ требованій. Желательно свести до минимума число лицъ, которыя, говоря словами проф. Грибовскаго, «не проходятъ, а проскакиваютъ на экзаменахъ, сохраняя о нихъ на послѣдующую жизнь анекдотическія воспоминанія». И это также должно быть нашею цѣлью.

Если-бы русскіе учителя права склонились, приэтомъ, къ принятію системы предметныхъ экзаменовъ, вмѣсто современныхъ курсовыхъ и окончательныхъ, то это, можно надѣяться, привело-бы и къ предметному преподаванію наукъ факультета. Это имѣло-бы многія благія послѣдствія. Подобной реформы, однако, также врядъ-ли можно ждать отъ ближайшаго будущаго. Въ настоящую минуту можно было-бы, какъ указано выше, только перейти отъ растягиванія преподаванія каждаго, даже самаго небольшаго по объему, предмета на цѣлый годъ, къ преподаванію по полугодіямъ, испробованному въ нѣмецкихъ университетахъ. И это было-бы шагомъ впередъ по сравненію съ современной неудачной постановкой дѣла. Таковы основанія сложной системы преподаванія, которая имѣетъ всѣ данныя для того, чвобы замѣнить собою лекціонную.

Лекціонная система имѣла, несомнѣнно, большія за-

слуги въ прошломъ. Она мила сердцу образованнаго человѣка, какъ мило все то, что относится къ прошлой духовной жизни человѣчества. Мы вполнѣ понимаемъ увлеченіе ею, особенно со стороны лицъ, которыя преподавали во время ея принудительнаго господства, большая часть академической дѣятельности которыхъ прошла подъ дѣйствіемъ «новаго» устава 1884 г. Даже въ настоящее время она вовсе не является безусловно безполезной. Она полезна постольку, поскольку полезенъ лекціонный методъ. Но отвергать на этомъ основаніи новую систему преподаванія не все-ли равно, по вѣрному замѣчанію проф. Симоненко, что отвергать значеніе желѣзныхъ дорогъ на томъ основаніи, что и шоссейныя приносили и даже приносятъ пользу. Дѣйствительно, и чисто лекціонное преподаваніе можетъ быть полезно, но оно не достигаетъ всѣхъ задачъ, достиженіе которыхъ должны были-бы обезпечить факультетскія занятія. И это давно уже сознано многими лицами, не только у насъ, но и на Западѣ.

Первая попытка поставить на обсужденіе вопросъ о болѣе цѣлесообразной постановкѣ преподаванія права восходитъ у насъ, въ Россіи къ серединѣ пятидесятыхъ годовъ. Развитію правильныхъ идей помѣшалъ, однако, уставъ 1884 г., затормозившій вообще нашу академическую жизнь. Этотъ уставъ, какъ извѣстно, всячески насаждалъ лекціонную систему. Нынѣ вопросъ снова возродился и, можно надѣяться, болѣе уже не замретъ, хотя-бы потому, что движеніе въ пользу расширенія преподаванія права у насъ тѣсно примыкаетъ нынѣ къ наблюдаемому на Западѣ, а между большинствомъ преподавателей права замѣчается, довольно неожиданно для нѣкоторыхъ, большое согласіе въ основныхъ взглядахъ на вопросъ.

Движеніе противъ лекціонной системы есть также движеніе молодой жизни къ освобожденію отъ рамокъ, которыя она переросла. Оно вызвано разными измѣнившимися условіями

нашего времени. Оно замѣчается во всемъ мірѣ, всюду, гдѣ жизнь не упадаетъ, а поднимается. Новая система преподаванія отвѣчаетъ новымъ общественнымъ условіямъ у всѣхъ образованныхъ народовъ. И, чѣмъ болѣе убѣждаемся мы въ этомъ, тѣмъ болѣе сожалѣемъ о нетерпимости, съ которою отнеслись къ ней нѣкоторыя лица. Мы исходимъ, конечно, изъ предположенія, что наши противники вдохновлялись приэтомъ лишь самыми возвышенными побужденіями и искреннѣйшимъ желаніемъ послужить духовному подъему русскаго народа. И если, вслѣдъ г. Грибовскому, всѣхъ противниковъ практическихъ занятій можно соединить въ двѣ группы: старовѣры и доктринеры, то наше сочувствіе будетъ, конечно, на сторонѣ первыхъ, которые опираются въ своихъ разсужденіяхъ, по крайней мѣрѣ, на славное прошлое, а не вторыхъ, которые возстаютъ противъ правильной постановки преподаванія права во имя совершенно невѣрныхъ ученій, въ родѣ столь неосновательно притязательной «психологической теоріи права», смѣшавшей понятіе права съ понятіемъ правосознанія.

Ни «американскими посягательствами», ни происками «профессоровъ-замѣстителей», ни скрытыми «политическими и даже полицейскими цѣлями» не объяснить общаго интереса къ вопросу о болѣе широкой и научной постановкѣ преподаванія права. Не поддержать лекціонную систему пустымъ завѣреніемъ, что она имѣетъ «какое-то значеніе» (!) безъ всякаго объясненія, въ чемъ оно состоитъ, и приглашеніемъ изслѣдовать это «какое-то значеніе» по методамъ статистики(!!). Анекдоты изъ воспоминаній отдѣльныхъ профессоровъ, указаніе на вознагражденіе, получаемое нѣмецкими профессорами за «чтеніе лекцій», также не помогутъ. Не лишить «преувеличенными нападками» сторонниковъ новой постановки дѣла права обсуждать недостатки существующихъ отношеній и предлагать возможныя улучшенія въ нихъ. И

ничѣмъ не отвратить учащихся отъ правильно поставленныхъ учебныхъ занятій, не отвратить даже страхомъ «инквизиціи» и «заточенія въ музеи и институты» съ легкимъ упоминаніемъ и «о поркѣ дѣтей» и т. п. Для того, чтобы съиграть роль въ дѣлѣ учебныхъ преобразованій, надо прибѣгать къ другимъ средствамъ, говорить другимъ языкомъ... Пущенные-же въ ходъ нѣкоторыми противниками новой системы пріемы—опасное и ничего недостигающее оружіе.

Если слѣдовать примѣру проф. Петражицкаго, говоритъ проф. Симоненко, «и начать преклеивать ярлыки съ злостными эпитетами ко всякому мнѣнію, котораго мы не раздѣляемъ, заподозрѣвая въ авторахъ его самыя дурныя побужденія и привычки, то и къ страстной защитѣ устарѣлой системы преподаванія можно легко привѣсить такой-же ярлыкъ съ выраженіемъ подозрѣнія, не хотятъ-ли сохраненіемъ ея господа преподаватели освободить себя отъ всякаго побужденія подновлять свои знанія, которыя никѣмъ не провѣряются послѣ сдачи магистерскаго экзамена и защиты послѣдней диссертаціи на ученую степень. При новой системѣ преподаванія придется усердно слѣдить за всей новѣйшей литературой по предмету, чтобы не быть сконфуженными ссылками своихъ слушателей на какое-либо новое, неизвѣстное преподавателю изслѣдованіе».

Рѣзко отрицательное положеніе, которое заняли нѣкоторые по отношенію къ сложной системѣ преподаванія, кажется нерѣдко тѣмъ болѣе страннымъ, что наши критики широко пользовались идеями, выдвинутыми, какъ основанія для реформы преподаванія права, что они постоянно признавали, видимо противъ воли, пользу многаго, предлагавшагося сторонниками реформы, хотя и очень рѣдко сознавались въ этомъ, и что критика ихъ направлялась почти исключительно на нѣкоторыя второстепенныя и третьестепенныя подробности новой системы, какъ будто эта послѣдняя

ничего болѣе въ себѣ не заключала! Вѣдь, отъ того только, что извѣстныя идеи, выдвинутыя сторонниками новой системы, съ бо́льшимъ или меньшимъ удареніемъ, были повторяемы отъ своего собственнаго имени нѣкоторыми противниками ихъ, все-же, остается несомнѣннымъ, что идея самостоятельныхъ, чуждыхъ внѣшняго принужденія широко поставленныхъ занятій студентовъ и со студентами была выдвинута на обсужденіе извѣстными лицами и никѣмъ другимъ. Идея практическихъ занятій — также. Предметнаго изученія наукъ и предметныхъ экзаменовъ — также. Подъема уровня университетскихъ руководствъ—также. Развитія учебно-вспомогательныхъ установленій—также и пр., и пр.

Новая система преподаванія предъявляетъ новыя требованія къ профессорамъ и возлагаетъ на нихъ бо́льшія тяготы по сравненію съ системой лекціонной, но у нашихъ учителей права есть достаточно данныхъ для того, чтобы преодолѣть ихъ: есть и таланты, и обширная образованность, и способность къ труду, и любовь къ молодежи.. Залогъ дальнѣйшаго успѣха современныхъ скромныхъ начинаній мы видимъ въ томъ, что совершается уже теперь, на нашихъ глазахъ. Не только среди молодаго поколѣнія русскихъ учителей права, но и среди факультетскихъ сеньоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые сами вводили въ дѣйствіе и проводили на практикѣ уставъ 1884 г., насаждали его соотвѣтствующими мѣрами въ качествѣ декановъ факультетовъ и пр., чувствуется новый приливъ вѣры въ учебное дѣло подъ вліяніемъ общаго подъема жизни въ университетѣ.

Новая система значительно поднимаетъ и нравственный, и научный авторитетъ университетскихъ преподаватетей. «При теперешнемъ способѣ преподаванія», говоритъ проф. Симоненко, «особенно когда профессоръ не излагаетъ лекцій изустно, а читаетъ ихъ, почти не отрываясь отъ своей тетрадки, у слушателей всегда можетъ оставаться сомнѣніе,

не почерпнулъ-ли профессоръ сооообщаемыя имъ съ кафедры свѣдѣнія изъ какого-нибудь неизвѣстнаго имъ руководства, или монографіи и въ состояніи-ли еще онъ изложить складно и послѣдовательно тѣ знанія, устной передачи которыхъ онъ будетъ требовать отъ нихъ на экзаменѣ?» При новой системѣ преподаванія профессоръ постоянно обнаруживаетъ передъ слушателями всѣ дѣйствительныя богатства своего знанія и своихъ дорованій. Вышеуказаннымъ недостойнымъ сомнѣніямъ не можетъ быть мѣста. Тетрадка, таинственно вытягиваемая передъ лекціей изъ боковаго кармана преподавателя, не можетъ болѣе служитъ предметомъ насмѣшекъ со стороны учащихся.

Особенно знаменательно то сочувствіе, которое полезныя нововведенія встрѣчаютъ со стороны студентовъ. Аудиторіи послѣднихъ лѣтъ положительно выше предшествующихъ. Молодымъ воодушевленіемъ пахнуло на сонное царство лекціонной системы. Въ рукахъ у студентовъ появились книги. Послѣ многолѣтняго молчанія въ аудиторіяхъ снова послышались воодушевленные голоса учащихся. Появились работы, исполненныя не для формы, написанныя съ извѣстной долей научной самостоятельности, интересныя и для самихъ преподавателей Кто оцѣнитъ всѣ благія послѣдствія той близости въ стремленіи къ общимъ идеальнымъ цѣлямъ, которая устанавливается, такимъ образомъ, между ученикомъ и учителемъ?

Вообще все, что есть жизнеспособнаго въ нашемъ государствѣ, не можетъ не привѣтствовать начавшагося возрожденія академической жизни въ Россіи. Изъ всѣхъ государственныхъ мѣропріятій мѣры, клонящіяся къ подъему духовнаго уровня страны, повторяю, наиболѣе согласны съ общимъ благомъ всѣхъ сословій, народностей, занятій, службъ и пр., и пр. Духовная мощь Россіи страшна только ея непримиримымъ врагамъ,— какими-бы громкими словами они ни прикрывали своихъ

настоящихъ намѣреній. Такихъ личностей, конечно, нѣтъ среди тѣхъ, кому страна передала духовное руководительство цвѣтомъ своей молодежи, русскимъ студенчествомъ. Разумной общей цѣлью гражданъ великаго государства можетъ быть только дружная работа всѣхъ надъ улучшеніемъ, во всѣхъ частяхъ и отношеніяхъ, нашего громаднаго общежитія, нашего общаго дома.

Отъ лекціонной системы на практикѣ теперь уцѣлѣлъ только—лекціонный методъ, извѣстнаго значенія котораго никто не отрицалъ и который призванъ занимать выдающееся мѣсто въ сложной, или научной системѣ преподаванія права. Его мы готовы всячески защищать, защищали и будемъ защищать. Къ сожалѣнію, какъ мы уже знаемъ, сторонники лекціонной системы совершенно не уяснили себѣ, что лекціонная система—одно, а лекціонный методъ—другое и что можно отвергать первую и признавать второй. Вѣроятно, малое знакомство съ вопросомъ объясняетъ разныя недомыслія, въ которыя нѣкоторые изъ нихъ впали. Вмѣсто того, чтобы защищать, во что-бы то ни стало, отжившее установленіе, было-бы гораздо полезнѣе взять изъ прошлаго только то, что все еще имѣетъ извѣстное значеніе, присоединиться къ тому, что представляетъ собой нѣчто цѣнное и убѣдительное въ предложеніяхъ, дѣлавшихся съ цѣлью обновить традиціонную постановку дѣла, и дать, такимъ образомъ, реформѣ направленіе, согласное съ потребностями высшаго образованія въ Россіи. Вѣдь, предложенія реформировать преподаваніе слышались съ разныхъ сторонъ и часто изъ очень свѣдущихъ круговъ, содержали въ себѣ немало цѣнныхъ наблюденій и соображеній, вдохновлялись однимъ желаніемъ —послужить Россіи, а между взглядами отдѣльныхъ лицъ вовсе не было непримиримаго противорѣчія... Во всякомъ случаѣ, большая несправедливость состояла въ томъ, что всѣхъ сторонниковъ обновленія факультетскихъ занятій смѣ-

шивали въ одну кучу, дѣлая нѣкоторыхъ изъ нихъ отвѣтственными не только за чужія предложенія, но и за чужой образъ дѣйствія.

Итакъ, повторяю, наши профессора юристы не убоялись ввести «систему сдобренную практическими занятіями», систему сложную. Побѣда осталась, несомнѣнно, за идеями возрожденія и обновленія преподавательскаго дѣла. Мы не можемъ не отмѣтить этого, вопреки предостереженію г. Петражицкаго: не радоваться успѣху «перваго шага». Для настоящаго момента совершенно вѣрны слѣдующія слова проф. Есипова. Разсмотрѣвъ положеніе дѣла въ Германіи, онъ говоритъ: «Но, вѣдь, и мы-же въ дѣлѣ постановки юридическихъ наукъ—ученики Германіи; и мы все это отъ нихъ переняли, а кое-что и сами создали; и у насъ всѣ эти виды практическихъ занятій въ большей или меньшей степени существуютъ, но только или безъ такихъ громкихъ названій, или съ наименованіями болѣе скромными».

Для настоящаго момента сдѣлано даже, въ общемъ, гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать. За этимъ порывомъ впередъ, несомнѣнно, послѣдуетъ нѣкоторое попятное движеніе. Въ виду этого надо продолжать работать надъ выясненіемъ задачъ, преслѣдованіе которыхъ лежитъ на юридическихъ факультетахъ, и средствъ, при помощи которыхъ онѣ могутъ быть достигаемы всего лучше. Дѣло сторонниковъ широкой и научной постановки преподаванія продолжать поддерживать развитіе дорогихъ для нихъ идей. Если юридическіе факультеты перестанутъ двигаться впередъ по тому пути подъема своего учебнаго дѣла, на который они теперь вступили, вопросъ о томъ «быть или не быть юридическимъ факультетамъ» не перестанетъ подниматься и надо ясно отдавать себѣ отчетъ въ опасностяхъ, которыя могутъ родиться отсюда. Преподаваніе должно быть такъ поставлено, чтобы польза отъ него была очевидна и чтобы не было никакого

основанія искать гдѣ-нибудь помимо университета юридическаго образованія и образованныхъ юристовъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить увѣренность, что намъ не поставятъ въ вину нерѣдко столь обширныхъ ссылокъ на труды разныхъ лицъ, которыя пришлось допустить лишь въ силу совершенной необходимости — другаго пути не было. Пришлось воспользоваться всѣмъ тѣмъ правомъ, который даетъ въ этомъ отношеніи нашъ законъ, столь стѣснительный и неопредѣленный, жалѣя только объ одномъ, что надо ограничиться составленіемъ сборника мнѣній, а не сборника статей.—Только такимъ образомъ можно было возстановить въ ея настоящемъ видѣ кампанію 1901 г. за и противъ обновленія традиціоннаго лекціоннаго преподаванія новыми пріемами и избѣжать обвиненія въ неполной передачѣ тѣхъ, или другихъ мнѣній. Мы уже знаемъ теперь, какія возраженія приходится иногда выслушивать.

Только объединивъ все существенное изъ того, что говорилось въ печати въ 1901 г., можно бороться противъ широко распространившагося мнѣнія, будто лица, писавшія о реформѣ преподаванія, предлагаютъ превратить юридическія аудиторіи въ канцеляріи суда и учить студентовъ не наукѣ, а писанію исходящихъ и входящихъ бумагъ, и другимъ столь-же полезнымъ знаніямъ. Возстать противъ подобныхъ толкованій надо было не столько для того, чтобы снять напраслину съ русскихъ ученыхъ, уже полстолѣтія работающихъ надъ введеніемъ въ преподаваніе права новыхъ идей, сколько для того, чтобы «невѣжественные и непризванные критики» не помѣшали своими необычайно дружными усиліями торжеству этихъ идей.

Тѣ лица, которыя желали-бы чтобы ихъ мнѣнія по вопросу канули въ Лету, будутъ, конечно, въ претензіи за то, что мы изобразили ихъ здѣсь въ возможной полнотѣ. Но что-же было дѣлать? Кто можетъ лишить пи-

сателя права защищать свою любимую идею противъ «преувеличенныхъ нападокъ» и искаженій всѣми тѣми средствами, которыя даетъ печатное слово и русскій законъ? Во всякомъ случаѣ, ради обезпеченія крупнаго общественнаго интереса можно иногда пожертвовать кое-чѣмъ.

Наконецъ, только такимъ образомъ можно спасти отъ забвенія для общаго дѣла многія интересныя и важныя мнѣнія, подвести итогъ литературному плебесциту 1901 г. и дать новый ударъ плечомъ развитію вопроса, отъ правильнаго рѣшенія котораго зависитъ такъ много. Getrennt marschieren, vereint schlagen! Если намъ удалось, по крайней мѣрѣ, пошатнуть господство неподвижной рутины, указавъ на возможность ввести въ преподаваніе практическія занятія и нѣкоторые другіе пріемы и этимъ поддержать вѣру въ лучшее образовательное будущее юридическихъ факультетовъ и стремленіе къ достиженію этого будущаго, то цѣль наша достигнута и мы сочтемъ себя сторицею вознагражденными за усилія и пр., которыя вызвало составленіе этой книги.

Къ счастью, у насъ оказалось нѣсколько свободнаго времени для того, чтобы собрать статьи 1901 г., извлечь изъ нихъ основныя мысли, систематизировать ихъ, сопоставить между собою, объяснить, объединить толкованіями и вступительными и заключительными разсужденіями, словомъ представить, возможно полно, картину обсужденіе вопроса въ нашей печати. Цѣлое, которое получилось такимъ образомъ, вполнѣ оправдало кропотливый трудъ, который пришлось положить на него. Да послужитъ-же эта книга дѣлу обновленія дорогаго намъ юридическаго образованія въ Россіи! Пусть явится нашъ сборникъ памятникомъ благородныхъ и безкорыстныхъ усилій столь многихъ лицъ, — начиная отъ профессора и кончая студентомъ, — внести новыя данныя жизни, силы и развитія въ факультетское учебное дѣло!

Пусть покажетъ онъ также, что между мнѣніями отдѣльныхъ лицъ вовсе нѣтъ такого рѣзкаго различія по данному вопросу, которое, повидимому хотѣли, во что-бы то ни стало, подчеркнуть нѣкоторые, и что лица, дѣйствительно преданныя интересамъ русскаго народнаго просвѣщенія, всегда могутъ прійти къ взаимному пониманію и соглашенію.

Исправленіе ошибокъ, нарушающихъ смыслъ.

Напечатано:					*Слѣдуетъ читать:*
11 стран.	17 стрк.	сверху	Нислаевичъ . . .		Нисселовичъ
46 »	10 »	снизу	можетъ		можетъ быть
112 »	2 »	сверху	. Выставляя . . .		, выставляя
159 »	1 »	снизу	XLVII		XVIII
169 »	2 »	»	ея		его
179 »	3 »	»	цѣнно		цѣнное
219 »	12 »	сверху	библіотекахъ . .		семинарскихъ библіотекахъ
224 »	5 »	снизу	куклы, ...		куклы

ОГЛАВЛЕНІЕ.